НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

КУБИНСКИЙ КРИЗИС
ХРОНИКА ПОДВОДНОЙ ВОЙНЫ

ПИТЕР
ХУХТХАУЗЕН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Осенью 1962 г. Соединенные Штаты и Советский Союз подошли как никогда близко к глобальной ядерной войне.

Для силовой поддержки потока советских торговых судов, доставлявших на Кубу советский военный персонал, вооружение и боевую технику, ВМФ СССР отправляет в Карибское море четыре дизельные подводные лодки. На каждой лодке, помимо обычного штатного вооружения, имеется по две торпеды с ядерной БЧ. Когда лодки оказываются вблизи Кубы, за ними начинают охоту противолодочные силы Атлантического флота США.

Книга Питера Хухтхаузена повествует о событиях второй половины 1962 г. — о пике Карибского ракетного кризиса. На автора, который тогда был младшим офицером на одном из американских эсминцев, эти события оказали такое влияние, что позднее, когда он стал военно-морским атташе США в Москве, он взялся за их серьезное изучение. П. Хухтхаузен провел большую исследовательскую работу, лично беседовал с бывшими советскими подводниками, а также собирал воспоминания американских моряков, очевидцев тех событий.

Кроме того, два с лишним десятка страниц посвящено работе военных разведчиков — американских в Москве, а советских — в Вашингтоне.

- Питер А. Хухтхаузен
  - От автора
  - Предисловие доя российского читателя
  - Вступление
  - Пролог
  - Часть I
    - Операция «Анадырь»
    - Эскадренный миноносец ВМС США «Блэнди»
    - Искусство противолодочной борьбы
    - Операция «Кама»: убытие
    - Октябрьское безумие
  - Часть II
  - Часть III
    - 24 октября 1962 г.
    - Исходный ориентир — в Атлантике
    - Авианосец «Рэндольф» находит «Б-59» Савицкого
    - ЭМ ВМС США «Сесил» против «Б-36» Дубивко
    - ЭМ ВМС США «Блэнди» против «Б-130» Шумкова

- Часть IV
  - Советские: каждый сам за себя
  - Кетов ускользает на «Б-4»
- Часть V
  - Возвращение домой, на Кольский полуостров
  - Прощание в Ньюпорте
- Библиография
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Питер А. Хухтхаузен
Кубинский кризис
Хроника подводной войны

От автора

Эта книга не смогла бы быть написана без любезной помощи со стороны российских офицеров четырех дизель-электрических подводных лодок «641-го проекта», действия которых в Атлантике являлись частью советских усилий осенью 1962 года по развертыванию стратегических ракет на Кубе и защите островного государства от удара со стороны вооруженных сил США. Я остаюсь в долгу перед всеми теми людьми, которые не пожалели своего времени и помогли наполнить конкретными воспоминаниями книгу. Эта история в особенности важна для людей сегодняшней России, чтобы они, возможно, впервые смогли реально осознать все факты, которые сопутствовали тем напряженным неделям октября 1962 года, и понять, как те события воспринимались американской стороной, чтобы расширить информацию, которая уже была им известна из материалов, публиковавшихся в советской печати. Большая часть этой информации не была доступна до последнего времени, что не давало возможности понять, как близки мы были к ядерной войне.

Мы должны быть благодарны за то, что удалось избежать атомного холокоста — этого ужасного события, которое могло бы произойти, доблестным командирам и личному составу вооруженных сил обеих сторон, державшим палец на спусковом крючке, и тем зрелым руководителям, которые стояли во главе их.

Питер А. Хухтхаузен

Предисловие доя российского читателя

Период «холодной войны», продолжавшийся без малого полвека (с 1945 по 1991 год), был отмечен многими драматическими событиями, когда вооруженные силы Советского Союза и Соединенных Штатов балансировали на грани реальной войны. Кубинский кризис 1962 года, или, как его иногда называют, карибский, был одним из таких событий.

В 1962 году Советское правительство, реально оценивая соотношение сил в мире и понимая недостаточную защищенность страны от возможного ракетно-ядерного нападения со стороны Соединенных Штатов и их союзников по НАТО, приняло решение разместить на Кубе — с согласия кубинского правительства — свои ракеты малой и средней дальности, чтобы иметь определенный ракетно-ядерный противовес тем силам Соединенных Штатов, которые могли бы быть задействованы для нанесения удара по территории Советского Союза.

Надо отметить, что в тот период Соединенные Штаты имели значительный перевес над Советским Союзом по числу ядерных боеголовок и их носителей (стратегические баллистические ракеты морского и наземного базирования, стратегические бомбардировщики, а также развернутые вблизи границ СССР, в Турции и Италии, ракеты ближнего радиуса действия).

Планируя операцию по переброске на Кубу ракетных частей и частей общего назначения для защиты Кубы от грозившего ей американского вторжения, советское командование включило в состав сил, подлежащих переброске, отряд боевых кораблей, в том числе четыре дизель-электрические подводные лодки «проекта 641», которые должны были скрытно совершить переход из базы на Кольском полуострове к месту нового базирования.

Книга «Кубинский кризис. Хроника подводной войны» является переводом книги американского писателя Питера А. Хухтхаузена «Октябрьское безумие», в прошлом офицера военно-морской разведки, изданной в США в 2002 году, к 40-й годовщине карибского кризиса. Она посвящена в основном описанию этого перехода в разгар кризиса, в условиях противодействия практически всего Атлантического флота США. Также в книге на примерах действий некоторых американских кораблей, участвовавших в операциях против советских подводных лодок, дается представление об организации и методах боевого использования американских противолодочных сил на Атлантике

в период «холодной войны».

Для придания большей правдоподобности описываемым эпизодам материал в книге излагается в форме дневника, в котором рассказывается об отдельных событиях октября 1962 года.

П. Хухтхаузен — офицер ВМС США в отставке, во время кубинского кризиса служил на эсминце, принимавшем участие в поиске и преследовании одной из советских подводных лодок, и был свидетелем ее вынужденного всплытия. Будучи участником тех событий и лично переживший весь драматизм обстановки, когда от малейшего неосмотрительного действия любого из участников мог разгореться пожар ядерной войны, Питер Хухтхаузен, прежде чем написать книгу, провел большую исследовательскую работу по сбору и анализу имевшихся архивных материалов и проинтервьюировал. многих из оставшихся еще в живых участников тех событий как с американской, так и с советской стороны.

В США книга «Октябрьское безумие» была встречена с большим интересом, и прежде всего людьми, интересующимися событиями периода «холодной войны», все еще остающимися в памяти многих, и в первую очередь тех, которых эти события непосредственно коснулись или которые, были их участниками. Особенно взбудоражила американскую общественность содержащаяся в книге информация о том, что советские подводные лодки, против которых действовали американские корабли, имели на борту торпеды с ядерными боеголовками и командиры подводных лодок могли применить их, в случае крайней необходимости против американцев.

Значимость этой информации можно реально оценить, представив лишь на мгновение, какой шок испытало американское общество в октябре 1962 года, услышав сообщение президента Кеннеди о наличии на Кубе советских ракет с ядерными боевыми частям, когда американцы вдруг реально почувствовали свою уязвимость. Это чувство реальной опасности, которое не существовало до 1962 года, затем в течение многих лет довлело над Соединенными Штатами, и все, что связано с этими событиями, по сей день представляет живой интерес для американской общественности.

Героизм, самоотверженность, верность служебному долгу, которые советские подводники продемонстрировали в сложных условиях плавания в Атлантике поздней осенью 1962 года, когда выполнению поставленной командованием задачи препятствовали превосходящие в десятки раз силы военно-морского флота США, в свое время находили отражение на

страницах советской и позже российской печати. Наиболее полно факты, касающиеся кубинского кризиса 1962 года и, в частности, операции «Анадырь», были изложены во всеобъемлющем труде, выполненном коллективом авторов — членов Межрегиональной ассоциации воинов-интернационалистов и опубликованном в 1998 году в Москве под названием «У края ядерной бездны». Отдельные эпизоды о подготовке перехода, самом переходе и трудностях, с которыми столкнулись советские моряки в ходе выполнения поставленной задачи, рассказывались в материалах, опубликованных в разное время такими авторами, как Н. Черкашин, В. Шигин, А. Мозговой и др.

Все эти материалы были использованы П. Хухтхаузеном при написании им книги «Октябрьское безумие».

Российскому читателю будет интересно узнать, с одной стороны, как автор, опираясь на данные российских источников, пытается убедить американское общество в том, что кубинский кризис был вызван не стремлением создать благоприятные для себя условия защиты собственной территории. С другой стороны, российский читатель получит представление, что испытывали американцы в период резко возросшей военной опасности, как они действовали и так ли хорошо были подготовлены американские моряки, наши вероятные противники, в тот период к выполнению стоявших перед ними задач.

Безусловно, некоторые оценки происходивших событий, поведение и действия советских моряков даны автором в манере, характерной для американской пропаганды того времени и его мировоззрения. Это будет бросаться в глаза при чтении книги, но не может снизить в целом благожелательную и положительную характеристику, данную автором действиям экипажей советских подводных лодок в той критической ситуации, в которой они оказались.

Капитан 1 ранга Вторыгин Л. А.
кандидат военных наук

Вступление

Действия и маневры советских и американских кораблей и подводных лодок, о которых рассказано на страницах книги, были воссозданы на основе интервью и бесед с членами экипажей с обеих сторон. По документальным отчетам ВМС США о противолодочных операциях за октябрь и ноябрь 1962 г. автор подправил даты, последовательность и места действий, о которых по памяти рассказывали источники. Диалоги заимствованы без изменений из рассказов людей — участников тех событий. С американской стороны в действительности в каждой стычке участвовало большее количество кораблей и самолетов, чем упомянуто в книге, однако три эсминца, о чьих действиях говорится в деталях, были именно теми кораблями, которые сыграли основную роль в принуждении советских подводных лодок к всплытию.

Я глубоко благодарен капитану первого ранга российского ВМФ в отставке Льву Вторыгину, моему близкому другу на протяжении вот уже более четырнадцати лет, за его настойчивость и рвение в поиске участников событий с советской стороны и записи их воспоминаний. Его сотрудничество явилось ключевым для дополнения этого повествования точными воспоминаниями обеих сторон. Я признателен российским офицерам за их превосходные воспоминания; я также признателен морякам с трех эсминцев: Гэри Слотеру с ЭМ ВМС США «Кони», Чарльзу Розиеру, Джону Хантеру, Джиму Джордану и остальным с ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил», и моим многочисленным сослуживцам и друзьям по ЭМ ВМС США «Блэнди» за их неоценимый вклад. Я особо благодарен госпоже Грейс Келли, помогшей столь многим бывшим морякам «Блэнди» вновь зажечь огонек души и командного стиля нашего любимого командира, покойного Эдварда Г.Келли.

Пролог

Куда пойду от Духа
Твоего, и от лица
Твоего куда убегу?
Взойду ли на небо —
Ты там; сойду ли в
преисподнюю — и там Ты.
Возьму ли крылья зари
и переселюсь на край
моря, — и там рука
Твоя поведет меня, и
держит меня десница
Твоя.

Псалом 138: 7-10

Осенью 1962 г. Соединенные Штаты и Советский Союз подошли как никогда близко к глобальной ядерной войне. Противостояние началось после того, как советский премьер Никита Сергеевич Хрущев попался на факте секретной поставки баллистических ракет с ядерными боеголовками Кубе Ф. Кастро. Не так широко известно, что проба сил с Советским Союзом чуть не привела к обмену тактическими ядерными ударами на море между надводными кораблями и подводными лодками противоборствующих флотов, и по рассказам участников событий с обеих сторон мы знаем теперь, что пальба на море едва не началась. Именно на воспоминаниях людей, державших в свое время палец на спусковом крючке, и основано данное исследование.

О серьезности столкновения впервые стало известно в 1992 г., когда были рассекречены отдельные части тщательно оберегаемых папок ЦК КПСС. Хотя многие документы КГБ и Министерства обороны СССР стали доступны для исследователей вскоре после распада СССР в декабре 1991 г., папки ЦК хранились отдельно и охранялись как политический секрет. С отдельных документов из этих папок Правительством РФ выборочно снимался гриф секретности.

В папках ЦК, обнародованных в январе 1992 г., говорилось, Политбюро ЦК КПСС дало генералу И. Плиеву, советскому военному командующему на Кубе в 1962 г., полномочия на применение тактического ядерного оружия против американских кораблей и сил десанта без предварительной санкции Москвы.

Достоянием общественности в 1992 г. стала телеграмма министра обороны СССР Р.Я. Малиновского генералу Плиеву, отправленная в начале октября 1962 г. в Гавану, выдержка из которой приводится:

> «Только в случае высадки десанта противника на остров Куба и при сосредоточении кораблей противника вблизи побережья Кубы, в ее территориальных водах… и при невозможности получения приказов от Министерства обороны СССР, вам персонально разрешается, в порядке исключения, принимать решение на применение тактических ракет „Луна“ как средства локального поражения неприятеля на земле и на побережье с целью полного сокрушительного разгрома войск на территории Кубы и защиты кубинской революции»[1].

Генерал А. Грибков, руководивший в 1962 г. оперативным планированием в Генеральном штабе ВС СССР, заявил в январе 1992 г. в Гаване на встрече, организованной Ф. Кастро и посвященной годовщине кубинского кризиса, что советские силы на Кубе, наряду с ракетами среднего радиуса действия «SS-4», также имели на вооружении ракеты «Луна» (по классификации НАТО — «Фрог») с ядерными боеголовками. Дальность пуска этих ракет составляла двадцать пять миль, а боеголовка имела мощность сто килотонн. Впоследствии из советских источников стало известно, что четыре подводные лодки (ПЛ), посланные в качестве передового отряда для постоянного базирования на Кубу в рамках операции «Кама» (являвшейся морской составляющей операции «Анадырь», которая, в свою очередь, была кодовым названием общего плана по размещению на Кубе стратегических вооружений), имели на вооружении торпеды с ядерной боевой частью тактической мощности и получили санкцию на их применение в случае неминуемой атаки со стороны кораблей ВМС США.

Кубинский ракетный кризис и его исход представляют классический пример успешного использования дипломатии, поддержанной превосходящей морской мощью. ВМФ СССР действовал в незнакомых водах незначительными силами и без авиационной поддержки. Более выгодные обстоятельства для действий на море, в которых оказались США, поставили Хрущева перед выбором между боевыми действиями с неминуемым поражением или же выводом ракет и серьезным дипломатическим провалом. Поворот советского лидера на 180 градусов привел впоследствии к его политическому фиаско и

вынужденной отставке.

Конфронтация стала поворотным моментом для советского флота и инициировала возобновление наступательной программы строительства морских вооружений, продолжавшейся вплоть до распада СССР в 1991 г. К тому времени СССР имел статус державы с самым крупным по численности и вторым по мощности военно-морским флотом мира.

Историки и специалисты по управлению и контролю глубоко исследовали кубинский ракетный кризис и продолжают публиковать новые анализы. Несколько доживших до нашего времени старших должностных лиц из трех стран, занимавших в свое время ответственные посты и отвечавшие за принятие решений, встречались за «круглым столом» в Гаване и Москве и совместно анализировали прошлое в тридцатую годовщину кубинских событий, которая отмечалась в 1992 г. Новые данные, обнародованные в ходе этих встреч, подтвердили, что тогдашняя ситуация была гораздо ближе к обмену ядерными ударами, чем считали руководители США или СССР. Эскалация в обмене ядерными ударами могла привести к смертельному ущербу для Соединенных Штатов, однако она бы привела и к ужасающему поражению Советов. Последствия кризиса оказали сильнейшее влияние как на последующую советскую военную политику в целом, так и на программу строительства военного флота.

Перед кубинским кризисом советский ВМФ имел в своем составе двадцать пять крейсеров, чуть меньше сотни эсминцев и большое количество малых боевых судов. В составе флота были также три сотни дизельных подводных лодок, более половины из которых были ударными лодками дальнего действия, то есть тогдашний советский ВМФ имел большее количество ударных дизельных лодок, чем было в фашистской Германии в самый разгар действий ее флота во Второй мировой войне.

До 1962 г., однако, советские морские силы редко разворачивались вдали от своих вод. В те времена американцы не имели устоявшегося мнения о качественных характеристиках советского флота и лишь в 1995 г. узнали, что советские подводные лодки («Проект 641»), задействованные во время карибского кризиса, — все дизельные, дальнего действия, названные на Западе лодками класса «Фокстрот», — получили на вооружение в бухте Сайда торпеды с ядерной БЧ.

Кубинская конфронтация послужила сценой драмы, на которой ВМС США впервые со времен Второй мировой войны серьезно взглянули в глаза настоящему морскому сопернику, который, будучи все еще легковесом, был способен нанести серьезный удар. До того времени советский ВМФ ограничивал

свои действия поддержкой громадной советской сухопутной армии в Европе и Азии, но Советы долгие годы мечтали стать морской державой…

Одним из таких мечтателей был Сергей Георгиевич Горшков. Как и Петр Великий, известный как отец русского флота, адмирал флота и дважды Герой Советского Союза Горшков, безусловно, был отцом современного советского флота. Горшков поступил на флот в семнадцатилетнем возрасте, в тридцать один год стал адмиралом и прослужил двадцать семь лет Главкомом флота, пробыв на этом посту дольше и пережив большее количество значительных перемен, чем любой другой советский военно-морской лидер. Его быстрый рост в адмиралы связан, главным образом, с его блестящей деятельностью как военно-морского командира во время того, что русские называют Великой Отечественной войной (Вторая мировая война). Он закончил войну одним из немногих флотских героев-командиров во многом благодаря своей деятельности во время кампании в Одессе, на Черном море, и как командующий Дунайской речной флотилией. Из войны советский флот вышел почти невредимым, но небольшим; командовал им популярный адмирал Кузнецов Н.Г.

В октябре 1955 г., через два года после того, как Н.С. Хрущев стал Первым секретарем Коммунистической партии, в севастопольской бухте взорвался и затонул флагман советского Черноморского флота линкор «Новороссийск», имевший водоизмещение 24 000 тонн; вместе с ним погибли 608 моряков. («Новороссийск» был итальянским линкором «Юлий Цезарь», переданным СССР в 1949 г. по военным репарациям.) В результате официального расследования причин гибели линкора — в России по сей день нет единой точки зрения по этому вопросу — Хрущев быстро снял с должности и разжаловал ГК ВМФ Кузнецова, возвысил до Главнокомандующего флота героя войны Горшкова и неожиданно свернул сталинскую программу послевоенного строительства флота. Хрущев распорядился избавиться от большинства крупных надводных кораблей и прекратить их дальнейшее строительство. Как говорил Хрущев, не моряк:

> «Надводные корабли ВМФ годятся только для перевозки глав государств во время официальных визитов; они пережили свое время. Они хороши — только как платформы под ракеты. На сегодняшний день мы отправили практически все крейсера на слом».

Хрущев на полпути остановил наступательную программу

строительства тяжелых крейсеров. Он переориентировал морское мышление на оборонительную стратегию, обслуживающую крупные подводные силы, и надводный флот, ограниченный в своих действиях обороной побережья на флангах мощной сухопутной армии. Хрущев, при поддержке своего первого военного начальника, маршала Жукова, прославленного командующего сухопутными войсками во Второй мировой войне, стремился сократить расходы на новое военное строительство, сохраняя при этом гигантские сухопутные силы. Были резко сокращены расходы на строительство новых кораблей. В результате таких действий численность личного состава советского военно-морского флота к 1957 г. составляла менее 500 тыс. человек; было законсервировано более 350 кораблей. Сокращение флота сопровождалось спорами о целесообразности иметь обычный надводный флот, основу которого составляли бы крейсера. Программа строительства крупных ударных дизельных лодок была также сокращена и замедлена в пользу строительства ядерных и ракетных лодок, имевших современные возможности.

Новый флотский начальник, Горшков, возглавил трансформацию оборонительного советского флота в мощный ВМФ ядерной эры. Следуя афоризму Хрущева, он избавлялся от устаревших линкоров и старых крейсеров; он остановил программу строительства новых крейсеров, вооруженных только артиллерийскими орудиями, пустив на слом много недостроенных корабельных корпусов прямо на верфях.

Горшков проводил политику, провозглашенную на звучном жаргоне ЦК КПСС и призывавшую к революции в военном деле, и стал преобразовывать обычный флот в наступательную ракетно-ядерную силу дальнего действия. Однако трансформация начиналась медленно и была чревата трудностями. В последовавшей четвертьвековой советской военно-морской экспансии пример «Новороссийска» с ужасающими людскими потерями будет преследовать советский ВМФ, который в гонке за право стать крупнейшим в мире флотом ввел в свой состав беспрецедентное количество подводных лодок и современных более легких надводных кораблей с ракетным вооружением. Массовый переход на применение ядерной энергии привел к многочисленным серьезным происшествиям на головных лодках разных классов. Первая атомная подводная лодка «К-3» загорелась, при этом погибло тридцать девять человек; на «К-19», первой подводной лодке с ядерной энергетической установкой (ЯЭУ), было столько аварий с человеческими жертвами, что ее окрестили «Хиросимой».

Удивительно, но факт: в 1962 году в Ленинграде, в разгар

кубинского кризиса, когда советский ВМФ спешно подыскивал подходящие военные корабли для прикрытия торговых судов при переходе на Кубу, переменчивый Хрущев попрекал адмирала Горшкова:

— В качестве сопровождения нам нужны корабли, способные действовать автономно на большом удалении, — кричал разгневанный Хрущев. — Почему у вас нет ни одного такого корабля?

— Но, товарищ Хрущев, — отвечал Горшков, — вы же приказали их уничтожить.

— Я такого не приказывал, — парировал Первый секретарь.

Хрущев отрицал не только факт отдачи им приказа об уничтожении всех крупных надводных боевых кораблей, но и то, что он знал о гибели «Новороссийска» или о снятии с должности адмирала Кузнецова.

Такова была обстановка в 1962 г., когда Советский Союз начал свою секретную операцию «Анадырь».

Часть I
Свободная Куба

Операция «Анадырь»

В начале 1962 г. Первый секретарь Коммунистической партии и Премьер Советского Союза Н.С. Хрущев в рамках рискованного плана под названием «Анадырь» дал плавный ход операции по развертыванию баллистических ракет, средних бомбардировщиков и мотострелкового полка на Кубе. Морская часть плана предусматривала секретную переброску семи подводных лодок, вооруженных баллистическими ракетами, в Мариэль, глубоководный порт в двадцати пяти милях к западу от Гаваны; этот порт должен был стать их постоянным пунктом базирования. Морской план, имевший кодовое наименование «Кама», вступал в действие 1 октября 1962 г. и начинался выходом в море четырех ударных дизельных подводных лодок дальнего действия, задача которых заключалась в совершении скрытного перехода из бухты Сайда (Северный флот, СФ) в Мариэль. Этот переход рассматривался как разведывательно-подготовительное мероприятие для последующего перехода семи подводных лодок с баллистическими ракетами и кораблей поддержки.

Перед вами подлинная история, в основу которой положены полученные из первых рук воспоминания советских подводников, участвовавших в упомянутом переходе, и рассказы моряков американских эсминцев, которые этому переходу противодействовали.

Июль 1962 г. Москва

Седьмого июля на секретном совещании в Кремле собрались все старшие военные начальники, ответственные за планирование и выполнение операции «Анадырь». Количество присутствующих ограничивалось ключевыми фигурами операции, так, от флота был только адмирал флота С.Г. Горшков, ГК ВМФ. Сидевший за полированным столом в изысканно отделанном Георгиевском зале раскрасневшийся Н. Хрущев лично призвал военачальников и специалистов по Кубе из МИД и КГБ обеспечить скрытность операции и потребовал начинать как можно скорее.

10 июля командующий советскими силами на Кубе генерал И. Плиев со штабом убыли из Москвы в Гавану тремя транспортными самолетами «Ту-114». предназначенными для перевозки высокопоставленных пассажиров. Старшие офицеры переоделись в гражданскую одежду и были замаскированы под

инженеров, специалистов по сельскому хозяйству или техников по ирригации и осушению, следующих на Кубу в рамках обширной программы гуманитарной помощи.

В середине июля сухогруз «Мария Ульянова» спокойно снялся со швартовых и вышел из Мурманска в порт Кабаньяс, намереваясь прибыть туда 26 июля. Он был первым судном из общего числа тех восьмидесяти пяти транспортных и грузовых судов, которым предстояло покинуть порты, разбросанные по всему Советскому Союзу, и направиться с военными грузами на Кубу. Операция «Анадырь» началась.

Как и предполагал советский Генеральный штаб, американцы не проявили особого интереса к первым судам, совершавшим переход. Массированные переброски морским путем осуществлялись под маркой всесторонней программы гуманитарной и экономической помощи Кубе.

Август 1962 г. Москва

Ранним утром черная «Волга»-седан неслась на высокой скорости навстречу ослепляющему утреннему солнцу по все еще пустынному Кутузовскому проспекту Москвы. Машина проскочила мимо напоминающего своим видом безобразный шрам незавершенного мемориала победы советского народа над фашизмом, площадка под который была отведена еще в 1950 г. Единственный пассажир машины был рассеянно равнодушен как к памятнику, так и к обстоятельствам, взявшим его в оборот с такой быстротой, которая была под стать его броску к центру Москвы, уже различимому в пелене ранней дымки, поднимающейся вверх прохладным утром позднего лета.

Контр-адмирал Леонид Филиппович Рыбалко занимал переднее пассажирское кресло — обычай старших офицеров, от которых ожидали проявления социалистического равенства. Такая практика сохранилась даже после недавних хрущевских послаблений, но она обычно исчезала, как только должностное лицо пересаживалось в более вместительный и более комфортный лимузин «Чайка» или «ЗИЛ».

Адмирал, командующий Четвертой орденов Красного Знамени и Ушакова эскадрой подводных лодок, издали наблюдал за приближающимся силуэтом красных стен Кремля; машина тем временем, не снижая скорости, проскочила начало Арбата, на котором обозначились первые признаки жизни в лице ранних утренних торговцев, распаковывающих свои нехитрые товары. Скоро здесь будет полно покупателей, снующих муравьями в

поисках чего-нибудь ценного. Сделав резкий поворот направо на улицу Янышева, «Волга» проехала мимо воинской охраны, стоявшей перед зданием Министерства обороны, и остановилась на дополнительной стоянке. Рыбалко вынырнул из машины и, не оборачиваясь, приказал водителю, еще не заглушившему двигатель: «Ждите здесь». Холодный ветер заставил Рыбалко полностью облачиться в шинель и застегнуть верхние пуговицы. Он перешел улицу, направляясь к большому белому зданию, и крупными шагами преодолел сводчатый переход, встроенный в здание и напоминавший картинку, видную с обратного конца телескопа. У главного входа стояло несколько солдат караула в черных кожаных сапогах и с белыми поясными ремнями, что придавало им вид розовощеких детишек, чересчур рано повзрослевших и втиснутых в военную форму. Адмирал воспользовался главным входом в министерство, а не боковой дверью, через которую обычно проходили старшие чины оперативного отдела и сотрудники разведки, работавшие на оживленном командном пункте. Он ходил через эту дверь последние два года, однако сейчас он являлся высокопоставленным чиновником, официально прибывшим к министру обороны за новым назначением.

Рыбалко козырнул отдавшим ему честь часовым у главного входа и стал подниматься по лестнице, перешагивая зараз две ступеньки, показывая тем самым, что и в сорок три года он сохранил энергию своей молодости. Он живо шагнул в вычурный коридор, украшенный гигантскими картинами, выполненными в духе социалистического реализма; картины бесцеремонно взывали со стен ко всем проходящим, напоминая им о советской победе над нацизмом — единственном положительном результате за более чем четыре десятилетия коммунизма, мрачно подумал Рыбалко. На вошедшего накатывался буквально вал аляповатых изображений героев Великой Отечественной войны — Жукова, Рокоссовского, Богданова, Горшкова и других, — смотревших со стен вниз, словно херувимы, на то, как он шагает по коридору к массивной двери, за которой скрывался похожий на пещеру кабинет министра.

Рыбалко помедлил, восстанавливая дыхание, потом без стука толкнул тяжелую дверь. Как и требовал обычай, министр встретил его в дверях, когда часы на каминной доске отбивали точно назначенное время.

— Здравия желаю, товарищ маршал! — произнес адмирал, широко улыбаясь. Это было воинским приветствием, с которым младшие по званию обращались к старшим.

— Леня, — сказал министр, называя адмирала фамильярно

уменьшительным именем и протягивая руку. Рукопожатие мужчин было крепким и дружеским.

— Рад вас видеть, Родион Яковлевич, — адмирал, соответственно, обратился к маршалу по имени и отчеству. Родион Яковлевич Малиновский, дважды Герой Советского Союза, командовавший в свое время знаменитым Шестым корпусом Красной Армии, который во время Великой Отечественной войны действовал на Южном фронте, пережил вместе с Рыбалко много невзгод. Маршал положил руку на плечо адмирала и, похлопывая, проводил его к креслу. Он начал вспоминать их приключения в годы послевоенных сталинских чисток и то, как их умные политические маневры помогли всегда быть на один шаг впереди стукачей и выжить. Совместные усилия в закулисной политике закрепили позиции адмирала у Малиновского.

Рыбалко подождал, когда маршал сядет первым. Он вспомнил, что маршал — выходец из татарской глубинки под Казанью; он был русским по происхождению, однако его коренастая фигура и крупные черты лица, на котором выделялись глаза, жесткие, как кремень, и высокие щеки придавали ему немного дикий и восточный вид.

— Леонид, мы посылаем тебя на очередную авантюру, на этот раз в район, который ты хорошо знаешь. — Маршал глянул куда-то позади Рыбалко и пророкотал «Принесите чаю!» облаченному в белое дежурному, который замер у двери.

— Полковник, оставьте нас, — маршал махнул своему порученцу, широкоплечему гиганту с черными петлицами и золотыми эмблемами танкиста на зеленой армейской гимнастерке. Порученец вежливо кивнул и тихо удалился, двигаясь — при его габаритах — удивительно живо.

Маршал смотрел на Рыбалко и видел перед собой красивого офицера, способного к языкам и бегло говорящего на испанском, который он изучал в московском Военно-политическом институте. Рыбалко всегда был на несколько шагов впереди других, обладал блестящим умом аналитика, ровными манерами поведения и большим обаянием, что моментально делало этого высокого и широкоплечего человека хозяином любой ситуации.

— Как Лида? Уже свыклась с мыслью, что опять придется уезжать и неизвестно когда возвращаться? — Маршал рассматривал Рыбалко, отыскивая видимые признаки возраста. Их было немного, и адмирал сохранял бодрость и мальчишеский вид. По своему опыту маршал знал, что офицер обладает невероятной способностью выполнить с блеском любую боевую задачу. В свое время подводная лодка под командованием Рыбалко торпедировала два фашистских судна с живой силой,

предназначенной для усиления немецких войск во время блокады Ленинграда в 1943 г., ослабив тем самым давление на окруженные советские войска, пытавшиеся прорвать блокадное кольцо. Рыбалко всегда был там, где в нем больше всего нуждались; его части, казалось, никогда не страдали от обычных отказов техники, поразивших большую часть сил крошечного Балтийского флота военного времени, который в большинстве случаев не мог нанести особого урона немецкому флоту.

Вмешательство Первого секретаря партии Н.С. Хрущева во флотскую программу послевоенного строительства кораблей привело к тревожной нехватке надводных боевых кораблей основных классов в советском ВМФ. И теперь, в связи с возможной жесткой конфронтацией, вырисовывающейся в Карибском море из-за Кубы, флот был не в состоянии выделить два боеготовых крейсера для сопровождения бригады ударных дизельных подводных лодок дальнего действия, готовящихся выйти в поход из Полярного. Давно ожидаемые подводные лодки с ЯЭУ, которые адмирал флота Горшков обещал ввести в боевой состав флота к началу 60-х годов, проваливали одно за другим испытания на техническую готовность и теперь томились на судоремонтных верфях в Северодвинске, проходя доработку в связи с неоднократными неполадками в реакторе. Офицеров, подготовленных в ядерной области, не хватало ни для того, чтобы безопасно вывести новые лодки в море, ни для продолжения чересчур оптимистичной программы строительства подводных лодок, которой ЦК партии озадачил ВМФ и Министерство судостроительной промышленности. Судостроительные заводы получили жесткие указания заранее накапливать материалы для ускоренного пятилетнего плана строительства, что было попыткой адекватного ответа на усиливающуюся угрозу со стороны американских ядерных подводных лодок; обученных экипажей для ядерных лодок остро не хватало.

Тот год выдался неудачным для базировавшихся в Полярном подводных лодок Северного флота. 27 января 1961 г. пропала дизельная ударная лодка «С-80» («Проект 613», по классификации НАТО — класс «Виски») вместе с экипажем в 68 человек. (Впоследствии ее обнаружили на дне Баренцева моря; в результате ошибки экипажа на ней была не закрыта шахта устройства работы дизеля под водой (РДП). В июле 1969 г. ее подняли и отправили на утилизацию. Все продукты на борту лодки были съедены, однако аварийный запас кислорода сохранился. Весь экипаж лодки погиб из-за отравления угарным газом.)

Потом настала очередь «К-19» («Проект 658», по

классификации НАТО — класс «Хотел»), первой лодки с ЯЭУ, вооруженной стратегическими ракетами, также базировавшейся в Полярном. В июле, во время первых учений с ракетными стрельбами, на ней произошла поломка реактора. Лодка была объявлена ответом Советского Союза на американские лодки с ракетами «Поларис»; советское телевидение показало кинокадры якобы запуска баллистических ракет с лодки, находящейся в подводном положении, дав тем самым понять, что лодка обладает одинаковыми возможностями с американскими ПЛ типа «Джордж Вашингтон». Но фильм оказался тонкой фальшивкой. Рыбалко обалдел, посмотрев его. «К-19», как он знал, могла производить пуски ракет только из надводного положения. Флотский отдел пропаганды ГлавПура замолчал тот факт, что у советской и американской лодок разные возможности. На самом деле пуск новой ракеты прошел плохо. После нескольких ложных предстартовых отсчетов времени ракета в конце концов поднялась в воздух, однако сошла с курса и самоликвидировалась, не пролетев и половины максимальной дальности. Этот факт также всячески замалчивался, а политволшебники вмонтировали в телевизионный фильм полет абсолютно другой ракеты, принадлежавшей Ракетным войскам стратегического назначения (РВСН) и запущенной с пусковой установки на испытательном полигоне на Новой Земле. Руководство в Москве даже не знало, что пуск ракеты с подводной лодки оказался неудачным.

После этого ситуация с лодкой не улучшилась. Когда «К-19» возвращалась из северной Атлантики в родной порт, на одном из ее реакторов мощностью 70 мегаватт, имевшем замкнутый водяной цикл охлаждения, произошла разгерметизация первого контура охлаждения. Эта неисправность не могла быть устранена, поскольку на борту не было дублирующей системы. Лодка беспомощно болталась посреди океана, а ее топливные урановые элементы перегревались, грозя неминуемой катастрофой 128 членам экипажа.

Отчаявшись, инженеры лодки смастерили вспомогательную систему охлаждения, использовав трубы из нержавеющей стали, снятые с нескольких торпед; они изготовили агрегат, напоминающий устройство Руби Голдберга, с помощью которого пресная вода из одной из цистерн подавалась в реактор и охлаждала его. По незнанию храбрые инженеры по двое забирались в горячий отсек реактора и вручную сваривали там эту аварийную систему. Те восемь человек, которым довелось работать внутри отсека, имели на себе только комплекта химической защиты и кислородные дыхательные аппараты. У

противогазов запотевали стекла, и им пришлось сиять противогазы, чтобы лучше наблюдать за сваркой. Все восемь человек получили смертельную дозу нейтронного и гамма-излучения и приняли смертельное количество альфа- и бета-частиц. Через несколько минут их начало сильно тошнить, у них распухли лица и почернели языки. Несколько часов они медленно и мучительно умирали, в каплях кровавого пота, некоторые, чтобы избавиться от страшной боли, просили, чтобы их застрелили. Большинство инженерного состава, работавшего в прилегающих отсеках, было серьезно поражено радиацией, а опасные для здоровья цезий и стронций, побочные продукты распада, попали на пол и были разнесены по лодке, создав достаточное количество очагов для заражения всего живого на борту. Когда лодка встретилась со спасателями, большая часть экипажа была поражена разными дозами радиоактивного облучения; с лодки эвакуировали всех.

Таким образом, когда в середине 1962 г. возникла реальная потребность в атомных ПЛ дальнего действия, то ни одной такой лодки не оказалось. Все они были на верфях и проходили конструкторскую доработку по установке дополнительных систем охлаждения для первичных контуров реактора. Адмирал Рыбалко хоть и не был инженером по ядерной энергетике, но, достаточно хорошо зная термодинамику, понимал, что никто не отправит в море сложную систему оружия с инженерным оборудованием, находящимся на стадии прототипа, не прошедшим испытания и не имеющим дублирования. Флоту было очень непросто скрыть инцидент на борту «К-19», поскольку там чуть не возник мятеж, когда некоторые офицеры, подстрекаемые политофицером, называемым «замполитом», решили, что командир лодки «К-19» Николай Затеев неоправданно рискует их жизнями, направляя лодку за помощью к месту встречи с другими участниками учений. Эти офицеры пытались заставить командира посадить лодку на мель на ближайшем острове Ян Майен, на котором находилась станция слежения НАТО, и бросить ее, чтобы спасти жизни остальных членов экипажа. Группа офицеров во главе с замполитом попыталась заставить командира выполнить их план. В напряженной стычке Затееву удалось успешно нейтрализовать эту группу. Количество пораженных радиацией моряков было так велико, что впоследствии последовали разгневанные выступления нескольких членов экипажа, пригрозивших рассказать правду о случившемся. В конце концов шумиха была замята офицерами безопасности, которые заставили всех участников событий дать расписку о неразглашении происшествия, угрожая в противном случае тюрьмой. После эвакуации экипажа с лодки на

спасательное судно ее доставили в родной порт; впоследствии на верфи с лодки полностью демонтировали силовую установку, установив взамен новую — того же типа. Как сказал Рыбалко, это была первая советская ПЛ, испытавшая на себе полное кесарево сечение.

Весь скандальный эпизод с «К-19» был успешно скрыт ГШ ВМФ; только несколько гражданских лиц вне Северного флота точно знали, что произошло на самом деле. Моряки, получившие смертельные дозы облучения, были распределены по разным госпиталям с диагнозом «испытывающие серьезную травму, вызванную стрессом». Восьмерых умерших похоронили в секретных могилах, а их семьям сообщили лишь о том, что они погибли при исполнении служебных обязанностей. Позднее умерли еще тринадцать человек, с их телами обошлись подобным образом.

В январе 1962 г. на другой лодке, «Б-37» («Проект 641»), также базирующейся в Полярном и пришвартованной у пирса, произошел взрыв торпеды. Взрыв оказался такой силы, что уничтожил весь экипаж в составе 122 человек и потопил другую лодку, «С-350» («Проект 613»), пришвартованную с противоположной стороны того же пирса, и вырвал и скрутил листы, из которых была изготовлена палуба, и трубы, которые дождем посыпались на расположенные в нескольких сотнях метров дома, в которых жили семьи моряков.

По этим причинам ГШ ВМФ лихорадочно искал толкового подводника для участия в совершенно секретной операции под названием «Анадырь». Выбор пал на адмирала Рыбалко и проверенные временем дизельные лодки дальнего действия 4-й эскадры; на тот момент сам контр-адмирал Рыбалко не имел ни малейшего представления о том, куда именно он их поведет. Генерал Матвей Захаров, начальник Генерального штаба ВС СССР с 1960 по 1963 г., окрестил развертывание войск на Кубе операцией «Анадырь», заимствовав название у сталинского плана 50-х годов, который предусматривал развертывание армии численностью в миллион человек на Чукотке для последующей атаки Аляски — в том случае, когда послевоенное ухудшение отношений с США привело бы к войне.

Министру обороны Малиновскому был срочно нужен надежный и умелый командир-подводник, которому можно было бы доверить руководство выходом в море передовой бригады ударных ПЛ дальнего действия («Проект 641») и ее скрытным переходом в Мариэль, Куба, в начальной стадии морской фазы операции «Анадырь».

В глазах убежденных красных, одним из которых был и

Малиновский, игра с ракетами на острове в Карибском море, которым правил диктатор в защитном шлеме, который к этому времени еще даже не называл себя коммунистом, являлась глупостью. Морской этап операции «Анадырь» (Анадырь — порт в северо-восточной Сибири) предусматривал скрытный переход на Кубу одиннадцати ПЛ и назывался операция «Кама» (Кама— сибирская река, текущая на запад, к Волге). Морская стадия предусматривала развертывание группировки, которая включала бы в себя два устаревших артиллерийских крейсера класса «Чапаев», два ракетных эсминца, два дивизиона тральщиков, семь ПЛ «Проект 629» (по классификации НАТО — класс «Голф») со стратегическими ракетами — эти лодки должны были войти в состав формируемой 18-й дивизии, и четыре ударные дизельные лодки дальнего действия «Проект 641», которые должны были войти в состав формируемой 68-й бригады. Все эти силы и средства должны были постоянно базироваться на Мариэле, Куба.

Премьер Хрущев 12 мая 1962 г. принял важное решение о размещении на Кубе стратегических вооружений под прикрытием обширной программы помощи. Первая советская делегация старших военных экспертов во главе с Шарафом Рашидовым вылетела в Гавану 28 мая для консультаций с кубинским руководством. Кубинцы немедленно приняли грандиозный план. 13 июня в ГШ ВМФ на улице Грибоедова поступила директива советского Генерального штаба № 79604, ставшая основой для планирования операций «Анадырь» и «Кама».

С самого начала некоторые старшие морские офицеры испытывали определенное сомнение в отношении операции, которая, как они считали, несла в себе зачатки своего последующего провала. Тотальная надежда на секретность, покрывавшую переброску стратегических вооружений на Кубу, была основой полного успеха в том случае, если предположить, что американцы не раскроют план и не смогут противодействовать ему, пока он не станет свершившимся фактом. Если Советы не смогут скрытно установить ракеты и быстро подготовить бомбардировщики к полетам, вся операция может вызвать дипломатический кризис на самом высоком уровне, оставив СССР с не полностью реализованной мощной угрозой — нечто вроде того, как в начале поединка один из дуэлянтов находит, что его пистолет только частично вытащен из кобуры.

Секретность, покрывавшая всю операцию, была настолько всеобъемлющей, что Генеральный штаб, для придания еще большей убедительности самому названию операции «Анадырь», приказал включить арктическое снаряжение — лыжи, меховые

полушубки и валенки — в экипировку военнослужащих четырех мотострелковых полков, намеченных к отправке на Кубу, Таким способом планировалось сбить с толку младших командиров, которые увидят, что о зимнем имуществе не только говорится в документах, но оно действительно складировано на пирсах, готовое к погрузке, и решат, что им на самом деле придется действовать в тех местах, где гораздо холоднее, чем в Карибском море.

Последующий срыв покрова секретности заставил советских лидеров лгать напропалую в ООН и всему миру в целом о своих намерениях. Что касается этой операции, то были и другие отступления от обычного советского поведения. К примеру, начальник Генерального штаба генерал Захаров настаивал на том, что все участники кубинской операции за три месяца до убытия на Кубу должны получить особую оплату — требование необычное, которое, хоть и пользовалось популярностью, заставило пытливые головы задуматься, а у болтунов развязало язык, Как следовало действовать, чтобы выполнить такой масштабный план и сохранить всю операцию в полном секрете — должно быть, это было серьезной задачей даже для той политической системы, которая была известна отсутствием свободного потока информации и своим пристрастием к интригам и подавлению правды. Адмирал Рыбалко мало знал об этих подготовительных мероприятиях, у него были собственные впечатления об операции.

* * *

Дверь в кабинет министра неожиданно распахнулась, и в ней появилась приземистая фигура адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова, запыхавшегося после недолгой ходьбы от лифта для высокопоставленных офицеров, с раскрасневшимся лицом и бывшего явно не в духе. За ним шествовал высокий адмирал Фокин, первый заместитель главнокомандующего и главный координатор операции «Кама».

— Приветствую, товарищ министр. Что привело одного из *моих* адмиралов в ваш кабинет, товарищ маршал? — Горцков неодобрительно относился к связям своих офицеров со старшими офицерами других видов вооруженных сил, тем более — с министром обороны. Ему было болезненно осознавать, что у адмирала Рыбалко тесные личные взаимоотношения с Малиновским, что едва ли объясняло прием маршалом младшего по званию адмирала до прибытия ГК ВМФ в кабинет министра.

Согласно протоколу, Малиновский поступил правильно, поставив в известность канцелярию Горшкова о вызове им Рыбалко; и Рыбалко, и маршал поступили мудро, встретившись за пятнадцать минут до прибытия старшего адмирала — очевидный и невинный укол Горшкову.

— Товарищ адмирал флота, я знаю вашего лучшего подводника не меньше, если не дольше вас, и уверен, что вы одобряете его назначение.

— Леонид, это наиболее самостоятельное флотское задание из всех, которые у тебя когда-либо будут, — неожиданно серьезно добавил маршал. Он немного завидовал Рыбалко, молодому и подающему надежды. После его недавнего производства в контр-адмиралы последовала чудная серия назначений на престижные должности — начальник высшего военно-морского училища имени Фрунзе в Ленинграде, затем командование 4-й эскадрой ПЛ в Полярном.

Рыбалко изобразил удивление, хотя он уже знал из разговоров о том, что ему предстоит вести эскадру дизельных ПЛ дальнего действия на приусадебный участок Соединенных Штатов. Таким манером он часто подыгрывал маршалу; это был способ поддерживать с ним тесные отношения. Маршал сдавал. Ему невероятно повезло, он пережил метлу послевоенных партийных чисток, выбившись, в конце концов, в человека Сталина, а в 1957 году обогнал целую плеяду более высоких по должности офицеров, включая адмирала Горшкова, когда новый премьер Хрущев назначил его министром обороны.

Маршал молчал, ожидая, когда дежурный поставит поднос с чаем, чистыми стаканами в серебряных подстаканниках, блюдцем с лимонами и сахарницей.

— Видишь, Леонид, мы тут широко живем, у нас даже есть лимон к чаю. — Он широко улыбнулся и подмигнул. — Но сахар ужасный, кубинский. — Он потряс головой, изображая притворное отчаяние. — Моя Маша не может найти даже лампочек для нашей квартиры, а мы живем в бывших апартаментах маршала Жукова. Как это соотносится с раем для рабочих? — Он ухмыльнулся и предложил морякам чай.

— Тебе предстоит хорошая работа, — продолжал маршал. — С этой частью Атлантики ты неплохо знаком, но в этот раз появился новый боевой элемент, который еще не применялся при действиях на море.

— Понимаю, товарищ маршал. — Рыбалко смотрел на маршала, не выказывая эмоций и в глубине души извиняя его. Малиновский был известен тем, что он всегда вплотную занимался конкретными делами, разбирался в вопросах боевого

применения войск и никогда не лез в политику. На самом деле Рыбалко не имел ни малейшего представления о том, что маршал подразумевал под «новым боевым элементом».

Вмешался Горшков, давая понять маршалу, что именно он является оперативным руководителем этой операции, и стал диктовать приказ.

— Контр-адмирал Рыбалко, — начал он неестественно громко, — вы должны во что бы то ни стало не дать американцам обнаружить ваши лодки на переходе. Задача заключается в том, чтобы прибыть в Мариэль незамеченными к 20 октября и подготовиться к приходу семи подводных лодок с баллистическими ракетами; эти лодки вместе со вспомогательными судами подойдут позднее. Вам надлежит произвести разведку в морском районе, прилегающем к Мариэлю, на предмет отсутствия противолодочных сил США и установленных стационарных средств противолодочной обороны, а также изучить и доложить гидроакустические условия в данном районе. Кодовые слова для связи установлены, передачи будут вестись параллельно по расписанию на длинных и на коротких волнах, поэтому вам придется держать одну лодку вблизи поверхности, на перископной глубине, для прослушивания коротковолнового диапазона. Это будет особенно трудным делом, если американцы развернут свои поисково-ударные противолодочные силы.

— Я знаком с гидролокацией Карибского моря, товарищ адмирал флота…

Горшков перебил его:

— Я в курсе, товарищ адмирал, именно поэтому вас назначили командовать этими лодками. Помните, что вы будете командовать единственной советской военно-морской группировкой в этом районе… благодаря нашему новому руководству. — Горшков подчеркнул последние слова, открыто намекая на указание Хрущева приостановить программу строительства тяжелых крейсеров. Главком ВМФ кипел от злости при мысли о бестолковости ситуации. Вместо мощной флотилии крейсеров и эсминцев его вынуждали отправить — без малейшего сопровождения — крохотную бригаду дизельных лодок. (Советские ударные подводные лодки организационно были сведены в бригады, а ПЛ со стратегическими ракетами — в дивизии. Эскадры могли состоять из нескольких бригад ударных ПЛ и нескольких дивизий ПЛ со стратегическими ракетами.) Он был абсолютно не готов к тому, как развивались события в Карибском море, но он не даст выставить флот на посмешище и перегонит лодки в Карибское море, даже если ему придется

поступиться множеством офицеров для выполнения этой задачи. Именно поэтому он выбрал Рыбалко командиром этого соединения, которому будет дано новое наименование — 20-я специальная эскадра. Хотя Горшков и терпеть не мог адмирала, он согласился на его назначение именно из-за тесных взаимоотношений последнего с министром, этим маршалом-танкистом с монгольским лицом.

— Вы, товарищ адмирал, еще не знаете о том, что новыми элементами, о которых говорил маршал, являются специальные боеголовки торпед, которыми будут вооружены ваши лодки. Перед убытием каждая лодка в бухте Сайда возьмет по одной такой торпеде. Командир бригады подводных лодок и командиры лодок заранее получат разрешение на применение специального оружия, не дожидаясь разрешения от штаба флота или Министерства обороны в Москве. Это делается на случай их атаки американскими кораблями или самолетами.

Рыбалко побледнел и взглянул на адмирала, потом повернулся к маршалу, который изучал его лицо в ожидании реакции.

— Товарищ министр, знаете ли вы, что всего лишь несколько наших подводников производили испытательные стрельбы атомным оружием на море?

— Конечно, мы в курсе этого, Леонид Филиппович, но боевые части торпед испытаны Минатомом, министерством, которое их конструирует и производит. К тому же один из офицеров вашей 69-й бригады, капитан второго ранга… Как его фамилия? — Он обернулся.

Стоявший в стороне адмирал Фокин подсказал:

— Это капитан второго ранга Николай Шумков, командир подводной лодки «Б-130». — При Горшкове Виталий Фокин являлся первым заместителем Главкома, и ему была поставлена задача по подготовке всех морских сил, задействованных в операции «Кама».

— Да-да, — продолжил разговор Горшков, — ваш Шумков произвел два пуска атомных торпед у побережья Новой Земли, один взрыв был надводный, а другой подводный, а потом его за эти стрельбы наградили орденом Ленина. Этого вполне достаточно.

Рыбалко выглядел встревоженным.

— Товарищ адмирал флота, мы до сих пор не знаем, как воздействует такое оружие на носитель самого оружия и на какой дальности взрыв может быть смертельно опасным для лодки, с которой выпущена торпеда. Мы можем потопить одну из наших лодок, если выпустим одну из таких торпед по американской

цели.

Было заметно, что Горшков взволнован; ему не хотелось обсуждать вопросы применения оружия на море в кабинете министра. Маршал был офицером сухопутных войск и мало знаком с морскими вооружениями и тактикой морской войны, и Горшкову не хотелось раскрывать особенности морской тактики перед явно несведущим танкистом.

Горшков перешел прямо к делу, ради которого младший по званию адмирал был вызван в Министерство обороны, за которым обычно не замечалось, чтобы оно каждый день отдавало приказы по военно-морским делам.

— Ваши правила ведения боевых действий абсолютно ясны. Вы применяете данное оружие в том случае, когда американские силы атакуют лодки, находящиеся в подводном положении, или атакуют их после принуждения лодок к всплытию на поверхность, или же по приказу из Москвы.

Теперь Рыбалко выглядел шокированным. Он посмотрел на министра, который молча кивнул.

Адмирал Горшков отметил и его взгляд, и кивок министра, и пришел в еще большую ярость из-за того, что морской офицер, его подчиненный, явно сомневается в правильности этих приказов. Горшков громко добавил:

— Эти приказы одобрены Политбюро и Первым секретарем, и нам этого достаточно, мы приказы выполняем. Подробные указания получите от адмирала Фокина в Главном штабе ВМФ, давайте побыстрее заканчивайте с инструктажами и немедленно вылетайте в Североморск, в штаб Северного флота. Я в курсе, что у вас проблемы с командованием 69-й бригады, но теперь новым командиром бригады будет бывший начальник штаба бригады, капитан первого ранга Виталий Агафонов.

Рыбалко был потрясен. Он знал, что Агафонов являлся начальником штаба бригады, а командир бригады, контр-адмирал Евсеев, неожиданно был госпитализирован. Как, черт побери, Главком Горшков узнал об этом? Все произошло буквально несколько часов назад.

Рыбалко подумал, что хорошо справилась со своей задачей система связи политофицеров, или же это сработал независимый канал связи Управления безопасности, которое часто плотно отслеживало подобные вопросы и докладывало по своим каналам в Управление безопасности ВМФ в Комитете государственной безопасности, КГБ? Ходили слухи, что на самом деле Евсеев не болен. Все знали, что он крепко поддает, и когда стало известно, что новое задание будет очень деликатным, опасным и долгим мероприятием, он загадочно ушел в сторону с приступом

постоянно высокого кровяного давления. Кое-кто считал, что он просто сдрейфил. Он был ветераном-подводником Второй мировой войны, вдоволь навоевался и теперь частенько болел на нервной почве. В любом случае Агафонов какое-то время был на должности начальника штаба бригады, и бригадой ему будет командовать легко. Рыбалко вдруг кольнула мысль, что предстоящая операция будет пользоваться особым вниманием высшего руководства, и это породило в нем смешанные чувства.

Капитан 1 ранга Виталий Агафонов имел прекрасный послужной список командира подводной лодки. Однажды в начале этого года, во время пожара в носовом торпедном отсеке дизельной ПЛ «Б-139», еще одной неудачницы, базирующейся в Полярном, Агафонов лично принял командование горящей лодкой и отвел ее от переполненной лодками стенки подальше на тот случай, если взорвутся оставшиеся торпеды. Он успешно справился с этим делом и стал известен как храбрый и действительно решительный офицер.

Рыбалко застыл в молчании, быстро обдумывал ситуацию. Он понимал, что условия, при которых возможно применение оружия, виртуально дают его командирам персональное право начать ядерную войну с Соединенными Штатами. Это было невероятным, и он не поверил своим ушам. Горшков вернул его в реальность.

— Вы свободны, адмирал. — Горшков, явно нарушая военный этикет, выпроваживал младшего по званию адмирала из кабинета министра, не удосужившись даже взглянуть на хозяина кабинета.

Покрасневший маршал покосился на склочного адмирала флота, который стоял, широко расставив ноги, как будто готовясь драться с министром на кулаках. Малиновский сделал глубокий вдох, сдерживая себя. Он не был готов к перепалке с настырным адмиралом флота; ему надо было подготовиться к дневному заседанию Политбюро, и еще требовалось время для проработки вариантов предполагаемых условий применения оружия генералом Плиевым, командующим советскими сухопутными и ракетными войсками, уже прибывшим в Гавану в рамках начальной стадии операции «Анадырь». Напряжение нарастало, и ему на самом деле было нужно время. В целом он представлял, что вскоре страна может оказаться в состоянии реальной войны с Соединенными Штатами, и он понимал, что войска удручающе не готовы к ней. Кто, кроме него, догадывался о том, что все будет зависеть от его способности поразить Политбюро и украинского фермера Хрущева, ставшего первым лицом страны, безупречным строевым шагом?

Министр неожиданно поправил свой мундир и с натянутой

улыбкой произнес: «С богом», что было старинным русским прощанием и разрешением адмиралам покинуть кабинет.

Когда адмиралы вышли и дверь кабинета захлопнулась за ними, маршал повернулся, подошел к окну и посмотрел в него. Навалилась неожиданная тишина, он полез во внутренний карман кителя и достал сигарету. За крышами домов просматривался далекий Арбат, и он видел, как растут повседневные людские толпы. Он представил свою Машу там, в толпе, разыскивающую лимоны. Он стукнул сигаретой по зажигалке и закурил, наблюдая за своим отражением и огоньком зажигалки в окне. Полковник, его порученец, появился незаметно, подошел к маршалу и молча посмотрел в окно. Как бы невзначай, он слегка коснулся плечом маршала и сказал:

— Мне тоже не нравится этот адмирал флота, — и, словно читая мысли министра, добавил: — Не верю я в его подводные лодки.

Маршал никак не прореагировал на его замечание и продолжал смотреть в окно на очереди горожан, толкущихся перед дверями магазинов и у лотков, которые продавали всякую всячину прямо под открытым небом.

* * *

В маленькой спальне гостиничного номера адмирал Рыбалко наблюдал за тем, как его жена Лида заканчивает перепаковывать его старый кожаный чемодан. Она всегда так делала, обычно после того, как нужные вещи уже были уложены в чемодан им самим. Лида заново перебирала весь чемодан и так умело укладывала те же вещи, что они занимали вдвое меньше места. Рыбалко подумал о том, как ей достается сейчас в Москве, во время экономической неразберихи. Но Лида никогда не падала духом, словно все происходящее было частью какой-то игры.

— Готов? — улыбнулась Лида и потянула чемодан в прихожую, сняла там с вешалки тяжелую черную шинель мужа и стала счищать с нее воображаемые пылинки.

— Лида, не надо, — Леонид взял ее за плечи и обнял вместе с шинелью, — мы ведь расстаемся ненадолго. — Она посмотрела на него и улыбнулась, стараясь не казаться грустной. — Вот и машина. — Адмирал отошел от окна и помог жене надеть ее тяжелое пальто. Они вместе вышли из квартиры и направились к лифту.

Выйдя из дома, они прошли к машине, подгоняемые порывами ветра.

— Нам надо быть в аэропорту Внуково до полудня.

Рыбалко произнес эти слова своим обычным тоном, но таким тоном старшие, как правило, не разговаривают с водителем. Рыбалко был известен своими мягкими внешними манерами в отношении подчиненных, но все, кто был знаком с ним, знали о его жесткой реакции на малейшее нарушение дисциплины или отход от установленных правил. Он был адмиралом, которого немного побаивались и глубоко уважали.

* * *

Выйдя из машины во Внуково, Рыбалко вместе с Лидой направился к поджидавшему его самолету. Он сразу же заметил подполковника морской пехоты, стоявшего у трапа, ведущего внутрь бело-голубого «Ту-104», предназначенного для перевозки высокопоставленных пассажиров. На маленькой платформе в нижней части трапа стояли двое старших офицеров из координационного отдела Министерства обороны — его бывший заместитель, контр-адмирал Хужаков, и полковник Геннадий Тихомиров, мрачный предсказатель, прослуживший в Разведуправлении непрерывно почти двадцать лет. Лидия шла рядом с мужем, молча держа его под руку; несмотря на скорое расставание, она выглядела нарядной и свежей. Ей доводилось не только провожать мужа в служебные командировки, но и посчастливилось сопровождать его к большинству новых мест службы; там, в последовавших одно за другим трех береговых местах службы, она стала центром бурной общественной жизни. Нынешний отъезд все же чем-то отличался от прежних…

В их совместной жизни были взлеты и падения, но Лидия радовалась любой возможности быть с ним рядом, а не отсиживаться дома, как делали многие жены во время долгих отлучек морских офицеров, их мужей. Она гордилась быстрым служебным ростом мужа. Лидия была не просто хорошей женой моряка, она была его партнером и спутником, и он ценил и любил ее гораздо сильнее, чем казалось со стороны.

Рыбалко за руку поздоровался со всеми офицерами и поприветствовал своего бывшего адъютанта.

— Спасибо, что пришел меня проводить, Володя. Как Ирина?

— Спасибо, товарищ адмирал, она передает вам привет. Но я не провожаю вас, а сопровождаю в Североморск, Я останусь там, а вы, после совещания, уедете в Полярный. Сам адмирал флота попросил меня проинструктировать вас по дороге. Тут для вас много нового, — и он указал на разбухший портфель, стоявший у

его ног.

Адмирал поцеловал Лиду, потом козырнул группе провожающих и стал подниматься по трапу. Его адъютант, капитан второго ранга Владимир Попов, шагал следом с портфелем. Рыбалко на минуту остановился, чтобы помахать рукой — подлаживаясь под популярную среди высокопоставленных российских чиновников традицию. Он подмигнул Лиде, махнул поднятой вверх ладонью и скрылся внутри самолета. Глядя в иллюминатор со своего кресла высокопоставленного пассажира, он видел, как Лида, стоявшая позади остальных, машет ему ладонью в ответ.

Самолет стал набирать высоту, и Рыбалко наклонился, разглядывая Москву, которая исчезала внизу под желтой пеленой. Он увидел прекрасные луковки старой церкви в Филях, северо-западном пригороде столицы. Золото церковных куполов мерцало в лучах послеполуденного солнца. Сощурившись от блеска, он наблюдал, как луковки тают в дымке.

— Москва всегда лучше смотрится издалека, не так ли, товарищ адмирал? — Вопрос адъютанта нарушил молчание.

Рыбалко повернулся к молодому подводнику Попову, сидевшему рядом в черной форме со значком командира подводной лодки на правой стороне груди:

— Конечно, ты только посмотри на эту дымку. Неужели Североморск так же загажен?

Сентябрь 1962 г. В море

К первому сентября советский ВМФ уже переправил в Мариэль полный дополнительный комплект запасных частей, боеприпасов и ракет. После этого суда начали доставку малых ракетных патрульных катеров (класса «Комар»), предназначенных для ближней обороны побережья. Они должны были послужить защитой от амфибийных сил и должны были быть срочно доставлены на место, чтобы сорвать американское вторжение, которое советские лидеры в то время считали неизбежным.

В начале сентября пришло время грузиться на суда для убытия на Кубу и для трех полков баллистических ракет средней дальности. Командир ракетной дивизии генерал-майор Игорь Стаценко очень беспокоился по поводу того, как ему удастся погрузить и переправить три его полка в строжайшей секретности, ведь сами ракеты могли поместиться только в тех трюмах, крышки которых превышали нормальные размеры. ВМФ предложил загрузить суда ракетами в закрытом порту

Севастополя, базе Черноморского флота в Крыму, поскольку Севастополь был закрыт не только для иностранцев, но и для советских граждан, не служащих в вооруженных силах, им для въезда в город требовались специальные пропуска. По прибытии в Севастополь три полка ракетных войск стали лагерем в изолированном районе пакгаузов и спокойно загрузились на грузовые суда с большими крышками на трюмах. Первая партия ракет средней дальности (длина ракеты около 20 метров) была погружена на борт торгового судна «Полтава» в закрытом районе погрузки транспортных судов, расположенном вне основной бухты Севастополя, там, где не было любопытных глаз местных городских жителей, основную часть которых составляли моряки. После того как кран аккуратно загрузил ракеты в трюмы, туда же опустили большие плоские бетонные отливки весом пять тонн каждая. Это были пусковые столы, которые должны были уйти вместе с ракетами; благодаря наличию этих столов ракеты можно было легко развернуть на месте прибытия и поставить на боевое дежурство, не дожидаясь, пока придет следующий транспорт и зальют бетон на стартовой площадке на Кубе. Несколько тысяч военнослужащих, которые сопровождали ракеты, сгрудились в нижних отсеках, где была плохая вентиляция, и более трех недель находились в ужасных условиях, страдая от морской болезни и одуряющей жары. Только ночью, небольшими группами, им разрешалось подниматься наверх, чтобы там размяться и глотнуть свежего воздуха. Американские разведывательные самолеты совершали облеты судов, но, в общем, не могли определить характер груза на нижних палубах. Та фаза операции, на которой производились переброски, была колоссальной по объему и на первых порах, как и планировалось, не привлекала излишнего внимания.

С течением времени, однако, США увеличили количество полетов самолетов-разведчиков и стали с максимальным вниманием следить за советскими торговыми судами, следующими в Карибское море. В начале сентября советские суда «Индигирка» и «Александровск» покинули порт Североморск и, совершив восемнадцатидневный переход, прибыли в порт Мариэль с драгоценным грузом ядерных боеголовок, складированных на верхней палубе кораблей. «Индигирка» доставила восемьдесят боеголовок для крылатых ракет, стоявших на вооружении ракетных патрульных катеров класса «Комар», шесть ядерных боеголовок для морских бомбардировщиков «Ил-28» и дюжину ядерных боеголовок для ракет «Луна», имевших малый радиус действия и предназначенных для защиты побережья. «Александровск» был загружен двадцатью четырьмя

боеголовками для ракет «Р-14», имевших промежуточную дальность полета; боеголовки оставались в трюмах корабля, стоявшего в порту Ла Исабелла, в ожидании прибытия самих ракет. (Ракета «Р-14» имела дальность пуска чуть больше двух тысяч миль и несла одну ядерную боеголовку.) Переход этих двух судов прошел нормально и, хоть они и были обнаружены и сфотографированы американскими разведывательными самолетами, не вызвал особой тревоги. В 1962 г., в отличие от последующих годов, США не имели возможности обнаруживать ядерное оружие с помощью детекторов гамма- и нейтронного излучения. Указания капитанам «Индигирки» и «Александровска» по поводу их самообороны гласили:

> «Что касается самообороны судов „Индигирка“ и „Александровск“ от пиратских кораблей и самолетов во время плавания по доставке специального груза, то они вооружены двумя 37-мм зенитными автоматическими пушками с боекомплектом 1200 снарядов на каждую пушку. Открывать огонь только в случае попытки захвата или потопления вашего судна, с одновременным докладом о такой попытке в Москву»[2].

К середине сентября ядерные боеголовки для советских ракет средней дальности «Р-12» «Сопка» и средних бомбардировщиков «Ил-28» были на Кубе. (Ракета «Р-12» имела дальность пуска 1050 миль и оснащалась одной ядерной боеголовкой. Средний бомбардировщик «Ил-28» имел боевой радиус 600 миль и был дооборудован на Кубе в носитель ядерного оружия, способный нести шесть атомных бомб мощностью 8–12 килотонн каждая.) Советские торговые суда выгрузили первые шесть средних бомбардировщиков из транспортной упаковки на базу кубинских ВВС в Сан Хулиан. «Ил-28» были самолетами морской авиации и могли доставлять к цели глубинные заряды, а также обычные и атомные бомбы, однако на тот момент на Кубе было всего шесть атомных бомб на все бомбардировщики. Остальные ядерные боеголовки предназначались для ракет береговой обороны «Луна», дальность пуска которых составляла 25 миль. Эти ракеты предполагалось использовать против американских амфибийно-десантных сил, и предварительного разрешения Москвы на их применение не требовалось. Ядерные боеголовки для этих ракет хранились в Санта Круз дель Норте. К началу третьей недели сентября на Кубу было отправлено 129 судов, из которых 94 уже прибыли в свои порты назначения, а 35 все еще находились на переходе. Погрузка в советских портах оставшихся грузов должна была завершиться до 20 октября, а прибытие последних судов на

Кубу было намечено до 5 ноября, т. е. до выборов в Конгресс США[3].

Первый серьезный тревожный звонок прозвучал 18 сентября, когда фрегат ВМС США, находившийся в Средиземном море у беретов Туниса, запросил советское торговое судно о характере ею груза.) «Сельскохозяйственные машины», — ответил советский капитан.

Однако его палубный груз состоял из трех крупных упаковок неправильной формы, в которых находились разобранные части фюзеляжа трех средних бомбардировщиков «Ил-28». Американцы заподозрили неладное и доложили по команде, что палубный груз напоминает замаскированные самолеты. Советским торговым судам было приказано в случае запроса о характере груза говорить, что это изделия автомобильного экспорта или сельскохозяйственные машины, следующие в Гавану. Первоначально капитаны советских судов, выходя в море, не знали своего конечного пункта прибытия, им предписывалось общее направление движения на Азорские острова, и там, в определенной контрольной точке, им надлежало вскрыть запечатанные конверты, в которых содержались указания о дальнейшем маршруте вплоть до пунктов прибытия на Кубе. Таким образом, не достигнув Азорских островов в центре Атлантики, не было возможности ненароком узнать свой конечный пункт. Предполагалось, что капитаны судов, их экипажи и советские солдаты, находящиеся на борту судов, не знают, что они направляются на Кубу. Поверить в это трудно, потому что даже в Советском Союзе, в рамках операции такого масштаба, как «Анадырь», в которую был вовлечен мощный военный комплекс громадной страны и более сорока тысяч военнослужащих, готовящихся к размещению на островном государстве, не могло не быть знания того, куда они направляются, и это знание основывалось на утечке информации. Тем не менее головоломка с секретностью продолжалась. На судах, которые перевозили на Кубу личный состав четырех мотострелковых полков, запрещалось одновременно выпускать на верхнюю палубу более 25–30 человек, остальные должны были оставаться внизу, в условиях крайне повышенных температуры и влажности, которые становились непереносимыми в Саргассовом и Карибском морях. После первой ходки туда и обратно и находясь под загрузкой для последующего выхода в море, большинство капитанов уже прекрасно знало, что они будут совершать челночные рейсы только в кубинские порты.

Тем временем военные суда и самолеты-разведчики США начали проявлять интерес к проводимым масштабным морским

перевозкам и предпринимать более энергичные усилия по идентификации груза советских судов. В тех случаях, когда размеры и конфигурация груза — такого, как самолеты, вертолеты, грузовые автомобили и БТРы, — вынуждали перевозить эту технику на палубе, оборудование накрывалось брезентом, а самолеты разбирались, упаковывались в контейнеры и также накрывались. Однако полностью скрыть все грузы было невозможно, и вскоре разведывательные корабли и самолеты США определили, что началась масштабная переброска военных грузов морским путем.

Военнослужащие на борту судов были в гражданском платье, но распознавались как русские в основном по их полосатым тельняшкам, которые зачастую выглядывали из-под тропических рубашек. На Кубе им разрешалось носить кубинскую военную форму, однако большинство из них оставались в штатском. Светловолосому, с крупным телосложением русскому солдату или призывнику из среднеазиатских республик было тяжело, если не невозможно, сойти за кубинца. Связь между Министерством обороны и судами, привлеченными к морским перевозкам, обеспечивалась через курьеров, радио и телефон для передачи сообщений не применялись.

19 сентября ГК ВМФ адмирал флота С.Г. Горшков докладывал в Министерстве обороны о деталях натовских учений «Фоллекс-62», район проведения которых охватывал всю Европу, Средиземное море и северную Атлантику. Горшков заявил, что учения являются частью текущих маневров, в ходе которых силы НАТО отрабатывают переход к полномасштабной ядерной войне.

Штаб советского ВМФ с некоторым опасением наблюдал за усилением активности ВМС США в Атлантике. Немного позднее Советы и их кубинских союзников встревожило проведенное в начале осени крупномасштабное совместное амфибийно-десантное учение флота и морской пехоты США. Учение носило наименование «Операция „Ортсак“» (Кастро, если прочесть справа налево) и было проведено на острове Вьекес вблизи Пуэрто-Рико. Руководство советским военно-морским флотом сочло невозможным оставаться в стороне и наблюдать за продолжающим убывать в далекие моря потоком личного состава и грузов на невооруженных судах, не имевших никакого эскорта. 19 сентября 1962 г., в связи с усилением разведывательной активности со стороны Соединенных Штатов и втайне опасаясь, что секрет грузов будет раскрыт, премьер Хрущев обязал советский Генеральный штаб послать всем советским торговым судам телеграмму со следующими инструкциями:

> «Советские суда являются частью Советского Союза, и любое открытое нападение на них со стороны иностранных кораблей или самолетов представляет собой акт агрессии против СССР.
>
> В случае обстрела иностранными самолетами или кораблями капитан имеет право открыть огонь. Капитан судна, подвергшегося нападению, обязан принять все необходимые меры по поддержанию порядка. При докладе об атаке со стороны противника сообщение об атаке подлежит кодированию»[4].

Поддавшись давлению со стороны адмирала флота Горшкова, Совет обороны СССР 25 сентября нехотя согласился на отправку в Атлантику эскадры боевых надводных кораблей и вспомогательных судов одновременно из состава Северного, Балтийского и Черноморского флотов — как демонстрацию мощи в ответ на увеличение сил американского флота, которое, в свою очередь, было реакцией на массированный поток торговых судов с грузами разного типа, часть из которого была явно военным грузом, в порты Кубы. В последний момент, прежде чем корабли успели покинуть свои порты, Хрущев вместе с министром обороны Малиновским переборoли Совет обороны и вынудили агрессивного адмирала Горшкова отменить приказ о выходе кораблей, поскольку это наверняка бы вызвало у американцев еще более энергичную реакцию в Карибском море. Маршал Малиновский настоял на том, чтобы «Операция „Кама“» продолжалась по плану и что достаточно иметь в том районе в качестве сдерживающего фактора четыре дизельные ударные ПЛ с ядерными боеголовками на борту, но без надводного эскорта, наличие которого только усложнит ситуацию для Советов.

Чрезвычайные меры скрытности способствовали успеху этапа переброски операции «Анадырь», но, когда суда разгрузились, а личный состав и техника перебазировались на пусковые позиции, прятать их стало все труднее и труднее. Из-за частых полетов американских самолетов-разведчиков советские военнослужащие на Кубе передвигались к своим казармам только в ночное время и были прозваны кубинцами «ночные ползуны».

Мероприятия по маскировке были одинаково тщательно продуманы и в отношении тех советских военнослужащих, кому повезло прибыть на Кубу самолетом. Заявленные в манифесте воздушных судов как советники и другой персонал для кубинской армии, они собирались в Москве, где им вручали паспорта с готовой въездной визой в Конакри (Гвинея), оставляя их самих и американскую разведку в полном неведении о конечном пункте

прибытия. В связи с усилением американской разведки торговых судов, участвующих в операции «Анадырь», всем судам советского Морфлота 27 сентября была передана следующая телеграмма:

> «В том случае, когда невозможно защититься от вооруженной атаки вашего судна со стороны иностранных военнослужащих, силой проникающих на него, старший перевозимого судном воинского подразделения должен уничтожить все имеющиеся на борту документы, содержащие военные или государственные секреты. При угрозе захвата наших судов иностранными судами капитан и старший перевозимого воинского подразделения противодействуют атаке и проникновению на судно и, в случае необходимости, топят его, используя все средства для спасения экипажа — в соответствии с указаниями Морфлота»[5].

Эскадренный миноносец ВМС США «Блэнди»

Сентябрь 1962 г.
Ньюпорт, Род-Айленд

ЭМ ВМС США «Блэнди» являлся эсминцем класса «Форест Шерман» и получил свое имя в честь адмирала Уильяма Х.П. Блэнди, возглавлявшего Бюро артиллерийско-технического снабжения в начале 1940-х годов. Блэнди блестяще командовал Первой амфибийной группой во время тихоокеанской кампании по последовательному захвату островов у японцев. «Блэнди» был построен компанией «Беслиэм стил» в городе Квинси, штат Массачусетс; он был заложен 19 декабря 1956 г. и спущен на воду 26 ноября 1957 г. «Крестной матерью» корабля была миссис Джеймс Ли, дочь адмирала Блэнди.

«Блэнди» имел полное водоизмещение около 3960 тонн и длину примерно 127,5 м. Из новых особенностей на корабле отметим выполненные из алюминия надпалубные сооружения, обеспечивавшие максимальную устойчивость при осадке корабля всего в 7 метров. Другой новинкой было кондиционирование воздуха во всех рабочих, спальных помещениях и местах приема пищи. Корабль был в числе первых американских эсминцев, имевших постепенно расширяющиеся обводы шторм-носа, это придавало ему ухарский вид и значительно смягчало сильнейшие удары при килевой качке на высокой волне. На «Блэнди» был установлен новейший гидролокатор типа «SQS-23», большой обтекатель которого был смонтирован на днище. Эсминец был оснащен новейшим электронным и гидроакустическим оборудованием, однако вооружения для противолодочной борьбы на нем было маловато. Орудия главного калибра были сведены в батарею, имевшую в своем составе три автоматических универсальных орудия калибра 127 миллиметров (длина ствола — 54 калибра), кроме этого, имелись две спаренные 76-мм скорострельные зенитные пушечные установки (длина ствола — 50 калибров), сконструированные в последние месяцы Второй мировой войны для борьбы с японскими камикадзе. Противолодочное вооружение включало устаревшие глубинные бомбы, две пусковые установки для торпед «Мк-32», установленные в средней части корабля с обоих бортов, и две пусковые установки устаревших реактивных снарядов «Хеджехог», использовавшихся еще во Второй мировой войне.

Экипаж «Блэнди» состоял из 23 офицеров, 19 петти-офицеров (главстаршин) и 350 матросов. Его главная двигательная установка представляла собой четыре D-образных паровых котла компании «Фостер Уилер», развивавших давление пара 1200 фунтов на квадратный дюйм и имевших встроенные пароперегреватели; на американском флоте она зарекомендовала себя как одна из самых опасных силовых установок.

Командиром «Блэнди» в ту пору являлся коммандер Эдвард Г. Келли, грубоватый с виду выходец из штатов Новой Англии, выпускник Академии торгового флота в штате Массачусетс. На Атлантическом флоте США у Келли, начавшего службу на море еще в годы Второй мировой войны, была репутация одного из самых одаренных офицеров по борьбе с подводными лодками.

Хоть Эд Келли и считал офицеров корабля членами своей семьи и, будучи командиром, относился к ним как добрый и понимающий отец, однако, оказавшись на капитанском мостике, он бывал свирепым и непредсказуемым. Его настроение менялось — от безмятежно спокойного, когда корабль совершал одиночное плавание, до приступов жестокой ярости, когда противолодочная операция была в самом разгаре. Такие вспышки неимоверного гнева обычно случались, когда эсминец готовился нанести заключительный удар по лодке, который заключался в резком развороте на находящуюся в погруженном состоянии лодку и атаке при проходе над лодкой, имитирующей применение глубинных бомб, торпед или реактивных снарядов «Хеджехог». Однажды, в напряженный момент учебной атаки, он вырвал штурвал из рук туго соображавшего рулевого и сам провел корабль над лодкой, имитируя успешное применение глубинных бомб и торпед; этот поступок не вызвал одобрения у находившегося на борту коммодора. Тем не менее он был хорошим командиром, которого офицеры побаивались, но уважали и были готовы воевать за него, в особенности против ненавистного штаба коммодора Чарльза Моррисона, командующего эскадрой ЭМ, обычно находившегося у нас на борту.

Любой корабль на флоте, которому довелось пережить присутствие вышестоящего начальника на борту, не раз испытывал то жалкое чувство, когда при каждом маневре у командира корабля сопит за спиной его непосредственный начальник. Коммодор Моррисон, добрый и тактичный сам по себе, брал с собой в плавание свой штаб, который был не чем иным, как «не жди добра» — по крайней мере, в глазах офицеров нашего корабля. Штабные всегда держались особняком, их офицеры обычно обедали в кают-компании для старших

офицеров, а несколько штабных матросов и старшин питались за общим столом вместе с экипажем «Блэнди». При обычном плавании, когда нервы у всех были расслаблены, все шло хорошо, но, как только эсминец начинал любое совместное плавание в тесном боевом порядке или производил энергичные маневры в ходе противолодочных или противосамолетных операций, пугающее присутствие штаба на борту тяжелым грузом повисало на плечах экипажа «Блэнди» и его командира — в особенности. Нас никогда особо не волновало, являлось ли поведение Келли в отношении штаба коммодора и особенно самого коммодора, большей частью грубоватое и агрессивное, просто бравадой, для того чтобы выглядеть перед собственными офицерами и экипажем независимым и беззаботным, но многие из нас думали именно так. Казалось, что на «Блэнди» снизошла благодать в виде целой группы колоритных фигур, а я сам появился на этом корабле свеженьким энсином прямиком из Аннаполиса в памятном июле 1962 г.

Младший лейтенант Фрэнк Фленеген, офицер центра боевой информации (ЦБИ), был родом из Бостона. У него была собственная манера общения со штабными офицерами, быстрая и саркастическая, вскоре снискавшая ему любовь моряков его собственной боевой части, которые считались самыми интеллектуальными и самыми толковыми в боевой работе среди прочих боевых частей корабля. Штабные офицеры старались его не трогать, поскольку у младшего лейтенанта, выходца из Новой Англии, был дар коротких и спокойных насмешек, которыми он запугивал штабных офицеров, занимавших скромный уголок, отведенный для командования эскадры на территории «империи ЦБИ», принадлежавшей Фленегену.

Нескончаемая битва остряков между Фленегеном и старшим офицером штаба 24-й эскадры ЭМ, капитан-лейтенантом Норманом Кэмпбеллом, прозванным на корабле «жирной бляхой» из-за его пухлой комплекции, становилась стержнем повседневной жизни и выходила из всех рамок тем сильнее, чем дольше корабль оставался в море. На корабле наступало чувство великого облегчения, когда коммодор Моррисон, окруженный своими подчиненными, объявлял, что он и его штаб начинают перемещение на другие семь эсминцев эскадры, освобождая тем самым «Блэнди» на какое-то время от постоянно давящего бремени.

Несмотря на непрерывные стычки, присутствие на борту штаба и коммодора имело некоторые достоинства. Когда эскадра заходила в порт и корабли швартовались рядышком у стенки, «Блэнди» как флагманский корабль всегда был первым у пирса,

что облегчало решение разных вопросов на берегу или на борту плавбазы эсминцев, если она швартовалась рядом для проведения технического обслуживания. Недостатком являлось постоянное наведение чистоты на корабле. Старпом, огненно-красный Родион Кантакузене, все время зудил, что «чистый корабль — это счастливый корабль», и каждую свободную минуту на корабле что-то подметали, чистили, долбили, красили, полировали медные узлы и детали — в общем, как говаривала дежурная палубная команда, «чистили перышки»; поначалу я посчитал это выражение еще одним замаскированным корабельным ругательством, но вскоре понял, что чистота на корабле была на самом деле почти божественным понятием.

Осенью 1962 г. я, будучи одним из младших офицеров, занимал должность инженера электронных средств корабля. Позднее я стал помощником главного инженера по двигательной установке и познал тогда дух загадочных черных склепов, которыми на корабле называли четыре внутренних инженерных отсека. Занятые полировкой своих медяшек и палубных табличек, инженеры эсминца, прозванные «окурками», проводили большую часть времени там, за теплой пазухой мерцающих машинных отсеков и кочегарок, пропахших горячей смазкой и крепким кофе.

После первого месяца пребывания на корабле я понял, что «Блэнди» обладает особенностью выполнять боевую работу чрезвычайно хорошо. Он был лучшим кораблем эскадры по большинству показателей и особенно выделялся в ходе тактических учений по действиям в тесном боевом порядке; назывались они «тактика действий эскадры в тесном боевом порядке» и заключались в том, что в ходе учения несколько эсминцев совершали маневры в непосредственной близости друг от друга, и это было захватывающим зрелищем, особенно если вы были вахтенным на мостике. На скорости двадцать пять узлов корабли шли в тесном строю, зачастую на дистанции всего лишь в сотню ярдов (чуть более 90 м. — *Прим. перев.*) между ними, и, по команде вахтенного офицера эскадры, подаваемой обычно сигнальными флагами, выполняли тот или иной отчаянный маневр типа разворотов во фланг, разворотов колонны (по-другому называемых «corpens»), переходя, в заключение, к более сложному переориентированию противолодочной завесы. Последние из указанных маневров производились тогда, когда эсминцы действовали в составе противолодочной завесы авианосца. Образующие завесу эсминцы, задача которых заключалась в поиске подводных лодок, по команде меняли одно направление оси движения строя завесы или главное направление угрозы, с которого ожидалась подводная лодка, на другое;

авианосец тем временем, обеспечивая наиболее благоприятные условия для взлета и посадки самолетов, постоянно маневрировал, становясь против ветра.

Ни один маневр не был таким взбадривающим, а временами и пугающим, как эволюции по выходу из строя противолодочной завесы, шедшей впереди авианосца, и занятию позиции по страховке самолетов за кормой авианосца и всего в нескольких сотнях ярдов от него. Маневры выполнялись на высокой скорости, обычно от двадцати двух до двадцати пяти узлов. Сумма относительных скоростей авианосца и эсминца зачастую превышала пятьдесят узлов, и если маневр выполнялся точно, то эсминец быстро занимал позицию по страховке самолетов за кормой авианосца, развернувшись на пятачке с полным поворотом руля для того, чтобы «вписаться» в курс и скорость авианосца. Маневр этот не прощал ни малейшей паники, ни запоздалой реакции.

У нас на «Блэнди» была своя точная метода определения относительной скорости хода при выполнении данного маневра. Однако даже самый обычный порядок действий на «затемненном корабле», то есть без осветительных огней, в полном радиоэлектронном молчании — чтобы работающий радар не демаскировал корабль, и под пеленой дождя, добавлял в маневр еще больше нервотрепки. На самом же деле, для офицеров, несших службу вахтенного офицера и помощника вахтенного офицера, более пугающим было неожиданное появление на мостике командира эсминца Келли, а не столкновение с другим затемненным эсминцем, молотящим воду где-то рядом. Это было хорошей практикой для молодежи, имевшей стальные нервы и удаль, но отнюдь не для осторожных и робких. Появление Келли на мостике обычно сопровождалось серией ужасных ругательств, прерываемых приступами кашля заядлого курильщика, и валом оскорблений, адресованных обычно вахтенному офицеру, а потом командир опять исчезал в своем темном закутке.

Искусство противолодочной борьбы

Искусство противолодочной борьбы включает в себя много переменных величин, связанных со свойством звука распространяться в морской воде. Так как главным достоинством подводной лодки является ее способность прятаться на различных глубинах моря, то лучшими способами ее обнаружения являются, во-первых, пассивное прослушивание и, во-вторых, посылка звукового импульса в воду и засечка времени прихода отраженного сигнала; во многом это напоминает принцип работы РЛС. Морская вода, однако, делает прохождение звука более сложным, изменяя его распространение в сложной среде. Очертания и направленность звуковой дорожки строятся на переменных значениях температуры, глубины, солености, плотности, течения, причем каждая из этих переменных дает свое собственное изменение в распространении звука. Представьте себе, что море — это кусок чистого стекла. Внутри стекла имеются какие-то изъяны, каждый из которых вынуждает свет отражаться под иным углом и с другой скоростью. Следовательно, проблема обнаружения в море объекта типа подводной лодки с помощью звука заключается в сборе точных данных об этих переменных характеристиках и применении к ним известных принципов распространения звука в воде — с тем, чтобы определить наиболее вероятную глубину, на которой скрывается лодка. Преследуемая лодка также следит за состоянием воды и также выбирает оптимальную глубину, на которой она может воспользоваться благоприятными для нее факторами, подавляющими звук. Преследователь, будь это надводный корабль, другая лодка или самолет. как и сама лодка, за которой идет охота, часто берут пробы морской воды для определения наиболее выгодных для них характеристик воды. Тот, кто применит знания о морской воде и географии морского дна с большей точностью и умением, зачастую выигрывает.

Состояние готовности на патрулирующем эсминце, преследующем обнаруженную подводную лодку, или боевое расписание, называлось в те дни «готовность № 1, противолодочная». Должность вахтенного офицера на мостике при этой готовности была работой, на которую смотрели с завистью, потому что при Келли только лучшие и самые опытные офицеры могли заниматься этим священным делом. Этими счастливчиками тогда были рассудительный офицер боевого управления лейтенант Боб Бринер, выпускник Военно-морской академии, выдающаяся личность; младший лейтенант Гэри

Ладжер и новый офицер по вооружению, выпускник Гарварда лейтенант Джим Бассет.

Высокорослый Ладжер закончил в свое время университет штата Оклахома и был теперь одним из многих подобных ему младших офицеров эсминца; он дохаживал последние месяцы своей службы на море. Он разочаровался в корабельной жизни, устал от нарядов и караулов и мечтал вернуться в Оклахому и заняться своим машиностроением. Ладжер был в числе немногих женатых младших офицеров. Его жена, Анна, потрясающая брюнетка, была в Оклахоме королевой красоты и пользовалась уважением среди всех офицеров, которые обычно просили Гэри провести ее на корабль, чтобы они смогли насладиться ее компанией. Это была красивая и пользующаяся популярностью пара, настоящее украшение кают-компании. Ладжер был хитер, проницателен и подвижен — важные качества при несении вахты во время возбуждающей охоты на лодку, когда Эд Келли в отдельные моменты просто буйствовал. Надо было уметь не путаться у него под ногами, всегда быть рядом в готовности ответить на любой вопрос и уметь скрасить промах, допущенный кем-то из злополучных членов экипажа, неведомым образом попавшим командиру под горячую руку. Келли был силен физически, и известен случай, когда он однажды буквально прошелся по головам медлительных членов экипажа, оказавшихся, к несчастью, на пути у командира в ответственный момент деятельности эсминца.

Джим Бассет перешел на «Блэнди» с другого эсминца совсем недавно, он был выпускником Инженерной школы Атлантического флота, имевшей репутацию одного из лучших флотских учебных заведений. Его учеба в Гарварде и уже имевшийся опыт службы на эсминцах делали его одним из самых опытных и способных офицеров для вахты на мостике. Он был одарен быстрым умом и кипучей натурой.

Мое первое знакомство со сложной наукой и искусством обнаружения и преследования погруженной подводной лодки состоялось в самом начале моей жизни на «Блэнди». Я нес четырехчасовую вахту помощником дежурного офицера в спокойное послеполуденное время, когда наш эсминец выходил из порта. Солнце пригревало открытый мостик, я наслаждался открывающейся картиной и знакомился с мостиком, личным составом вахты и особенностями службы на борту «Блэнди». Вечером я вернулся на мостик стоять вахту с восьми часов до полуночи, и я был вполне доволен собой. Потом вахта на гидролокаторе внезапно доложила об установлении контакта с подводной лодкой, и мир над моей головой стал рушиться.

Поначалу казалось вполне простым делом стоять рядом с селектором «21 МС», небольшим серым ящиком размером с обычный гражданский радиоприемник, динамик которого был закрыт экраном, а на ящике имелся ряд кнопок для вызова нужного поста и крошечная кнопка, при нажатии на которую осуществлялась передача. На мостике была кромешная тьма, только поблескивали красные огоньки там, где тихо работало различное электронное оборудование, да на экране радиолокатора надводного поиска мерцал темно-зеленый строб. Расколов тишину, из серого ящика вдруг вырвался неожиданный возбужденный голос:

— Мостик, докладывает гидролокатор, контакт на пеленге ноль пять ноль!

Прежде чем я успел отреагировать и нажать кнопку передачи для подтверждения в приеме сообщения, из темноты возникла чья-то рука и вцепилась в кнопку:

— Понял вас, гидролокатор, классификация?

Та же рука, принадлежность которой я все еще не определил, быстро отпихнула меня в сторону, а в ходовой рубке внезапно началась сумятица. Вместе с вахтенным офицером я находился в тот момент вне ходовой рубки на открытом мостике; это было обычным местом несения службы для вахтенного офицера, пока особо ненастная погода не загоняла его в ходовую рубку. Мостик был отделен от ходовой рубки рядом иллюминаторов, которые были обычно открыты при хорошей погоде и закрыты и задраены — при плохой. Через открытые иллюминаторы мы отдавали устные приказы рулевому и оператору машинного телеграфа. На тот случай, когда иллюминаторы были закрыты, между открытым мостиком и ходовой рубкой было несколько переговорных труб, через которые мы выкрикивали устные приказы, а ходовая рубка подтверждала их получение.

В случае с таинственной рукой, возникшей на темном мостике ниоткуда, выяснилось, что она принадлежала коммандеру Келли, однако для меня осталось загадкой, как он очутился на открытом мостике в такой ответственный момент. Я вскоре убедился, что всякий раз, когда появлялась вероятность контакта или даже ничтожный шанс того, что лодка находится в пределах радиуса действия гидролокатора, Келли каким-то образом материализовывался на мостике.

После этого события начали развиваться очень быстро.

— Беру управления на себя, — прорычал Келли (это означало, что он взял управление кораблем у вахтенного офицера). — Право на борт, обороты на скорость двадцать пять узлов. Ладжер, объявите «готовность номер один,

противолодочную».

По «готовности № 1, противолодочной» специально отобранные люди занимались каждый своей работой: обязанности вахтенного офицера и помощника вахтенного офицера принимали лучшие и наиболее подготовленные офицеры эсминца а офицер по противолодочной борьбе, младший лейтенант Брэд Шерман, несся к гидролокатору, вниз, на четвертую палубу, в конец обширных отсеков, набитых стеллажами с загадочно жужжащими коробками электронной аппаратуры, стоящими в кондиционируемых помещениях. Именно там была «чаша Грааля» противолодочного корабля, святилище борьбы с подводными лодками. Только немногие особые счастливчики имели туда доступ. Чрезвычайно талантливый, но временами странноватый офицер по противолодочной борьбе, Брэд Шерман имел особые отношения с коммандером Келли, которые чем-то походили на отношения священнослужителя с архиепископом. Шерман мог отнимать внимание Келли на большее время, чем те несколько секунд, которые были отпущены большинству других офицеров, включая старпома.

Брэд Шерман управлял сердцем противолодочного корабля, и только поэтому он имел особенные отношения с командиром. В рубке гидроакустики работало еще два человека, это были операторы гидролокатора, обычно носившие тяжелые теплые куртки для защиты от холода в кондиционируемых помещениях, наполненных жужжащей электроникой и важными внутренними элементами акустического оборудования. Один из петти-офицеров сидел обычно у пульта управления гидролокатора, задавая мощность и частоту излучения активного гидролокатора, а второй петти-офицер занимался приемником, фильтровавшим отраженные сигналы гидролокатора и обрабатывавшим их до тех пор, пока они волшебным образом не появлялись на экране, анализировал их и в течение нескольких секунд определял, что же это — ложный контакт, морская жизнь или, о момент славы, подводная лодка. В последнем случае относительная важность этих маленьких людей, теснящихся в пространстве четырьмя уровнями ниже главной палубы, взлетала до чудных высот незаменимости.

Я узнал про все эти нюансы работы гидролокатора гораздо позже того, как в первом случае имел неосторожность оказаться на пути коммандера Келли. Через несколько месяцев, по причинам, которые я тогда совсем не понимал, при «готовности № 1, противолодочной» мне досталась обязанность оператора системы корабельной связи «1JS» на мостике. Обязанность

оператора состояла в том, что он являлся связующим звеном между священным местом под названием гидролокатор и цитаделью, называемой мостик, с которого Келли управлял кораблем после установления контакта с лодкой. От оператора требовалось поддерживать постоянную связь с находящимся внизу расчетом, освобождая тем самым командира от необходимости находиться рядом с громкоговорящим переговорным устройством «21 MC» или же самому разговаривать с рубкой гидролокатора по телефону. На большинстве кораблей обязанность оператора системы «1JS» исполнял петти-офицер, знавший кое-что о работе гидролокатора и могущий находиться рядом с командиром, который носился по ходовой рубке, а временами — и по открытому мостику. Давным-давно, вскоре после назначения Келли на должность командира эсминца, после одного чересчур эмоционального эпизода с его участием на эту должность стали назначать младших офицеров, а не петти-офицеров. Должность требовала не только превосходного умения балансировать и шустрых ног, но и великолепного ночного зрения, чтобы уметь поспевать за Келли, не запутавшись в длинном телефонном проводе. Не было ничего необычного в том, что командир раздавал легкие тычки любому, кого мог достать, для того чтобы подчеркнуть необходимость двигаться с большей скоростью или для придания убедительности его приказам. Полагаю, что именно по этой причине на должность оператора ставился младший офицер, а не просто матрос, поскольку немыслимо было подумать, чтобы офицер, занимающийся рукоприкладством по отношению к неофицерам, мог ударить другого офицера. Мне и самому частенько доставались тычки в корпус от всегда подвижных рук и локтей Келли, но ни один из ударов не был действительно сильным, и к ним привыкали, как и к скрипучему голосу Келли.

У меня появилось благоговейное почтение к установленной на мостике аппаратуре под названием указатель выбора противолодочного оружия. Она представляла собой обычный серый ящик, один из многих, имевшихся в ходовой рубке (абсолютно такой же прибор стоял и на открытом мостике). На темном экране прибора высвечивались гидролокационный контакт и контур нашего корабля, и тренированный глаз мог достаточно быстро разглядеть истинный и относительный пеленги с корабля на гидролокационный контакт, кроме того, на поверхности экрана было нарисовано несколько дуг, соответствующих пределам дальности применения того или иного вида оружия. На экране также был показан угол цели контакта, т. е. направление его курса относительно курса нашего

корабля. Подлинное уважение к указателю выбора противолодочного оружия возникло у меня после того, как я несколько раз наблюдал коммандера Келли часами стоящим у прибора и глядящим на его экран. Он стоял как прикованный, и это значительно облегчало мне исполнение моих обязанностей, потому что он не носился по ходовой рубке, и мне не надо было следовать за ним, держа в руках отрывной разъем телефонного кабеля громкоговорящей связи и стараясь не запутаться в оборудовании или запнуться о других вахтенных мостика.

Во время противолодочных операций народу на мостике прибавлялось, так как согласно боевому расписанию в напряженные моменты на мостике дополнительно появлялись новые должностные лица. Большинство вахтенных на «Блэнди» имели достаточный опыт работы на мостике и знали, как не подвертываться Келли под руку и соблюдать требование о полной тишине на мостике. При появлении на мостике коммодора Моррисона, командующего эскадрой, Келли старался быть вежливым, но обычно заканчивал той же грубостью и лаконизмом, которые он демонстрировал по отношению и к своим подчиненным.

С приобретением опыта работы на мостике я научился быть достаточно шустрым, чтобы находиться рядом с Келли и избегать его частых ударов, адресованных мне, когда я бывал чересчур медлителен или же дублировал доклад от гидролокатора, который он не хотел слышать.

Оператором на противоположном конце линии «1JS» в рубке гидролокатора был первый лейтенант Лес Вестерман, дублер Брэда Шермана, успевший закончить Гидролокационную школу повышения квалификации в Ки-Уэст, штат Флорида. Каждый офицер корабля мечтал поучиться в этой школе, которая была венцом подготовки к службе на эсминцах и пользовалась популярностью у всех младших офицеров. Только Школа управления авиацией, обучавшая офицеров и лучших петти-офицеров искусству наведения самолетов противолодочной борьбы, пользовалась таким же почетом, как и Гидролокационная школа повышения квалификации Атлантического флота. Выпускники обоих учебных заведений были на равных правах и пользовались одинаковым уважением на корабле.

До 1962 г. присутствие советских подводных лодок в Атлантике было минимальным, а их атомные подлодки ходили туда редко. Найти советскую подводную лодку в те годы было делом большой удачи и упорства. Наши противолодочные эсминцы работали тогда в тесном контакте с противолодочными патрульными самолетами дальнего действия, и все-таки в 60-х

годах было редкостью отыскать именно советскую лодку и держать ее под контролем. Эффективность действий противолодочной ПУГ в целом зависит от противолодочных самолетов. Самолеты дальнего действия «Нептун» «P2V» долгие годы являлись становым хребтом семейства морских патрульных самолетов дальнего действия. Эта неуклюжая на вид машина вела свою родословную от самолета «Гудзон» производства компании «Локхид-Вега», который в годы Второй мировой войны был самолетом общей разведки. Самолеты «Нептун» были единственными самолетами наземного базирования, специально предназначенными для поиска подводных лодок. Самолет нового поколения «Орион» «P-3» создавался для иных целей, однако в начале 60-х годов оказался идеальной заменой стареющих самолетов «Нептун» «P2V». Оба самолета интенсивно использовались в тесном взаимодействии с эсминцами и авианосцами авианосных поисково-ударных групп (АПУГ).

Эти самолеты могли патрулировать обширные районы океана; они имели на вооружении большой запас гидролокационных буев, сбрасываемых в море особым способом и образующих на поверхности моря различные геометрические фигуры. Большинство буев были, по сути, пассивными гидрофонами (шумопеленгаторами), которые улавливали шумы подводной лодки или надводного корабля и транслировали эти шумы на приемники самолета. Самолеты, сбрасывая буи в особом порядке и строя из них геометрические фигуры, могли определять местоположение и следить за движением подводной цели, если поблизости от фигуры сбрасывался активный буй или простой заряд взрывчатки. Отраженная от контакта звуковая волна — от взрыва или же посланная активным буем — принималась и передавалась на самолет, операторы которого производили триангуляцию полученных сигналов и определяли местоположение контакта, его курс и скорость.

В 60-х годах такой порядок применения этих буев назывался «Джезебел» (Библейская Иезавель. — *Прим. перев.*), а заряды сбрасываемой взрывчатки назывались «Джули» (Джулия). Другой аппаратурой обнаружения подводных лодок на борту самолетов являлся чувствительный радиолокатор «APS-20», обладавший высокой разрешающей способностью; он принимал отраженные электромагнитные сигналы от мельчайших объектов на поверхности моря и был сконструирован специально для обнаружения небольших по размеру шноркеля и перископа подводной лодки при волнении моря. Третьим прибором обнаружения был детектор магнитной аномалии (ДМА), который был не чем иным, как усовершенствованным электронным

омметром, установленным на самолете для измерения возмущения в магнитном поле Земли, вызванного сделанной из стали подводной лодкой. Первые образцы ДМА были эффективны только тогда, когда самолет пролетал на малой высоте непосредственно над лодкой, определяя сигнал аберрации в магнитном поле Земли. С годами систему усовершенствовали до такой степени, что с помощью этого оборудования лодку обнаруживали с высоты нескольких тысяч футов.

Все эти системы были установлены на борту и меньших по размеру тактических самолетов противолодочной борьбы, базировавшихся на авианосцах поисково-ударных групп. К примеру, авиационное крыло авианосца ВМС США «Эссекс» имело в своем составе несколько эскадрилий самолетов «Трэкер» «S2F» фирмы «Грумман»; самолеты обладали указанными возможностями по обнаружению лодок, но, будучи по своим размерам меньше самолетов «Нептун», имели значительно меньший радиус действия. Тем не менее наличие тактических «Трэкеров» увеличивало возможности поисково-ударной группы по поиску, поскольку группа меньше рассчитывала на патрульные самолеты берегового базирования и больше полагалась на свои собственные тактические самолеты. Эсминцы, входившие в состав поисково-ударных групп, в ходе обучения и практической работы накопили опыт управления такими самолетами, нацеливая их на то, где надо летать и как и где сбрасывать буи, объединяя, таким образом, очень точный гидролокатор эсминца с установленными на самолете системами обнаружения. По словам русских подводников того времени, вездесущие «Трэкеры» поисково-ударных групп в сочетании с патрульными самолетами «Р-2» и «Р-3» большой дальности представляли основную угрозу для их скрытых операций. Естественно, эсминцы попали в зависимость от самолетов, обладавших возможностью патрулировать обширные районы и находить лодки. После месяцев совместной работы в море эсминцы и авианосцы с тактическими самолетами противолодочной борьбы отшлифовали свои объединенные возможности, став серьезным противником современной подводной лодки, в особенности — дизельной, по-прежнему вынужденной всплывать или идти под РДП для зарядки батарей, имевших ограниченную емкость. Для одиночного эсминца типа «Блэнди» найти и вести подводную лодку являлось высшим достижением.

Мое уникальное наблюдательное окошко как оператора противолодочной системы на мостике «Блэнди» связывало меня с низким, убедительным голосом на другом конце громкоговорящей связи в рубке гидролокатора. Этот голос

принадлежал Лесу Вестерману, получившему от Фрэнка Фленегена прозвище Плед за его голову, покрытую роскошными курчавыми коричневато-красными волосами. Рост у него был больше шести футов, он разговаривал очень мягко и был добродушным энсином из Чикаго. Лес был из тех людей, что и букашку не обидят, хотя он и командовал первым дивизионом, называемым палубной командой, в котором собрались самые неотесанные и грубые матросы, отъявленные любители поругаться. Вестерман каким-то волшебным способом мог управляться со своими головорезами из палубной команды. Одной из основных фигур из его петти-офицеров был Петит, помощник боцмана второго класса, старый моряк, которого коммандер Келли обычно понижал в звании во время традиционной для флота процедуры неюридического наказания, прозванного «капитанская мачта». Частенько его понижали в звании из старшего петти-офицера до петти-офицера третьего класса, обычно из-за его ссор во время увольнения на берег, случавшихся, как правило, в изрядной степени интоксикации. Петит был рыжим веснушчатым мужчиной средних лет, любившим хорошую потасовку. Как я позднее узнал, он был в свое время на борту горемычного эсминца ВМС США «Хобсон», в конце 1950-х годов разрезанного пополам авианосцем во время ночных маневров по занятию позиции по страховке самолетов позади авианосца. Передняя часть эсминца сразу же затонула, унося на дно семьдесят пять членов экипажа, а Петит, несший вахту на мостике, был выловлен из воды командой моторного вельбота, спущенного с авианосца. Однажды я почтительно спросил его про тот случай:

— Петит, я слышал, что вы спаслись во время столкновения «Хобсона» с авианосцем?

— Так точно, сэр, — не раздумывая, ответил Петит, — это была самая зае…кая штука, случившаяся с этим кораблем.

К этой теме я никогда больше не возвращался.

* * *

Мой первый опыт противолодочной войны случился поздним летом того же 1962 г., когда «Блэнди» в Ионическом море вошел в гидролокационный контакт с лодкой. Я до сих пор ясно вижу начало схватки, и у меня в ушах до сих пор стоит крещендо криков и ругательств, сопровождавших вертевшийся так и сяк по командам Келли корабль в его немыслимом преследовании подводной лодки. В те дни и годы смыслом существования

корабля этого типа и его первейшей задачей являлась противолодочная борьба. При постройке эсминца планировалось, что его три орудийные установки калибра 127 мм будут главным калибром корабля, фактически же его главным калибром и главным оружием стали противолодочные головы. Мощь противолодочного эсминца заключена не в его вооружении, а в его умении находить, сопровождать и поддерживать контакт с подводной лодкой. Если командир эсминца достаточно опытен, чтобы удержать контакт с лодкой, то эсминец всегда может вызвать самолет и направить его на уничтожение лодки.

Той ночью я стал свидетелем повышения степени противолодочной готовности — именно тогда «Блэнди» установил контакт с американской ударной атомной подводной лодкой, совершавшей переход из Неаполя в район учений, где она должна была сыграть за противника против нашей эскадры, состоявшей из восьми эсминцев. В ту ночь «Блэнди» установил гидролокационный контакт и, как решительный бульдог, сохранял его три часа — пока руководитель учений не объявил об их окончании. Коммодор Моррисон приказал «Блэнди» прервать контакт и дать лодке возможность проследовать в ее район учений. Имевший прочный гидролокационный контакт с реальной подлодкой, Келли не хотел прерывать охоту, да и сам приказ задевал его за живое.

Установить и удерживать контакт с американской атомной ПЛ во время учений — такое случалось редко, поэтому удержание контакта было высочайшим достижением, и Келли и мысли не допускал о том, чтобы дать лодке уйти. Когда коммодор приказал «Блэнди» прервать контакт, Келли неохотно выполнил его, и, когда лодка всплывала после окончания учений, «Блэнди» был вынужден отвернуть на безопасный курс. Чтобы не рисковать, руководитель учений приказал лодке включить ходовые огни. Когда это случилось, «Блэнди» все еще находился прямо над лодкой. Келли отвернул корабль на безопасный курс, схватил меня за рубашку и указал на что-то в темноте. Там, в прозрачной воде, на глубине примерно пятьдесят футов или больше, под нами проходила подводная лодка с включенными ходовыми огнями, и ее большой темный силуэт напоминал крупного кита, увешанного яркими лампочками. Это видение сохранилось в моей памяти на долгие годы.

Когда «Блэнди» отстаивал честь эскадры, фактически же — всего Атлантического флота США, то и на мостике, и в рубке гидролокатора случались напряженные моменты, но мы хорошо справлялись с основной задачей, и мы знали это. Эд Келли гордился собой как хитрым и умелым тактиком в борьбе с

подводными лодками. Еще до того как я вступил на борт «Блэнди», мне несколько раз рассказывали о знаменитом заходе в порт Барселоны. В кают-компании «Блэнди» тоже часто вспоминали о том, как «Блэнди» перехитрил две подводные лодки при заходе ударной группы в Барселону. Группа направлялась в порт для недельного отдыха, и Келли был временно назначен ее командиром для отработки упражнения «заход в порт при противодействии противника». Роль «противника» выполняли две дизельные подводные лодки ВМС США, а ударная группа, в которую входил «Блэнди», состояла из противолодочного авианосца «Рэндольф» и семи эсминцев сопровождения.

ВМС США в те дни имели множество разнотипных корабельных гидролокаторов, начиная со старых, но проверенных Второй мировой войне направленных гидролокаторов и кончая новыми всенаправленными гидролокаторами. Новые гидролокаторы имели большую мощность и имели более высокую рабочую частоту. Эсминцы «Блэнди» и «Бэрри» и авианосец «Рэндольф» были оснащены мощными гидролокационными станциями «SQS-23», имевшими большую дальность действия и более высокую рабочую частоту. По замыслу учений при заходе в порт при противодействии противника каждый корабль должен был безопасно пройти в бухту и не подставить себя под атаку двух подводных лодок.

Лодки могли залечь прямо у входа на фарватер и ждать, пока авианосец с кучей самолетов, закрепленных на его палубе, начнет проход фарватера, а следом за ним гуськом потянутся эсминцы сопровождения. Подводные лодки редко атакуют все корабли без разбора, потому что главная цель для них — авианосец. С потерей авианосца боевая эффективность всей нашей АПУГ серьезно падала, ведь авианосец противолодочной борьбы был самым серьезным противником подводных лодок, потому что он нес на себе самолеты и вертолеты со средствами обнаружения и средствами поражения подводных лодок; для подводных лодок эти самолеты и вертолеты были практически недосягаемы — за исключением того момента, когда они находились на палубе авианосца. Защита авианосца являлась основной задачей эсминцев, которые сами по себе были неплохими кораблями, но были слабоваты по части обнаружения лодок. Еще со времен Второй мировой войны стали поговаривать о том, что эсминцы могут выполнить боевую задачу по обозначению последнего местоположения подводной лодки слоем собственного горящего топлива в точке своего ухода на дно.

В тот день трудной задачей для Келли стало требование руководителя учений к кораблям ударной группы войти в порт

поодиночке узким фарватером. Когда эсминцы завесы приблизились к началу фарватера, им пришлось сломать строй и действовать поодиночке, прикрывая авианосец, который должен был войти в фарватер как можно быстрее. Тактика действий подводных лодок была вполне предсказуемой, они хотели бы воспользоваться своим преимуществом, скрытностью и нанести один сильный удар. Сами лодки могли без помех лежать на дне или рядом со стоящим на якоре торговым судном, что затрудняло их обнаружение, и выжидать, а потом пустить торпеды по входящему в фарватер авианосцу. С помощью пассивных гидролокаторов лодки могли спокойно вести прослушивание и контролировать обстановку, и Келли знал, что у подводников имеется хороший шанс сделать один пуск торпеды, и этот пуск будет именно по авианосцу. Келли знал также, что подводники очень хорошо разбираются в различных направлениях и интенсивности работы и других характеристиках гидролокаторов, а также шумах винтов всех надводных кораблей. Лодки не поднимали перископ, избегая риска быть обнаруженными, но тем не менее они прекрасно различали, где находятся передовая завеса, авианосец и корабли его сопровождения.

Когда ударная группа под командованием Келли приблизилась к началу фарватера Барселоны и поджидавшим ее подводным лодкам, активные гидролокаторы кораблей завесы на полную мощность включились в работу на излучение, пытаясь обнаружить подводные лодки. В обычных условиях эсминцы «Блэнди» и «Бэрри», оснащенные мощными гидролокаторами, находились бы по обеим сторонам авианосца по курсу его хода, однако в тот день Келли поставил «Бэрри» на место авианосца, а авианосец «Рэндольф» с работающим гидролокатором, установленным в носовой части авианосца, поставил на место эсминца сопровождения в строю кораблей.

К тому времени, когда подводные лодки различили подмену, авианосец благополучно прошмыгнул в бухту. Эсминец «Бэрри» был пушечным мясом, но едва ли стоил того, чтобы лодки раскрыли свое местоположение пуском торпеды на мелководье по такой скромной добыче. Учение подтвердило то, что каждый из нас уже знал — эсминцы были расходным материалом.

Операция «Кама»: убытие

30 сентября 1962 г.

69-я бригада советских ПЛ
Кольский полуостров

Бухта Сайда — это бывшая рыбацкая деревушка, спрятавшаяся среди нескончаемых и покрытых тайгой сопок Кольского полуострова, километрах в двадцати северо-западнее Мурманска. Глубина моря у трех крошечных, размером с мизинец, пирсов, которыми долгие годы пользовались рыбаки, а потом их забрал флот, составляла двадцать метров, и этого было более чем достаточно для ударных ПЛ «Проект 641». В десяти километрах на юго-восток — если ехать по ухабистой и грязной дороге — лежал порт Полярный, база 4-й орденов Красного Знамени и Ушакова эскадры подводных лодок. В 1962 г. эскадра состояла из 69-й бригады ПЛ (четыре ударные дизельные ПЛ «Проект 641») и 18-й дивизии ПЛ (семь дизельных ПЛ «Проект 629») с баллистическими ракетами. Каждая из этих лодок была вооружена тремя баллистическими ракетами «Р-13» («Д-2»). Пуск ракет производился с интервалом в 4 минуты, но только из надводного положения.

Четыре ударные ПЛ являлась рабочими лошадками эскадры. Силовая установка каждой лодки состояла из трех дизелей и трех электромоторов, спрятанных в черный стальной корпус, а посередине покатой палубы сидела на корточках закругленная рубка. Светлые блестящие панели рубки, которые закрывали носовые гидроакустические приемопередатчики, вместе с панелями акустических антенн пассивного гидролокатора смахивали на стянутый в ухмылке рот, а плексигласовые покрытия окошек штурманского мостика рубки походили на глаза, и все это вместе придавало группе лодок вид четырех темных и безобразных драконов. 30 сентября четверка этих мрачных морских монстров, обмотанных стальными тросами, стояла в бухте Сайда пришвартованной к старым деревянным рыбацким причалам и ожидала убытия. Лодки покинули родные причалы в Полярном и пришли в бухту Сайда три дня назад под покровом темноты, скрывая предстоящий выход в море от родственников, всегда с любопытством осматривающих бухту Полярного из серых панельных домов, в которых жили семьи офицеров и мичманов. Тихий уход в бухту Сайда был сделан для

того, чтобы запланированная последней операция по погрузке спецторпед прошла в полной тайне.

Спецбоеприпасы, т. е. торпеды с ядерной боеголовкой, никогда не состояли на вооружении этих лодок, кстати, они не состояли на вооружении ни одной из подводных лодок советского Краснознаменного СФ. Это были торпеды калибра 533-мм, на носовой части которых имелась пурпурная маркировка, которая и отличала их от обычных торпед того же калибра, нос которых был окрашен в серый цвет.

Старший лейтенант Володя Воронов молча наблюдал за тем, как в вечерних сумерках плавучий кран опускал одиночную торпеду через передний приемный люк подводной лодки «Б-130». Советским подводным лодкам назначались постоянные номера вместо имен собственных, как в американском флоте, по этим номерам их и называли. У лодок «Проекта 641» перед каждым номером стояла буква «Б» — сокращение от русского слова «большой». Эти номера не были связаны с бортовыми номерами, которые иногда наносились на корпус лодки; в целях скрытности бортовые номера периодически менялись.

Воронов был начальником минно-торпедной боевой части. Странно, думал он, что вместе с новой торпедой на борт прибыл и офицер по ее безопасности, который явно не был подводником, хотя и носил голубой комбинезон и черную пилотку, которую надевали офицеры-подводники, отличаясь тем самым от своих товарищей с надводных кораблей. Сопровождавший спецоружие офицер имел при себе небольшой пистолет в коричневой кожаной кобуре, которую прикрывала голубая форма. Пистолет подчеркивал значимость офицера, который в последующие несколько недель будет редко выходить из носового торпедного отсека, где у него будет персональная койка, растянутая прямо над торпедой в небольшом занавешенном закутке, места в котором хватало только на то, чтобы прикрыть торпеду и офицерскую койку, подвешенную на цепях. Офицера часто видели проверяющим целостность свинцовой печати, которая скрепляла концы провода, блокирующего доступ к панели, расположенной в верхней передней части торпеды с пурпурным носом.

Этот особый офицер напоминал Воронову сводника, охраняющего что-то непристойное. Воронов уже заметил, что каждая из трех оставшихся лодок их бригады в этот вечер тоже получила по одной такой торпеде, на каждую торпеду был выделен свой офицер сопровождения; все офицеры сопровождения почему-то выглядели на одно лицо и на настоящих подводников не походили, хотя и были одеты в соответствующую форму.

Они были чересчур чистенькими, да и двигались смешно. Кое-кто из моряков шутил, что они были офицерами КГБ, но вслух об этом не говорили, потому что это никого особенно и не волновало. Экипажи просто игнорировали пришельцев, и неприличные высказывания звучали тогда, когда этих офицеров не было поблизости.

Командир «Б-130» капитан 2 ранга Николай Шумков, темноволосый, крупный и мускулистый офицер, развернулся на нижней ступеньке трапа, шедшего через основной выход с центрального командного на мостик лодки, которая была первой пришвартована к пирсу. Помещение было слабо освещено. Шумков помолчал, потом, указывая на манометр давления в магистрали первого дизеля, произнес:

— Виктор, пригляди за давлением. Я вернусь, когда закончу с прощальными поцелуями.

— Есть, товарищ командир, — быстро ответил старпом Виктор Фролов. — Все отсеки доложили о готовности и об укомплектованности постов. Отдаем швартовы в три тридцать утра.

Шумков что-то пробормотал и стал подниматься по узкому трапу, потом он вышел на нижний уровень мостика и открыл люк для прохода на палубу лодки. В темноте стояли двое часовых с автоматами Калашникова на плече, от их дыхания поднимался пар, различимый в тусклом свете с дальнего конца пирса. Было холодно, но не так, как предыдущей ночью. Лед на корпусе лодки успел стаять, но еще поблескивал на пирсе маслянисто-ржавыми лужами. Шумков прошел по сходням с лодки на пирс и двинулся к одноэтажному домику, стоявшему в самом начале пирса. Подходя к домику, он различил силуэты двух часовых, стоящих по обеим сторонам двери, а потом увидел еще одну фигуру, двигавшуюся в темноте к домику от второго пирса. Когда фигура приблизилась, он узнал в ней Алексея Дубивко, командира однотипной лодки «Б-36». Дубивко остановился возле часовых и поджидал Шумкова. Они пожали друг другу руки, здороваясь, откозыряли часовым, отдавшим им честь, и вошли в плохо освещенный домик, в котором командирам всех четырех лодок было приказано собраться в полночь для встречи с командующим эскадрой контр-адмиралом Рыбалко.

Рыбалко стоял во главе стола, в черной морской шинели и каракулевой зимней шапке-ушанке, которую носили старшие офицеры. Рядом с ним был адмирал Фокин из ГШ ВМФ, позади Фокина находилась группа офицеров, включавшая начальника штаба эскадры и заместителя командира эскадры по политической части.

Адмирал Рыбалко не улыбался, держался скованно и жестом указал им на места за столом, за которым уже сидел командир третьей подводной лодки, который кивком поздоровался с только что прибывшими коллегами. Прибывший раньше других командиров офицер являлся капитаном 2 ранга Рюриком Кетовым, командиром «Б-4», самой молодой из четырех подводных лодок. Трое командиров сидели спокойно перед державшимся формально Рыбалко и неторопливо оглядывали небольшую комнату. Напротив них на стене висело Красное знамя с полным наименованием эскадры — 4-я Краснознаменная ордена Ушакова эскадра подводных лодок. На знамени, отделанном по краям золотой бахромой, виднелись пятна воды. С одной стороны знамя выглядело выцветшим; второпях принесенное в помещение, оно было мятым.

Позади всех на стуле с прямой спинкой сидел еще один адмирал, и на погонах его зимней шинели, в которой он находился в холодной комнате, виднелись две звезды вице-адмирала. Этим адмиралом был Анатолий Россохо, начальник штаба — заместитель командующего СФ; он представлял здесь командующего СФ и должен был лично убедиться в том, что четыре подводные лодки, задействованные в операции «Кама», убыли по расписанию и что у командиров лодок нет никаких неясностей относительно применения спецоружия. Россохо не был подводником, но успел покомандовать многими надводными кораблями, был известным специалистом по корабельной артиллерии и имел репутацию нестандартного сторонника многих интересных флотских начинаний. Если на флоте появлялась какая-то новая и передовая идея, то обычно за ней стоял Россохо. Он был резок и напорист, но являлся интеллектуалом и даже писал стихи. Он прославился тем, что организовывал и руководил проводкой первых морских караванов через льды, закрывавшие подходы к северным владениям СССР, из Мурманска в Тихий океан. Такие караваны были чрезвычайно рискованным делом, и с появлением атомных ледоколов Россохо был первопроходцем в проводке караванов торговых судов и военных кораблей, включая подводные лодки, с Северного флота на Тихоокеанский. Использование северного маршрута долгие годы считалось альтернативой длинному пути от района действия одного флота к району действия другого, и одной из основных причин так полагать была возможность перегонять боевые корабли и подводные лодки, не показывая их иностранцам. У Россохо была также репутация опытного океанографа и гидрографа, он дважды был лауреатом Государственной премии СССР за свои книги, в число которых

входили «Атлас мирового океана» и сборник избранных стихов. Присутствие хорошо известного адмирала в страшно холодной комнате проходило незамеченным до того момента, пока разговор не зашел о правилах, определяющих применение ядерных торпед, только что погруженных на четыре лодки. Шумков первым заметил адмирала и толкнул локтем Дубивко.

— Погляди-ка, кто здесь! — Все, что связано с этой операцией, подумал Шумков, собрано вместе, как будто убытию было уделено мало места в планировании или убытие вовсе не планировалось. Спецторпеды прибыли за день до прихода лодок, но в бухте Сайда четыре лодки были вынуждены ждать в готовности к погрузке плавучий кран, который почему-то не вышел вовремя из соседнего Гаджиево. Несмотря на задержку, все командиры лодок занимались подготовкой к отплытию и были заняты этим полные шесть часов до прибытия баржи с краном. Теперь неожиданно сидевшие в ожидании инструктажа трое офицеров обнаружили присутствие человека, который был больше легендой, чем реальностью, офицера, которого они меньше всего ожидали увидеть этой ночью в бухте Сайда.

Дверь домика опять отворилась, и вошел командир четвертой подводной лодки, капитан второго ранга Виталий Савицкий, в сопровождении командира бригады капитана 1 ранга Агафонова и начальника штаба бригады капитана 1 ранга Василия Архипова. Они поприветствовали адмирала Рыбалко, который неуклюже переминался с ноги на ногу.

— Начнем, товарищи, осталось мало времени, — отрывисто произнес Рыбалко.

Прибывшие быстро заняли свои места за маленьким столом. Рыбалко начал говорить, а старшие по рангу адмиралы Фокин и Россохо продолжали спокойно сидеть позади него на стульях, расставленных вдоль стены.

В углу комнаты стояла небольшая печка, топившаяся углем; в своей средней части она раскалилась до розового цвета, и через плохо заделанные швы кирпичной кладки был виден полыхавший внутри огонь. Комната была наполнена едким запахом сгоревшего угля, пробивавшимся через кривой дымоход. Несмотря на топившуюся печку, в комнате было холодно и сыро, а пол казался ледяным, поэтому адмирал Рыбалко притоптывал ногами и вертел ими из стороны в сторону. Сейчас Рыбалко являлся командующим эскадрой, которая специально для похода на Кубу была переименована в Двадцатую особую эскадру.

— Доброе угро, товарищи командиры, — начал он. — Я не буду касаться деталей ваших маршрутов и боевых задач, потому что они ясно обозначены в запечатанных конвертах, которые уже

находятся на борту всех ваших лодок. — Приступ кашля прервал его, он прикрыл рот носовым платком, отдышался и убрал платок в карман. — Сейчас вы имеете только общее представление о том, куда вы направляетесь. Я хочу передать вам персональные приветствия от командующего Северным флотом, чуть позже вы можете задать вопросы мне и адмиралу Фокину, представителю Главного штаба ВМФ, с которым я имел удовольствие провести последние четыре дня.

Адмирал сделал паузу и посмотрел на старшего по званию адмирала.

— Вы все встречались с ним два дня назад во время последнего инструктажа на борту плавбазы «Дмитрий Галкин». Повторяю, что подробности ваших боевых задач изложены в пакетах, и прошу вас после погружения довести их до ваших основных офицеров.

Рыбалко замолчал и оглядел каждого из командиров, словно хотел обнаружить малейшие признаки непонимания.

— Адмирал Фокин просил меня подчеркнуть тот факт, что в ходе выполнения поставленных задач каждый из вас несет на своих плечах колоссальную ответственность.

Основная забота за подготовку лодок к убытию была возложена на командующего СФ адмирала Касатонова и члена Военного совета СФ контр-адмирала Сизова. Фактически же именно адмиралы Фокин и Рыбалко выполнили большую часть работы по подготовке подводных лодок и непосредственно помогали командирам, когда у тех возникали трудности с получением дополнительных запчастей и провианта. Адмирал продолжал бубнить своим высоким голосом, а Шумков поглядывал на других командиров лодок, которые, хоть и выглядели уставшими, слушали внимательно. Минувшая неделя выдалась жаркой, потому что они взяли на борт большое количество топлива и запасов, заполнив почти каждый сантиметр свободного пространства на каждой из лодок. Шумков заметил, как дежурный открыл печную дверцу и с шумом высыпал в печь банку мелкого угля. Дверца хлопнула, прервав адмирала.

— Архипов, освободите помещение от рабочего персонала.

Начальник штаба вскочил на ноги и бросился к двум дежурным, тесня их к двери на черный как смоль утренний воздух. Потом он вернулся на свое место.

Адмирал продолжал:

— Каждый из вас имеет возможность нанести смертельный урон американским силам, но я призываю вас к сдержанности. Считается весьма маловероятным, чтобы американские противолодочные силы представляли собой нечто более

серьезное, чем то, что они являются в повседневной степени готовности, и особой опасности не представляют. — Он опять прокашлялся. — Тщательно изучите ваши боевые задачи, они расписаны очень подробно.

Шумков поглядел на Дубивко, который улыбнулся и слегка повел глазами, показывая, что все это он уже слышал. Эти двое были близкими друзьями, и в прежние годы каждому из них довелось послужить не на одной лодке. Они считались самыми опытными командирами в эскадре и лучшими в бригаде. Они не знали, какова их новая боевая задача, но понимали, получив специальную тропическую форму, что их отправляют надолго, и туда, где будет гораздо теплее, чем на Кольском полуострове. Оба предвкушали приключения, но знали, что менее авантюрные командиры — Савицкий, которого прозвали Свитер, и Кетов, по прозвищу Осторожный, не очень-то приветствовали идею продолжительной командировки. И Шумкову, и Дубивко нравились загадочность и аспект неизвестности их боевых задач.

Адмирал завершил разговор:

— Каждый из вас имеет в своих руках потенциал, достаточный для начала новой мировой войны, и поэтому, товарищи, постарайтесь не втянуть нас в нее. А теперь, — он помедлил, словно подыскивая слова, — удачного вам плавания и семь футов под килем. — Это была старая присказка русских моряков, во многом сходная с известной на Западе прощальной поговоркой «пусть у вас всегда будет хороший ветер и попутное течение», обычно она произносилась в ходе более дружеских и менее формальных прощаний; здесь же она была несколько неуместной. Рыбалко казался взволнованным, несомненно, его беспокоила важность задачи, которая им предстояла. — Вопросы есть?

Последовала долгая и молчаливая пауза. Шумков оглядел сидящих за столом и вдруг увидел, что Кетов встает.

— Товарищ адмирал, я знаю, что наши боевые задачи детально расписаны в запечатанных конвертах, которые уже на борту, но мы все беспокоимся по поводу условий использования спецторпед. Чего именно нам ожидать? Как и когда мы можем применить их?

Последовала еще одна долгая пауза, а потом вперед шагнул адмирал Фокин. Рыбалко, которому пришли на выручку, отступил немного назад, опять коротко кашлянув.

— Товарищи командиры, — начал Фокин, — мы все еще не полностью готовы, чтобы заниматься этим вопросом, но чтобы вы знали наверняка…

Начальник штаба СФ вице-адмирал Россохо, сидевший

позади группы старших начальников, неожиданно встал со стула и прошел вперед. Он оглядел собравшихся и помолчал, словно ожидая начала своей партии на сцене. Вся четверка командиров подводных лодок с изумлением взирала на легендарную фигуру. У Россохо были острые черты лица, которые отличали его от большинства русских офицеров, и походил он больше на греческую статую, чем на русского адмирала.

Россохо оглядел четверых командиров лодок и произнес громко и отчетливо:

— Товарищи офицеры, по возвращении на лодки запишите мои слова в свои вахтенные журналы. Итак, применение спецоружия разрешается при следующих условиях: первое — в том случае, если вы атакованы глубинными бомбами и прочный корпус лодки разрушен; второе — при нахождении в надводном положении вы попали под обстрел и получили повреждения; и третье — по приказу из Москвы.

Опять последовала долгая пауза, во время которой все адмиралы обернулись, чтобы получше разглядеть высокого, стройного, но широкогрудого Россохо, который стоял с выдвинутым вперед подбородком, словно ожидая нападения. Никто больше и слова не сказал об условиях применения спецоружия. Стоявший за столом Кетов перевел взгляд с адмирала Рыбалко на адмирала Фокина и сел, увидев, что они больше ничего не добавят к сказанному. Рыбалко опять спросил:

— Вопросы? — Вопросов не было.

Офицеры дружно поднялись и поочередно тепло попрощались с Рыбалко, пожав ему руку, потом отсалютовали другим адмиралам, стоявшим чуть позади Рыбалко; хоть Рыбалко и был ниже адмиралов по должности, те уступили ему честь прощания, поскольку в оперативном плане командиры лодок подчинялись непосредственно ему. Командиры вышли на улицу, где царила все та же кромешная темнота и клубился туман, делавший темноту еще более дикой. Четверка командиров лодок и начальник штаба бригады остановились, чтобы покурить и дать глазам привыкнуть к темноте.

— Как вы думаете, что привело Россохо в это богом забытое место? Что, операция является каким-то новым экспериментом в морской науке? — прервал молчание Кетов.

— Понятия не имею, — сказал Шумков — знаю только, что у меня на борту больше икры и тушенки, чем мне довелось увидеть за всю свою службу.

— Ну да, а еще эти нелепые короткие штаны защитного цвета, — ответил Кетов. — Ты когда-нибудь видел коленки Савицкого под шортами на Черном море? Не доводилось? Он

похож на цаплю.

— Ну, товарищи, — произнес начальник штаба Архипов, — пора идти. Желаю удачи. — Они обменялись рукопожатиями.

— Вот что, товарищ Дубивко, — шутливо произнес Шумков, направляясь к пирсу, — помни, что в этом супе я буду идти сразу за тобой, поэтому не останавливайся, а то я врежусь в твою корму.

— Похоже на тебя, Николай, — улыбнулся Дубивко. — Ты ведь служака, знаешь, что командир бригады будет контролировать поход с лодки Кетова, так что ты все время будешь выпендриваться. — Они заулыбались в темноте и зашагали по пирсу.

Шумков вспоминал, что произошло за последние полгода. Хотя они узнали об операции «Кама» только два месяца назад, их экипажи готовились к ней уже более шести месяцев. С января все четыре лодки находились на верфях в Росте, недалеко от Мурманска, где проходили регламентное обслуживание в увеличенном объеме и ремонт. Четверо командиров поняли, что им предстоит долгий и трудный патруль и что, возможно, они будут действовать совместно, поскольку ремонт на верфях производился с изменением сроков планового ремонта каждой из четырех лодок, однако никто из их экипажей не имел и представления о том, что продолжительный поход будет включать в себя и смену порта базирования. Слухи разного рода ходили по домам подводников в Полярном с апреля, и многие из этих слухов были близки к правде. От одной офицерской жены к другой передавался рассказ о том, что их ожидает переброска воздушным или морским путем в какие-то новые порты в какой-то далекой стране с тропическим климатом. Многие из слухов отвергались как принятие желаемого за действительное, особенно в те месяцы, когда весна казалась совсем близкой, когда неотступные мороз и снег на Кольском полуострове все слабели и слабели и в конце июля наступало короткое лето. Жизнь на Севере была нелегкой, но всегда имелась золотая возможность отдохнуть всей семьей в отпуске во флотских оздоровительных центрах на Черном море. Эти отпуска случались обычно после окончания тяжелых походов и давали мужественным женам и семьям нечто, и это нечто стоило ожидания. Продолжительность отпусков уменьшалась из-за разных дополнительных забот, потому что у командного состава всегда, кажется, имелся длинный перечень неоконченных дел, проблем с личным составом, учебными циклами и материально-техническим обеспечением — и всем этим надо было заниматься именно командирам.

Командиры шагали по пирсу к своим лодкам и поджидавшим их экипажам, у них было приподнятое настроение в предвкушении нового и неведомого пока приключения. Пройдет время, пока четверо командиров лодок снова окажутся на берегу в том же составе, и тогда их настроение будет менее восторженным.

* * *

В четыре ноль-ноль первого октября 1962 г., то есть на следующий день после погрузки и всего через несколько часов после адмиральских проводов, ударная дизельная подводная лодка «Б-59» под командованием капитана второго ранга Савицкого отдала швартовые и отошла от пирса. Начальник штаба бригады капитан 1 ранга Архипов стоял позади Савицкого в маленькой рубке, возвышающейся над лодкой, которая двигалась сквозь клубящийся туман и легкий снегопад. Вслед за ними так же спокойно отдала концы и отошла от стенки в бухте Сайда подводная лодка «Б-36» под командой капитана второго ранга Алексея Дубивко; она тоже стала продираться по черному каналу сквозь плотный туман на север, к Баренцеву морю. За ней отчалила «Б-130» под командованием Шумкова, и еще через тридцать минут вышла последняя лодка, «Б-4», под командованием капитана 2 ранга Кетова и с командиром бригады Агафоновым на борту.

Лодки двигались полностью затемненными, с выключенными ходовыми огнями, на электромоторах вплоть до фарватера, где они запустили дизельные двигатели, начавшие выбрасывать облака дурно пахнущих выхлопных газов. Приказы требовали полной секретности, хотя все знали, что в такой темноте и в тумане любой, оказавшийся поблизости, не сможет их разглядеть, даже если захочет это сделать. Но приказы были ясны.

Ранее капитану 2 ранга Николаю Шумкову, командовавшему «Б-130», довелось мельком увидеть кипу карт, принятых на лодку в Полярном от дежурного офицера штаба флота. Огромная кипа карт охватывала всю Атлантику к северу от экватора и Карибское море, на последней в стопе карте были даны подходы к Мариэлю (Куба) — маленькому порту строго на запад от Гаваны. Когда на лодку поступили ящики с летними тропическими шортами защитного цвета и форма с короткими рукавами, Шумкову не надо было умножать два на два, чтобы понять наверняка, что они направляются на Кубу. Запечатанные пакеты с приказами для него уже находились в сейфе старшего лейтенанта Чепракова в

связной рубке; пакеты надлежало вскрыть только после первого погружения в Баренцевом море — в начале первого этапа их похода.

1 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Николай Шумков,
командир ПЛ «Б-130»
Баренцево море

Лейтенант Володя Воронов, офицер минно-торпедной части, сидел за экраном РЛС в тесной боевой рубке и наблюдал за лучом развертки, который темно-зелеными сполохами прочесывал фарватер; лодка была точкой в центре экрана, и луч развертки крутился вокруг нее. Воронов мягким шепотом доложил рекомендуемое изменение курса Шумкову, который, опираясь на ограждение рубки, стоял над ним на холодном ночном воздухе. Воронов, молодой светловолосый офицер из Химок, что на северной окраине Москвы, являлся на лодке лучшим вахтенным офицером. Шумков все время, с момента их выхода из бухты Сайда при невозможной видимости, испытывал чувство облегчения, когда Воронов нес вахтенную службу; во время похода Шумкову придется часто на него рассчитывать.

Видимость составляла не более трех метров, их окружал клубящийся туман. Темные очертания лодки просто испарялись в никуда — прекрасная ночь, чтобы отправиться в путь, потому что никто не сможет разглядеть лодку, даже если он будет стоять на пирсе рядом с ней. Хорошая ночка и для того, чтобы сесть на мель, подумал Воронов, уставившись на зеленые очертания, рисуемые при каждом проходе луча на экране РЛС, затем исчезающие и рисуемые вновь при последующем проходе. До рези в глазах Воронов сконцентрировался на навигационной картинке, создаваемой РЛС.

На лодке Шумкова лейтенант Чепраков командовал боевой частью связи, БЧ-4, и отвечал за работу всего связного и радиолокационного оборудования (корабли советского военно-морского флота организационно состоят из подразделений, которые называются «Боевые части», или БЧ). Чепраков знал, что он не представлял особой ценности без своих троих мичманов-сверхсрочников, поскольку в этой должности он состоял недавно и пока самостоятельно разобрать и отремонтировать ничего из своего оборудования он не мог. Чепракову как ответственному офицеру было дополнительно поручено руководить группой

радиоперехвата, состоявшей из 5 англоговорящих операторов. Задача группа заключалась в перехвате и прослушивании американского радиообмена — в тех случаях, когда лодка окажется достаточно близко к поверхности и они смогут выдвинуть антенну; самое важное заключалось в том, что они были допущены к секретным материалам.

— Право руля, — мягко, но твердо сказал Шумков в переговорную трубу, — принять курс ноль четыре ноль, обороты 10 узлов вперед.

— Есть, товарищ командир, — ответил рулевой, — право руля, курс ноль четыре ноль, обороты 10 узлов вперед.

— Очень хорошо. Воронов, какой следующий курс?

— Командир, курс ноль шесть пять градусов через восемь минут, — прошептал Воронов. Без сомнения, он нервничал, как будто это могло помочь лодке проскочить узкий проход, с обеих сторон обрамленный холмистой и покрытой щеткой снега тайгой. До этого он уже с десяток раз преодолевал этот проход, но никогда в пелене сплошного тумана и никогда — ночью.

Связист Чепраков сидел на своем месте внизу, рядом с центральным постом, и ждал. Он знал, что как только они войдут в открытые воды Баренцева моря и морское дно провалится под ними на глубину более ста морских саженей (183 м. — *Прим. перев.*), они произведут погружение. Потом он принесет Шумкову запечатанный конверт из сейфа связистов, командир вскроет его и зачитает боевой приказ Чепракову, старшему помощнику (старпому) — конечно же, в присутствии замполита.

За лодкой Шумкова на дальности две тысячи метров кралась «Б-4» Кетова с командиром бригады капитаном 1 ранга Агафоновым на борту. Дубивко и Шумкову повезло, у них на борту не было старших офицеров штаба, а сковывающего присутствия штаба никто не любил. «Б-130» вышла в поход со штабным инженером, но он будет востребованным офицером; у Дубивко на лодке находился штабной штурман, безобидный молодой офицер, но эти добавки не создавали проблем для остальных членов экипажей лодок.

«Б-130» начала службу на флоте в сентябре 1960 г. и была моложе остальных лодок менее чем на два года. У лодки был длинный перечень механических проблем и трещины в коробках приводов главного дизеля № 1 и главного дизеля № 2. Крохотные, толщиной с волос трещины давно появились в обеих коробках, но ремонтные работы были отложены до следующего регламентного обслуживания на заводе, а лодка инженерами штаба была объявлена годной к выходу в море. Учитывая важность предстоящей операции, это была странная позиция.

Поскольку трещины были обнаружены после внеплановых регламентных работ на заводе, штаб посчитал более благоразумным проигнорировать наличие трещин и не рискнул быть обвиненным в нарушении планирования. Ситуации подобного типа часто случались в системе централизованного планирования, и, хотя многие знали о трещинах, ни у одного вышестоящего начальника не нашлось ни смелости, ни ответственности, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Дизели пока работали превосходно, но Шумков знал, что трещины существуют, и боялся, что однажды, под повышенной нагрузкой, их состояние может ухудшиться и произойдет серьезная поломка. Эта мысль неотступно преследовала его, но он знал, что у него хорошие инженеры и что они, конечно, как и он, не хотят пропустить такой поход, который обещал быть захватывающим, а Шумков жаждал приключений и действий. Он знал также из докладов механика Виктора Паршина, аккуратного старшего лейтенанта, что их батареи выработали свой ресурс и подлежали замене. Если бы Шумков выполнил требования механика по замене батарей, лодку могли бы отстранить от похода, а вместо нее пошла бы другая лодка того же класса, поэтому Шумков использовал свой шанс. Нахождение старых батарей на лодке вело к перегреву электролита при их зарядке и представляло потенциальную опасность взрыва и пожара. Шумков понимал заботливые опасения своего механика, но верил, что ничего страшного в походе не произойдет.

Силуэты четырех затемненных лодок безмолвно следовали строем в кильватере на скорости шесть узлов, одна от другой на расстоянии две тысячи метров — и это в тумане и при плохой видимости — вплоть до прохождения входа в бухту Арал. Шумков продолжал мерзнуть на своем посту под козырьком открытого мостика и, окутанный водянистым туманом, походил на призрака, парящего над темным страшилищем. Море было необычно спокойным, потому что из-за отсутствия ветра густой туман окутал бледной пеленой все побережье Кольского полуострова.

Лодка «Проекта 641» представляет собой не что иное, как стальной цилиндр, важнейшие внутренние органы которого зажаты внутри прочного стального корпуса, имеющего форму дорогой кубинской сигары. Дизельные двигатели, электромоторы, аккумуляторные батареи, кубрики и оружие сконцентрированы внутри этой стальной трубы в головокружительном лабиринте различных вспомогательных механизмов и приборов. Поскольку прочный корпус лодки тяжелее воды и сам по себе может утонуть, внешний корпус, выполненный из менее прочного материала,

обволакивает прочный корпус, обеспечивая ему необходимую плавучесть. Внешний корпус увеличивает общий объем лодки, но на ее вес особо не влияет. В пространстве между внешним корпусом и прочным корпусом находится топливо или питьевая вода, а также балластные емкости, которые заполняются воздухом — когда лодка находится на поверхности, или дозированными объемами морской воды — когда лодка погружается. Когда лодка находится на поверхности, над водой выступает всего 1/7 часть ее корпуса. При погружении лодки общая плавучесть ее снижается за счет затопления балластных емкостей дозированными объемами морской воды. Если лодка в погруженном состоянии неподвижна — то есть нет движения вперед, — она немедленно тонет, поскольку нейтральное состояние или состояние висения отсутствуют. Лодка сохраняет нужную глубину, используя сочетание скорости, которую обеспечивают электромоторы, и подъемной силы, которую дают подвижные рули глубины, установленные на носу лодки; при отклонении этих рулей вверх или вниз лодка двигается к поверхности воды или от нее.

Поскольку подлодка строится для плавания под водой, то на поверхности она имеет очень малый запас плавучести; малейшее повреждение может оказаться фатальным. Надводный корабль одинакового водоизмещения с подводной лодкой класса «Фокстрот», т. е. две с половиной тысячи тонн, обладает значительно большим запасом плавучести и может перенести гораздо более сильное повреждение, и даже «хлебнуть» воды в объеме, почти равном его весу, и лишь потом затонуть. Однако лодка класса «Фокстрот» в надводном положении может принять в себя забортной воды в объеме, который составляет только 1/5 ее веса, или пятьсот тонн, после чего тонет. На лодке все установки, двигатели, батареи и оборудование зажаты в жестко ограниченном пространстве прочного корпуса, поэтому ремонт любого рода затруднен до крайности. Если надводный корабль типа эсминец может быть спасен от обширного боевого повреждения путем ремонта корпуса, то лодка с малейшим повреждением прочного корпуса обычно обречена на гибельный для нее нырок в глубины океана. Жизнь на борту подводной лодки полна опасностей в полном смысле слова.

По трапу из центрального командного поста поднялся старший помощник командира капитан третьего ранга Виктор Фролов, он аккуратно открыл крышку люка, ведущего в верхнюю часть боевой рубки, и осторожно шагнул на мостик, стараясь не помешать находящимся там людям. Несколько мгновений он неподвижно стоял рядом с Шумковым, потом отважился

прошептать:

— Товарищ командир, пора взглянуть на приказы и нанести маршрут. У меня внизу на штурманском планшете разложены все карты.

Шумков ничего не сказал, поэтому старпом подумал, что тот не слышит.

— Товарищ командир, — начал опять старпом…

— Понял, — Шумков постарался ответить спокойно, — время для погружения. — Он обернулся и посмотрел вниз, на короткий трап, ведущий вниз, в рулевое отделение внутри лодки, стремясь поймать встревоженные глаза Фролова, и тихо кивнул ему.

Фролов немедленно остановился и рявкнул в переговорную трубу:

— Приготовиться к погружению, всем освободить надводный борт.

Вахта командного центра живо начала хорошо отрепетированную процедуру подготовки лодки к погружению, протекавшую, как идущий без сучка и без задоринки балет. Единственной музыкой к этому балету были шлепки легких волн по стальному корпусу, вызванные приливом и отливом воды из горизонтальных и вертикальных отверстий корпуса, называемых шпигатами легкого корпуса. Подготовка к погружению продолжалась, а Шумков всматривался в пустоту вокруг лодки и абсолютно ничего не видел. На экране РЛС тоже не было никаких контактов. Фролов ловко соскользнул по поручням трапа в Центральный командный пост (ЦКП) и с треском расстегнул свою теплую «канадку» — подбитую мехом куртку для ненастной погоды. Звук от быстрого расстегивания «молнии» разорвал тишину, в которой десять человек молча выполняли свою работу в тускло-голубом освещении Центрального командного поста. Здесь был мозг подводной лодки, а два отсека позади него являлись сердцем. В одном из этих отсеков находилось машинное отделение — три работающих дизеля, вращавшие три вала, которые тянулись до кормы через три оставшихся отсека лодки и выходили из корпуса лодки через волшебные подшипники валов, которые обеспечивали вращение валов, но исключали поступление воды в лодку благодаря дейдвудным сальникам, заполненным сжатым воздухом высокого давления. Три гребных винта вращались с одинаковым темпом, который был немного меньше кавитационной скорости в девять узлов.

По мере заполнения балластных цистерн водой воздушные пузыри стали с шипением выходить через шпигаты, и лодка начала медленно оседать. Шумков отошел, пропуская последних вахтенных на мостике, которые нырнули в люк и спустились в

прочный корпус; теперь на мостике он остался в одиночестве. Напоследок он еще раз осмотрелся по сторонам, глотнул влажного и холодного воздуха и спустился на несколько ступенек вниз, закрывая за собой главный люк и клацая подпружиненной крышкой.

Шумков всегда требовал полной тишины и спокойствия у себя на Центральном командном посту. Подчиненные знали, как нетерпимо их командир, могущий быть вкрадчивым, относился к любому шуму или неразберихе на ЦКП, прибегая порой к самым строгим дисциплинарным мерам для наказания нарушителей тишины из числа вахтенных. Однажды в Полярном он отправил двух матросов срочной службы, имевших неосторожность разговориться во время подготовки к погружению, в стоявший рядом с пирсом сарай. В этом сарае матросы должны были два часа стучать железными трубами по пустым консервным банкам; от грохота они чуть не оглохли. Матросы никогда больше не повторяли своей ошибки.

Когда лодка погрузилась на глубину 120 метров и на скорости 9 узлов направилась строго на запад, не меняя направления движения и глубины, Шумков зашел в отгороженный шторами штурманский уголок ЦКП, Там уже находились штурман, старпом Фролов, замполит Сапаров и связист лейтенант Чепраков, кольцом стоявшие вокруг стола, заваленного связками морских карт, причем карт было раз в пять больше, чем требовалось для обычного выхода в море на обычное патрулирование. Четверка офицеров спокойно стояла, пока он медленно вглядывался в них, проверяя и рассматривая каждого в тусклом свете. За последние несколько дней, то есть с того момента, как штурман штаба бригады капитан 3 ранга Игорь Любичев раздал тюки карт по всем четырем лодкам, карты эти превратились в мишень для шуток. Стараясь не раскрыть конечный пункт прибытия лодок бригады, Главный штаб ВМФ приказал, не мудрствуя лукаво, выдать полный набор морских карт планеты. Тюков с картами было так много, что штурману бригады пришлось трижды приезжать на каждую лодку и привозить секретные карты. Наличие такого количества карт давало каждому штурману ощущение, будто он отправляется в путешествие такой протяженности, которая была у «Наутилуса» Жюль Верна. Принимая во внимание тот факт, что практически каждая офицерская жена в Полярном рвалась на Карибы, а некоторые даже начали учить испанский язык, попытка держать всю операцию в абсолютном секрете из скучной стала смехотворной.

— Очень хорошо, Чепраков, откройте сейф и достаньте

запечатанный конверт.

Офицер-связист потянулся к небольшому прямоугольному сейфу, висевшему на перегородке в углу помещения. Он выставил несколько цифр и мгновенно открыл сейф, потом сунул в него руку и вытащил толстый конверт, сделанный из оберточной бумаги. Чепраков передал конверт старпому, который положил его на стол с картами. Конверт был опечатан, на нем были нанесены широкие красные полосы, обозначающие секретность вложенных в него документов. Шумков опять кивнул, и на этот раз Фролов взял конверт, не спеша вскрыл его и передал документы командиру. Тот неторопливо ознакомился с препроводительной запиской, потом развернул приказы и начал читать.

Приказы были озаглавлены словом «Кама», отпечатанным большими темными буквами. «Кама» являлась морской составляющей операции «Анадырь», про которую многие офицеры уже слышали. Слово «Анадырь» являлось кодированным названием, т. е. маскировкой, прикрытием того, что являлось мифическим крупномасштабным оборонительным учением, которое якобы должно было проводиться в самых северных широтах Сибири, отсюда у него и имя одной из самых северных сибирских рек. Движение судов на Кубу и с Кубы в ходе операции «Анадырь», которое по-настоящему началось в июле, было настолько масштабным, что с началом переброски военного персонала и техники торговым судам под советским флагом пришлось переложить свои обязанности по перевозке менее ценных грузов на торговые суда своих союзников по Варшавскому договору. Торговые суда из ГДР, Польши, Болгарии и Румынии забирали невоенные грузы, а советские суда загружались более важным военным снаряжением. Размах был колоссальным, и, когда операция была в полном разгаре, ее было трудно замаскировать под обычную торговую поддержку оперяющегося социалистического братства Фиделя Кастро.

Шумков бегло просмотрел приказы, затем стал читать вслух:

— Боевой задачей подводных лодок в операции «Кама» является разведка маршрутов подхода к Мариэлю, тщательная регистрация акустических условий на внешних маршрутах подхода и заход в Мариэль для проведения подготовительных мероприятий к предстоящему прибытию семи подводных лодок с баллистическими ракетами из соседней дивизии в Полярном (4-я эскадра). С прибытием в Мариэль новое формирование будет называться 12-я эскадра особого назначения. — План предусматривал последующее прибытие надводных кораблей поддержки из состава Северного флота, включая плавбазу ПЛ

«Дмитрий Галкин» в качестве флагманского корабля с командиром эскадры контр-адмиралом Леонидом Рыбалко на борту. К ним должны были присоединиться надводные боевые корабли, в том числе два старых крейсера с артиллерийским вооружением, два эсминца с ракетным вооружением, два эсминца с артиллерийским вооружением, дивизион (12 единиц) ракетных катеров класса «Комар» (водоизмещение 70 тонн, длина 25 метров), каждый из которых был вооружен двумя крылатыми ракетами «Р-15», известными на Западе как «Styx» «SS-N-2».

Командир продолжал читать вслух основную задачу операции «Анадырь»:

— Общей задачей интернационального участия является предоставление Кубе достаточной советской военной поддержки для сдерживания дальнейшей агрессии со стороны возглавляемого США антисоветского блока и срыв попыток повторить неудачное вторжение на Кубу, предпринятое в 1961 г. антисоциалистическими, антикастровскими лакеями при поддержке американских ЦРУ и ВМС, — Прочтя это, Шумков внутренне подивился — отчего это защита Кубы потребовала размещения баллистических ракет средней и промежуточной дальности, но придержал эту мысль при себе и продолжал зачитывать боевую задачу.

Шумков выдержал эффектную паузу, поднял голову и повторил слова, написанные на внутренней стороне пакета — те самые слова, которые командиры лодок услышали от первого заместителя начальника Главного штаба ВМФ адмирала Фокина на инструктаже за два дня до отплытия на борту плавбазы ПЛ «Дмитрий Галкин»:

— Товарищи! Вашей бригаде выпало участвовать в выполнении особого задания Советского правительства, после завершения секретного перехода через Атлантику вы будете дислоцированы постоянно в дружественной стране. Задача чрезвычайно важна и ответственна. Особую важность для успеха мы придаем обеспечению скрытности перехода. 69-я бригада ударных дизельных подводных лодок дальнего действия, на максимальной скорости и оставаясь незамеченной, как можно скорее после 20 октября прибывает в Мариэль, Куба. Желаю вам счастливого плавания и успешного выполнения задачи.

Шумков быстро прикинул, и ему стало ясно, что придется идти на максимальном подводном ходе в 9 узлов, всплывая под РДП ночью и обходя к тому же американские гидроакустические станции, которые, как им было известно, были установлены в северной части Атлантического океана для контроля подходов к исландско-шетландско-фарерскому противолодочному рубежу и

Азорским островам. Только пройдя эту часть пути, они могли рассчитывать на укрытие под теплыми слоями воды Гольфстрима. Задача развить такую высокую скорость и остаться при этом незамеченным являлась почти невыполнимой, ведь двигаться придется, естественно, при постоянно находящихся в море американских надводных противолодочных кораблях, не принимая в расчет непредвиденные обстоятельства или проходящие учения, при которых в море может находиться большее количество групп американских противолодочных кораблей. В повседневной готовности, которой у американцев являлась готовность № 4, они постоянно держали в северной части Атлантического океана одну АПУГ.

Шумков посмотрел на старпома, который размышлял над теми же словами приказа, и продолжил чтение вслух условий применения оружия; слов было много, а смысл заключался в том, что спецторпеды с ядерной боевой частью могли быть использованы только при нападении на лодку американских сил. Он опять помолчал и глянул на замполита Сапарова, который начал что-то говорить, но потом смолк. Шумков перевел взгляд на Чепракова, осознавая, что успех скрытого, перехода ляжет тяжелым грузом на плечи этого молодого офицера-связиста. Среди прочих его обязанностей как корабельного связиста, отвечающего и за электронные средства, была и обязанность офицера радиоперехвата. Чтобы не быть обнаруженными, он и группа в составе пяти операторов перехвата со знанием английского языка будут прослушивать все коротковолновые и ультракоротковолновые радиосети американцев. Это на самом деле будет нелегкой задачей.

В следующей порции документов находился лист, кромка которого была помечена красной полосой; на этом листе перечислялись правила применения оружия. Шумков прочел их сначала для себя, а потом вслух:

— Оружие на переходе держать в боевой готовности к применению.

— Обычное оружие применять, как предписано ГШ ВМФ; в исключительных случаях применять по усмотрению командира при нападении на лодку.

— Торпеды с атомной БЧ могут применяться только по приказу МО или ГШ ВМФ.

Эти приказания существенно расходились со словами, которые все четыре командира подводных лодок по приказанию начальника штаба СФ, выразительного вице-адмирала Россохо, занесли в свои журналы после прощального инструктажа на пирсе.

2 октября 1962 г.

Контр-адмирал Дмитрий Рыбалко
Борт плавбазы ПЛ «Леонид Галкин»
Баренцево море, 150 км к северо-востоку от Полярного

Какой же бардак, думал Рыбалко, вспоминая два последних сумбурных дня, когда Северный флот напрягал все силы, готовя к выходу в море четыре ударные дизельные лодки дальнего действия. Что за флот у нас, спрашивал он самого себя и задумывался над этим. Даже в разгар войны дела были лучше, по крайней мере, для выхода в море имелись подготовленные экипажи. Действительно, с флотом что-то было не так, и он подумал, что знает, что же именно не так. Вся система была сплошным обманом, враньем и надувательством. Рыбалко вспомнил проведенную в последнюю минуту смену командования в его бригаде ударных лодок, которая направлялась сейчас в Мариэль на Кубе. Несмотря на всю важность подготовки лодок к походу, командир 69-й бригады оказался в госпитале в Североморске с диагнозом «нервный срыв» всего за несколько дней до их убытия.

В телефонном разговоре с Главкомом ВМФ Горшковым, который был достаточно крут, Рыбалко был вынужден согласиться с кандидатурой Агафонова на должность командира бригады, а потом пробивать его назначение через все инстанции — т. е. штаб СФ, политический отдел Комиссии по ВМФ при ЦК КПСС, Управление кадров Генерального штаба и, напоследок, жену самого кандидата на должность! По старой традиции при назначении на вышестоящую должность кандидат должен был получить устное согласие своей жены на занятие этой должности. Агафонов получил «добро» во всей этой цепочке, а Рыбалко подумал, что бы ему пришлось делать, если бы жена Агафонова сказала «нет». Такого никогда не случалось, да и внимания на эту древнюю традицию обращали мало. Тем не менее это стоило ему двух драгоценных дней работы в самый напряженный период подготовки к отходу лодок. Он сощурился от шквалистого ветра, пришедшего вместе со штормом начала октября; несколько порывов хлестанули по козырьку рубки. Рыбалко обернулся и увидел офицера, стоящего рядом с ним на ветру.

— Товарищ адмирал, доклад о полуденном местонахождении, — молодой старший лейтенант протянул ему мокрый лист бумаги.

— Как же я буду читать, ведь бумага размокла?

— Виноват, товарищ адмирал, я дам другой экземпляр. —

Молодой офицер повернулся, чтобы уйти в рубку. Адмирал только тогда получит от меня сухой экземпляр, размышлял про себя офицер, когда не будет торчать на этом чертовом дожде, Рыбалко поймал его за руку.

— Ладно, давайте, у вас ведь есть и другие обязанности, — Он взял пропитанную водой бумагу у молодого офицера. — Как далеко мы находимся от точки «Сарыч»? — Адмирал улыбнулся и подумал о напряжении последних дней, выбившем из колеи молодого офицера.

— Товарищ адмирал, точка «ЩЩ» лежит на пеленге 268 градусов на дальности 50 миль. На этой скорости, если погода не изменится, мы будем там в пятнадцать тридцать. — На борту корабля время отсчитывали по московскому времени, несмотря на то что они уже ушли от него на запад на два часовых пояса.

— Очень хорошо, товарищ штурман, следите, чтобы меня информировали о любом изменении в расчетном времени прибытия в эту точку; мы должны встретить там еще четыре лодки «Проекта 611», которые идут с базы южнее Гаджиево. — Дополнительные лодки должны были идти в составе группы только до Нордкапа, маскируя тем самым убытие 69-й бригады ударных ПЛ и внося некоторую путаницу в игру. Других боеготовых лодок «Проекта 641» не было, и поэтому были привлечены четыре лодки «Проекта 611», с тем чтобы заставить американцев считать, если те обнаружат лодки, что в основной группе больше лодок, чем на самом деле. Какая позорно малая сила, пробормотал Рыбалко про себя. Помощник штурмана откозырял и повернулся так, что вода брызнула вниз с его дождевика. Он вернулся в рубку, забыв придержать дверь, которая захлопнулась за ним с громким клацаньем.

Рыбалко наблюдал за тремя древними эсминцами класса «Скорый», которые сопровождали особую ударную группу, шедшую на запад через Баренцево море. У Нордкапа эсминцы их покинут, потому что не обладают ни дальностью плавания, ни выучкой экипажа, чтобы сопровождать до конца маршрута бригаду подводных лодок. Какая позорная ситуация, думал он. Флот открытого моря, детище нового стратегического мышления Главного штаба ВМФ, реальный флот, а они не смогли наскрести даже полновесной бригады дизельных лодок для важного похода! Вдобавок к этим нерадостным мыслям он вспомнил о том, что загрузка ядерных торпед в Полярном прошла не совсем гладко. Из-за плохой подгонки створок люка погрузки торпед они слишком долго загружали одну из торпед с тактической ядерной боеголовкой. Его это тревожило, поскольку на всех четырех лодках не было ни одного человека, обученного применению

таких торпед, и если когда-либо придется выпустить рыбку с ядерной БЧ, то вместе с надводными целями погибнет и сама лодка. Но он надеялся и верил, что до этого никогда дело не дойдет. Все четыре командира подводных лодок были серьезно встревожены наличием на борту их лодок атомных боеголовок, обращаться с которыми их не научили, хотя все, кто только мог, заверили командиров, что офицеры, сопровождающие торпеды, прошли подготовку по безопасности ядерных боеприпасов и сделают все возможное, чтобы с этим оружием ничего дурного не произошло.

В любом случае нелепое упрямство в выполнении очередного дурацкого приказа бригаде получить форму цвета хаки, рубашки с короткими рукавами и шорты, задержало их выход из бухты Сайда на шесть часов, потому что коробки с формой доставлялись самолетом из Москвы. Лучше бы им дали больше «канадок» — теплых курток времен Второй мировой войны, названных так после того, как несколько торговых судов под канадским флагом прорвались в советские порты через немецкие заслоны; трюмы этих судов были забиты превосходными куртками. Подводники первыми примерили куртки и нашли, что они гораздо лучше любой теплой одежды отечественного производства. Сейчас такие куртки имелись примерно у половины офицеров и мичманов бригады.

Рыбалко подошел к двери рубки, открыл ее и невольно улыбнулся при виде вахтенных мостика, застывших по стойке «смирно».

— Адмирал на мостике.

Он захлопнул дверь и крупными шагами прошел в уголок с картами, где помощник штурмана, сгорбившись, работал с картами, все еще исходя влагой от похода под дождь и ветер с полуденным докладом о местонахождении.

— Что там с погодой, товарищ штурман? — Он спросил это более мягким тоном, чем тогда, на мостике, при ревущем ветре.

— Ждем улучшения, товарищ адмирал. Ветер должен изменить направление на южное и ослабнуть через несколько часов, ясный фронт ожидается ко времени нашего прибытия в точку «ЩЩ», видимость тоже должна улучшиться, — штурман улыбался, словно хороший доклад о погоде мог каким-то образом улучшить расположение духа его начальника.

3 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Алексей Дубивко,

командир ПЛ «Б-36»
В северной Атлантике, курсом на юг

Алексей Дубивко был энергичным командиром, и, когда в августе в Полярном ему впервые сказали о походе, воспринял эту новость с энтузиазмом. Он теребил офицеров и матросов срочной службы «Б-36» до тех пор, пока лодка не стала одной из самых боеготовых лодок на Северном флоте и не получила высшие оценки на всех боевых и технических проверках, и только в категории «готовность оружия» была обойдена лодкой «Б-130» Шумкова. Шумков имел особый опыт по применению оружия, что позволило ему, хоть и не намного, но обойти великолепную во всех других отношениях лодку «Б-36» его приятеля Дубивко.

Прибывший с Дальнего Востока, где он закончил Высшее военно-морское училище во Владивостоке, Дубивко, украинец по происхождению, оказался новичком на Северном флоте. Тем не менее он быстро стал на равных с другими подводниками. В 1953 г. Дубивко, в необычно низком звании «старший лейтенант», принял командование средней дизельной подводной лодкой, которая строилась в Горьком на Волге. Тогда ему показался несколько странным тот факт, что ему было предписано явиться в центр громадного Советского Союза, в окруженную сушей Горьковскую область, лежащую прямо к западу от Уральских гор, и принять там командование океанской дизельной подводной лодкой. Дубивко хорошо помнил, что еще во время Великой Отечественной войны, когда целые верфи и фабрики в массовом порядке перемещались на восток, спасаясь от наступающих немецких армий, в Горьком было построено много океанских кораблей и лодок. И после окончания Второй мировой войны, в период советского строительного бума, судостроительный завод в Горьком продолжал все время строить надводные корабли и подводные лодки. Тем не менее Дубивко по-прежнему считал необычным ехать, выполняя приказ, из приморского Владивостока в Горький, забрать там лодку и, находясь в лодке, помещенной в гигантский плавучий сухой док, добираться через сухопутье по системе каналов с Волги на Северный флот, где его новая лодка и найдет свой причал в одном из многочисленных пунктов базирования, число которых в глубоководных фьордах Кольского полуострова росло, как на дрожжах.

Дубивко так здорово справился с командованием своей первой лодкой, что был назначен командиром новой строящейся лодки, на это раз «Б-36» («Проекта 641»), сходившей со стапелей ленинградского завода «Судомех». По окончании строительства он прошел на лодке заводские и флотские приемные испытания, а

потом, во время проверок боевой готовности, выиграл все призы по видам подготовки, за исключением стрельб, в которых первенствовал его соперник Николай Шумков. Дубивко немного завидовал своему приятелю, который закончил учебный курс по спецоружию и дважды стрелял настоящими ядерными торпедами со специальной лодки по целям на полигоне на Новой Земле.

Поздним сентябрьским вечером несколько дней тому назад Дубивко наблюдал со штурманского мостика за тем, как экипаж занимается погрузкой торпед на лодку в бухте Сайда. Тогда-то он и заметил троих офицеров, пришедших на лодку из оружейного домика и тоже наблюдавших за погрузочными работами. У одного из них, носившего знак штаба СФ, был портфель. Вахтенные на палубе указали пришельцам на верхнюю часть мостика, где стоял Дубивко, который и понятия не имел о том, что этим офицерам нужно, Через несколько минут они поднялись к нему в тесное помещение рубки. Офицер штаба, крупный мужчина в звании капитана первого ранга, задыхался и пыхтел — очевидно, ему нужно было чаще заниматься этим упражнением.

Штабник представился и заявил, что он прибыл из Управления спецоружия Северного флота. Дубивко поинтересовался, в чем, собственно, дело, на что штабник представил ему молодого лейтенанта по имени Александр Помильев и заявил, что Помильев пойдет в этот поход на борту «Б-36» в качестве эксперта по спецоружию. Дубивко удивился, поскольку считал, что никакие эксперты по спецоружию ему не нужны, ведь его экипаж хорошо подготовлен к применению всех имеющихся на лодке систем оружия. Тогда штабник объяснил, что следующей торпедой, которую они будут загружать, будет спецторпеда с атомной боеголовкой мощностью пятнадцать килотонн. Дубивко был поражен — ему впервые сказали, что такое оружие будет погружено на его лодку.

— Что я должен с ней делать? Взять в Мариэль и отдать кубинцам?

— Нет, конечно же, нет, — вознегодовал штабной офицер. — Правила обращения и применения этого оружия находятся в ваших запечатанных приказах. Вы прочитаете их, когда будете в море. Помильев является специалистом по атомным боеприпасам, он будет заботиться об этом оружии, начиная с сегодняшнего дня и заканчивая вашим прибытием в Мариэль, он будет контролировать состояние боеголовки и поможет вам загрузить ее. Оружие будет храниться как боеготовая торпеда в переднем носовом отсеке, вы зарядите этой торпедой торпедный аппарат № 2 только после того, как минуете исландско-шетландско-фарерский противолодочный рубеж и окажетесь в водах, которые

интенсивно патрулируются американскими и английскими самолетами противолодочной борьбы.

— А для чего у нас на борту будет находиться такое оружие? — спросил Дубивко. — Мы что, собираемся вскоре воевать?

Штабник не ответил, он просто что-то буркнул и сказал, что лейтенант будет ответственным по всем вопросам, связанным со спецторпедой; ему, Дубивко, следует просто выполнять указания. У Дубивко сложилось впечатление, что штабник торопится и норовит уйти. Дубивко посмотрел на лейтенанта.

— Вы по специальности подводник?

— Нет, товарищ командир, но я знаком с носовым торпедным отсеком лодки и пройду подготовку на рабочем месте, чтобы ознакомиться с другими обязанностями офицеров подводной лодки в походе.

Ситуация поразила Дубивко, но он хотел закончить погрузку и подготовиться к выходу в море. Странно, подумал он, что на борту будет оружие, обращению с которым они не обучены. У Дубивко было такое чувство, словно что-то происходит, а от них утаивают какую-то важную информацию. Он оставил все как есть и решил спросить про это оружие командира бригады капитана 1 ранга Агафонова в тот же вечер на инструктаже перед их убытием.

Дубивко глядел на тяжеловеса-штабника, который, преодолев трап, вышел на палубу, прошел сходни и ковылял по пирсу. Он повернулся к лейтенанту Помильеву.

— Добро пожаловать на борт «Б-36»! Отнесите свои вещи вниз и узнайте у лейтенанта Жукова, где ваше спальное место и какие обязанности по вахтенной службе вы будете исполнять. — Командир улыбнулся молодому офицеру, который выглядел испуганным. — Не переживайте, мы сделаем из вас первоклассного подводника, но, прежде всего, я хочу, чтобы вы следили за этим оружием и чтобы с ним все было в порядке.

Дубивко видел, как молодой человек, выглядевший немного сконфуженным, полез вниз, в центральный командный, через главный люк, следуя по пятам за сопровождающим его матросом. Потом Дубивко наблюдал за погрузкой оставшихся торпед. Различить специальную торпеду было невозможно; было слишком темно, чтобы заметить какую-нибудь разницу в цвете. Позднее он узнал, что специальная торпеда отличается и особой окраской ее тупорылого носа.

* * *

Когда «Б-36», входившая в состав 69-й бригады Четвертой Краснознаменной ордена Ушакова эскадры подводных лодок, базировавшейся в Полярном, была отобрана среди других лучших дизельных лодок дальнего действия и начала подготовку к спецпоходу, командир лодки капитан 2 ранга Дубивко принял дополнительные меры к тому, чтобы его экипаж оказался в лучшей форме. Зная, что в ходе предстоящего плавания действия в открытом море займут подавляющую часть времени, Дубивко уделил особое внимание подготовке штатного корабельного врача и добился, чтобы того откомандировали в госпиталь ВМФ в Североморске для прохождения спецкурса неотложной хирургии и связанной с ней травматологии. Дополнительная подготовка позднее воздастся сторицей.

Первая неделя похода ничем особенным не выделялась до тех пор, пока они не миновали исландско-шетландско-фарерскую брешь и не попали в жестокий шторм с волнами высотой более десяти метров. Во время шторма одного из операторов гидролокатора свалил приступ острого аппендицита. Корабельный врач сначала боролся с инфекцией массированными дозами антибиотиков, но потом принял решение делать экстренную операцию. Лодка шла в подводном положении на скорости семь узлов и, согласно приказам по обеспечению скрытности, всплывала для подзарядки батарей только ночью. При такой ужасной погоде проведение операции даже при ходе под перископом или под РДП было невозможно, поэтому они несколько часов шли под РДП, делая полную зарядку батарей, чтобы уйти под воду, и уйти достаточно глубоко, чтобы избежать ударов волн, которые чувствовались на глубинах до двадцати метров. Это была тяжелая битва.

Погода была ужасной; Атлантика разбушевалась восьмибалльным штормом, и Дубивко был вынужден полностью всплыть для зарядки батарей, потому что идти под РДП вблизи поверхности было невозможно. Лодки «Проекта 641» являлись улучшенным вариантом немецких лодок «XXI серии» времен Второй мировой войны — первых лодок, на которых была успешно реализована концепция работы дизеля под водой, дававшая лодкам возможность оставаться незамеченными на переходе и к тому же заряжать батареи примерно через каждые сорок восемь часов. При плавании под РДП глубина погружения лодки составляла около одиннадцати метров, а выполненная из нержавеющей стали мачта отбора воздуха возвышалась примерно на полтора метра над спокойным морем, обеспечивая поступление воздуха к дизелям. Во время зарядки батарей для хода лодки требовалось два дизеля: один обеспечивал движение

лодки, второй заряжал батареи, третий был запасным. При высокой волне, однако, погруженный в воду клапан, предотвращающий затопление воздухозаборника, часто закрывался. Когда такое случалось, мощные дизели яростно сосали воздух из всех отсеков ПЛ, создавая сильное разрежение. После этого отвратительной отрыжкой следовал выхлоп, заставлявший экипаж кашлять и блевать на своих постах. Всасывание было настолько мощным, что глаза лезли из орбит и щелкало в ушах. Дубивко знал, что у матросов в таких случаях иногда даже срывало пломбы с зубов. Тем не менее, несмотря на возросший риск быть обнаруженным РЛС противника, они были вынуждены идти в надводном положении при таком шторме. С двумя работающими дизелями на поверхности они создавали гораздо больше шума и были гораздо более уязвимы к обнаружению РЛС и гидролокационными буями. С другой стороны, надводный фоновый шум, создаваемый штормом, помогал им маскироваться от самолетов-разведчиков. И все же плохая погода делала их переход чрезвычайно неудобным и физически опасным. Когда они вертелись на волнах, припасы, которыми набили лодку перед выходом в море, часто срывались со своих мест и создавали внизу полную неразбериху, при которой ветчина и колбасы, развешенные над торпедными аппаратами, срывались вниз, а по полу гуляли ящики с тушенкой. Была большая опасность получить травму от падающих продуктов, и только вообразите себе состояние командира подводной лодки, которому пришлось бы сообщать матери матроса, что во время выполнения боевой задачи в Атлантическом океане ее сын был убит упавшей копченой ветчиной или ящиком банок с сардинами.

У подводников не было другого выбора. Как-то раз во время плохой погоды, когда они продолжали зарядку батарей, Дубивко увидел американский патрульный самолет «Нептун» «P2V» дальнего радиуса действия, правда, вахта радиоперехвата заранее предупредила его о самолете.

— Командир, у нас есть перехват РЛС американского самолета и немного радиообмена, позволяющего определить его тип как «Нептун» «P2V» с базы ВМС США Кефлавик, самолет следует в наш район. — Дубивко был уверен, что при таком волнении самолеты не смогут их засечь даже с выступающей над водой рубкой; на экране самолетной РЛС будет чересчур много помех, создаваемых морем; вызванные штормом надводные шумы сделают практически бессмысленным и применение гидролокационных буев, поэтому лодка продолжала идти в надводном положении, производя полную зарядку батарей. Было

страшно, и на краю сознания таилась жуткая мысль о том, что произойдет, если по какой-то причине они потеряют ход. К счастью, у них было три дизельных двигателя, но им доводилось слышать истории и про баки с загрязненным топливом, и про воду в топливе, что приводило к отказу двигателя, а то и двух. Представить подобное было ужасно, и Дубивко выбросил эти мысли из головы. Он верил своему механику, и был убежден, что тот не допустит никаких происшествий, угрожающих лодке. Нам еще повезло, думал Дубивко, у нас травмирован только один вахтенный офицер, ударившийся о стенку мостика и сломавший три ребра. Волны были громадными, и лодку словно подбрасывало к небесам на гребне громадной волны, и ничего не было слышно и видно, кроме ветра и неба в разорванных облаках со всех сторон; а потом лодка плюхалась вниз, к подошве волны, и кругом опять были только волны, волны — до самого горизонта.

Подводники несколько раз видели пролетавшие вблизи американские «Нептуны», которые держали общий курс на юго-запад, словно знати о маршруте лодки. Все подводники считали, что американцы были заранее осведомлены об их переходе; в противном случае как бы они знали про общее направление их маршрута? Вынужденная заряжать батареи, лодка продолжала поединок со штормом, и ее швыряло из стороны в сторону, словно пробку. В конце концов они погрузились, имея достаточный запас емкости батарей для того, чтобы весь следующий день находиться подальше от бушующей поверхности. Доктор провел операцию по удалению аппендикса на столе в кают-компании, а через три дня оператор гидролокатора встал на ноги. Несколько странно, но по завершении похода именно медслужба Северного флота добилась награждения оператора медалью «За отвагу» — фактически за то, что он выжил во время операции. Доктор за свою блестящую работу ничего не получил.

3 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Виталий Савицкий,
командир ПЛ «Б-59»
В северной Атлантике

Примечание автора: Старший лейтенант Вадим Орлов был назначен на «Б-59» начальником группы радиоперехвата. Он родился во Владивостоке, закончил в Ленинграде высшее военно-морское училище и потом несколько лет служил штурманом на

надводных кораблях Балтийского флота. Позднее он прошел подготовку в школе радиоразведки и получил назначение на «Б-59», свою первую подводную лодку, на должность начальника сверхсекретной группы радиоперехвата. Его пост — уголок радиоперехвата — размешался в старшинской кают-компании в четвертом отсеке. До наших дней не дожили ни командир лодки Савицкий, ни начальник штаба бригады Архипов, поэтому о событиях, происходивших во время их похода по плану операции «Кама» в октябре 1962 г., мы рассказываем со слов Орлова.

* * *

О предстоящем походе «Б-59» Орлов узнал из разговоров примерно за два месяца до выхода в море. Поговаривали, что они будут постоянно базироваться в какой-то стране совместно с дивизией подводных лодок, вооруженных баллистическими ракетами; эта дивизия тоже была из Полярного. Орлов предположил, что этой страной будет Куба.

Командира лодки капитана второго ранга Савицкого Орлов знал поверхностно, потому что он стал командовать лодкой всего за несколько недель до их предстоящего убытия по плану операции «Кама». Экипаж был не в курсе, почему сняли прежнего командира, но они посчитали, что произошедшее было частью кампании по затягиванию гаек в бригаде. Новый командир, Савицкий, был хорошим человеком с высоким уровнем подготовки, однако находившийся на борту лодки начальник штаба бригады лучше его разбирался в особенностях работы офицера радиоперехвата. Несмотря на неудобство, вызванное присутствием на лодке старшего начальника, Савицкий хорошо командовал лодкой.

Выход из бухты Сайда и переход прошли нормально. Когда они погрузились первый раз, офицеры собрались у командира, который и вскрыл конверты с приказами. Волнующий момент наступил тогда, когда они ознакомились с содержанием своей боевой задачи. Орлов был удивлен тем, что им было приказано совершить переход и прибыть в Мариэль, Куба, до 20 октября; сделать это надо было скрытно. Держать требуемую скорость перехода в подводном положении, всплывая для зарядки батарей только с наступлением темноты, было почти невозможно. В подводном положении максимальная скорость лодки не превышала семи узлов, а скорость хода на поверхности зависела от погоды. Орлову до этого похода довелось совершить только один поход в открытую Атлантику, и он знал, что она в это время

года достаточно сурова.

Моральное состояние экипажа было на высоте, и им казалось, что они справятся с любой задачей. Больше всего офицеров увлекала и волновала перспектива постоянного проживания на Кубе. В приказах говорилось, что позднее транспортными судами к ним доставят их семьи, которые будут жить в городе Мариэль.

Их настрой, вызванный перспективой проживания с семьей на Кубе, поймет любой, живший в Полярном, где были долгие и суровые зимы. Что творилось тогда в Карибском море, экипаж представлял слабо. Самого Орлова удивило то, что в Мариэле будут вместе с ними базироваться семь лодок «Проекта 629» с баллистическими ракетами, и он гадал, как СССР удалось согласовать дипломатические детали этого вопроса.

До Фарерских островов «Б-59» дошла скрытно, а потом, судя по перехвату радиообмена между противолодочными самолетами и их базой, который проанализировал Орлов, им стало ясно, что их ждут. Болтовня американцев свидетельствовала о том, что они ищут полдюжины (по американским подсчетам) советских ударных дизельных ПЛ дальнего действия. В то время Орлов считал, что информацию об их походе сообщил какой-то разведывательный источник американцев в Полярном. Орлов не знал тогда об американской подводной шумопеленгаторной системе. Периодически операторы Орлова стали обнаруживать пролетающие над ними американские, канадские и британские противолодочные самолеты. Однако, насколько они могли оценить обстановку, самолеты близко не подходили, хотя и сбрасывали буи, устанавливая шумопеленгаторные поля на всех основных участках их маршрута, а «Б-59» просто шла на глубине и уходила от обнаружения. Лодка всплывала для зарядки батарей с большой осторожностью только в ночные часы и только в промежутках между частыми воздушными патрулями.

Октябрьское безумие

Октябрь 1962 г.

В море

2 октября Командование амфибийных сил Атлантического флота ВМС США провело на острове Вьекес, расположенном поблизости от Пуэрто-Рико, комплексное учение с высадкой десанта в составе штурмовой группы батальона морской пехоты; в учении были также задействованы 8-я и 12-я амфибийные эскадры. Цель учения, как проинформировали об этом прессу, состояла в отстранении от власти «оранжевого» диктатора по имени Ортсак (если читать с конца слова, то получится Кастро). С 3 октября в театре Шуберта в Нью-Йорке начался показ мюзикла «Остановите мир — я хочу сойти», главные роли в котором исполняли Анна Кьюэйл и Энтони Ньюли. Гвоздем мюзикла была песня «Что я за дурак?».

7 октября центральный орган Министерства обороны СССР газета «Красная звезда» сообщила, что Вооруженные силы СССР находятся в стратегической готовности. 11 октября командование Атлантического флота ВМС США направило из Норфолка в море ударный авианосец «Индепенденс» с самолетами 7-го авиакрыла на борту и эсминцами сопровождения «Инглиш», «Хэнк», «О'Хара» и «Кори». 13 октября 2-е авиакрыло корпуса морской пехоты ВМС США развернуло подразделения 14-й и 32-й авиационных групп на базе авиации флота в Ки-Уэст. Сухопутные войска и ВВС США перебрасывали грузы на базы и в порты, расположенные в южных штатах США. ВВС перебросили несколько отборных эскадрилий, а также расходные материалы на базы во Флориде.

14 октября самолет-разведчик «U-2» ВВС США обнаружил на Кубе строительство площадок для советских баллистических ракет средней дальности «СС-4» «Сандал». Дальность стрельбы этих ракет составляла 1020 морских миль. На Кубе находилось всего 42 таких ракеты с боеголовками мощностью 2 или 3 мегатонны. «U-2» обнаружил также БР промежуточной дальности «СС-5» «Скин» — четыре пусковые площадки с восемью ракетами на каждой. Дальность стрельбы этих ракет составляла 2200 морских миль.

15 октября все шесть американских подводных лодок с баллистическим ракетами «Поларис», базировавшиеся в Холи-Лох, Шотландия, вышли в море на свои боевые позиции.

Подводная лодка «Авраам Линкольн», вооруженная ракетами «Поларис», сократила время прохождения капремонта и вышла в море из Холи-Лох вместе с двумя другими лодками, прибывшими из Нью-Лондона.

15 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Николай Шумков
ПЛ «Б-130»
где-то у Азорских островов

— Товарищ Фролов, поднимите нас на перископную глубину, — Шумков произнес это так громко, что все на ЦКП услышали. — Через двенадцать минут время нашего следующего резервного сеанса связи.

— Рули глубины вверх на 20 градусов, приготовиться к подъему СДВ-антенны на двадцати метрах.

ЦКП стих, все глаза следили за глубиномером. Когда глубиномер пошел против часовой стрелки, палуба немного подалась вверх.

— Проходим пятьдесят метров, товарищ командир, — вахтенный на рулях глубины оказался в центре внимания.

Шумков стоял на своем обычном месте, т. е. сзади и между вахтенными: слева от него был вахтенный на руле курса, справа — вахтенный на рулях глубины. Фролов был вахтенным офицером, на рукаве у него виднелась бело-голубая повязка дежурного, и он стоял позади командира.

С уменьшением забортного давления командный центр начал скрипеть. Восхитительное ощущение, подумал Шумков; ощущение выхода на перископную глубину после долгих часов под водой всегда было пьянящим, хотя он и знал, что они всего-то поднимутся на глубину, обеспечивающую связь и ход под РДП. Поверхность океана манила подводника к себе как символ надежды и тревоги, потому что связи со штабом СФ не было с момента их выхода из бухты Сайда две недели тому назад. Единственной связью лодки оставались ежедневные проверки радиосвязи, проводимые в определенные часы по УКВ сети командиром бригады Агафоновым, который требовал, чтобы каждая лодка поочередно подтверждала свой выход на перископную глубину для подзарядки батарей кодированным нажатием ключа передатчика, а затем передавала бригадный сигнал всплыть на глубину хода под РДП следующей лодке. Этот порядок, при котором лодка проводила проверку радиосвязи

перед спуском на глубину перехода в 60 метров, был придуман Агафоновым, который хотел быть уверенным в том, что в определенный момент времени вблизи поверхности океана находятся одновременно, пусть и на короткое время, не более двух лодок из их квартета.

— Проходим тридцать метров… двадцать пять.

— Приготовиться к подъему антенны. — Шумков любил подавать команды, выполнение которых вело к задействованию их оборудования. Ему давало чувство гордости осознание того, что все на ЦКП знают о том, что оборудование поднято и работает.

— Двадцать метров…

— Поднять СДВ-антенну, открыть основной впускной. Машинное, запустить дизели, произвести зарядку батарей.

Старпом Фролов повернулся к лейтенанту Воронову, заступающему вахтенному офицеру, и они занялись тщательно отрепетированной процедурой сдачи и приема дежурства вахтенными офицерами. Закончив формальности, Фролов отдал Воронову честь, стянул нарукавную повязку и отдал ее молодому офицеру.

— Пойду в радиорубку и прослежу за передачей, — сказал Воронов.

Шумков неподвижно наблюдал за вахтенным на рулях глубины, потом, в глубоком раздумье, помедлил еще несколько мгновений и направился вслед за связистом.

Шумков беспокоился по поводу приема сообщения, но он не желал этого показывать. Быть слишком встревоженным хоть из-за чего было признаком слабости. Он старался все время сохранять спокойствие, хотя его и тревожило то, что в мире происходило много таких вещей, о которых он ничего не знал. Это было обычным явлением в военной среде, а среди подводников — в особенности. Тем не менее его жажда информации была всепоглощающей. Практика советской системы заключалась в придерживании информации. Она предназначалась для людей, которые должны были ее знать, и все же зачастую и до них она доводилась в самый последний момент. Всегда существовала вероятность неправильной оценки обстановки, поскольку секретность порождает большую секретность и тенденцию ошибаться, потому что исполнители предпочитали ничего не делать вместо того, чтобы хоть что-то сделать.

Шумков наблюдал, как стоявший перед печатающим устройством телетайпа офицер всматривался в напечатанную строчку, представлявшую собой тональный сигнал несущей радиочастоты, а каретка печатающего устройства раз за разом

начинала новую строку, печатая серию одинаково неразборчивых четырехзначных групп.

— Пока ничего, товарищ командир, только непрерывный тональный сигнал.

Офицер-связист также старался скрыть свое нетерпение в получении новостей, приказов, чего угодно. Это было обычной практикой для радиопередач «по флоту» — выходить по расписанию на низких частотах для обеспечения кратковременной резервной связи с лодками, находящимися в океанском плавании; связь короткая, может быть, самое большое на десять минут. Огромное сооружение, представлявшее собой низкочастотную антенну, расположенную к юго-востоку от Москвы, ничего им не посылало — по крайней мере, ничего, кроме тонального сигнала несущей частоты — чтобы они могли убедиться в исправной работе своего оборудования. Передачи на низких частотах всегда озадачивали Шумкова, хотя он и был достаточно образованным радиотехником. Мысль о том, что волны низкочастотного диапазона действительно проходят через поверхность Земли и проникают в глубины океанов, пропутешествовав десятки тысяч километров вокруг земного шара, восхищала его, а осознание того, что оборудование лодки настроено и снабжено ключом для чтения закодированных сообщений, переданных на такую большую дальность, все еще оставалось волшебным, почти религиозным таинством для него лично. Глаза Чепракова уставились на бумагу в телетайпе, словно пытались продырявить аппарат, и тут телетайп неожиданно отпечатал строчку иных четырехзначных групп.

— Контрольная строчка, товарищ командир, — он едва сдерживал свое возбуждение. — Это контрольная строчка для синхронизации. — Он наклонился вперед, наблюдая за тем, как печатаются четырехзначные группы, из которых складывалось нечитаемое сообщение, потом вслух досчитал до десяти и нажал клавишу декодирования. Произошло волшебство, и на бумаге стал печататься текст на русском языке. Несколько минут офицеры зачарованно наблюдали, как идет печать текста, затем телетайп остановился и вновь начал печатать тональные сигналы несущей частоты. Чепраков оторвал бумагу с сообщением и передал ее командиру, который, медленно прочитав текст, направился на центральный командный и остановился у штурманского планшета. Старпом находился позади командира и ждал команды или хотя бы объяснения того, что происходит.

Шумкову всегда нравилось держать своих офицеров в подвешенном состоянии.

— Достаньте карты южной части Багамских островов и

Саргассова моря.

Он перечитывал текст, а штурман тем временем ковырялся с картами, выискивая нужную, аккуратно вытащил ее и приколол на планшет, поверх карты с текущим маршрутом. Они пригладили карту и потом стали внимательно изучать планшет, на котором россыпь Багамских островов тянулась цепочкой к востоку от побережья Флориды: Большой Багама, Нью-Провиденс и Эльютера. Цепочка потом прерывалась узким проливом Кайкос и вновь тянулась к югу до последнего острова и пролива острова Теркс, водного пути между островом Теркс и Гиспаньолой — островом, на котором находились два государства — Гаити и Доминиканская республика. При взгляде на Майами и побережье Флориды Шумкова бросило в дрожь. Каждый офицер-подводник знал, что противолодочные силы США базировались на побережье Флориды, на базах авиации ВМС в Джексонвилле, Мейпорте и Ки-Уэсте; но видеть карту того места, куда они должны были прибыть согласно новому приказу… Одно это вызывало трепет, который невозможно было представить. Для советского гражданина находиться в такой обстановке, вдали от пытливых глаз партии и далеко от холодных улиц Полярного, в этом тропическом раю, было и так сверх того, что они могли переварить, даже находясь в глубинах светящегося моря.

Шумков подумал о своем приятеле Дубивко на однотипной же лодке «Б-36» и попробовал представить его лицо во время чтения того же сообщения. Этого вполне хватило, чтобы настроение у него резко улучшилось, несмотря на растущую жару и неудобства замкнутой атмосферы лодки. Он передал сообщение старпому:

— Ну, читайте вслух всем остальным.

Фролов взял желтый лист телетайпной бумаги. Он имел гриф «Совершенно секретно. Изменение приказа».

— Шестьдесят девятая бригада подводных лодок изменяет маршрут с… — и далее следовали номера страниц и номера параграфов, относящиеся к первым приказам, с которыми они впервые ознакомились после погружения две недели назад. — Бригаде принять боевой порядок «завеса» строго на север от входа в пролив острова Терке и занять боевые позиции в Саргассовом море.

Фролов сделал паузу и посмотрел на капитана. Чего они не знают? Было очевидно, что что-то упущено. Их прежние приказы предписывали им совершить скрытый переход в Мариэль, Куба, с ведением разведки и гидроакустического наблюдения на маршруте. Неожиданно им приказывают осуществлять боевое патрулирование с целью охраны узкого морского прохода. Что

происходит? Почему они не знают? Шумков с растущей тревогой размышлял над картой.

Неожиданно у него возникла идея, он выпрямился и кивнул связисту Чепракову:

— Пойдемте в мою каюту. — Офицеры прошли из ЦКП вниз узким коридором и вошли в маленькую каюту командира. Шумков уселся за столик, не пригласив младшего офицера присесть. — Чепраков, что услышали за последнее время твои англоязычные операторы?

— Ничего, товарищ командир; мы не были достаточно близко к поверхности, чтобы надолго поднимать коротковолновую антенну.

Шумков недолго размышлял над этими словами.

— На этой глубине я пробуду еще несколько часов, и мне надо, чтобы вы нарушили требования инструкций. Пусть твои люди пробегутся по частотам американских коммерческих передач, возьмут, что смогут, и доложат мне. — Он передал связисту маленький клочок бумаги. — Здесь расписание передач «Голоса Америки» на английском и русском языках. После обеда настраивайтесь и начинайте прослушивание.

Чепраков встревожился:

— Но ведь, товарищ командир…

— Я знаю, что это не по правилам и наш обожаемый *замполит* заложит нас. Но я придумал, как мы это сделаем, — мы заставим его слушать вместе с нами, мы ему скажем, что оперативная обстановка требует знать, что за чертовщина происходит вокруг. Это слишком серьезно, чтобы работать вслепую. У нас торпеда с ядерной БЧ, и нам приказано приступить к боевому патрулированию. В кого и когда мы будем стрелять? Мы должны знать больше. Понятно?

Молодой офицер был поражен, но счастлив, что командир в нем не сомневается и приказывает сделать что-то в нарушение инструкций. Он вспыхнул:

— Так точно, товарищ командир. Я немедленно иду на корму и прикажу своим операторам этим заняться.

— Хорошо, дай мне знать, когда у вас будет «Голос Америки» на русском языке, я прихвачу замполита, и мы придем к вам. Обеспечь нас всех троих головными телефонами для подключения к аппаратуре, я не хочу, чтобы звук выходил на динамики. Ясно?

— Так точно, товарищ командир! — Молодой офицер исчез внизу в проходе. Он зашел в отсек радиоперехвата и, окруженный своими подчиненными, аккуратно настроился на коротковолновую передачу «Голоса Америки».

Чепраков обеими руками сжимал наушники, словно сдерживая английскую речь от слишком далекого распространения и проникновения в несанкционированные уши. Он напряженно слушал голос американского диктора, который был хорошо различим:

— Сегодня, шестнадцатого октября тысяча девятьсот шестьдесят второго года, команда «Нью-Йорк янкиз» выиграла пятьдесят девятый чемпионат мира, победив команду «Сан-Франциско джайантз» по сумме игр со счетом четыре — три!

Середина октября 1962 г.

ЭМ ВМС США «Блэнди»
Ньюпорт, Род-Айленд

В центральной радиорубке Джим Бассет и я слушали, как Фрэнк Фленеген читает разведывательную сводку. 16 октября Арт Лундаль, директор Национального центра фоторазведки, доложил президенту Кеннеди об обнаружении на Кубе площадок для ракет «SS-4». 17 октября самолеты фоторазведки ВМС США вскрыли наличие площадок для ракет «SS-5» к западу от Гаваны. Начальник штаба ВМС адмирал Джордж Андерсон назначил командующим Вторым флотом вице-адмирала Альфреда Г. Уорда. Командующим амфибийными силами в Тихоокеанской зоне вместо адмирала Уорда был назначен адмирал Горацио Ривьера. 18 октября президент Кеннеди встретился с послом СССР в США Анатолием Добрыниным и министром иностранных дел СССР Андреем Громыко; последний заверил президента в том, что на Кубе наступательных ракет нет и ни одной ракеты развернуто не будет. Кеннеди позднее назвал его «этот врущий ублюдок».

Фрэнк отложил сводку, и мы покинули центральную радиорубку, направляясь в кают-компанию для вечернего приема пищи. Стюарды включили радио. Диктор читал новости:

— 19 октября ВМС США перебросили реактивные самолеты фоторазведки «Крусейдер» «F8U-1UP» в Ки-Уэст, а ударный авианосец ВМС США «Энтерпрайз» вышел из Норфолка с самолетами 6-го авиакрыла на борту. — Диктор добавил, что авианосец вышел в море, спасаясь от урагана «Элла». Других судов, однако, из Норфолка больше не выходило.

20–22 октября 1962 г.

Штаб ВМС США в Атлантике
Норфолк, Вирджиния

20 октября ВМС США сформировали 135-ю ударную группу в составе ударных авианосцев «Энтерпрайз» и «Индепенденс» и кораблей обеспечения. 11-е и 32-е авиакрылья берегового базирования авиации ВМС перелетели на авиабазу ВМС США Рузвельт-Роудс в Пуэрто-Рико. Командующий ВМС США на Атлантике распорядился заменить в 6-м авиакрыле несколько эскадрилий тяжелых штурмовиков «A3J» на 225-ю эскадрилью легких штурмовиков «Скайхок» «A4D» из состава авиации морской пехоты. Командование ПВО Военно-воздушных сил перебросило несколько эскадрилий истребителей «F-104» в Ки-Уэст.

21-го октября в три тридцать утра противолодочный авианосец «Эссекс» покинул залив Гуантанамо, Куба; он вошел в состав ПУГ «Браво». Его эсминцам сопровождения было приказано подготовиться к выходу в море из Норфолка, Род-Айленд.

20–22 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Алексей Дубивко
«Б-36»
Северная Атлантика

Вскоре после того, как в циркулярной передаче по флоту четырем лодкам 69-й бригады было приказано прервать переход в Мариэль, ГШ ВМФ приказал Дубивко провести его «Б-36» 20 октября через пролив Кайкос на юг. Дубивко понимал, что этот переход будет чрезвычайно опасным делом, поскольку по обеим сторонам пролива было мелководье, а входы в пролив, где было оживленное судоходство, и выходы из него скорее всего прикрывались американскими противолодочными самолетами и эсминцами, поэтому Дубивко решил преодолеть пролив, используя в качестве прикрытия надводное судно. Он ляжет и затаится где-нибудь в узкости, дождется крупного торгового судна и просто поднырнет под него.

Когда Дубивко доложили, что к входу в пролив Кайкос направляется большой танкер, он облегченно вздохнул, думая теперь только о том, как глубоко расположить «Б-36» в фарватере танкера, чтобы скрыть ход лодки от шумопеленгаторов. Это была очень опасная тактика, поскольку, если они неправильно

рассчитают глубину, то могут врезаться в винты или корпус танкера, поэтому на протяжении всего перехода Дубивко и его подчиненным придется держать лодку на перископной глубине.

Дубивко осторожно направился строго к северу от пролива, потом повернул к восточному маршруту подхода к проливу; после этого лодка двигалась на перископной глубине в режиме медленного висения и с почти нулевой плавучестью и выжидала. Через несколько часов они обнаружили танкер водоизмещением десять тысяч тонн, который приближался к проливу Кайкос с севера. И тогда Дубивко применил тактический прием, знакомый ему по изданному на Северном флоте сборнику приемов скрытных переходов; они ранее отрабатывали подобное на учениях, но никогда — в реальных условиях.

Дубивко задал лодке скорость и курс перехвата и стал аккуратно сближаться с танкером, чтобы в последующем уйти на десять метров ниже его и пройти весь проход в возмущенной воде кильватерной струи танкера. Этот маневр давал гарантию того, что шумы винтов лодки будут скрыты громкой кавитацией винтов танкера, кроме того, он помогал их штурману убедиться в адекватности глубин — полагая в этом случае, что танкер выберет маршрут с наибольшими глубинами. Дубивко и его подчиненные понимали, что преодоление пролива сопряжено с огромным риском. Их уже преследовали противолодочные самолеты «Нептун» и противолодочные самолеты «Трэкер» американских ПУГ, вот почему он решил воспользоваться этой тактикой — спрятаться в кильватерной струе танкера. Дубивко вывел лодку на позицию строго севернее и слегка восточнее пролива Кайкос, занял там хорошую глубину чуть ниже небольшого слоя жидкого грунта и стал ждать. Когда нечем заняться, то самая выматывающая часть любого похода — ожидание. Пока они там сидели, Дубивко размышлял о том, что произойдет, если их дела пойдут плохо. Что, если их уже засек один из самолетов или же преследует один из того множества эсминцев, которых они слышали над собой в последние несколько недель? Их там были сотни, а подводники этого не ожидали. Операторы радиоперехвата Дубивко прослушивали радиообмен американцев, но поняли лишь то, что в разгаре какая-то гигантская военно-морская операция, американцы находятся в повышенной готовности и очень активно действуют. Радости мало! Дубивко не мог понять, что вызвало реакцию американцев такого масштаба. Может, одну или несколько лодок их бригады уже обнаружили и принудили всплыть? Находятся ли они уже в состоянии войны? Почему нет никакой информации в регулярных сеансах связи для подводных сил из Москвы? Вопросы

переполняли Дубивко, и он начал впервые опасаться за безопасность лодки и экипажа.

— Дальность до контакта?

— Три тысячи метров, командир, пеленг ноль пять ноль.

— Курс и скорость?

— Курс два два ноль, скорость двенадцать узлов.

— Прекрасно, дайте мне курс перехвата на скорости девять узлов.

— Есть, командир, курс перехвата два шесть ноль, пересекаем маршрут танкера через двадцать минут.

— Прекрасно, глубина курса перехвата шестьдесят метров, потом поднимаемся на глубину пятнадцать метров, занимаем позицию по корме танкера и уравниваем скорость.

Ночь была спокойной, видимость хорошей. Дубивко немного посуровел — от его внимания не укрылось, что вахтенные выглядят серьезными, но расслабленными.

— Жуков, руководите перехватом! Я буду командовать во время перехода. — Дубивко вдруг вспомнил, как во время учений в Баренцевом море одна из подводных лодок из другой бригады поднырнула под торговое судно и шла с ним вместе несколько часов, а потом по неизвестной причине воткнулась в винт, который и рубанул по ее рубке, вызвав почти катастрофическое затопление центрального командного поста. Лодке удалось вернуться в Полярный, но только после экстренного ремонта прямо в море. Если бы погодные условия были хуже, то ремонт вряд ли бы удался. Дубивко передернуло при мысли о возможности подобного с его лодкой, ведь они находились больше чем за пять тысяч миль от своих вод, и если что-нибудь произойдет, то будет не к кому обратиться за помощью. В Мариэле, они знали, кораблей обеспечения не было, а до дома было идти и идти.

— Дальность до танкера тысяча пятьсот метров, время перехвата двенадцать минут.

Дубивко зашел в свою каюту, повесил на крючок куртку и быстро сполоснул лицо тепловатой водой. На лодке ситуация с водой была тяжелой. Их дистилляторы имели очень ограниченные возможности по выработке питьевой воды и постоянно находились в работе, но иногда, когда требовалась тишина, их приходилось выключать. Когда лодка шла под РДП, работавшие дистилляторы давали только около пяти литров воды в час. Этого было совсем мало, а поскольку температура окружающей морской воды была высокой, то и питьевая вода была всегда тепловатой и дурно пахнущей, достаточно чистой для питья, но неосвежающей. С наступлением темноты

температура падала, однако на лодке по-прежнему царили жара и влажность; в целом же температура внутри лодки стала одним из самых важных отрицательных факторов с того момента, как они прошли к югу от Бермудских островов и вошли в Саргассово море. Температуру внутри лодки удавалось снизить только тогда, когда она находилась в надводном положении и с открытым основным люком; если море было спокойным, то открытым держали и кормовой люк в седьмом отсеке, и связанные с ним другие люки — только тогда бриз продувал лодку. Плавание с таким количеством открытых люков категорически запрещалось всеми наставлениями, поскольку в жертву приносилась защищенность лодки к попаданию воды, и любая случайная волна могла быстро попасть в кормовой торпедный отсек и закоротить там электрощиты. Этот поход, однако, был насыщен неординарными действиями, и в этих необычных условиях Дубивко положился на здравый смысл и на стремление просто выжить.

Жуков спокойно наблюдал за глубиномером, изредка поглядывая на небольшой планшет, который помощник штурмана вел на маленьком листе плексигласа. На планшете было заметно, как медленно сходились два контакта, следующие курсом на юго-запад. Каждые несколько минут Жуков приказывал включать на пониженной мощности поисковый радиолокатор и делать разовый проход луча. В данных условиях можно было увидеть танкер на короткой дистанции, не подвергая себя риску быть обнаруженными электромагнитными средствами американских эсминцев и самолетов. Когда они поднырнут под танкер, то не смогут измерить дальность по шумам винтов танкера, которые на такой малой дальности будут очень мощными и на экране гидролокатора предстанут в виде широкого звукового клина. Для точного изменения дистанции останется один способ — визуальный, через перископ; этим и займется сам Дубивко со штурманского мостика, расположенного над центральным командным.

— Дальность до танкера — одна тысяча метров, выходим на глубину пятнадцать метров.

Жуков говорил ровно, вселяя в командира гордость и уверенность.

— Дальность — восемьсот метров, командир, рули глубины на всплытие десять градусов, всплываем до глубины пятнадцать метров. Приготовить крышку основного люка.

Двое матросов, по одному с каждой стороны трапа, ринулись вверх, к первому люку. Они положили руки на кремальеру, готовые отдраить крышку по команде Жукова.

— Проходим тридцать метров, командир… двадцать пять… двадцать. — На двадцати метрах матросы начали проворачивать кремальеру, и вода потоком хлынула в центральный командный. В таких случаях всегда ждут воду, но когда она начинает литься, всем становится не по себе, потому что попадание воды внутрь лодки, ожидаемое или нет, является головной болью для любого экипажа.

Поток воды иссяк до падающих капель, и матросы бросились вверх по трапу. Наверху они остановились в готовности откручивать кремальеру крышки следующего люка. Услышав, как рулевой считал показания глубиномера на пятнадцати метрах, матросы открыли крышку и исчезли на мокрой палубе боевой рубки. Вслед за ними по трапу поднялся Дубивко в сопровождении помощника штурмана и вахтенного.

— Дальность?

— Прямо над нами, командир, — прокричал оператор гидролокатора.

— Понял, дать обороты на скорость одиннадцать узлов.

Рулевой повторил приказ. Они наблюдали и ждали, когда контакт пройдет над ними; лодка тем временем постепенно набирала ход, чтобы уравняться в скорости с танкером и потом за несколько секунд аккуратно поднырнуть под большой корабль. Дубивко знал, что существует опасность быть притянутым чересчур близко к корпусу танкера из-за вакуума, создаваемого поверхностным эффектом воды, протекающей под корпусом танкера, поэтому он осторожно держал лодку ниже этого уровня, чтобы не подпрыгнуть вверх, на корпус судна.

Теперь и без головных телефонов Дубивко было слышно, как винт танкера хлещет по воде, и шумы раздавались прямо у них над головой. Дубивко выжидал, поглядывая на Жукова: когда тот услышал, что дальность сократилась до ста метров, он кивком дал сигнал командиру. Дубивко нажал кнопку на рукояти перископа, задействуя сервомеханизм и поднимая перископ, затем развернул его, чтобы посмотреть вперед, прищурился, сводя ручки перископа в полудугу, и попытался найти кормовые огни танкера. В судоходстве на море принято так, что для навигационной точности фонарь на корме должен был быть чем-то укрытым, поэтому его можно различить только под определенным углом; если бы лодка находилась чересчур правее или левее от корабля, то фонаря бы не бы видно.

Дубивко вглядывался в оптику, но фонаря не замечал. Он начинал злиться — там должен был быть фонарь! Лодка находилась на глубине ровно пятнадцать метров, и корабль шел вперед — он наблюдал в перископ белую кильватерную пену, но

кормового огня не видел.

— Право руля пять градусов, — в голосе Дубивко сквозило растущее напряжение. Он внимательно следил за тем, как на шкале гироскопа курс лодки медленно уходит вправо. Но огня все равно не было! Дубивко подождал и быстро приказал: — Переложить руль!

— Руль влево пять градусов, командир.

Нос лодки повело влево, и Дубивко крикнул:

— Так держать, вижу огонь!

Он обнаружил горящий кормовой фонарь примерно в трех метрах над ватерлинией, а потом в фокусе появилась вся картинка — главная палуба судна, белый фонарь кормового огня на стойке в центре кормы и кончик лопасти винта, оказавшийся в воздухе. Танкер не был полностью загружен, поэтому его винт рубил поверхность воды, вызывая повышенную турбулентность, что еще лучше маскировало сигнатуру подводной лодки. В такой ситуации противолодочный патрульный самолет не сможет засечь «Б-36» — ни акустически, с помощью шумопеленгаторных буев, из-за шума, создаваемого турбулентностью, ни по магнитному полю, поскольку поле электромагнитной сигнатуры стального танкера было большим. Вдобавок ко всему на такой близкой дистанции даже эсминец не сможет обнаружить перископ их лодки, поскольку он выступал над кильватерной струей так близко к танкеру, что тот его полностью маскировал.

— Держать курс два два ноль, обороты на скорость двенадцать узлов.

Теперь Дубивко хотелось только одного — чтобы танкер шел с постоянным курсом и держал одинаковую с лодкой скорость; все отклонения от этого требовали от него соответствующих поправок. Пока все шло хорошо. На торговом судне, похоже, был опытный рулевой, судно виляло в ту или иную сторону от основного курса не более чем на один-два градуса, но в принципе в любое время могло резко изменить курс.

Дубивко был доволен, потому что пока все было в порядке, хотя он до сих пор не знал национальной принадлежности судна, впрочем, это ничего и не значило — судно могло быть и американским, настолько это было несущественным. По местному времени полночь еще не наступила, и у них была масса времени завершить переход до первого луча солнца — если танкер не снизит скорость хода или, самое плохое, не остановится. Тогда им придется выжидать под неуклюжим танкером, но их шумовая маскировка уже не будет такой полной. Если танкер чересчур снизит скорость, то какой-нибудь самолет или надводный корабль будет в состоянии, используя активный

гидролокатор, обнаружить лодку под танкером. Такая вероятность была невелика, но Дубивко приходилось держать ухо востро и надеяться на лучшее.

А пока напряжение, связанное с нахождением лодки под кильватерной струей танкера, незаметно скрадывало время. Дубивко приятно радовало сознание от совершенного ими, и он чувствовал себя в большей безопасности всякий раз, когда смотрел на кормовой фонарь, мерцающий в водяных брызгах.

Неожиданно, когда казалось, что все идет прекрасно, танкер замедлил ход. Дубивко первым определил по звуку, что винт стал реже бить по воде.

— Что за черт? Обороты на десять узлов, восемь… Пять.

«Б-36» замедлила ход, уравнивая скорость с танкером; потом, неожиданно, кормовой фонарь потянуло влево. Танкер начал выполнять резкий разворот.

— Жуков, быстро гляньте на планшете, что там могло вызвать левый разворот? — Голос Дубивко опять был тревожным, хотя он и старался изо всех не выдавать в разговоре свои сомнения и страхи, но оставаться спокойным в данной ситуации было очень трудно.

— Ничего нет, командир, — ответил Жуков, — мы все еще в проливе, но танкер не может долго идти этим курсом на восток, потому что сядет на грунт.

— Какая у нас глубина?

Жуков заставил оператора гидролокатора снять показания эхолота.

— Глубина соответствует карте и составляет двести метров, ближайшее мелководье в двух тысячах метрах на восток. С такими курсом и скоростью он сядет на мель через четыре минуты.

Дубивко быстро думал. Вот-вот они потеряют свое прикрытие, потому что, если танкер ползет к этой стороне прохода, чтобы заняться там ремонтом, то он станет на якорь, и «Б-36» будет некуда идти. Если лодка продолжит движение, то рискует быть обнаруженной, если же остановится и будет лежать под танкером на дне, то придется ждать, когда он закончит ремонт и возобновит ход. Неожиданно они услыхали громкое стаккато.

— Гидролокатор, что там такое?

— Командир, они бросают якорь. Здесь глубина менее пятидесяти метров, наверное, хотят заняться каким-то ремонтом.

Дубивко незло выругался. Была почти полночь, а прикрывающее их судно по какой-то причине застопорило движение.

— Остановить все, — приказал он.

Они смотрели и слушали.

— Жуков, проверьте зенитно-навигационный перископ и посмотрите, нет ли самолетов.

Зенитно-навигационный перископ, называемый также навигационным перископом, находился внизу в командном центре. Жуков быстро скатился по трапу в центр, выдвинул навигационный перископ и несколько раз просмотрел небо над лодкой.

— Самолетных огней нет, командир, радиоэлектронного излучения тоже нет.

— Понял, Жуков. Спускайте нас на дно, мы посидим там в грязи и просто послушаем.

Они рассматривали карту пролива, на которой меньше чем в миле от танкера было обозначено мелководье с глубинами около двадцати метров. Они быстро прикинули время прилива и отлива и опять полезли на навигационный мостик. Лодка будет лежать на дне на этой глубине, молчать и наблюдать за обстановкой через перископ; тем временем прикрывающее их судно займется тем, что ему нужно, и лодка будет в относительной безопасности. Началось долгое бдение.

К этому времени на «Б-36» был почти полный заряд батарей, точнее, по словам механика, девяносто процентов. Они сидели на действительно неглубоком месте и могли с этой глубины поднять РДП, но это бы невольно раскрыло их тайну, поскольку на танкере могли заметить выхлопные дымы от дизелей лодки. Они ждали.

Текли долгие часы. Жуков, старпом и Дубивко сменяли друг друга у перископа. Как здорово, думал Дубивко, иметь офицеров, которым веришь не только потому, что они превосходные связисты и твои заместители, но и потому, что они одинаково хорошо справляются с управлением лодкой. Он доверял Жукову, как сыну, и временами задавался вопросом, как бы он без него обходился.

Жуков стоял у перископа. По местному времени было около трех часов утра, и все же было еще рано для первых признаков рассвета. Неожиданно Жуков оцепенел:

— Командир, контакт, строго на юге, два крохотных белых огонька. — Он немного подождав. — Командир, он приближается к танкеру.

— Мостик, это акустик. Шумы по курсу один восемь ноль, слышны два винта.

— Это контакт, — прошептал Жуков. Дубивко посмотрел в перископ, и ему вдруг захотелось снять лодку с грунта и куда-

нибудь уйти, потому что он, сидя в этой грязи, чувствовал свою беспомощность. Но Дубивко сдержал себя. Почему бы и не остаться в этом положении? Минимум звука, нет предательских шумов от работающих машин. Надо оставаться там, где они находились.

Когда контакт подошел ближе, они акустически классифицировали его как эсминец — конечно же, американский. Наверное, он проверял танкер — с чего это вдруг танкер водоизмещением в десять тысяч тонн неожиданно остановился и торчит на этой стороне пролива Кайкос? Несомненно, американский корабль это заинтересовало. С лодки наблюдали, как эсминец приблизился к танкеру примерно на милю и замедлил ход, потом на американском эсминце начал мигать сигнальный фонарь.

— «Альфа, Альфа», — читал негромко Жуков, и Дубивко подивился, как быстро его связист читает сигналы, подаваемые фонарем, в данном случае это был сигнал с эсминца, означающий «Что за корабль?». Применялась международная таблица сигналов, которую Жуков легко читал. Дубивко тоже знал азбуку Морзе, но так быстро читать сигналы, как его связист, он не мог.

— Смотрите, вскоре будет ответ.

Наблюдать за танкером с их позиции было трудно, они видели сигналы, подаваемые лишь с эсминца, а на танкере сигнальный фонарь располагался на верхней палубе за мостиком, и они едва различали отсвет лампы, которая медленно отбивала ответ. Сам текст сообщения с их позиции не читался. Чувствуя, что отчаяние вновь овладевает им, Дубивко стал думать о том, что же будет дальше.

Именно в тот момент, когда он уже решил, что все пропало, Жуков стал читать длинное и неспешное послание, передаваемое с эсминца фонарем.

— Они дают им радиочастоту, триста сорок три и восемь десятых. Это должен быть УКВ-диапазон. — Жуков быстро вызвал станцию радиоперехвата в четвертом отсеке и передал операторам номинал частоты, который они узнали из сообщения, переданного с эсминца фонарем. Через несколько минут пришло донесение от станции перехвата.

— Мостик, это радио. На указанной частоте американец ведет радиообмен открытым текстом. Судно принадлежит Норвегии, оно направляется в Галвестон. У них поврежден котел, сейчас они пытаются разжечь запасной. Американец спросил, нужна ли норвежцу помощь, а норвежец отказался и поблагодарил их. Похоже на то, что эсминец отваливает.

Дубивко стало легче; они видели, как американский эсминец

описал круг и двинулся на север через пролив. Примерно до полудня «Б-36» продолжала лежать на песчаном грунте, а потом трубы танкера стали выбрасывать черный дым.

— Мостик, это акустик, танкер выбирает якорь и собирается отходить.

Дубивко наблюдал, как танкер опять повернул на юг.

— Приготовиться к отходу. Малый вперед, обороты на три узла.

«Б-36» слегка покачнулась, освобождаясь от грязи. Дубивко убрал перископ; теперь им придется ориентироваться исключительно по шумам танкера. Когда танкер вошел в основной пролив, Дубивко поднял лодку на глубину пятнадцать метров, встал в кильватер танкеру и постепенно уравнял скорость лодки с танкером. Каждые несколько минут он визуально осматривал поверхность, чтобы лишний раз убедиться, что они находятся на месте и точно следуют за танкером. Когда они были примерно в 150 милях к северу от Гаити, то оторвались от танкера, повернули на запад и снизили скорость. Им нужно было выждать остаток дня, чтобы всплыть и зарядить батареи после предыдущей ночи.

— Кстати, — спросил Дубивко Жукова, — как назывался норвежский танкер?

— Командир, я слышал, как американец, перед тем как уйти, упоминал имя Гретель. Наверное, судно называлось «Гретель». В любом случае забавно, что мы спрятались у нее под юбкой, не так ли?

После того как они совершили осторожный и нудный переход через пролив Кайкос, Дубивко было приказано немедленно изменить курс, вновь пересечь пролив Кайкос в северном направлении и проследовать в район патрулирования на северо-востоке; там, оставаясь незамеченными, они должны были вести наблюдение за кораблями ВМС США, избегая обнаружения противолодочными поисково-ударными группами ВМС США. Упорный Дубивко, не вполне довольный собой после долгого и беспокойного перехода через пролив в южном направлении, дождался своего шанса и повторил переход, теперь уже курсом на север, под корпусом корабля-рефрижератора под польским флагом.

— Надо на всю катушку использовать Варшавский договор, — заявил Дубивко.

Патрулируя в Саргассовом море в указанном ей районе, «Б-36» днем двигалась на экономном электроходу, а в ночное время шла под РДП на двух дизелях и заряжала батареи. Они пробрались в район, расположенный примерно в двухстах милях

к югу от Бермудских островов, где действовали около двенадцать дней. Несколько раз в этом районе они отмечали гидроакустические сигналы, посланные с американских эсминцев и противолодочных самолетов, однако сумели избежать обнаружения, потому что двигались молча, обходили районы поиска и спокойно отсиживались, когда сзади гнались охотники.

Все время, пока «Б-36» ускользала от американского флота, у Дубивко было такое впечатление, что его добрый приятель Николай Шумков на «Б-130» находится от него всего в нескольких милях западнее и выполняет такие же маневры.

В приказе ГШ ВМФ, полученном ими 20 октября, «Б-130» Шумкова назначался район патрулирования сразу же западнее района патрулирования «Б-36» Дубивко. Приказов от командира бригады Агафонова они не получали с того времени, как вышли на просторы Атлантики.

Офицер связи лейтенант Жуков демонстрировал необыкновенную инициативу, проводя без сна часы и дни в душных помещениях радиоперехвата четвертого отсека. Он достиг значительных успехов в прослушивании тактических радиосетей, в которых работали в микрофонном режиме эсминцы и самолеты поисково-ударных групп ВМС США. Тщательно триангулируя их радиопередачи, Жуков, Дубивко и другие вахтенные офицеры смогли привязать передающие радиостанции к эсминцам и держаться на самой границе их районов поиска. Гидролокационные условия оказались настолько в пользу охотников, что «Б-36», не имевшая для прикрытия слоя жидкого грунта, действовала в основном на глубинах чуть менее ста метров и часто поднималась на глубину тридцать метров, чтобы выдвинуть антенну для Жукова и воспользоваться его умением сохранить их незамеченными. Чем больше была глубина, тем менее эффективны были их радиоперехват и анализ гидроакустических условий, предполагавший ту или иную нарезку районов поиска американцами.

Противолодочные патрульные самолеты с авианосцев «Эссекс» и «Рэндольф» оказались серьезными противниками, и Дубивко беспокоился всякий раз, когда поблизости пролетали самолеты «Трэкер» «S2F» и вертолеты «Сикинг», оснащенные погружаемым в море и буксируемым гидролокатором.

Самой серьезной угрозой для «Б-36» были патрульные самолеты дальнего действия, особенно только что поступившие на вооружение самолеты «Орион» «Р-3», которые выкладывали из сбрасываемых гидролокационных буев четкие фигуры и часами наблюдали за ними. Несколько раз Дубивко изумлялся, когда, поднявшись на перископную глубину, чтобы осмотреть

поверхность, он думал, что «Р-3» уже покинул район поиска, в котором он более двенадцати часов тому назад сбросил гидролокационные буи. К удивлению Дубивко, он видел все тот же «Р-3», выписывающий круги с двумя зафлюгированными двигателями из четырех и остающийся над районом поиска целых тринадцать часов. Невероятно! Он спорил с Жуковым и говорил, что тот ошибается, поскольку не существует турбовинтового самолета, могущего оставаться над водой такое продолжительное время, но Жуков убеждал его в своей правоте, доказывая, что, по позывному, это тот самый «Р-3» из эскадрильи базовых патрульных самолетов в Джексонвилле, штат Флорида, который появился в этом районе тринадцать часов тому назад.

Жуков заметил также, что американские летчики чрезвычайно беспечны в радиосвязи и часто, в разгар преследования вероятной лодки, отходят от слегка кодированной терминологии и используют в УКВ-радиосетях открытый, некодированный радиообмен, который Жуков и его операторы без труда записывали. Жуков обнаружил, что авианосцы «Эссекс» и «Рэндольф» оказались самыми отъявленными нарушителями дисциплины связи, поскольку часто прибегали к открытым переговорам. Когда самолеты взлетали с авианосцев или садились на них, операторы радиосетей на авианосцах без умолку вели едва закодированные переговоры. Когда лодка находилась вблизи авианосцев, Жуков постоянно менял операторов перехвата, давая каждому из них возможность послушать болтовню в оживленных радиосетях, используемых для управления самолетами при посадке и в зоне ожидания. Русские развлекались, слушая летчиков, которые использовали прозвища и сокращенные позывные для того, чтобы скрытно обозначить себя. Любой туго соображающий оператор перехвата, прослушав разговор летчиков, легко идентифицировал их. В конце концов некоторые из русских операторов, днями и ночами слушавшие одни и те же голоса и знавшие каждого летчика по голосу и особенной манере ведения переговоров по радио, стали заключать между собой пари на то, кто из летчиков летает на том или ином самолете. Это был захватывающий спорт, который не давал засохнуть их мозгам во время долгих часов непрерывных вахт.

Жуков с операторами также настраивались на передачи обычного коммерческого вещания в УКВ- и КВ-диапазонах, включая передачи «Голоса Америки» и Би-би-си, которые они внимательно слушали. Их привлекала не только необычная музыка, — но и возможность заполнить информационный пробел, существовавший между сжатыми приказами, которые они время

от времени получали с короткими пояснениями или без них, и информацией по обстановке от ГШ ВМФ, передаваемой во время циркулярных передач по флоту на сверхнизких частотах. В приказах, получаемых ими в сжатом и зашифрованном виде, просто говорилось: проследовать сюда, патрулировать там и, что забавно, прервать их скрытый переход в Мариэль. Дубивко и сам частенько ходил на корму, в четвертый отсек, и слушал там напористые передачи Радио «Свобода» и «Голоса Америки» на русском языке, чьи сводки новостей и аналитические обзоры были пропитаны желчью и пропагандой. Жуков и его операторы веселились, слушая русскую речь, на которой говорили дикторы «Голоса Америки», которые, несомненно, были русскими или украинцами по происхождению, но весьма далекими от того языка, на котором говорили в современном Советском Союзе. Выступавшие на радио часто использовали давно устаревшие фразы, что восторгало операторов радиоперехвата на борту лодки.

Сопоставляя отрывки новостей, Дубивко понял, что американцы остро отреагировали на операцию «Анадырь» и на размещение стратегических вооружений на Кубе. Судя по некоторым передачам, было очевидно, что вооруженные силы США ведут серьезную подготовку к высадке десанта на Кубу. Они также слышали о том, что специальный советский посланник Анастас Микоян побывал на Кубе, а потом в Вашингтоне, проведя переговоры с американцами относительно возможного компромисса по секретному плану «Анадырь» и ослаблению быстро растущей напряженности между двумя странами.

Жуков обмолвился Дубивко, что он слышал, что американцы устраивают во Флориде лагеря для приема советских военнопленных.

— Наверняка, погода там будет лучше, чем этой зимой в Полярном, — прокомментировал эту новость один из операторов перехвата.

— И наши шорты «хаки» и тропические рубашки прекрасно сгодятся во Флориде.

Политофицер быстро намекнул ему, что подобных вещей больше болтать не надо.

Весь экипаж «Б-36» знал теперь об американской морской блокаде и понимал, что примерно восемьдесят пять процентов кораблей ВМС США на Атлантике сгрудились над ними в боевой готовности.

20 октября 1962 г.

Капитан 2 Ранга Рюрик Кетов, командир «Б-4»
Норвежское море

Капитан второго ранга Рюрик Кетов был опытным подводником, а «Б-4» была второй лодкой, которой он командовал. Первой лодкой, на которой он был командиром, была дизельная «С-200» «Проекта 613», имевшая средний радиус действия. После быстрого продвижения из старпомов в командиры он совершил на этой лодке два похода к западному побережью Великобритании, а позднее ему доверили командовать одной из новых дизельных подводных лодок дальнего радиуса действия «Проекта 641», этой лодкой и стала «Б-4»; она вошла в боевой состав флота в 1961 г. и обладала привилегией обладания личным именем «Челябинский комсомолец». Никто в действительности не знал, что скрывается за этим названием, но, несомненно, оно было дано в честь какого-то партийного события в лежащем на востоке уральском городе. Кетов знал одно — командовать такой лодкой является большой честью.

20 октября, когда все четыре лодки из бригады капитана 1 ранга Агафонова получили приказ прервать переход в Мариэль и приступить к боевому патрулированию в Саргассовом море, «Б-4» Кетова находилась строго западнее «Б-36» Дубивко.

Переход «Б-4» с севера проходил нормально до тех пор, пока лодка не попала на внешнюю границу урагана «Роза», волны которого оказались необычайно высокими. Кетов вел лодку по инструкции — в подводном положении в дневное время и в надводном положении — ночью, проводя зарядку батарей и вентиляцию лодки. Вскоре стало так тяжело, что само нахождение на поверхности или вблизи нее оказалось под вопросом, однако они, как примерные матросы, продолжали выполнять приказ. Однажды ночью, в самый разгар шторма, «Б-4» приняла сигнал бедствия на русском языке от неизвестного источника.

— Товарищ командир, — обратился к Кетову офицер радиоперехвата Владимир Пронин, — мы приняли сигнал бедствия с одного из наших торговых судов.

— Где оно находится? — спросил Кетов.

— Судя по мощности сигнала, совсем рядом. Но из-за сильной болтанки пеленг на него скачет, и хорошего пеленга на сигнал у нас нет.

Все это происходило далеко за полночь по местному времени, и их трепало, как обычно, когда они старались зарядить батареи, имея в работе два дизеля. В рубку мостика поднялся старпом Кетова; там уже находились, обвязанные для страховки ремнями,

командир с вахтенным офицером и наблюдатель. Практически невозможно было подняться по трапу с центрального командного, не ударившись о крышку люка или что-нибудь внутри люкового колодца, поэтому моряки частично ползли на всех четырех конечностях и частично висели на ступеньках трапа.

Старпом был в панике.

— Командир, — сказал он, — мы должны что-то сделать, к востоку от нас находится судно «Морфлота», у которого отказал двигатель, и их несет по волнам. Я прикинул, они где-то на шесть миль восточнее нас.

Волны молотили по рубке, а он глядел на Кетова широко открытыми глазами, в которых сквозило беспокойство. Но все, что они могли сделать в тот момент, так это продолжить борьбу с волнами и двигаться курсом на юг, подставляя лодку ударам волн, набегавшим с северо-востока.

— Знаю, я слышал доклад лейтенанта Пронина. Боюсь, однако, что мы мало что можем сделать, — сказал Кетов. Старпом посмотрел на него в шоке.

— Но, командир, мы обязательно должны подойти к ним поближе и посмотреть, чем мы можем помочь. Если они сейчас покинут судно, то у них не будет ни малейшего шанса.

Кетов глядел на волны, которые накатывались на гребень гигантского вала, содрогались на его вершине и падали вниз, к подошве вала. Верхушки волн рассыпались шквалом, ограничивая видимость до нескольких метров во все стороны.

— Если мы подойдем к нему близко, то будет большая опасность столкновения. На такой малой скорости лодки очень трудно контролировать курс. Мы абсолютно ничего не сможем сделать!

Старпом молчал; держась за ограждение мостика, он просто смотрел на водяную пыль. Он был очень впечатлительным человеком, и Кетов понимал, что его глубоко ранит то, что они принимают сигнал бедствия и никак на него не реагируют.

— Командир, мы, по крайней мере, можем пройти на восток и дать им знать, что мы здесь, пустив сигнальную ракету или каким-то иным образом; если они оставят судно, то мы бы их подобрали.

Об этом не могло быть и речи. Кетов не хотел откровенничать со старпомом, но решения дилеммы не было, потому что он помнил слова адмирала Фокина во время инструктажа на борту плавбазы подводных лодок «Дмитрий Галкин» всего за несколько дней до их отхода. Эти слова больше всего запомнились ему из всего, что сказал адмирал, — скрытность перехода является важнейшим элементом их боевой задачи. Кетов не был уверен,

что ему было понятно, почему именно так, но, наверное, для этого была основательная причина. Сейчас же нужно было каким-то образом утешить старпома.

— Я уже думал над этим, но приказы запрещают нам привлекать к себе внимание; мы должны оставаться немыми. Мы ничего не можем сделать — наш переход должен оставаться скрытным.

Кетов представил себе торговое судно, находящееся недалеко от них, черпающее воду и находящееся в затруднительном положении. Было мучительно принимать сигнал «СОС» и не оказать помощь, потому что приказ обеспечить скрытность запрещал им приходить на помощь кому-либо. Но даже если им и было бы разрешено оказывать помощь, сомнительно, чтобы они могли что-то сделать, поскольку море было штормовым. Они сами едва могли сохранять ход в те промежутки времени, что они шли под РДП. Шторм был ужасным. Как позднее вспоминал Кетов, высота волн достигала семнадцати метров, водяные валы били по левому борту строго с востока каждые семь-девять секунд, и это было очень плохо для корпуса лодки. Их вертело на воде, как пробку.

Старпом молчал и только вглядывался в шквал. Через несколько минут он полез вниз, что-то пробурчав. Непросто проходить мимо соотечественников, терпящих бедствие, но Кетов не только не хотел подвергать риску возможного столкновения лодку и экипаж, но и не мог нарушить приказ, требовавший обеспечить секретность перехода. Им запрещалось даже давать ответ на частоте, используемой для подачи сигналов «СОС». Кетов чувствовал себя в затруднительном положении, но потом ему в голову пришла одна мысль.

Он взял трубку переговорного устройства и связался с центральным командным:

— Дайте старпома!

Последовала пауза, а потом на линии появился старпом.

— Знаете что, — сказал Кетов, — идите к Пронину и скажите ему, чтобы он передал сигнал бедствия на нашей общефлотской коротковолновой частоте — вышел в эфир два или три раза, а потом прекратил передачу. Это все, что мы можем сделать. Шансов, что кто-то запеленгует наш выход, немного. Не повторяйте сигнал более трех раз.

— Есть, командир. — Старпом почувствовал облегчение и удовлетворение от того, что они хоть что-то делают. Ужасное чувство — следовать своим курсом перехода и даже не шевельнуть пальцем, чтобы помочь терпящим бедствие. Кетов нарушал приказ, но знал, что у посторонних нет ни одного шанса

узнать, кто они такие, а через несколько часов они уйдут на глубину и покинут этот район. И они сделали это, и всем стало легче, потому что кодекс всех моряков — оказывать помощь в минуту опасности — много значил для них, и они пошли на осознанный риск, чтобы оказать какую-то помощь. Они никогда не узнают, какому государству принадлежало судно, подавшее сигнал бедствия, и спасся ли экипаж. Они надеялись только на то, что их маленькая жертва не будет напрасной. Кетов не услышал ни единого слова против этого своего поступка и, конечно, не заносил его в вахтенный журнал: запись в вахтенном журнале повлекла бы расследование и, несомненно, наказание за вероятную возможность раскрытия секретности перехода. Вспоминая прошлое, Кетов был горд, что поступил именно так, пусть даже это оказалось не советское судно, а иностранное. Он говорил, что завтра, при подобных обстоятельствах, он поступит точно так же.

Когда «Б-4» шла в надводном положении и заряжала батареи, сильными ударами волн повредило крышку одного из люков над кормовым торпедным отсеком, и в лодку стало поступать много воды. Кетов находился на мостике вместе с наблюдателем, связистом и вахтенным офицером, все они были привязаны ремнями, чтобы не быть смытыми волной. В какой-то момент ударила сильная волна, и вся лодка оказалась под водой, потом, несколько секунд спустя, ее швырнуло вверх так высоко, что они не видели ничего, кроме серых туч. Затем их вновь бросило вниз, в пенистый океан. Без сомнения, это была худшая погода из всех, которую когда-либо довелось пережить Кетову, и все же лодка продолжала движение.

На какое-то время Кетову пришлось изменить курс и идти на восток, уменьшив тем самым сильную качку, которую они испытывали. Он опасался, что вода, которую они принимали через треснувший кормовой люк, может вызвать короткое замыкание, что приведет к полной потере питания, и это будет катастрофой.

Часы, казалось, тянулись бесконечно, а они все болтались и прыгали по пене и волнам. В конце концов, после того как почти шесть часов их непрерывно било и колотило волнами, вахтенный офицер доложил Кетову о том, что, по докладу главного механика, уровень зарядки батарей составляет 98 % и через полчаса они могут погрузиться в относительный мир и покой. Минуты тянулись еле-еле, и вот, наконец, Кетов дал команду покинуть мостик. Несмотря на течь внешнего люка, они произвели погружение. Аварийная команда каким-то образом смогла закрепить люк, и течь прекратилась, однако под водой им

пришлось идти на глубине не более тридцати метров, поскольку на большей глубине люк вновь давал течь. На глубине тридцать метров волнение моря едва ощущалось, и им представилась возможность отдохнуть.

Шторм длился почти три дня, за которые их продвижение на юг заметно замедлилось, и Кетову позднее пришлось наверстывать упущенное. Как только они прошли исландско-шетландско-фарерский рубеж и направились на юг, то стали перехватывать радиообмен патрульных самолетов дальнего действия из состава американских авиационных эскадрилий, базирующихся в Кефлавике, Исландия. Русские нашли, что перехват радиосвязи самолетов «Нептун» «P2V», охотившихся за ними, является достаточно простым делом. Хотя Кетов и был в определенной степени циником, однако он пришел к выводу, что американских летчиков заранее предупредили о походе лодок и они знали их маршрут. Это стало очевидным, когда американские «Нептуны» и иногда британские самолеты разведки «Шеклтон» начали патрулирование южнее и севернее их намеченного базового курса, который выводил лодку прямо к Антильским островам и составлял 225 градусов (истинный). Кетов считал, что их обнаружили гораздо раньше; он ставил это в заслугу американским пассивным гидроакустическим приемникам, которые, как знал Кетов, были установлены в северной Атлантике. Кетов не представлял, правда, насколько эти приемники точны.

В Саргассовом море условия плавания изменились радикально. Вынужденные прятаться от вездесущих самолетов под слоем жидкого грунта, подводники почувствовали, что температура забортной воды значительно возросла, это привело к отказу бортовой системы кондиционирования, в результате чего температура воздуха в лодке увеличилась и стала во многих отсеках невыносимой. В машинном отделении было 37 градусов по Цельсию, в каюте Кетова температура достигала 40 градусов. Единственным офицером, который спал в носовом торпедном отсеке, был офицер по безопасности атомной торпеды, ни на шаг не отходивший от оружия. Остальные члены экипажа, обычно спавшие там, нашли на лодке другие места для отдыха и, несмотря на жару, спали там; они просто не хотели спать по соседству с этим оружием.

Механик Кетова старался держать на лодке запас свежей воды объемом от трех до трех с половиной — четырех тонн, но бортовая установка по переработке морской воды в пресную работала плохо. Они ограничили потребление питьевой воды до одного стакана в день на человека, а во время вечернего приема

пищи выпивали еще и по стакану красного вина. Из-за высокой температуры морской воды им удавалось выпаривать в день около десяти литров пресной воды, большая часть которой уходила на приготовление пищи. На экипаж из семидесяти восьми человек имелось всего три туалета и два душа, поэтому проблема личной гигиены стояла очень остро. Здоровье всех моряков серьезно страдало от постоянной жары и влажности и непрерывного пребывания в плохой воздушной среде, запахов дизеля и хлора, от чего у многих появились незаживающие язвочки и болезненная сыпь на коже.

Когда они шли в надводном положении, экипаж пользовался туалетом и душем с морской водой, расположенными в рубке между штурманским мостиком и центральным командным постом. Если волнения на море не было, Кетов разрешал экипажу — нескольким человекам за один раз — купание в море, но под строгим контролем, поскольку они были в постоянной готовности к срочному погружению при обнаружении самолета. Хотя «Б-4» могла иметь на борту тридцать шесть тонн пресной воды для приготовления пиши, питья и душа, такой объем воды у них имелся редко. Единственный душ с пресной водой находился в шестом отсеке вместе со вторым туалетом, третий туалет размещался в третьем отсеке, им пользовались только вахтенные центрального командного поста и офицеры. Душем с пресной водой пользовались как можно реже; по инструкции каждый член экипажа имел право дважды в неделю пользоваться душем с пресной водой, однако в тех широтах это было нереально. Корабельный доктор ежедневно выдавал разовые полотенца, но вскоре они кончились; потом каждое утро доктор при обходе лодки раздавал для протирки ватные шарики, смоченные в спирте, но многие члены экипажа, как это ни забавно, вместо протирания высасывали спирт из ваты. У Кетова и механика в каютах были раковины; на лодке было еще несколько таких раковин — в лазарете и на камбузе, — но за ними тщательно следили, чтобы никто не нарушил норму потребления воды. Когда пресной воды было мало, они использовали морскую воду для приготовления пищи. Приготовленная на морской воде картошка, например, была совсем неплохой, но увеличивала вероятность того, что использование соленой воды значительно усилит жажду и просто осложнит ситуацию с водой.

Когда лодка была на поверхности, то, кроме вахтенных, на открытом мостике рубки разрешалось находиться еще одному человеку — подышать свежим воздухом или покурить; позднее Кетов, учитывая тяжелые условия, дал поблажку и разрешил находиться на мостике, помимо вахты, еще трем человекам.

Впоследствии, когда условия на борту стали еще хуже, командир увеличил число одновременно находящихся на мостике, не считая вахтенных, до пяти человек.

Ситуация становилась все напряженнее, и Кетов понимал, что им надо всплывать через каждые четыре-шесть часов для приема сообщений, потому что Москва могла передать новые указания относительно ведения боевых действий или применения спецоружия. Как им было приказано ранее, при особых обстоятельствах они должны были находиться в готовности к приему новых указаний по изменению боевого приказа и ведению боевых действий. Естественно, что нахождение так близко к поверхности увеличивало вероятность их обнаружения, слежения за ними и, может быть, нападения — в случае, если бы шла реальная война, однако им приходилось повиноваться приказу. Передачи должны были происходить в полночь и в полдень по московскому времени, т. е. в 05.00 утра и 05.00 вечера по местному времени. При изменении степеней боевой готовности Москва могла изменить расписание передач, поэтому лодки не должны были пропустить ни одной регулярно передававшейся плановой передачи, во время которой штаб — при переходе к более высокой степени боевой готовности — мог сообщить новое расписание передач.

«Б-4» продолжала идти курсом на юг, наверстывая время, потерянное из-за плохой погоды в северной Атлантике. Несмотря на то что вблизи них несколько раз пролетали американские патрульные самолеты, они оставались незамеченными.

22 октября 1962 г.

ЭМ ВМС США «Блэнди»
Ньюпорт, Род-Айленд

Приятные осенние вечера на берегу для экипажа ЭМ ВМС США «Блэнди» неожиданно закончились в понедельник, 22 октября. В тот день «Блэнди» совершил выход в прилегающий к Ньюпорту участок моря, где он проводил пристрелку орудий и определял девиацию корабельного компаса, потом вернулся на базу и в три часа дня встал у пирса № 1. Сигнал к увольнению на берег прозвучал часом позже. По какой-то причине Боб Бринер и старпом перед увольнением заставили всех офицеров, главстаршин и старшин оставить у вахтенного офицера на юте номера телефонов, по которым их можно было бы разыскать на берегу. Вообще-то на корабле был специальный список

оповещения по тревоге, но его месяцами не обновляли и, как выяснилось впоследствии, двух офицеров проглядели и не вызвали по тревоге.

Фленеген со своей обычной компанией намеревался пойти на берег после ужина. Я вместе с одним или двумя техниками по электронике из своего дивизиона находился в «Сервмарте», подбирая запчасти для усилителей РЛС «SPA-4», установленных в центре боевой информации и на открытом мостике. «Сервмарт» представлял из себя громадный центр снабжения расходными материалами, которые хранились на стеллажах. В здании, напоминавшем большой ангар, стоявшая за стойкой женщина записывала в журнал учета те материалы, которые мы отобрали, чтобы взять с собой на корабль.

Неожиданно затрещал телефон, женщина подняла трубку и стала слушать. Услышанное заставило ее опешить.

— О'кей, я сделаю объявление. — Работница склада прошла к микрофону и объявила на все громадное помещение: — Согласно приказу дежурного офицера по командованию крейсерско-миноносных сил весь личный состав эсминцев с пирса Один и пирса Два обязан немедленно вернуться на свои корабли.

— Ладно, забираем все и пошли, — сказал я.

Мы втроем вышли со склада, запрыгнули в мой голубой «Фольксваген „Биттл“» 1959 года выпуска и поехали вниз с холма к пирсу № 1.

— Нельзя парковаться на пирсе, сэр, — сказал мне главстаршина Тайлер. — Береговой патруль вчера на меня штраф выписал за парковку автомобиля в неположенном месте — только за то, что я на десять минут оставил машину, чтобы забрать с корабля грязные вещи и отдать в чистку на базе.

— Я рискну. Сначала мы отнесем запчасти на корабль, а потом я отгоню машину на стоянку. — Я направил машину в конец пирса, где в окружении четырех эсминцев 24-й эскадры стоял «Блэнди», первым пришвартованный к стенке. Единственное преимущество флагманского корабля состояло в том, что нам давали ближнее к стенке место. Я поспешно выскочил из машины, оставив ключи в замке зажигания. Мы втроем по сходням гуськом потопали на корабль.

На эсминце царил хаос. Старпом вертелся и тут и там, через полчаса должны были подвезти припасы, а баржа с топливом уже была у стенки и заправляла все эсминцы топливом. Когда я шел по сходням, в старом «Шевроле» подъехали две женщины — жены механиков машинного дивизиона, похоже, женщины были в панике. В одной из них я узнал Пегги Кардуэлл, жену главстаршины Кардуэлла. Она вышла из машины и пошла к

сходням. Когда я обернулся, чтобы спросить, чем я могу ей помочь, то увидел машину Келли, оранжево-белый «Эдсел», которая двигалась по пирсу. За рулем сидела жена Келли, Грейс; машина остановилась, и коммандер вышел.

— Динь-динь, динь-динь. — прозвенел стоявший на юте корабельный колокол.

— «Блэнди», командир прибывает, — прокричали все стоявшие снаружи громкоговорители. Я быстро поднялся по сходням и посмотрел на Келли. Он поцеловал Грейс, сидевшую на месте водителя, и подошел к жене Кардуэлла. Я не слышал, о чем они говорили, потом командир достал свой бумажник, но жена главстаршины отрицательно тряхнула головой, и я услышал, как Келли проревел в сторону юта.

— Главстаршину Кардуэлла на ют, бегом, его жене нужны ключи от машины!

Это был типичный Келли — чтобы помочь жене одного из членов экипажа, он сократил время прощания с собственной женой. Когда через два месяца мы вернулись в Ньюпорт, мой «Фольксваген», покрытый слоем черной сажи, все так же стоял на том месте, где я его оставил, а на его ветровом стекле болтался талон штрафа за парковку в неположенном месте, настолько истрепанный дождем, ветром и снегом, что буквы на нем еле-еле читались. Ключи от машины по-прежнему торчали в замке зажигания.

После возвращения «Блэнди» из прилегающего к Ньюпорту участка моря Дэн Давидсон, младший энсин на эсминце, отправился домой. Он совсем недавно сыграл свадьбу с Эди и теперь первый раз готовил ужин для жены, которая еще не вернулась из школы, в которой она преподавала. Дэн упорно колдовал с фаршированным перцем, сервировал стол и готовил свечи — словом, проникнутый важностью происходящего впервые в их совместной жизни события, наслаждался новой для себя жизнью и обязанностью женатого мужчины. Едва переступившая порог Эди радостно затрепетала от вида накрытого стола и запаха фаршированного перца, придававшего их новому дому комфорт и уют. Именно в этот момент раздался звонок.

— Да, это мистер Давидсон. О, добрый вечер, коммандер Лестер. — Звонил помощник командира.

— Немедленно возвращайся на корабль, Дэн, мы в двухчасовой готовности к выходу в море.

— Есть, сэр… а мы тут собираемся ужинать, сэр. Можно мне сначала поесть, а потом сразу на корабль?

— Черт бы тебя побрал, Давидсон, когда я говорю тебе что-то делать, делай это немедленно, понятно?

Дэн ушел из дома и не видел Эди больше месяца. Ему так и не довелось попробовать своего фаршированного перца.

* * *

В тот вечер экипаж прослушал обращение президента Кеннеди к стране, передававшееся в восемь часов вечера. Мы смотрели выступление президента по телевизору, установленному в кают-компании, а «Блэнди» тем временем загружался припасами. Слова президента поразили нас, словно молния.

22 октября 1962 г.

Понедельник, вечер
Белый дом

Президент Джон Ф.Кеннеди начал свое обращение так:

> «Добрый вечер, мои соотечественники. Правительство, как и обещало, провело самое пристальное расследование наращивания советского военного потенциала на острове Куба… Чтобы остановить наращивание этого наступательного потенциала, вводится карантин на все наступательное военное имущество, находящееся на пути на Кубу. Все суда любого рода, направляющиеся на Кубу из любого государства или порта, если будет установлено, что они перевозят наступательное оружие, будут повернуты в обратном направлении»[6].

23 октября 1962 г.

ЭМ ВМС США «Блэнди»
Ньюпорт, Род-Айленд

Сошедшие в увольнение на берег члены экипажа были вызваны на корабль, и мы дружно старались как можно быстрее загрузить припасы на эсминец. Работа на пирсе кипела, и помощник командира Лестер не щадил себя, руководя этой работой.

Наша эскадра вышла в море в понедельник вскоре после

девяти вечера вместе с однотипным эсминцем «Сперри», офицеры которого прибыли на корабль прямо с официального ужина в офицерском клубе и теперь красовались на мостике в клубных пиджаках, черных галстуках и позолоченных флотских поясах. Была черная атлантическая ночь, когда мы покидали Ньюпорт и проходили остров Блок-Айленд, потом мы повернули на юг и шли по курсу в темноте, чувствуя в себе непривычное напряжение.

За исключением того, что мы услышали от президента перед самым убытием, мы не знали, что именно нам предстоит делать. На следующее утро на юте старпом сказал, что по телетайпу частями передается совершенно секретный боевой приказ; как исполняющий обязанности офицера-связиста, я отвечал за раскодирование послания, буква за буквой, и заниматься этим пришлось в тесной и узкой рубке шифровальщика. В те дни раскодирование представляло из себя медленный процесс, а боевой приказ был объемным материалом длиной более чем в двести страниц. Высокая степень секретности не позволила передать его на флот по телетайпу с обычной системой защиты, поэтому я провел несколько следующих дней в крохотной рубке, выцарапывая слово за словом, а мир вокруг меня вертелся в нескончаемой спирали кризиса.

На корабле не было ни одной инструкции касательно того, чем мы должны будем заниматься во время блокады. Тогда, как обычно, мы выработали свой план и решили, что во время следования в омывающие Кубу воды мы будем проверять все суда, которые мы встретим, узнавать их порты назначения, и, если они идут на Кубу, останавливать их и проверять на предмет наличия контрабанды. На борту «Блэнди» мы разработали свой собственный метод распознавания контрабанды, основанный просто на нашем понимании того, какие грузы могут способствовать росту военной мощи Кубы. Военная мощь доминировала в наших разговорах в кают-компании. Старпом говорил, что пушки, танки, ракеты и взрывчатые вещества являются безусловно контрабандой, а вот Фрэнк Фленеген хотел останавливать и захватывать все корабли, перевозящие сахар и ром. Старпом взорвался, заявив, что мы недостаточно серьезно подходим к этому вопросу, и выскочил из кают-компании. Тем временем я в крохотной рубке шифровальщика день и ночь возился с приказом, пока, наконец, он не приобрел своей формы.

В первую очередь нам надо было подготовиться к осмотру кораблей, которые мы могли встретить, и к возможной конфискации оружия. Джим Бассет, офицер по применению оружия, отвечал за укомплектование и подготовку досмотровой команды, которая будет заниматься осмотром и конфискацией, а

Лес Вестерман и я должны были возглавить досмотровые группы, которые планировалось направить на торговые суда, подвергаемые досмотру. Всем нам выдали оружие, носимое на поясном ремне, и мы затратили какое-то время, проверяя его на юте.

Во время полуденного приема пиши мы сидели за столом кают-компании и обсуждали детали нашего самодельного плана. Коммаядер Келли сказал, что, пока не последует других указаний, он будет стрелять в руль любому торговому судну, которое окажет сопротивление.

Мы даже договорились о применении системы сигналов от досмотровой группы, когда она окажется на торговом судне и встретит сопротивление, для того чтобы «Блэнди» припугнул командира и экипаж судна, направив свои пятидтймовые орудия на какую-либо часть судна. Подготовительные мероприятия продолжались весь остаток дня, а вечером, после ужина, я поднялся на торпедную палубу. Два торпедных аппарата, по одному на борт, были снаряжены тремя торпедами «Марк-32» (с акустическими взрывателями) каждый; заглушки со взрывателей торпед были сняты ранее в тот же день. Шесть торпед были в готовности к тому, что торпедные аппараты развернутся на сорок пять градусов в направлении пели и их сбросят в воду; как только торпеды покинут направляющие, провод взрывателя сойдет со стопора и взведет взрыватель. Потом торпеда уйдет в воду приблизительно на глубину пятьдесят футов (около 15 м. — *Прим. перев*,) и будет определенное время находиться на заданном курсе с включенным активным поисковым гидролокатором. Прощупывая море посылками своего гидролокатора, торпеда запрограммирована описывать широкие круги в воде до тех пор, пока она не получит устойчивый отраженный сигнал от посылки ее гидролокатора. Приняв сигнал, торпеда разворачивается прямо на курс отраженного сигнала и следует этим курсом до тех пор, пока не ударится о твердый объект, или же идет по этому курсу до тех пор, пока ее магнитный датчик не найдет точку с кратчайшим расстоянием до крупного металлического объекта, например, проходящей поблизости подводной лодки; потом инициируется взрыв боевой части торпеды с тринитротолуолом.

Пока я в размышлениях стоял на торпедной палубе, сигнальщик доложил о появлении белого огонька по левому борту, С тех пор как мы вышли из Ньюпорта, это был наш первый контакт в открытом море. Потом сигнальщик получил ответ на сигналы, переданные сигнальным фонарем: длинный — короткий, длинный — короткий («Альфа, Альфа») — «Кто вы?».

Ответ был такой:

— Норвежское торговое судно.

Мы спросили:

— Каков ваш пункт назначения?

— Панамский канал. — Это было хорошо, и мы стали проверять. Местоположение судна и курс соответствовали его маршруту до Панамского канала.

Потом они стали моргать нам:

— Кто вы?

Мы ответили:

— Военный корабль ВМС США.

В ответ они поморгали нам фонарем. Вахтенный офицер на мостике спросил сигнальщика, что это означает. Сигнальщик ответил:

— Сэр, они сказали «Бог в помощь».

22 октября 1962 г.

Норфолк, Вирджиния

В этот день поздним вечером из Норфолка, Вирджиния, вышло много эсминцев и крейсеров ВМС США. Среди них были ЭМ ВМС США «Чарльз П, Сесил» (DDR-835) и ЭМ ВМС США «Кони» (DDE-508). Миновав тимблские банки, эти эсминцы также повернули на юг. «Сесилу» было приказано присоединиться к ударному авианосцу «Энтерпрайз», а «Кони» должен был войти в состав поисково-ударной группы авианосца «Рэндольф» — части кольца сил, осуществляющих блокаду.

22 октября 1962 г.

Коммандер Чарльз Розиер,
командир ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил» (DDR-835)

Коммандеру Чарльзу Розиеру посчастливилось командовать прекрасным кораблем, который назывался ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил» (DDR-835) и на котором был превосходный экипаж; эсминец иногда называли просто «Сесил», а иногда «Старина Чарли П.». Местом постоянного базирования корабля был Норфолк, штат Вирджиния. Это был хороший порт, а экипажу хватало там разных дел. Вклад флота в развитие Норфолка широко признавался местными жителями, и моряки сочли его

приятным местом для проживания. Однако город находился в южном штате, и расовое расслоение там имело место быть, а это не очень подходило для всего флотского персонала; но жители порта глядели вперед и намеревались стать городом, и уже сделали несколько шагов, отражающих свой новый статус. Общественные школы Норфолка были на среднем уровне, но имелись шикарная публичная библиотека, зоопарк, чудесный симфонический оркестр и хор, а улицы были чисты и ухоженны. На авеню Денби, главной улице, располагалось несколько хороших ресторанов, а таблички на окнах домов с надписями «Собакам и матросам вход воспрещен» в большинстве своем исчезли.

В 26-й эскадре эсминцев, входившей в 8-ю крейсерско-миноносную флотилию крейсерских эсминцев, «Сесил» выполнял функции корабля радиолокационного дозора. Дивизия «Сесила», входившая в состав эскадры, в августе того года вернулась из похода в Средиземное море и большую часть сентября провела в Норфолке. «Сесил» был вооружен современнейшей РЛС обзора воздушного пространства «SPS-37», имевшей большую дальность действия, и радиолокационным дальномером «SPS-8», что давало ему уникальные возможности по ПВО. Главной задачей корабля были поиск и сопровождение воздушных целей, а вот охота за подводными лодками, определенно, была его вторичной задачей, поскольку на корабле все еще стоял архаичный гидролокатор «SQS-4» времен Второй мировой войны, который, хотя и отличился в свое время в обнаружении и проводке нескольких немецких лодок, однако не шел ни в какое сравнение с более современными и имевшими больший радиус действия гидролокаторами большинства кораблей Атлантического флота. Несмотря на старое оборудование, экипаж «Сесила» доказал на учениях, что он способен находить подводные лодки и атаковать их; однако с тех пор, как коммандер Розиер принял командование кораблем, они не обнаружили ни одной реальной советской подводной лодки.

Должность штурмана на «Сесиле» занимал лейтенант Джон Хантер, его работа была захватывающим делом, на которое большое влияние оказывал личный контроль со стороны коммандера Чарльза Розиера. В молодости, когда ему оставался всего год до получения диплома по гуманитарным наукам в университете Эмори, Розиер перешел в академию ВМС и в течение четырех лет учебы там всегда находился в самой верхней части списка своих однокурсников. Попутно он получил диплом по электротехнике в политехническом университете Ренсслер и диплом мастера по техническому управлению в Массачусетсом

технологическом институте. Розиер был превосходным командиром и был известен в эскадре как мастер точного маневра своим эсминцем.

Коммандер Розиер частенько разрешал своим офицерам командовать кораблем при выходе и заходе в порт, а также при швартовке рядом с флотскими заправщиками для проведения заправки топливом. Однажды, когда техники по электронике не смогли настроить сложную аппаратуру опознавания «свой-чужой», Розиер спокойно спустился вниз и сам выполнил всю работу. У штурмана Джона Хантера Розиер всего один раз отнял командование кораблем, это случилось, когда Хантер подводил корабль к флотскому заправщику и подвел эсминец слишком близко, не оставив зазора между эсминцем и заправшиком. Розиер отстранил молодого штурмана таким мягким образом, что тот понял, что никогда больше не допустит подобной ошибки.

«Сесил» вернулся в порт из местного оперативного района неподалеку от Норфолка. На недавних соревнованиях, проведенных в эскадре, он заработал репутацию лучшего эсминца на флоте по борьбе с воздушным противником; в ходе соревнований с ним произошло много курьезных случаев. Коммандер Розиер и старший помощник, капитан-лейтенант Артур Хаслер, считали, что в работе упор надо делать на проворство, но не на упорство. В море на борту «Сесила» была чудесная слаженность, а в порту было теплое товарищество. Самой тяжелой работой Джона Хантера как штурмана было удерживать в портах его неуклюжего, но милого главстаршину-рулевого от неприятностей с береговыми патрулями и местной полицией.

В конце сентября «Сесил» участвовал в морских учениях в местном оперативном районе Вирджиния Кейпс. В субботу, 20 сентября, Розиер вместе с женой Клер и их тремя детьми обедали в одном из своих самых любимых барбекю-ресторанов Норфолка под названием «Фэт бойз Норс Кэролайна пит барбекю». Коммандер несказанно удивился, когда рядом с ними остановился автомобиль флотского берегового патруля и к Розиеру подошел молодой патрульный в звании петти-офицера с вопросом: не он ли является коммандером Розиером, командиром ЭМ ВМС США «Сесил»? Береговому патрулю 5-го военно-морского округа Норфолка в полдень того дня было приказано найти в окрестностях всех матросов с эсминца, приказать им вернуться на корабль и быть в готовности к отходу в шестнадцать часов. Это было трудновыполнимой задачей. Розиер узнал позднее, что сначала патруль прибыл к нему домой и, убедившись, что его нет, выяснил у соседей, куда, вероятнее всего, он мог направиться на

обед; и патруль угадал. Дабы не беспокоить население, командование постаралось вернуть всех моряков на корабли, не делая объявлений по радио или в общественных местах. Единственный способ определить принадлежность матроса к тому или иному кораблю заключался в том, что надо было прочесть надписи на небольших нашивках на погонах их форменной одежды, что было в лучшем случае сомнительным делом.

В ту субботу после полудня Хантер успел сыграть партию в гольф на базе авиации ВМС Ошеана, а потом сидел вместе со своей подружкой за второй порцией мартини в «Вирджиния Бич». Неожиданно позвонил один из его соседей по комнате в гостинице для младших офицеров и взволнованным голосом сообщил, что в их холостяцкую берлогу звонили с эсминца и сказали, что они выходят в море. Хантер поспешил в Норфолк, и, конечно, они должны были выходить в шестнадцать часов. В конце концов они вышли в море на следующий день в два часа утра, догоняя эсминец «Стикелл» (DDR-888) из их же эскадры. Накануне к шестнадцати часам ни на «Стикелле», ни на «Сесиле» не набралось достаточного числа членов экипажа для выхода в море. Однотипный с «Сесилом» «Стикелл» вышел в море в восемь тридцать вечера с некомплектом экипажа семьдесят пять человек.

«Сесил» коммандера Розиера в конце концов вышел в море, имея на борту только двести членов экипажа из трехсот пятидесяти, но на корабле были дополнительно сто моряков, взятых на этот поход «взаймы» с других эсминцев. В спешке эсминцу приказали просто двигаться на юг, он повиновался и вышел в море, не зная своей боевой задачи.

В суматохе перед выходом в море «Сесил» оставил на берегу многих членов экипажа, поэтому ему пришлось позаимствовать людей для заполнения списка вахт. Несколькими днями позже, проходя побережье Каролины, офицеры разобрались с укомплектованностью расчетов номерами и передали по канатной переправе «Стикеллу» семьдесят пять человек, которых тому не хватало.

Офицеры «Сесила» знали, что кризис связан с ситуацией на Кубе, но подробностями они не располагали. Хантер являлся офицером центра боевой информации, и коммандер Розиер довел до него и офицера-оперативника только что полученный боевой план-приказ от штаба Атлантического флота. По этому приказу в случае американского вторжения на Кубу «Сесилу» отводилось место в системе противовоздушной обороны флота, и его как эсминец радиолокационного дозора (DDR) посылали в район к северу от Кубы, откуда он должен будет управлять американскими самолетами, которые, согласно плану-приказу,

будут атаковать цели на Кубе.

22 октября, когда «Сесил» был северо-восточнее Багамских островов, экипаж прослушал речь президента Кеннеди, которая по распоряжению командира транслировалась по всему кораблю через динамики громкоговорящей связи. «Сесилу» было приказано убыть в район южнее Гаити вместе с однотипным эсминцем «Адамс» из той же эскадры и транспортом боеприпасов «Врангелл»; там они должны были ждать дальнейших указаний. Экипаж «Сесила» все ждал и ждал, наблюдая тем временем за тем, как завеса блокады вокруг Кубы обретает свои очертания; как корабль радиолокационного дозора, он никогда не был частью реальной блокады. Наконец «Сесилу» приказали войти в состав кораблей группы завесы авианосца «Энтерпрайз».

23 октября 1962 г.

ЭМ ВМС США «Блэнди»
Атлантический океан

Через день после выхода в море «Блэнди» присоединился к другим кораблям эскадры и противолодочной ПУГ «Браво». Мы были одним из восьми кораблей противолодочного сопровождения одной из трех поисково-ударных групп, входивших в состав Командования противолодочных операций Атлантического флота. Корабли выстроились в изогнутую противолодочную завесу, ориентированную на юг, и дружно повернули к Кубе и новым приключениям.

Кораблям Соединенных Штатов было приказано производить первый выстрел вперед по курсу судна, а второй — по его рулям, делая беспомощным любого строптивца, не подчинившегося приказу остановиться. Возбуждающие слова секретного боевого приказа ясно гласили, что ПУГ идет к ситуации реальной войны; предусматривались жесткие действия в отношении тех советских судов, которые откажутся остановиться. Когда мы двигались на юг, то возвращаясь в противолодочную завесу, то вырываясь из нее и занимая за кормой «Эссекса» позицию по страховке самолетов, жизнь приобретала возбуждающий вкус, становилась чем-то большим, чем просто дни, недели и месяцы, отданные тренировкам по противолодочной борьбе, Даже ветер был каким-то особенным, и все впервые было настоящим.

— Давай-ка, Дак, натягивай форму на свою жопу, — пробормотал Фрэнк Фленеген со своим явным бостонским акцентом. — Вы с Дэном будете нести сейчас вахту, час через три

часа. По боевому расписанию, Дак, ты являешься оператором системы громкоговорящей связи «1JS» на мостике, а ты, Дэн, будешь со мной в центре боевой информации.

Фленеген был теперь навязчив; ушло в прошлое его беспечное и дурашливое поведение, которое он целыми днями демонстрировал на пляже в Ньюпорте. С той темной ночи, когда корабли 24-й эскадры эсминцев вышли в море, воспоминания о вечерах в таверне с девушками из «Сэлв Риджайна» на Клифф Уолк потихоньку исчезли из каждодневных разговоров в кают-компании. Все было по-настоящему, и приказания старпома были реальными и грозными. Атмосфера кают-компании была пропитана серьезностью, за обедом не было розыгрышей и шутливых боданий со старшим кают-компании Стивом Джексоном, который отсутствовал, потому что его не вызвали из увольнения на берег, и ему пришлось проделать долгий и извилистый путь на свой корабль, перебираясь с топливозаправочного судна на транспорт боеприпасов, потом на авианосец, пока, наконец, он не очутился у себя дома в нашей кают-компании.

Плавание вдоль борта «Эссекса» было обычным занятием, которым мы занимались каждый второй или третий день, если на авианосце не производились полеты самолетов и не было недопустимо высокой волны. Еще одним занятием, заставлявшим время на мостике бежать быстрее обычного, была дозаправка, во время которой эсминец находился в восьмидесяти футах (около 25 м. *Прим. перев.*) от траверза авианосца и держал скорость двенадцать или пятнадцать узлов. На такой дистанции, со шлангами, переброшенными между дозаправляемым эсминцем и авианосцем, малейшее отклонение от курса или скорости авианосца могло вызвать серьезные и даже катастрофические последствия. Истории об ужасных происшествиях были известны командирам всех эсминцев. Потеря управления кораблем, вызванная отказом техники или небрежностью рулевого, могла в течение нескольких секунд превратить обычную дозаправку в крупную катастрофу. Этот маневр был чем-то вроде последнего экзамена для вахтенных офицеров, но после шести месяцев плавания в Средиземном море мы все набрались опыта.

Коммандер Келли стремился к тому, чтобы все офицеры, невзирая на занимаемую на корабле должность, умели ставить эсминец вдоль борта авианосца. Когда наступил их черед, эту операцию выполнили даже снабженцы — офицеры Джексон и Эйлберг, а главный инженер Билл Бангерт, после многочисленных ругательств и слов о том, что у него мозгов на это не хватает, также блестяще справился с ней.

— Старпом, я, черт побери, инженер, а не кораблеводитель; мне надо находиться в трюме и контролировать перекачку топлива.

— Закройте рот, Бангерт, и поднимайтесь на мостик. Келли хочет, чтобы вы были там и учились.

Когда корабль принимал на борт топливо и припасы, почту и запасные части, большие группы личного состава палубной команды и инженеры находились на палубе, работая с магистралями, наведенными между кораблями и требовавшими постоянного внимания. На корабле царило приподнятое настроение, когда на борт поступали почта, боеприпасы, пропавший личный состав и продукты питания. Коммандер Келли всегда приказывал сигнальщикам вывешивать флаг эсминца «Блэнди», который развевался в вышине на внутреннем фале и сигнализировал на четыре стороны света «пошли вы все к черту». Всем нравилось, когда находившийся на «Эссексе» оркестр время от времени собирался в самолетном ангаре и играл музыку.

У инженеров, однако, была важнейшая задача по открытию соответствующих вентилей для приема нескольких тонн специального флотского топливного масла (СФТМ), черной сиропистой жидкости, поступавшей на борт из двух гигантских шлангов диаметром по восемь дюймов; шланги эти походили на хоботы слонов. Шланги перебрасывались с авианосца и вручную подсоединялись и крепились к двум открытым топливным магистралями матросами боцманской команды, обладавшими волшебной способностью проделывать такие штуки подобно вышколенным танцорам балета. Пока все шло гладко, на это было приятно смотреть.

Несколько месяцев назад, когда мы были в Средиземном море и шли вдоль борта авианосца «Рэндольф», случилось несчастье. По какой-то причине дистанция между двумя кораблями слегка увеличилась, и передний заправочный шланг вырвало из магистрали. Надо было видеть своими глазами, как шланг выскользнул из магистрали и завис в воздухе, словно кобра, покачиваясь взад-вперед и выплевывая черное масло на не имевший ни единого пятнышка борт корабля. Самым ужасным было то, что прачечная «Блэнди» находилась слева по борту на главной палубе и ее иллюминатор был открыт для проветривания жаркого помещения. Сразу за иллюминатором стояла вешалка, на крючках которой висело только что отутюженное белое летнее обмундирование, принадлежавшее находившимся на борту офицерам штаба. Шланг замер на несколько мгновений, словно прицеливаясь, и потом метнул черную жидкость через иллюминатор. До того как боцманская команда приладила шланг

на место, он успел затопить практически все помещение. Чистить борта и прачечную пришлось почти неделю, а всю форму пришлось выбросить. Случай можно было бы назвать забавным, не будь в нем более серьезного момента, правда, обошлось без пострадавших. Когда Фрэнк Фленеген начал повторять в кают-компании, в присутствии штабных офицеров, историю с прачечной, старпом запретил обсуждать эту тему, предотвратив тем самым драку на кулаках между Фрэнком и лейтенантом Робертом Джилсом, штабным офицером связи, который, естественно, заподозрил подвох и не мог понять, почему на вешалке в прачечной была форма только офицеров штаба, но не было ни одного комплекта формы офицеров эсминца.

Тросовая переправа, которая использовалась для переброски людей с авианосца и на него, была еще одной напряженной процедурой. Движение люльки осуществлялось при помощи тросов и блоков, и занимались этим очень аккуратные члены экипажей, управлявшие движением тросов от себя и к себе. В плохую погоду тем, кого перебрасывали по тросовой переправе с корабля на корабль в люльке, болтающейся между судами над вспенившимся морем, приходилось поволноваться. Мы были свидетелями промахов, когда суда качкой относило в противоположные стороны, и сидящий в движущемся кресле бедняга сначала окунался в воду, потом, словно камень из рогатки, вылетал из нее, когда суда занимали прежний курс и они опять сближались, а кресло и его пассажира швыряло из стороны в сторону, как на захватывающей карнавальной гонке.

Переправа по воскресным дням капеллана эскадры всегда была любимым развлечением, особенно после того, как мы узнали, что капеллан Аренсбах, добродушный малый, всегда немного побаивавшийся того, что происходило вокруг него, ненавидел тросовую переправу с той же силой, что и полеты на воскресной «священной вертушке». «Священная вертушка» была вертолетом, который высылался с авианосца для того, чтобы взять капеллана и доставить его поочередно на каждый корабль для совершения службы; этот вертолет иногда использовался вместо тросовой переправы. На «Блэнди» и большинстве других эсминцев не было посадочной площадки для вертолета, которая требовалась для того, чтобы забрать капеллана, поэтому в зависший в воздухе вертолет его поднимали на тросе — зрелище захватывающее. Аренсбах испытывал благоговейный страх перед воскресеньями, единственными днями, когда ему надо было делать гораздо больше работы, чем просто сидеть в кают-компании и попивать кофе. На тросовой переправе он купался в воде столько раз, что и сосчитать не мог, а полеты на вертолете

приводили его в оцепенение. Тем не менее эти путешествия по кругу происходили каждую неделю безо всякого ропота. Матросы из судовой прачечной поговаривали, что капеллан Аренсбах каждый понедельник сдает в прачечную полный недельный комплект трусов, точно совпадающий с количеством его ходок на тросовой переправе или взлетов на вертолете предыдущим днем. Все это было частью жизни на эсминцах.

«Блэнди» повезло с палубной командой, состоявшей из профессионально талантливых помощников боцмана, знавших свои обязанности и выполнявших их безупречно.

Пропавший офицер Стив Джексон вернулся, наконец, на корабль, проделав пять окольных переправ более чем на пяти судах. Он снова занял свое место в конце длинного стола, зарезервированное именно для ответственного за кают-компанию. Конструктивно его сиденье было чересчур низким для офицеров с нормальным ростом.

— Возьми телефонный справочник и сядь на него, — ворчал на него Фленеген. — Как иначе мы сможем тебя увидеть, чтобы пожаловаться на дерьмовое качество жратвы? — От смущения Джексон покраснел, это он частенько проделывал, поглядывая через толстые стекла очков, которые были всегда такими грязными, что мы удивлялись, как он может через них что-то видеть. Стекла увеличивали его глаза, делая их неестественно большими; его лицо при этом выглядело непропорциональным. — Там внизу ты похож на Элмера Фудда… — Фленеген был прерван прибытием в кают-компанию старпома Лу Лестера.

— Не ложитесь на стол, Вестерман, — пробубнил старпом с показным акцентом, он хоть и был выпускником академии ВМС, но временами разговаривал, как англичанин. Плотно сбитая компания младших офицеров не была настолько глупой, чтобы дурачиться в его присутствии. У Лестера был пылкий темперамент, и мы знали, что он мог выходить из себя в коротких эмоциональных взрывах, которые, как полагали некоторые офицеры, были наигранными. Мы нелюбезно прозвали его Кнехтовой башкой, потому что сзади его голова своими очертаниями напоминала кнехт, к которому корабли швартовались у своей стенки.

Как офицер, ответственный за питание в кают-компании, «непробиваемый» Джексон был обязан присутствовать за столом на поздних посиделках вместе с командиром и старпомом. Джексон ненавидел эти минуты, поскольку он всегда был главной мишенью не только издевательств младших офицеров, но и постоянных нареканий командира за плохое качество пищи. После этого следовали пассажи Лестера, обычно по окончании

приема пищи, на тему несовершенств, с какими подается еда и обставлена столовая.

— Так не пойдет, — брюзжал Лестер. — Когда я жил в служебных квартирах Гарвардского клуба в Нью-Йорке, то наблюдал более приличные манеры поведения за столом. Там, по крайней мере, сидящие за столом не вываливали свою еду из тарелок и не пытались потом убежать; они кушали, как настоящие джентльмены. — После этого он приступал к безошибочному цитированию слов Джона Пола Джонса. — Ни в коей мере не достаточно того, чтобы офицер флота был способным моряком. Конечно, он им должен быть, однако он еще должен обладать гораздо большим. Он обязан еще иметь гуманитарное образование, отточенные манеры, быть всегда учтивым и сохранять чувство собственного достоинства. — Фленеген отвел глаза в сторону, Лес Вестерман негромко загоготал, а «непробиваемый» Джексон, разинув от удивления рот, таращился сквозь свои толстые и грязные очки на старпома, продолжавшего поносить его за недостатки только что произведенного приема пищи. Коммандер Келли уже вернулся на мостик, и кают-компания опустела перед заступлением на вечернюю вахту в восемь часов.

Мы продолжали движение на юг, и обычно веселая жизнь на борту постепенно ушла, уступив атмосфере неуверенности. Меня как инженера по радиоэлектронному оборудованию и исполняющего обязанности офицера-связиста взял за горло Фленеген, потому что Билла Моргана по тросовой переправе переправили на авианосец, чтобы отослать на берег за получением наших новых шифровальных карточек и перечней связных ключей; мне пришлось воевать с тремя вышедшими из строя усилителями РЛС и с множеством средств радиосвязи, работавшими не совсем хорошо. Я едва не валился с ног от обязанностей, в которых я еще не преуспел. Связное оборудование на эсминце класса «Форрест Шерман» в 1960-х годах было кошмаром, почти таким же кошмаром, что и его силовая установка. Эсминцы класса «Форрест Шерман» появились в конце пятидесятых годов как замена отработавших свое и устаревших эсминцев класса 692 «Саммер» и улучшенного класса 710, которые были построены в конце Второй мировой войны. Однако новые эсминцы класса «Форрест Шерман» — в нашей эскадре ими были «Блэнди», «Эдвардс» и «Барри» — оказались гермафродитами, поскольку не имели достаточно действенных средств ни для борьбы с подводными лодками, ни хорошей артиллерии. Хуже того, на них воткнули чрезвычайно опасные паровые установки, от аварий с которыми погибло больше

народу, чем от любой другой двигательной установки, стоявшей ранее на эсминцах. Пар в этих установках перегревался, и в случае его утечки было чрезвычайно трудно что-то сделать. Работа внизу, в машинном отделении, была действительно смертельно опасным делом.

Часть II
Дипломаты и разведчики

22 октября 1962 г.

Посольство СССР
Флигель военного атташе
Белмонт-Серкл,
Вашингтон, федеральный округ, Колумбия

Утром в понедельник, то есть в тот же день, когда президент Кеннеди объявил о морской блокаде Кубы, а бригада подводных лодок капитана 1 ранга Агафонова уже вышла на боевое патрулирование вблизи Багамских островов, помощник военно-морского атташе советского посольства в Вашингтоне капитан третьего ранга Лев Вторыгин направлялся в кабинет своего шефа.

— Вызывали, товарищ адмирал? — красивый флотский офицер произнес это приглушенным голосом, как это обычно делалось в посольском флигеле на Белмонт-стрит в северо-западном Вашингтоне. Русские офицеры разговаривали на пониженных тонах, поскольку считали, что американцы прослушивают их разговоры с помощью электронных средств. В конце концов, для Советов было нормальной практикой ставить прослушивающие устройства в посольства западных стран в Москве; всему этому учили в Военно-дипломатической академии — московской «школе обаяния» для всех военных и военно-морских атташе.

Вице-адмирал Леонид Бекренев повернул выключатель, и тяжелая симфоническая музыка из четырех динамиков ворвалась в комнату, маскируя их разговор. Лев Вторыгин сразу понял, что его начальник, военно-морской атташе, хочет обсудить какой-то важный оперативный вопрос. Бекренев жестом предложил молодому офицеру присесть за маленький столик в угловом алькове, отделенном от кабинета тяжелыми красными шторами. Внутренние помещения советских дипломатических зданий во всем мире выглядели одинаково. Высокие потолки и большие окна, прикрытые выглядящими пыльно занавесками из мебельного ситца и обрамленные тяжелыми темно-красными портьерами, обычно задернутыми, если комнатой пользовались. Мебель была современной, с блестящей полировкой, и на первый взгляд выглядела высококачественной, однако при близком

рассмотрении выяснялось, что это был дешевый ширпотреб из прессованных опилок, отделанных ламинатом. Даже в Румынии и Югославии, где еще сохранились ремесленники с гордыми традициями ручного производства мебели, они не выдерживали заставляющего их цепенеть влияния государственной собственности. Показной хрусталь люстр освещал неизменный цветной портрет Ленина, с теплотой глядящего вниз на дипломатов.

— Лев, становится жарко. Москва опасается, что американцы чересчур болезненно реагируют на ситуацию в Гаване и, возможно, проводят подготовительные мероприятия к интервенции. Ты в курсе, что на прошлой неделе они провели военное учение на острове Вьекес? На брифинге для прессы сказали, что по сценарию учение было направлено против карибского диктатора Ортсак — если прочесть наоборот, то получится Кастро.

Вторыгин кивнул.

— Вы же не думаете, на самом деле, что они…

Адмирал оборвал его:

— Мы не занимаемся предположениями, мы наблюдаем и докладываем о том, что происходит. Теперь слушай меня внимательно, — он открыл настенную карту, и его голос зазвучал официально:

— Ты хорошо знаешь местность и занимался этим раньше. Бери Поликарпова, садитесь в «Лендровер» и начинайте с Кэмп-Лежэн, потом направляйтесь на юг по маршруту 95 до Мурхед-Сити и понаблюдайте за движением в районах погрузки, а также на железных дорогах и автомагистралях.

Адмирал аккуратно нанес маршрут поездки на большую карту, которую он достал из-под белого экрана. Жара позднего бабьего лета сделала комнату душной и тесной, но кондиционер там никогда не работал. Вторыгин подумал, что кондиционер выключили по соображениям безопасности, потому что он был еще одним местом, куда американцы могли воткнуть подслушивающую аппаратуру. Азарт начал понемногу овладевать им — ему нравился такой вид разведки на маршруте и свобода действий вне душных помещений посольства и любопытных глаз офицеров безопасности. Они были везде и наблюдали за всем; он подумал, что, даже когда он направляется в ванную комнату, кто-то приглядывает за каждым его движением.

Командировки в западные страны на дипломатические посты были весьма престижны, и никто не выпадал из-под бдительного наблюдения службы безопасности, потому что в прошлом слишком много офицеров из советских посольств бежали. На

советском ВМФ все еще висел тяжелым грузом скандал с капитаном 3 ранга Артамоновым, командиром эсминца класса «Скорый», базировавшегося в Риге (база Балтийского флота). Он исчез в 1959 году и появился затем в Соединенных Штатах вместе со своей польской подружкой; в Ленинграде у него остались жена и сын. Артамонов, принявший имя Ник Шадрин, стал самым настоящим трофеем для ЦРУ, РУМО (Разведуправление Министерства обороны) и Отдела разведки ВМС США; его представляли на собраниях офицеров на американских военных базах как образец обиженного советской властью. В сентябре 1960 г. Артамонов, загримированный до неузнаваемости, был заслушан в комитете по антиамериканской деятельности палаты представителей конгресса США. Адмирал Бекренев и капитан 3 ранга Вторыгин следили за ходом слушаний, во время которых Артамонов дал критическую оценку советской политической системы и высказал мрачные предположения о планируемых СССР будущих военных авантюрах за рубежом.

Вторыгин служил с Артамоновым на одном корабле и здорово нервничал из-за своей прежней дружбы с предателем — факт, который, по-видимому, сотрудники службы безопасности еще не раскопали. Вторыгин помалкивал, что было хорошей практикой в том деле, которым он занимался, но в любой момент ждал, что любимая им работа в Вашингтоне может закончиться, потому что он близко знал беглеца. Они вместе проводили увольнения на берегу, вместе пили и гонялись за юбками. Он, однако, все держал при себе. Результаты разработок КГБ в собственной стране не были так эффективны, как пугала молва.

Адмирал Бекренев в общих чертах обрисовал план маршрута, по которому Вторыгин должен был ехать, — вверх и вниз по Восточному побережью: Норфолк, база амфибийных сил в Литтл Крик, база авиации ВМС в Ошеана, Джексонвилл, Чарльстон и как можно ближе к Ки-Уэсту.

— А что с поисково-ударными противолодочными группами из Ньюпорта и Куонсет Пойнт на Род-Айленде? — спросил Вторыгин, отметив про себя, что эти районы не включены в план.

— Теперь они закрыты для наших поездок как ответная мера на то, что мы закрыли Мурманск и некоторые районы Ленинграда для их военных атташе в Москве. — Озабоченный адмирал посмотрел на часы. — Я хочу, чтобы вы выехали сегодня, так как считаю, что они вскоре закроют для нас еще больше военных районов — просто из-за того, чтобы не дать нам подобраться к ним поближе и все разглядеть. Как бы там ни было, сейчас я заполню заявку на вашу поездку, и вы с Поликарповым немедленно выезжаете. Если они закроют новые военные районы,

мы можем сослаться на то, что мы об этом не знали. Таким образом, вы будете в пути, а мы скажем, что мы вас не предупредили, поскольку нас самих американцы вовремя не поставили в известность. Попробуйте побывать в каждом из районов, отмеченных красным цветом, даже если вас будут останавливать. Слежка наверняка будет, но вы же знаете, какими небрежными, пассивными и ленивыми бывают сотрудники Службы наблюдения ВМС и ФБР. Если вы поторопитесь, то сможете побывать в большинстве из этих районов еще до того, как они предпримут какие-то запретительные меры. Ехать надо быстро, но не гнать и не нарушать дорожные правила, чтобы не привлекать внимания. — Подчеркивая смысл своих следующих слов, адмирал хлопнул кулаком по столу. — И запомните: если вас поймают за фотографированием в запрещенных районах, то мы будем отрицать, что вы действовали официально, и вам самим придется отвечать за свои поступки.

Вторыгин выглядел ошеломленным.

— Вы хотите сказать, товарищ адмирал, что нас просто вышвырнут из страны и никто нам не поможет?

— Вот именно, а сейчас езжайте. Ваша машина будет стоять заправленной в гараже, наличные деньги на расходы заберете в финансовой части; у них там лежит конверт для тебя и Поликарпова. И еще, Лев. — адмирал улыбнулся и погрозил молодому капитану 3 ранга пальцем, — никакой самодеятельности. Ты меня понял?

Вторыгин удивился, но потом увидел насмешливый намек в глазах адмирала.

— Так точно, товарищ адмирал. — Он развернулся и направился к двери.

Итак, адмирал припомнил ему его короткую связь с официанткой в гостинице «Холидей Инн» во время его прошлой поездки по наблюдению за дорогами в окрестностях Вашингтона; он был уверен, что на него настучал попутчик, помощник военного атташе. В этот раз он едет с помощником военно-морского атташе Борисом Поликарповым, которому, как он знал, можно доверять. Важность поездки означала, что у них скорее всего не будет времени на такую ерунду.

Поликарпов грузил в «Лендровер» небольшой коричневый чемодан, когда Вторыгин, открыв дверь гаража, зашел на участок обслуживания машин. Там работали русские, привезенные сюда в качестве работников посольства, что совсем не походило на американское посольство в Москве. Ни один местный американец не работал внутри советского посольского комплекса. Вторыгина всегда поражало, что американцы так слепо доверяли сотням

москвичей, которых они нанимали для работы в своем посольстве.

Москвичи в американском посольстве делали все — преподавали русский язык, управляли машинами американских дипломатов, организовывали их поездки. Как результат, они знали о каждом шаге сотрудников зарубежной службы Государственного департамента — даже если были няньками у их детей, убирали помещения посольства и работали в закусочной посольства.

Эти американцы странно доверчивы и очень наивны, думал Вторыгин, подходя к участку мойки машин и передавая спортивную сумку «Адидас» своему напарнику, рост которого составлял шесть футов (около 183 см. — *Прим. перев.*). До приезда в Вашингтон Поликарпов служил помощником военного атташе в Оттаве, у него был превосходный английский, однако из Канады его вышвырнули, подловив на получении секретных материалов от секретарши Министерства обороны Канады, с которой ему удалось несколько раз переспать. Канадская королевская конная полиция, контрразведывательный вариант американского ФБР — Вторыгин подумал о вычурности названия канадской службы — застукала парочку с поличными в номере мотеля в Торонто. Поликарпова объявили персоной нон грата и отправили домой. Обычно он был очень аккуратен, но Вторыгин несколько раз ворчал на него, что только красота дана от природы, а все остальное приобретается в ходе постоянной работы, после чего Поликарпов стал еще более аккуратным и внимательным. Вторыгину нравились совместные поездки с высоким и красивым офицером, быстрым за рулем и всегда готовым обнаружить слежку.

Серый «Лендровер» спокойно выехал из гаража через высокие посольские ворота на Массачусетс Авеню, направляясь на автомагистраль «Ширли-юг». Они планировали выехать на основную магистраль и провериться на наличие слежки; если слежка будет, то они попробуют оторваться от нее на заправочной станции возле Куантико, а затем еще раз постараются потерять «хвост», первыми выскочив на маршрут 1 в Стаффорде, штат Вирджиния, и тут же повернут назад, чтобы взглянуть на железнодорожные станции погрузки на базе морской пехоты в Куантико.

22 октября 1962 г.

Кабинет военного атташе

Посольство США, Москва

— Очередное указание по сбору специальной информации, сэр. — Раздраженный уоррент-офицер с эмблемами Сухопутных войск США передал кусок бумаги с телетайпным текстом полковнику ВВС Уильяму Ф. Скотту, военно-воздушному атташе Соединенных Штатов, бывшему по своей воинской специальности старшим летчиком многомоторного самолета. — Кажется, им там, в Вашингтоне, здорово приспичило.

— Никогда не видел ничего подобного за двадцать два года службы. Похоже, мы катимся к ситуации настоящего кризиса, почти такого же хренового, как противостояние в Берлине в прошлом году. — Рослый военно-воздушный атташе прочел телеграмму и вернул ее уоррент-офицеру. — Вызовите всех основных сотрудников на совещание в «пузырьке» через тридцать минут. Я расскажу, что нам приказано сделать.

Полковник Скотт стал спускаться вниз по узкой и пыльной лестнице с десятого этажа посольства, где находился кабинет военного атташе, на седьмой этаж, на котором располагались выглядевшие более роскошно кабинеты посла и заместителя главы миссии. Скотт проработал в Москве два года и только что получил продление еще на год; он устал от угнетающего существования, жизни и работы в скучной канцелярии посольства, когда всего только несколько этажей разделяли его совершенно секретное рабочее место от его же изысканно убранной квартиры с высокими потолками. Все было неплохо, не будь он стеснен в передвижениях вне здания постоянной слежкой и частыми беспокоящими действиями советских тупиц из отдела безопасности иностранных дипломатов КГБ. Он и пятнадцать других офицеров из аппарата военного атташе посольства находились под постоянным наблюдением при перемещениях по столице и во время поездок за пределами Москвы. Поначалу все было не так плохо, однако после двух лет на такой работе у офицеров и членов их семей появилось и стало прогрессировать особое напряжение, которое, сначала незаметное, привело всех к расстройству сна и повышенному нервному возбуждению. Только находясь вне СССР, отдыхая и восстанавливая силы, или в отпуске на родине, им становилось понятно, в каких тисках они находятся в Москве; когда возвращался сон и спадало напряжение, они особенно остро понимали, насколько уставшими и измотанными были они там.

Скотт вошел в кабинет заместителя главы миссии.

— Майк, мы получили новые жесткие указания из Пентагона.

Заместитель главы миссии (ЗГМ), дипломат зарубежной

службы Госдепа с длинным послужным списком, имевший за плечами четыре командировки в коммунистические страны, сидел за столом, заваленным бумагами. Он глянул поверх сползших на кончик носа очков.

— Пойдем в зал заседаний, или же ты можешь написать это на доске? — Сотрудники посольства в Москве избегали обсуждать содержание секретных документов, вместо этого они царапали слова мелом на многочисленных школьных досках, стоявших в большинстве кабинетов в надежных уголках посольства, так как считалось, что все помещения посольства находятся под электронным наблюдением.

— Нам надо еще посла прихватить, потому что мои приказы повлекут за собой серьезный риск компрометации большей части моих офицеров.

— Подожди здесь, — сказал ЗГМ, поднялся и вышел из комнаты, направляясь к секретарю посла. Через несколько мгновений он заглянул в комнату: — Пойдем, Билл, босс уже направляется в зал заседаний.

Они вдвоем прошли в холл и шагнули в узкий старомодный лифт, рассчитанный на троих, но теперь, из-за весовых ограничений старого лифта, перевозивший только двоих. Лифт, как и вся канцелярия посольства, был построен немецкими военнопленными, которые работали в Москве в начале 1950-х годов.

— Это начинает походить на что-то настоящее.

ЗГМ кивнул.

— Боюсь, что мы действительно застукали их на чем-то из ряда вон выходящем, но Советы это не охладит. Они не будут вежливо безразличны к потере лица.

Они встретили посла прямо у входа в зал заседаний. Трое мужчин, все среднего возраста, вошли в небольшой загончик, который представлял из себя пластиковое помещение, имеющее форму пузырька, и был завешен грязными голубыми портьерами. Рядом с маленьким столиком стояло с полдесятка кресел. Воздух был спертым, несло запахом сигарет. Кондиционер заработал сразу же, как только ЗГМ закрыл похожий на люк вход. Заиграла негромкая музыка, которая препятствовала любой попытке перехватить их разговор.

Полковник Скотт начал приглушенным голосом:

— Господин посол, ВМС только что сообщили нам, что на Кубе, вокруг Сьенфуэгоса и рядом с Гаваной, сфотографированы советские ракетные позиции. Аналитики считают, что они предназначены для ракет «земля-воздух» и баллистических ракет промежуточной дальности (БРПД). ЦРУ и РУМО доложили, что

отмечено еще с полдюжины советских торговых судов с крупными трюмами; суда везут предметы, напоминающие БРПД и самолеты «Ил-28», и уже находятся на подходе к Гаване. Сегодня вечером по вашингтонскому времени президент планирует обратиться с посланием к стране относительно нашей реакции на это. Нашим атташе приказано вести круглосуточное наблюдение за основными военными целями в Москве и Ленинграде, так, как мы делали в прошлом году во время берлинского кризиса.

Посол кивнул.

— И что это значит?

— Сэр, это значит, что весь личный состав военных атташатов, включая сержантов и уоррент-офицеров, будет находиться в дороге двадцать четыре часа в сутки, ведя наблюдение согласно нашему подробному плану.

— Будете ли вы совершать какие-либо явные действия, которые могут повлечь инциденты?

— Так точно, сэр, от нас требуют предоставить фотографии любого нехарактерного перемещения войск, обычно находящихся в постоянной степени боевой готовности — таких, как гвардейские части ВДВ, Таманская дивизия, и выходы кораблей из Ленинграда и Мурманска и любого другого пункта, в котором наши парни из военно-воздушного и военно-морского атташатов смогут поближе подобраться к основным базам. Мы также произведем обычную проверку зданий Министерства обороны, штабов ВМФ, сухопутных войск и РВСН на предмет выявления признаков повышения степени боевой готовности.

Посол посмотрел на ЗГМ, потом на полковника Скотта, покачал головой и вздохнул:

— Сейчас такое время, что инциденты непозволительны. Я понимаю, что у вас приказ, понимаю важность ваших задач, но растолкуйте своим людям, что они должны проявлять максимальную осторожность и избегать инцидентов. Это особенно касается военно-морского атташе — у него манеры ковбоя — и его парней. Я не хочу от них ненужного риска, когда они будут выполнять задание в Ленинграде и Мурманске. Помните прошлый случай, тогда тоже была напряженность, и двоих ваших моряков поймали во время фотографирования подводных лодок на Неве? Эти бандиты повалили ребят на землю и содрали с них штаны. Мне не надо повтора; они не должны идти на такой риск, у нас и без этого достаточно сложная ситуация, — посол понизил голос. — Поняли, Скотт?

В начале октября помощник американского военно-морского атташе в СССР был объявлен персоной нон грата; второй сотрудник посольства США был также объявлен персоной нон

грата 12 октября.

— Да, господин посол. — Лицо полковника покраснело, он припомнил унизительное потрясение после того, как его военно-морской атташе в звании кэптена и помощник атташе, майор морской пехоты, позвонили из американского консульства в Ленинграде и сообщили, как их заставили пройти с голой жопой по забитым людьми улицам Ленинграда в час пик. Это произошло после того, как советская группа наблюдения взяла их на набережной Шмидта, где они партизанили, пытаясь сосчитать количество подводных лодок, стоявших у стенки на Неве. Все не было бы так плохо, не напечатай русские фотографии двух офицеров, бегущих по городу в одних рубашках и с сумками фотокамер через плечо… Белые ягодицы засверкали на первой странице «Известий» — «американские военные шпионы изобличены в Ленинграде».

Все это происходило в разгар недавнего берлинского кризиса, когда американские и советские танки стояли в Берлине друг против друга у контрольно-пропускного пункта «Чарли». Полковнику Скотту пришлось пережить немало трудных минут, обстоятельно докладывая в Вашингтон, почему двое сотрудников его военно-морского атташата были пойманы буквально без штанов, и тогда это не казалось смешным. Иваны могли быть холодными и безжалостными, но временами у них просыпалось чувство юмора.

Посол поднялся, открыл входной люк и стал выходить из зала заседаний. Неожиданно он повернулся к безмолвному полковнику:

— И еще, Билл, Христа ради, не надо больше голливудских автогонок, устраиваемых вашими сотрудниками. Они сюда прибыли не в догонялки играть. Пусть ездят на метро или побольше ходят пешком, потому что я уже устал отвечать московской дорожной полиции, ГАИ, на ее доклады о нарушениях правил дорожного движения вашими офицерами. Скажи им, чтобы они повзрослели; они здесь на работе, но они не могут работать, играя в «полицейских и грабителей». — Полковник опять стал наливаться красным, но заметил, что в глазах посла мелькнула смешинка. — Я бы хотел, чтобы во всех отделах посольства были такие же подъем и моральный дух, как в вашем аппарате военных атташе, Билл, но все время держи своих подчиненных на контроле. Сейчас у нас серьезные дела, а не чертов цирк.

Посол вышел, оставив двоих мужчин в зале заседаний, ЗГМ посмотрел на полковника Скотта.

— Я полагаю, он разбирается в ваших делах чуточку лучше,

чем мы думали. Он всегда изъясняется так пространно, но он ведь действительно мало что упустил, не так ли?

У Скотта был смущенный вид.

— У нас работа, выполнение которой зависит от того, сможешь ли ты оставаться незамеченным, и это непростая задача в обстановке полицейского государства. Мои ребята находятся под ужасающим напряжением, а со стороны кажется, что они играют. Да ладно, все это ерунда, мы выполним работу, невзирая ни на что. — Он поднялся, и двое старших дипломатов вышли из «пузырька».

В течение ближайших двух часов четверо сотрудников военного атташата в гражданском платье покинули здание посольства — двое через центральный вход и еще двое — через боковые автомобильные ворота; обе группы немедленно запрыгнули в городские автобусы разных маршрутов. Охранники КГБ в серой форме, сидевшие в крохотных сторожевых будках, немедленно подняли трубки телефонов. Опять начиналась игра, и ставки в ней были выше, чем прежде.

Поездки по Советскому Союзу для американских дипломатов были сложны, трудны, зачастую утомительны, временами чрезвычайно опасны и — всегда — являлись вызовом. Западным дипломатам разрешались поездки по территории, занимающей менее 1 % общей сухопутной площади Советского Союза. Тогдашняя политика посольства США в СССР заключалась в том, чтобы младшие сотрудники зарубежной службы Госдепартамента и младшие офицеры атташата путешествовали по стране как можно чаще. Было невозможным, находясь в столице или сидя в посольском комплексе-гетто, составить точное представление о жизни в СССР. С самого начала поездка в какой-нибудь город на обширной внутренней территории СССР была труднопреодолимым бюрократическим процессом. Сотрудникам посольства приходилось вступать в переписку с советским Управлением дипломатической службы, называвшимся, по его русской аббревиатуре, УПДК, которое само по себе являлось туманящим голову и вызывающим запор учреждением, срывавшим все попытки западных дипломатов организовать поездку за пределы столицы. Для сотрудников военного атташата сложность усугублялась наличием дополнительных препон в лице Управления по иностранным военным дипломатам при Министерстве обороны, называемого УВС (Управление внешних сношений,). Это исключительно сердитое заведение уступало только УПДК в изыскании методов воспрепятствовать обычным процедурам, основанным на здравом смысле, для путешествия из точки «А» в точку «Б» на территории СССР. Даже проделав всю

подготовительную работу по организации поездки, имея на руках билеты на поезд или самолет и разрешение на выезд из столицы от УВС и УПДК, дипломат или сотрудник атташата мог быть в последнюю минуту бесцеремонно лишен права на поездку телефонным звонком, отменяющим разрешение на выезд, — просто так, на ровном месте; а в результате шла насмарку подготовка, на которую было потрачено несколько недель.

Для военных дипломатов поездки осложнялись еще и постоянной слежкой, которая начиналась с момента убытия из посольства, осуществлялась в поездах и самолетах — чтобы предотвратить неверное поведение дипломатов на маршруте следования, и продолжалась в городе, в который они прибывали, — зачастую в форме постоянного присутствия сотрудников «Интуриста», заведовавших жильем, предназначенным для дипломатов, и во время неизбежных поездок по городу, которые дипломаты совершали не только для ориентирования и планирования, но с целью действительно интеллектуального обогащения. Во время этих чопорно-пропагандистских поездок путешественник узнавал о героической борьбе местного населения с фашистами во время Великой Отечественной войны, часами разглядывал гротесковые монументы победы социализма над фашизмом — громадные конструкции такой величины и уродства, что на память приходили сравнения с ужасными сновидениями больного лихорадкой. В любом случае западный дипломат выдерживал эти поездки только ради ознакомления с обстановкой для последующих набегов с разведывательными целями да еще, если повезет, ради встреч и разговоров с местными жителями для получения представления о том, как здесь люди живут и что их волнует, или, как говорили в Госдепе, чтобы «пощупать пульс страны». Встречи с местным населением были гораздо более сложным делом, чем это представлялось на первый взгляд, особенно для военных дипломатов. Когда местный житель различал в русском языке атташе иностранный акцент, он немедленно настораживался, поскольку туристов с Запада — в виде индивидуальных туристов — большей частью просто не было. Потом неизбежно всплывал наружу тот факт, что турист является дипломатом, и русский начинал тревожиться еще сильнее. Если выяснялось, что путешественник является американцем, то русский вежливо уходил; если он был американским дипломатом, то русский бросался наутек; если это был военный дипломат, то русский удирал с объятыми ужасом глазами, опасаясь, что служба безопасности его задержит и допросит, или жестоко изобьет, или, хуже всего, предъявит

обвинение в связях с иностранными шпионами.

Незадачливые дипломаты, у которых единственной целью и работой в этой поездке были те самые глухие и зачастую заброшенные города, где они собирались пощупать пульс страны, оказывались в затруднительном положении, отыскивая собеседника для разговора. Любая завуалированная попытка встретиться с местным жителем наедине только запутывала положение и осложняла жизнь местного жителя. Зачастую вместо попыток контакта с местными жителями приходилось ограничиваться неизбежной болтовней с экскурсоводами «Интуриста» или шоферами такси, которым разрешалось общаться с иностранцами, но которые мало что могли добавить к тому, что им разрешалось говорить иностранному дипломату и что тот уже знал.

Были, конечно, исключения, но все обусловливалось конкретным периодом «холодной войны», а не короткими периодами «оттепели» или ограниченной разрядки во время правления Хрущева, когда можно было ожидать несколько теплых дежурных слов от человека, контакт с которым санкционирован. Любая последующая попытка встретиться с местными жителями в частной обстановке была опасна для самих жителей и продолжительности пребывания дипломата на его посту — отклонения от нормального поведения, т. е. от стерильной жизни в интуристовской гостинице, ужина в отведенных для иностранцев ресторанах, редких походов в музей или на культурное мероприятие — могли привести к составлению внушающего благоговейный ужас Акта, т. е. доклада о недипломатичном поведении, и дипломат мог ехать домой как персона, уличенная в «деятельности, несовместимой со статусом дипломата» и ожидающая неминуемой высылки.

Были, однако, моменты, когда можно было и посмеяться, и погоревать из-за случайного прокола в главной работе по сбору разведывательной информации. Был случай, когда двое военно-морских атташе, англичанин с американцем, несколько часов слонялись по заброшенному промышленному пустырю в районе порта и наблюдали за объектом, а после этого вернулись в свой номер в одесской гостинице. Единственный ресторан, обслуживающий иностранцев, открывался не скоро, и, чтобы убить время, один из атташе открыл краны, предвкушая прелести принятия горячей ванны. Ждущие наполнения ванны водой офицеры быстро уснули — один на кровати, а другой на кушетке. Через полчаса обоих разбудил неистовый стук в дверь, которую открыла дежурная по этажу своим ключом (на каждом этаже гостиницы имелась дежурная по этажу, как правило, женщина с

большой талией). К этому моменту ванна была переполнена, и вода стекала на нижний этаж, в столовую, замкнув лампы освещения на потолке. Дежурная по этажу громко и долго ругалась, потом, делая положение вещей еще хуже, брызжущая слюной дежурная вышла из номера, так хлопнув дверью за своим крупным задом, что этажом ниже, в столовой, рухнул потолок, сделанный из некондиционной штукатурки, впитавшей влагу. Атташе заставили подписать милицейский протокол, выселили из гостиницы и отправили в Москву; а потом был представлен неизбежный Акт.

Сон в номерах гостиницы зачастую мог быть прерван в любое время, особенно если двое офицеров ездили вместе — беззаботный женский голосок предлагал полный массаж тела прямо у них в номере.

Тем не менее поездки были нужны не только руководству, но и самим офицерам, полным энтузиазма, ибо они вырывали их из затхлой атмосферы столицы и нескончаемой череды дипломатических обедов и приемов, которые могли повредить не только рассудок, но и здоровье в целом. Это была тяжелая жизнь.

За тринадцать дней кубинского ракетного кризиса, т. е. с восемнадцатого по тридцать первое октября тысяча девятьсот шестьдесят второго года, сотрудники военных атташатов США в СССР покроют в дороге больше миль, чем за предшествующие полгода, день и ночь странствуя по темным улицам и аллеям Москвы и безлюдным прибрежным районам Ленинграда, Риги, Мурманска и Архангельска.

После обращения Кеннеди к стране 22 октября советские телевидение и радио в своих ежечасных нападках стали кричать о «преступных намерениях врагов мира» и «сумасбродстве американских агрессоров». О советских войсках или ракетах на Кубе, однако, упоминания не было. На текущей неделе Красная Армия проводила свои обычные ночные репетиции военного парада на Красной площади, который состоялся 7 ноября в честь годовщины большевистской революции. Атташе отметили, что представленные в этот год образцы вооружений были идентичны показанным на параде в прошлом году. Советы держали свои карты прижатыми к груди и никому их не показывали.

Советская общественность и не подозревала в то время, что в октябре была расколота целостность ее собственной внутренней безопасности. Именно в тот самый день, когда президент Кеннеди объявил о блокаде Кубы, сотрудники КГБ арестовали полковника Олега Пеньковского, шпиона, занимавшего высокую должность. Его задержание втянуло старших чинов тайной полиции и советской военной разведки в крупный скандал, связанный со

шпионажем. Позднее Пеньковский был казнен.

22 октября 1962 г.

Сотрудники аппарата
военно-морского атташе СССР
Вторыгин и Поликарпов
В южном направлении на маршруте 95
из Вашингтона, федеральный округ Колумбия

Двое сотрудников советского военного атташата спешили на юг по автомагистрали «Ширли». Они ехали в сделанном по индивидуальному заказу «Лендровере», на котором, чтобы затруднить слежку в ночное время, была опция выключения габаритных и тормозных огней; кроме того, на машине были установлены топливный бак увеличенной емкости, в который входило 60 галлонов (около 230 литров. — *Прим. перев.*), и усиленная подвеска; чтобы скрыть содержимое салона, все стекла были тонированы. Вообще-то их прежний опыт подсказывал, что если уж слежка висит у тебя на хвосте, то не надо от нее отрываться, поскольку это вызывает противодействие ФБР или парней из контрразведки ВМС. Они осознавали, что американцы были профессионалами, старающимися выполнить свою работу, просто сделать ее вовремя и в конце своей дневной или ночной смены вернуться к своим семьям. Уход от слежки усиливал противодействие, увеличивал число следящих и приводил к их более агрессивному поведению. Работая с государственными служащими США, русские пришли к выводу, что, позволяя тем двигаться следом, они их убаюкивают и заставляют думать, что с безопасностью все в порядке и поездка носит совершенно невинный характер.

Однако, когда они занимались какой-нибудь компрометирующей деятельностью, к примеру, работали с тайником или встречались с завербованным ими американцем, то у них должна была быть уверенность, что они смогут оторваться от замеченного «хвоста», сделать нужное дело и, представив себя просто жертвами плотного дорожного движения и запутанной езды по городу, быстро вернуться к своим подопечным. В идеале сотрудники аппарата советского военного атташе старались выбирать отдаленные проселочные дороги с длинными и просматриваемыми подъездами; на таких дорогах можно легко засечь «хвост» и иметь достаточно времени, чтобы уехать и вырваться из данного района непойманными.

Лев улыбнулся, подумав про основные законы их деятельности и о том, как часто он и Поликарпов бывали близки к провалу при выполнении некоторых тайных операций. Американцы, пришел к выводу Лев, ужасно наивны и доверчивы. Они просто не обладали нездоровым складом ума постоянно все подозревать; но именно такой менталитет был у любого советского гражданина, оставшись вмятиной от десятилетий самосохранения при режимах, когда каждым и любой — друг, сосед и даже член семьи — мог рассказать о твоих личных поступках. Советские граждане жили в состоянии вечного страха и неуверенности.

Поликарпов свернул на дорогу, ведущую в Куантико; «хвоста» за ними пока не было. Они ехали по дороге и радовались, что оказались вдалеке от ежедневных неурядиц в посольстве, в котором наблюдали за каждым их шагом. Нынешняя поездка была для них забавой, поскольку разведка на маршруте была гораздо более легким делом, чем работа с нелегалом, напряженная и действующая на нервы. Сотрудники советского военного атташата наслаждались относительной свободой в поездках по стране, лишь иногда ведя наблюдение и изредка фотографируя, поскольку их основное внимание было сосредоточено на другом — на открытой американской печати и обширных материалах из открытых источников по военной технике и вооружению, которые давали достаточно подробную информацию для анализа. Растущая напряженность вокруг Кубы потребовала подготовить быстрое и надежное донесение в Москву о сути намерений США, вот почему сотрудников советского военного атташата и отправили проверить, действительно ли вооруженные силы США производят погрузку на суда амфибийные части морской пехоты и переводят 82-ю и 101-ю воздушно-десантные дивизии в повышенную степень боевой готовности. Такие мероприятия трудно скрыть от общественности страны, и, следовательно, от любопытных сотрудников советского атташата, безнаказанно разъезжающих по Америке. Это была желанная работа.

«Лендровер», управляемый Поликарповым, миновал на маршруте 1-й главный въезд в Куантико и повернул в сторону маленького городка Три Корнерз, который прятался между военной базой и рекой Потомак. Останавливаться там им не разрешалось, но быстрый наскок мот пройти незамеченным. Когда они подъехали к железнодорожной линии, то увидели, что она занята составом. Насколько мог видеть глаз, открытые платформы были сплошь заставлены техникой и вооружением морской пехоты, окрашенными в оливковый цвет, — машинами,

танками, грузовиками и артиллерией. Поликарпов быстро разворачивал машину, а Вторыгин поспешно считал технику и вооружение и делал записи в маленьком блокноте. Пока никаких признаков «хвоста» не было.

Неожиданно на встречной полосе показалась голубая полицейская машина с работающими проблесковыми маячками; на машине были номера штата Вирджиния. Поликарпов немедленно заподозрил худшее и съехал на обочину, а Вторыгин спрятал свой блокнот. Полицейская машина пересекла разделительную линию и пристроилась позади машины русских, оставив сирену включенной. Поликарпов остановил машину и ждал, когда офицер полиции подойдет к ним. Вторыгин вздыхал, убежденный, что их засекли в районе Куантико и доложили, кому следует. Офицер подошел к дверце водителя, отдал честь и попросил документы, потом отошел, чтобы опять взглянуть на номера «Лендровера». Поняв, что это дипломаты, полицейский покраснел, однако почему-то внешне никак не отреагировал на тот факт, что код на регистрационном знаке их автомобиля означает принадлежность к советскому посольству. Офицер был очень молод, он извинился и махнул рукой — проезжайте. Поликарпову полегчало, однако Вторыгин лучше понимал, в чем тут дело.

— Он знал, кто мы такие, и просто притормозил нас, чтобы убедиться в этом.

Минут через двадцать из какой-то оживленной боковой улочки в Стаффорде вынырнул черный седан «Форд» и пристроился за ними на весь остаток дня. Поликарпов вернулся на маршрут 1, а затем и на 1–95, продолжая движение в южном направлении. Они повернули на Фредериксбург, вышли на маршрут 17 и поехали длинной живописной дорогой на юг в Ньюпорт Ньюс. Немного не доехав до моста, переброшенного через реку Йорк из Глочестер Пойнт в Йорктаун, они остановились и зарегистрировались в мотеле. Было уже темно. Вторыгин понимал, что отсюда и до самого Норфолка за ними будет неотступная слежка, и он предпочел остановиться в этом месте, которое, для полноты картины, было угрожающе близко к комплексу Кэмп Пири, где, как они знали, находилась учебная база спецконтингента ЦРУ. У Вторыгина не было никакого желания побродить возле этого тщательно охраняемого объекта, который располагался на другом берегу реки Йорк в громадном старом армейском лагере с изолированными зданиями и короткой взлетно-посадочной полосой, удобно укрытой от наблюдения с любой окрестной высоты. Ночь обещала быть плохой, поскольку их «хвост» забудет про сон, ведя непрерывное

наблюдение за двумя советскими дипломатами — ведь не к добру же сюда пожаловали русские.

Вторыгин с Поликарповым прошли через мост в Йорктаун и поужинали в «Ник'с сифуд павильон», потом они невинно вернулись в мотель. Поликарпов сделал условный звонок с платного уличного телефона, который, как они были уверены, не должен был прослушиваться.

На следующее утро они поднялись с первым лучом солнца, опять пересекли реку Йорк и нырнули в Ньюпорт Ньюс. «Хвост», теперь уже в голубом многоместном фургоне «Шевроле», показался лишь тогда, когда они ехали по авеню Хантингтон, которая тесно примыкала к судоверфи «Ньюпорт шипбилдинг энд драйдок», прекрасно обозреваемой с дороги. На сборочной площадке верфи был виден корпус очередного строящегося авианосца. Вторыгин внутренне напрягся, его поразила та легкость, с которой можно было ездить возле крупного судостроительного предприятия, лишенного какой-либо маскировки. Если бы у них было побольше времени, они бы остановились на авеню Хантингтон и пообедали, наблюдая за тем, как громадный авианосец медленно обрастает оборудованием и увеличивается в размерах. Смотреть за этим было восхитительно, и оба советских офицера вновь подивились тому, какими открытыми были американцы.

Через туннель Харбор они въехали в Норфолк и опять отметили, выезжая из туннеля по поднимающейся в горку автомагистрали, какой замечательно четкий вид ВМБ Норфолк и ее причалов находится у них перед глазами. Вторыгин яростно строчил в блокноте. У причалов были пришвартованы только два авианосца, а третий, как заметил Поликарпов, проходил главный фарватер, держа курс на Хэмптон Роудз и далее в Атлантику. Покрутившись у базы амфибийных сил флота в Литгл Крик, они сделали остановку у ресторана морепродуктов на Вирджиния Бич. Всюду, где они проезжали, были толкотня и сутолока, вызванная множеством автомашин, въезжающих на базы и выезжающих с них. В воздухе над базой авиации ВМС было много самолетов. Определенно, военная машина находилась в движении.

Поздним вечером того же дня, после того как они уже сделали несколько заходов, разглядывая и классифицируя все еще находившиеся у причалов десантные корабли, Поликарпов и Вторыгин заплутали и не могли найти выезд на главную дорогу. Солнечный свет угасал, они были голодны, а машина «хвоста» собачкой тянулась за ними. В конце концов, после того как они более получаса плутали, отыскивая дорогу к своему мотелю,

машина «хвоста» выскочила вперед и резко затормозила рядом с советскими офицерами.

— Просто езжайте за нами, — сказал один из агентов ФБР через открытое окно, и Поликарпов, как покорная овца, последовал за ними и вскоре выехал на основную автомагистраль, а потом и к мотелю; после этого автомобиль ФБР исчез в ночи. Обе стороны устали от длинного дня, проведенного в машинах, и хотели устроиться на ночной отдых. Они действительно были профессионалами, выполняющими свой долг.

Вторыгин периодически звонил из общественных телефонов в кабинет советского военного атташе и докладывал ранее оговоренным кодом о состоянии вооруженных сил США, количестве и типе оборудования, загрузку которого они наблюдали. В тот же день, когда Вторыгин и Поликарпов отправились вести разведку на юге, вторая группа сотрудников советского военного атташата с наступлением темноты выскользнула из здания на Белмонт-стрит и была доставлена посольским шофером на вокзал «Юнион Стейшн» в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия. Там они сели на поезд, который шел на север до Бостона. Они предусмотрительно выбрали купе с левой, или западной, стороны поезда. Целью этой группы был закрытый район Нью-Лондона в штате Коннектикут и база подводных лодок в Гротоне. Направлявшийся в Бостон поезд утром делал остановку в Нью-Лондоне, и в свете утреннего солнца они могли глянуть на реку Темзу и посчитать, сколько там находится подводных лодок с базы. Это был особо закрытый район, однако, не имея предварительного разрешение на поездку в этот район от американских властей, им пришлось бы выйти в Бостоне и рискнуть, без предварительно купленных билетов, просто приехать в Нью-Лондон дневным поездом. На руках у них были билеты на поездку в северном направлении до Нью-Йорка, который им разрешалось посещать. Если их поймают в районе Нью-Лондона, направляющимися на север, их просто вернут в посольство. Если же до Нью-Лондона им удастся добраться, то они сойдут с поезда в Провиденсе, на Род-Айленде, возьмут напрокат машину и постараются подобраться как можно ближе к Куонсет Пойнт, где базировались противолодочные авианосцы, входящие в состав трех поисково-ударных групп. Там они посмотрят, на месте авианосцы или нет, а потом отправятся в Ньюпорт, чтобы глянуть там на штаб крейсерских эсминцев Атлантического флота и сосчитать эсминцы, пришвартованные у пирса 1 и пирса 2.

Если бы эта группа забралась не дальше Бостона, то назад, в

Вашингтон, ей пришлось бы возвращаться машиной, докладывая по дороге — как и работающей на юге группе Вторыгина — оговоренные телефонные сообщения в кабинет атташе на Белмонт-стрит. До поездки участники группы пожаловались адмиралу Бекреневу, что они являются сухопутными офицерами, не очень-то здорово разбирающимися в типах подводных лодок, в ответ адмирал бросил на стол экземпляр классификатора американских подводных лодок.

— Вот вам, изучайте и запоминайте, и будьте готовы сегодня отправиться в Нью-Йорк вечерним поездом в семь тридцать.

Пока эти две группы сотрудников атташата, состоявшие из сухопутных и морских офицеров, мотались где-то вне столицы, очередная группа дипломатов из советского посольства выехала на Массачусетс Авеню, повернула на Висконсин Авеню, через мост Ки Бридж переехала в Росслин и, проехав Пампанио-билдинг, свернула и ненадолго остановилась, чтобы посчитать освещенные окна на девятом и десятом этажах здания, где находились кабинеты сотрудников секретной 157-й ударной группы, гнезда агентурной разведки ВМС США. Хозяева этих кабинетов отвечали за сбор информации разведчиками ВМС, разбросанными по всему миру. После короткой остановки дипломаты проехали по автомагистрали 50 мимо Пентагона. Отметив, что окна Пентагона сверкают огнями, а количество машин на северной и южной автомобильных стоянках является достаточно большим для часа ночи, они вернулись в посольство СССР. Атташе никогда не спит!

Часть III
Русская рулетка

Мы знали, одна ошибка, и мы можем навлечь беду на человечество… поэтому мы были аккуратны.

Капитан 2 ранга Николай Шумков,

командир советской ПЛ «Б-130»

Если этот ублюдок запустит хоть одну штуку, мы заставим его выскочить из воды.

Коммандер Эд Келли,

командир ЭМ ВМС США «Блэнди» (DD-943)

24 октября 1962 г.

ЭМ ВМС США «Блэнди»
двести миль к северо-востоку от пролива Кайкос

Противолодочное соединение, которое называлось ПУГ «Браво», состояло из базировавшихся на Ньюпорт эсминцев 24-й эскадры (эсминцы «Блэнди», «Кепплер», «Чарльз С. Сперри») и авианосца ВМС США «Эссекс». ПУГ вела патрулирование по дуге с внешней стороны рубежа под названием «Линия „Грецкий орех“», который пролегал от точки с координатами 27°5′ северной широты и 70° западной долготы до точки с координатами 20° северной широты и 65° западной долготы. В боевом приказе название «Линия „Грецкий орех“» было присвоено дуге, проходившей северо-восточнее Кубы и определявшей внешние границы карантина, который дугами с радиусом пятьсот миль опоясывал Кубу. Это была линия, на которой подходящие к Кубе советские суда должны были в первый раз столкнуться с американскими силами, осуществляющими блокаду. Минуло два дня с момента драматичного выхода эсминцев из Ньюпорта, ПУГ продолжала движение в боевом порядке и находилась теперь северо-восточнее Багамских островов, в двухстах милях северо-восточнее пролива Кайкос. Двигаясь со скоростью двадцать пять узлов, группа преодолела более тысячи миль в южном направлении.

Обстановка была напряженной, моральное состояние хорошим, будущее неизвестно. Что это, война или очередное учение? Точного ответа на вопрос никто не знал, однако в торпедных аппаратах на палубе в средней части корабля находились боевые торпеды, а реактивные противолодочные снаряды «Хеджехог» стояли в своих направляющих, и на их безликой защитной окраске сверкала нанесенные желтым цветом надпись «боевой заряд».

Во время вахты с четырех до восьми утра можно было наблюдать за тем, как серый рассвет постепенно выталкивает черную ночь вон. Обычно эта вахта на мостике была самой мирной, и я полюбил происходящее на корабле в ранние утренние часы, наблюдая и слушая, как он просыпается. От кофейников с ситечком на сигнальном мостике, в старшинских кубриках, машинном отделении и в котельной по кораблю гулял аромат свежего кофе. Утренний распорядок на борту эсминца выполнялся образцово, начиная со звуков боцманской дудки «Подъем!», несущихся из громкоговорителей корабельной

трансляции, и до балетных телодвижений утренних уборщиков. В море на корабле были неизменный порядок и чистота, отсутствовавшие при нахождении корабля в порту. Море, неизвестно каким образом, обладало великим свойством очищения; казалось, оно проясняет рассудок и заставляет повседневные жизненные проблемы уходить и становиться нематериальными. Возможно, это в какой-то мере объясняет, почему искони мужчины уходили в море и проводили там большую часть жизни. Такие ощущения ухода в даль было трудно или невозможно создать при обычной жизни на берегу.

Были, конечно, жизненные моменты, которых моряку не хватало, особенно если он был семейным человеком. И, конечно же, нельзя не сказать о том ощущении девственной чистоты, которое море дает молодым людям, не обремененным материальными мелочами жизни. Корабль был уютным домом, где их хорошо кормили и где они обрели добрых товарищей.

После того как мы несколько долгих дней находились в завесе авианосца «Эссекс», нам в конце концов предоставили передышку от нудных часов патрулирования в составе противолодочной завесы, обычно состоявшей из восьми кораблей, и неожиданно приказали занять позицию по страховке самолетов. Это новое назначение давало нам возбуждающую разгрузку от обычно нудных четырехчасовых вахт, состоявших из взятия пеленгов и измерения дальности до авианосца с непрерывной корректировкой местоположения. Любой ценой надо было избегать шпильки от командира завесы, которым обычно являлся вахтенный офицер штаба в центре боевой информации нашего «Блэнди», бросавший в тактическую радиосеть короткую и отрывистую команду «Позиция!», информируя тем самым все соединение, что какой-то корабль находится не там, где нужно. Заняв позицию по страховке самолетов, мы будем находиться в пятистах ярдах (чуть более 450 метров. — *Прим. перев.*) от кормы авианосца, который предстоящими днями и ночами будет поднимать и сажать самолеты «Скайрейдер» «AD5W» и двухмоторные противолодочные «Трэкер» «S2F». Из базировавшихся на авианосец самолетов самым забавным для нас являлся «Хреновина с крышкой»; он представлял из себя один из первых вариантов самолета «Трэкер» «S2F» фирмы «Грумман», поверх фюзеляжа которого стоял здоровенный вращающийся диск РЛС; один только вид этого самолета порождал сомнение в его способности летать вообще.

— Берегись! — Фленеген сиганул через конек двери, ведшей из центра боевой информации в ходовую рубку, в которой дежурный офицер Гэри Ладжер только что закончил отработку

решения на маневрирование и теперь отдавал команды на занятие кораблем новой позиции впритык к корме авианосца.

— Лево руля, полный вперед, обороты на двадцать два узла. — Рулевой и оператор машинного телеграфа продублировали команды, и корабль немедленно отозвался. В ответ на увеличившиеся обороты винтов задрожали палубы, корабль резко накренился, и белая пена заиграла за кормой. Скука мгновенно ушла, уступив место быстрому действию. Эсминец вырвался из строя кораблей завесы и направился на большой скорости на позицию по страховке самолетов — некую точку в океане, рядышком и немного левее и сзади кормы авианосца, угрожающе вырастающего в размерах. Весь фокус и состоял в том, чтобы найти эту волшебную точку и так начать разворот, чтобы вписать эсминец в позицию, одновременно замедляя ход и уравнивая скорости эсминца и авианосца. Некоторые вахтенные офицеры, такие, как Гэри Ладжер, были мастерами решать в уме задачки с относительными скоростями, в то время как другим требовался планшет с макетами кораблей для расчета точного курса. Точное управление кораблем было искусством, которым не все овладевали быстро, и очень трудным делом для некоторых.

Ветер начал постукивать по стеклам ходовой рубки, и незакрепленные листы бумаги полетели со штурманского стола. Ладжер взял телефон внутрикорабельной связи и набрал номер каюты командира, стараясь не отводить глаз от громадины авианосца, увеличивающегося в размерах с каждой секундой по мере того, как неприметный эсминец гнался почти на встречно-пересекающемся курсе за неуклюжей массой серой стали. Он нажал кнопку вызова, издающую пронзительный вой, как никогда нежно, стараясь не напугать Келли, который, когда его будили, был медведем. Услышав ворчание на другом конце линии, Ладжер заговорил:

— Командир, докладывает вахтенный офицер на мостике. Нам приказано страховать самолеты, сэр. Мы идем на позицию на скорости двадцать два узла. Авианосец все еще на курсе ноль пять ноль, время выхода на позицию около восьми минут.

В телефоне послышалось приглушенное покашливание. Келли был заядлым курильщиком, и его скрипучий голос выдавал это, особенно в тех случаях, когда его отрывали от крепкого сна. Правду сказать, на корабле Келли никогда крепко не спал, но был мастером покемарить, однако обычно без промедления брал трубку, когда звонили с мостика. Вахтенные офицеры иногда гадали — врубается ли он в то, что ему докладывают по телефону, но на телефонные звонки Келли отвечал всегда.

Несколькими ночами раньше, во время длинной и нудной полуночной вахты, младшие офицеры заспорили, действительно ли командир понимает, что ему докладывают, или просто мямлит «очень хорошо», а потом переворачивается на другой бок и продолжает спать. Фрэнк Фленеген, несший вахту в центре боевой информации, стал уговаривать вахту на мостике позвонить командиру и, как обычно поступают с малышами, сказать в трубку «Пора пописать, старый сукин сын». Но Ладжер был слишком умен, чтобы пойти на это, он знал, что Келли полон сюрпризов, и, когда все думают, что он дремлет в своем кресле на мостике, и начинают дурачиться, Келли оказывается тут как тут.

— Пошел бы ты к черту, Фленеген. Я на этом корабле давно служу, так что попробуй эту штуку с кем-нибудь из новеньких вахтенных офицеров.

А потом, во время вахты с четырех до восьми, которую нес энсин Лес Вестерман, Фленеген начал подбивать его на это дело, и Вестерман, обычно сговорчивый, согласился. Он снял трубку, набрал номер каюты капитана и, тайком от Фленегена, не нажав кнопку передачи, сказал в трубку слова, которые услыхали все находившиеся на мостике: «Капитан, сэр, пора тебе пописать, старый сукин сын», и повесил трубку. Не веря своим ушам, все вахтенные на мостике вылупили глаза на здоровяка энсина. Они ожидали взрыва. Но ничего не произошло, и Фленеген понял, в чем дело.

— Засранец, ты не нажал кнопку передачи.

Вестерман только ухмыльнулся в ответ. Вдруг что-то прогромыхало, потом с шумом открылась дверь, ведущая на мостик, и из-за двери показался Келли в банном халате и шлепанцах.

— Кто управляет кораблем, Вестерман? — заорал он. — Где этот чертов Вестерман? — Келли всегда быстро вникал в тактическую обстановку, буквально через секунды после появления на мостике, как и сейчас, в середине ночи. Ему стоило только оглядеться, увидеть громаду авианосца и сразу точно определить местоположение эсминца — то ли он еще немного недотянул до позиции, то ли недостаточно точно выходит на нее. Это было сверхъестественным. В течение последних двух дней ПУГ действовала с соблюдением светомаскировки, и на кораблях не было ходовых огней. Авианосец можно было распознать только по мерцанию пламени в гондолах двигателей самолетов на летной палубе и неярким красным огонькам в самолетном ангаре. Средства радиолокации использовались в крайнем случае, т. е. обзорная РЛС включалась только тогда, когда дежурный вахтенный офицер начинал терять пространственную картину и

ему нужно было сориентироваться, для чего и включался радар на излучение — всего на один-два круговых прохода.

В ту ночь глаза Келли еще не полностью адаптировались к кромешной тьме на мостике, и он, отойдя от приступа кашля, схватил за руку кого-то из вахтенных и хрипло прошептал:

— Черт побери, Вестерман, вы уже должны были быть на позиции. — Поняв, что он поймал не того, кого нужно, он что-то буркнул и, шагнув вперед в темноте ходовой рубки, нашел руку Вестермана. — Вестерман, когда вам в другой раз захочется поиграться с телефоном внутрикорабельной связи, подумайте, что вы делаете. Я слышал каждое ваше слово. Немедленно наведите порядок на вахте!

Фленеген захихикал, и Келли развернулся.

— Фленеген, марш в темную дыру, в которой вы должны сидеть, и прекратите брехать на небо!

Но все это было в прошлом, в менее напряженные моменты. В эту раннюю утреннюю вахту мостик был тих. Келли появился на мостике вскоре после звонка Ладжера и теперь стоял, молча глядя на авианосец, который был в каких-то пятистах ярдах справа по борту эсминца, потом он прошел в штурманскую рубку и при тусклом красном свете стал изучать карту. Он видел, что поисково-ударная группа «Браво» находится теперь всего лишь примерно в двухстах милях от пролива Кайкос. Как ему хотелось поработать с реальной подводной лодкой! А ведь какая-то русская лодка была где-то здесь, в темноте. Об этом сообщалось в разведывательной сводке, и он почувствовал возбуждение от предстоящей охоты. Ему хотелось проверить своих противолодочников на реальном противнике, и он был уверен, что они не подкачают в любой ситуации.

За два года до описываемых событий «Блэнди» взял приз Марджори Стеретт морской лиги Атлантического флота, присужденный ему за то, что он более трех часов удерживал контакт с американской атомной ПЛ. В те годы это было серьезным успехом, ведь на большинстве противолодочных кораблей все еще стояли гидролокаторы времен Второй мировой войны. На «Блэнди» имелся гидролокатор «SQS-23» с новой высокочастотной модуляцией и экспериментальным устройством под названием «АСПЕКТ», предназначенным для идентификации и распознавания подводных контактов. Держась вне зоны поражения торпедами с лодки, эсминец вцепился в нее, словно бульдог, и был готов в любую минуту атаковать ее своими торпедами-имитаторами «Марк-32» или реактивными противолодочными снарядами «Хеджехог» — великолепное достижение для тех лет в борьбе с новыми и скоростными

атомными ПЛ. Однако Келли, обладавший исключительной способностью предвидеть следующий шаг командира подводной лодки и включавший гидролокатор «SQS-23» только в половину мощности, удерживал контакт с атомной подлодкой вплоть до объявления окончания учений. В последний момент, чтобы показать всем, что он мог запросто потопить лодку, Келли выпустил по лодке серию реактивных снарядов «Хеджехог», боевая часть которых была снаряжена учебными зарядами, которые назывались «СКЭТ»; применение «СКЭТов» против американских ПЛ строжайше запрещалось. Каждый из двенадцати зарядов в серии имел большой и сильный магнит; заряды, все глубже погружаясь в воду, в конце концов ударялись об лодку, не причиняя ей никакого вреда, и прилипали к стальному корпусу. Поток морской воды, обтекающий лодку, заставлял стальные молотки, прикрепленные к магнитам, яростно молотить по корпусу лодки, причем сила и частота ударов увеличивались с увеличением скорости хода лодки. Внутри лодки стоял невыносимый шум. Из-за сильного волнения на море лодка не могла воспользоваться единственным средством спасения от шума, т. е. не могла всплыть, чтобы выслать пловцов, которые вручную убрали бы магниты с корпуса. Лодка была вынуждена уйти в Ньюпорт; весь десятичасовой переход сопровождался раздирающим уши пронзительным стуком дюжины молотков, барабанящих по корпусу. Эти стуки чуть не довели подводников до сумасшествия; после швартовки в Ньюпорте у некоторых еще долго стоял звон в ушах.

На состоявшемся затем разборе учений командир ударной атомной ПЛ был в бешенстве, поскольку Келли применил запрещенные заряды «СКЭТ». Подводник потребовал, чтобы «Блэнди» был лишен звания победителя учения. Однако убедительный доклад Келли о фазе атаки подводной лодки эсминцем, происходивший в присутствии вице-адмирала «Уитни» Тейлора, командующего противолодочными силами Атлантического флота, доказал, что, будь это боевые действия, «Блэнди» потопил бы лодку. Протесты командира ПЛ по поводу использования запрещенного учебного оружия были горохом об стенку. «Блэнди» завоевал приз, а подводники поклялись расквитаться с Келли. Несмотря на то что половина экипажа лодки временно оглохла, действия эсминца принесли «Блэнди» заветный приз и закрепили репутацию Келли как командира, использующего нестандартную, но выигрышную тактику.

Впоследствии коммодор Моррисон указал Келли на то, что подобные действия являются плохим видом спорта и рискованны для безопасности плавания. Командир ПЛ услыхал заверения

коммодора в том, что он не допустит подобного впредь, однако к этому времени победа и приз уже были за Эдом Келли. В тот же день, вечером, офицеры корабля отпраздновали это событие пивным загулом в офицерской столовой в Ньюпорте. Таков был Келли, и немногие решались, собрав все свое мужество, идти ему наперекор — за исключением его собственного командующего эскадры.

Сразу же после выхода из Ньюпорта экипаж «Блэнди» готовился к установлению контакта с одной из советских ПЛ, которые, как его информировали, находятся в данном районе. Разведывательные сводки сообщали о танкере «Терек» советского ВМФ, который был обнаружен противолодочным самолетом «Нептун» «P2V», вылетевшим на патрулирование с базы авиации ВМС США Лагенс. «Нептун» «P2V» обнаружил и сфотографировал советскую дизельную ПЛ класса «Зулу», которая находилась в надводном положении и производила дозаправку топливом от «Терека»; при этом лодка была за кормой танкера, удерживаемая легким канатом, а топливный шланг свисал с кормы «Терека». Моряки ВМС США сочли данный метод дозаправки в море странным. Мы, конечно, редко заправляли свои подводные лодки в море, однако было неоднократно отмечено, что и советские эсминцы заправляются в море точно таким же способом. Согласно наставлению ВМС США, дозаправка в море производится тогда, когда корабль идет параллельным курсом (борт о борт) с танкером на скорости двенадцать узлов, при этом с танкера на корабль перебрасываются два топливных шланга, как я уже описал выше. Этот метод является гораздо более логичным и более смелым, чем советский способ. «Терек» болтался юго-западнее Азорских островов, и в этом районе ожидалось появление новых советских ПЛ.

Процедура отслеживания контактов, зарегистрированных на море надводными кораблям и самолетами, установленная штабом Командования противолодочных операций, была простой, однако временами путаной системой. Так как задачей противолодочного соединения является установление и поддержание контакта с подводной лодкой, причем для этого используется любой способ обнаружения — гидролокационный, радиолокационный, визуальный, при помощи гидролокационных буев или же детектора магнитной аномалии, — то и докладов о контактах с подводной лодкой представлялось гораздо больше, чем было реальных лодок. Непреодолимое стремление засечь перископ или услышать четкий ответный сигнал гидролокатора зачастую управляло органами чувств, и матросы видели или слышали именно то, что они хотели увидеть или услышать.

Командование противолодочных операций Атлантического флота в Норфолке присваивало временные номера всем контактам с ПЛ, о которых докладывалось по системе оповещения Командования. Если предполагалось, что это ПЛ, обнаруженная РЛС в надводном положении или же гидролокатором в подводном положении, то контакту присваивался номер, которому предшествовала буква «С».

При визуальном обнаружении объекта на поверхности моря и идентификации его как подводная лодка контакту присваивался номер с префиксом «В». Подводная лодка класса «Зулу», замеченная у советского танкера «Терек», была четким визуальным контактом, который 21 октября был сфотографирован и учтен. Многие другие гидролокационные и радиолокационные контакты, о которых докладывалось в период кубинского кризиса, были учтены как «предположительно, подводная лодка» и получили номера от «С 1» до «С 26». Эти временные номера назначались для обеспечения непрерывности слежения за контактом, обнаруженным надводным кораблем или самолетом. Решение о том, что считать одним и тем же контактом, принималось аналитиками, работавшими в благословенных кабинетах штаба противолодочных сил в Норфолке. Обычно это были опытные летчики, подводники или же офицеры эсминцев, имевшие многолетнюю практику охоты за подводными лодками. В кутерьме октябрьских недель 1962 г. номеров с буквой «С», т. е. «предположительно, подводная лодка», было назначено гораздо больше, чем имелось советских ПЛ в данном районе.

Система оповещения и оценки вела свою родословную с нелегких дней битвы за Атлантику во Второй мировой войне, но с тех пор улучшилась, так как на вооружение кораблей были приняты новые системы обнаружения, а экипажи самих кораблей, самолетов и подводных лодок, помимо нового оборудования, стали обладать еще и современным пониманием того, как температура, плотность, соленость морской воды и течения влияют на распространение звука. Наука противолодочной войны далеко ушла от года 1945-го, да и качество подготовки улучшилось, и все же в ней, в науке, была какая-то ограниченность, наличие которой заставляло только немногих пересекать ту незримую грань; после которой умелый мастеровой противолодочной борьбы становился настоящим художником, мастером своего дела. На борту «Блэнди» нам посчастливилось иметь несколько таких мастеров, среди них были офицер по борьбе с ПЛ Брэд Шерман, оператор гидролокатора первого класса Ларри Адкок и несколько его подчиненных, которые

работали в недрах корабля, в холодных закутках рубки гидроакустики. В центре боевой информации, который был мозгом корабля, колдовали офицеры-оперативники Боб Бринер и Фрэнк Фленеген и авиационные наводчики — операторы РЛС Брюс Когсуэлл и Руди Бамп. Королем художников противолодочной борьбы, конечно же, был командир, Эд Келли, обладавший еще и невероятной способностью чуять лодку или даже каким-то образом знать, о чем думает ее командир.

В то время всего лишь несколько человек на борту эсминца что-то знали о новой секретной и передовой американской системе обнаружения источников подводных шумов под названием «СОСУС». Эта обширная система, состоявшая из большого числа чувствительных гидрофонов, установленных сериями на дне океана на стратегических направлениях в северной Атлантике, управлялась из святилища, которое называлось «Океанские системы (Атлантический океан)» и находилась в Норфолке; система позволяла отслеживать объекты, двигающиеся в океане и издающие шумы. «СОСУС» впоследствии стала более совершенной, в ней стали использоваться более мощные компьютеры и автоматическая проводка объектов; это произошло после того, как шумность подводных лодок уменьшилась, что затруднило слежение за ними.

В октябре 1962 г. система «СОСУС» была еще новой, а комплексная база данных, потребная для привязки уровней шумов к конкретной советской подводной лодке, была скудной. В предыдущие годы советские подводные лодки совершили относительно немного походов в просторы Атлантики. Отдельные ударные дизельные подводные лодки дальнего действия начали патрулирование в Атлантике в 1959 г., а новые советские ударные ПЛ с ЯЭУ делали только эпизодические вылазки к нашему побережью. Новейшая морская угроза со стороны Советов, вариант лодки класса «Хотел» с ядерными баллистическими ракетами — ответ на американские ПЛ с ракетами «Поларис» — совершила несколько походов на патрулирование в Атлантике, а на ее прототипе, подлодке «К-19», в июле 1961 г. произошла ужасная катастрофа реактора. Эту лодку, как я писал выше, 1200 миль тянули на буксире в советские воды, а многие члены экипажа тем временем умирали от больших доз радиации. Основу советского подводного флота с баллистическими ракетами в то время составляли дизельные лодки «Проекта 629», имевшие на вооружении баллистические ракеты «Р-13» с дальностью пуска 350 миль. Эти лодки всего несколько раз выходили из советских территориальных вод на патрулирование, но в случае войны были способны приблизиться к побережью США и находиться от целей

на дальности пуска ракет. Датчики американских систем в Атлантике недостаточно хорошо отслеживали перемещения этих лодок, поэтому нужной информации по их шумности — звуковых «отпечатков пальцев», называемых еще данными по уровню давления звука, — было мало для точной настройки системы «СОСУС». Следовательно, было мало данных для привязки и классификации советских ПЛ, выходящих из своих портов; это относилось и к дизельным ПЛ класса «Фокстрот»; вот почему работа по установлению первого контакта с лодкой выполнялась большей частью противолодочными самолетами дальнего действия «Нептун» «P2V», совершавшими вылеты на патрулирование с Исландии, с Азорских островов и с баз авиации ВМС, расположенных на Восточном побережье США, от Брунсуика, штат Мейн, до Ки-Уэста, штат Флорида. Британские силы помогали прикрывать северную Атлантику и исландско-шетландско-фарерский рубеж, их противолодочные патрульные самолеты дальнего действия «Нимрод» и «Шеклтон» совершали полеты с авиастанции Розайт в северной Шотландии. С базы Галифакс в Новой Скотии летали канадцы на собственных противолодочных самолетах «Аргус», помогая американцам, действовавшим с авиабазы Рейкьявик, Исландия. Новых американских турбовинтовых самолетов «Орион» «P-3» тогда было еще было мало, и действовали они тогда всего лишь с нескольких авиабаз Восточного побережья США, одной из которых была база Центра развития авиации ВМС в Потоксент Ривер, штат Мэриленд.

— Фленеген, вот последнее донесение по русским силам южнее Азорских островов. Отнесите его наверх командиру и коммодору. — Боб Бринер, офицер-оперативник, закончивший академию ВМС в Аннаполисе в 1954 г., был спокойным офицером, корректным до мелочей в соблюдении военного этикета и невозмутимым во всем, что он делал. Никто из нас толком не мог понять, как он мог оставаться абсолютно спокойным, когда Эд Келли рычал на него или когда непоседливый старпом поносил его за то, что застал одного из подчиненных ему офицеров прикорнувшим после полуденного приема пиши, или же за то, что кто-то из его связистов стянул на камбузе несколько сладких булочек. Бринер был невозмутим и спокойно опекал своих подчиненных, невзирая на орущего капитана или крадущегося на цыпочках старпома. Сам бог послал нам Бринера в качестве начальника службы. Он потратил много личного времени на разговоры с каждым из своих подчиненных, во время которых он узнал об их личных проблемах и обстановке в семьях. Самое важное, Бринер прикрывал нас от постоянного гнева старпома,

который пленных не брал.

— И вот что еще, Фрэнк, — спокойно сказал Бриннер, — когда находитесь рядом с мостиком, следите за своей речью. Коммодор жалуется, что некоторые офицеры нашего корабля увлекаются богохульством.

Фленеген улыбнулся:

— Черт побери, увлекаются богохульством, сэр? Не могу понять, почему он так говорит. — Он быстро покинул центр боевой информации и направился с пришпиленным к листу плотного картона донесением на мостик, к командирскому креслу на правом выступе.

Келли сидел, свесив голову, в своем высоком, мягком кресле на правом выступе и казался спящим, но он был, как всегда, настороже, и клевал носом лишь до тех пор, пока некая душа на мостике — обычно вахтенный офицер на мостике или помощник вахтенного офицера — не совершала какой-нибудь ошибки, и тогда он пулей вылетал из своего кресла, ругаясь, на чем свет стоит.

Фленеген подошел к кожаному вращающемуся креслу и протянул командиру картонку с донесением.

— Сэр, последнее донесение по русским — плавбаза подводных лодок, танкер и лодка класса «Зулу». — Келли молча взял картонку, щелчком открыл донесение и начал читать.

Вахтенным офицером в этот раз был Гэри Ладжер, наблюдавший за Фленегеном краешком глаза.

— У вас эсминец не на позиции, Ладжер! — неожиданно заорал Келли. — Собирайте жопу в охапку и живо туда, где вам надлежит быть!

— Есть, сэр. — Покрасневший Ладжер направился на левый выступ мостика и взял пеленг на авианосец «Эссекс». Как командир мог узнать, что корабль находится не на позиции в составе завесы, ведь из кресла командира авианосец не был даже виден?

Ладжер вернулся к центральному пелорусу (высокий нактоус, т. е. подставка в форме колонны, для подвешивания в нем на кардановых кольцах гироскопического компаса. — *Прим. перев.*) и глянул на Келли.

— Сэр, пеленг на авианосец 120 градусов, дальность две тысячи ярдов. Мы на позиции, сэр.

— Вы хотели сказать, мы *вернулись* на позицию, Ладжер. — Командир сроду не допускал, чтобы последнее слово оставалось за младшим офицером. Келли улыбался, и Фленеген понял, что он в хорошем настроении, так обычно и бывало, когда вахтенным офицером был опытный Ладжер, а когда поблизости не было

коммодора, то Келли мог быть даже приятным.

Фленеген стоял у кресла командира, а Келли продолжал чтение телеграмм. Фленеген подмигнул Ладжеру, который все еще досадовал на себя за то, что капитан подловил его на том, что корабль всего на несколько градусов оказался вне позиции. Ладжер поглядывал поверх пятидюймового орудия, т. е. установки № 51, на нос корабля, разрезающий волны. Широкий, грациозно расходящийся нос был одним из самых красивых элементов конструкции эсминцев класса «Форест Шерман», который улучшил мореходные качества при большом волнении моря, смягчая проваливания корабля при сильном шторме. В процессе модернизации на верхнюю часть корабля нагрузили так много электронного оборудования, что центр тяжести значительно поднялся, заставив эсминец гораздо медленнее и тяжелее реагировать на бортовую качку при волне с траверза.

24 октября, в среду, утро выдалось прекрасным, а волна умеренной; было тепло и ясно, почти мирно, и на скорости двадцать пять узлов авианосец и его эскорт двигались на юг, к Кубе. Под ярким утренним солнцем один из вахтенных на мостике вдруг негромко начал свистеть. Фленеген, ожидавший, пока Келли закончит чтение телеграмм, склонился над столиком со штурманскими картами. Он услышал свист и оглядел ходовую рубку в поисках свистуна, им оказался новый матрос вахтенной команды Ричард Клоостерман, здоровяк-датчанин из штата Миннесота, попавший на корабль буквально перед выходом из Ньюпорта. Клоостерман, светлокожий блондин, имел рост шесть футов и четыре дюйма (примерно 193 см. — *Прим. перев.*) и вес 250 фунтов (примерно 113, 5 кг. — *Прим. перев.*). Он точно соответствовал своему имени — невинный, розовощекий, неуклюжий и неловкий до такой степени, что кое-кто считал его заторможенным. Однако Клоостерман был просто медлителен, но необыкновенно вежлив и стеснителен; он вышел из хорошей сельской семьи американцев датского происхождения. Может быть, он стал свистеть потому, что, как и вся вахта, надеялся, что его вскоре заменят и он отправится завтракать. Однако на корабле на свист было наложено табу.

Фленеген мог спокойно заставить Клоостермана прекратить свистеть, однако первые звуки уже достигли ушей Эдда Келли, и он дернулся в кресле, словно от удара электрическим током.

— Кто, черт побери, свистит у меня на мостике? — прорычал он, оборачиваясь в сторону ходовой рубки и стараясь увидеть нарушителя. Клоостерман, стоявший, согласно инструкции по вахтенной службе, позади рулевого, продолжал счастливо насвистывать. Насупившись, Келли оглядел рубку. Фленеген

зажмурился в предвкушении взрыва.

— Фленеген, найдите, кто свистит, и приведите этого человека ко мне.

Фленеген знал, что командир дурачится, но остальные этого не знали. Гнев Келли казался настоящим и испугал всех на мостике, за исключением искушенных Ладжера и Фленегена, которые увидели хитринки в глазах командира.

— Клоостерман, идите сюда, — произнес Фленеген достаточно громко, так, чтобы все на мостике услыхали его четкий бостонский акцент. Гигант-матрос с лицом ребенка и расширившимися от страха глазами и щеками, порозовевшими сильнее обычного, неуклюже зашагал в направлении командирского кресла. Он никогда еще не был так близко рядом с командиром, и уж тем более сердитый ирландец никогда с ним не разговаривал. Фленеген сделал шаг в сторону, пропуская Клоостермана.

Келли уставился на трясущегося Клоостермана.

— Это вы свистели у меня на мостике?

— Ах, нет, сэр, я хочу сказать, так точно, сэр, я думаю, что это был я, сэр.

— Здесь никто не свистит. Ты меня понимаешь, сынок? Свистят только пьяные и боцманы. Ты это понимаешь?

— Но, сэр, я боцман, точнее, буду им после производства, и тогда я…

Келли выдал один из своих свирепых рыков.

— Черт побери, я имел в виду, что боцманы свистят в свои чертовы боцманские дудки, а не губами.

Фленеген и Ладжер еле сдерживали себя, чтобы не расхохотаться. Клоостерман выглядел сконфуженным.

— Так точно, сэр, я не буду больше свистеть, никогда.

Фленеген начал тихо похохатывать.

Келли повернулся к нему.

— Мистер Фленеген, это не смешно. Уберите свою бостонскую жопу с моего мостика.

Фленеген, продолжая улыбаться, взял картонку с телеграммами и направился к выходу ходовой рубки, ведшему в центр боевой информации. У выхода он задержался, глядя на вахтенных, и заметил, что у большинства, понявших, что командир дурачится, еще осталась на губах запоздалая улыбка. Испуганный Клоостерман все еще стоял, замерев, перед командиром. Неожиданно Келли положил руку на массивные плечи матроса и похлопал его.

— Продолжай хорошо служить, сынок, и запомни — никогда не свисти на мостике и вообще на эсминце или на другом

военном корабле, ладно?

Юный гигант быстро закивал:

— Так точно, сэр, я хотел сказать, никак нет, сэр, я больше не буду свистеть.

— Коммодор на мостике! — крикнул вахтенный старшина-рулевой. Келли тяжело вздохнул и откинулся в кресле.

— Какого черта ему нужно, Ладжер?

Ладжер отдал честь коммодору, который поднялся на мостик и теперь оглядывался по сторонам.

— Здесь что-то происходит, мистер Ладжер? — Коммодор Чарльз Моррисон разговаривал мягким голосом. Это был невысокий и худощавый человек, имевший привычку разгуливать по кораблю и перебрасываться парой-тройкой слов с матросами. Эдда Келли эта привычка нервировала, к тому же он терпеть не мог, когда штаб 24-й эскадры эсминцев временно дислоцировался на борту его корабля. Поскольку «Блэнди» строился с тем расчетом, что на нем будет размещаться штаб, то на время основных оперативных мероприятий Келли был неизбежно вынужден отдавать коммодору свою просторную и комфортабельную каюту, расположенную по левому борту, и довольствоваться для отдыха и работы походной каютой, находившейся на том же уровне мостика.

— Доброе утро, Эд, — Моррисон улыбнулся Келли, который все еще горбатился в своем кресле.

— Доброе утро, сэр. Чем могу служить на *моем* мостике?

— О, да я просто осматриваюсь.

Келли фыркнул.

— Мистер Ладжер, ознакомьте коммодора с нашим текущим местоположением. Я буду у себя в походной каюте. — Он выскользнул из кресла и пошел в каюту.

— Командир ушел с мостика! — прокричал старшина-рулевой. Келли остановился, причем одна его нога уже стояла в походной каюте. Он посмотрел на матроса Клоостермана, который находился позади рулевого и все еще не пришел в себя после предыдущей сцены.

— Запомните, боцман, чтобы никакого чертова свиста.

Коммодор сделал вид, что он не слышит этих слов, а Ладжер подавил улыбку и продолжал знакомить коммодора с обстановкой. Дверь за Келли громко хлопнула.

* * *

После двух суток плавания и нескольких ложных

акустических контактов «Блэнди» снова получил приказ выйти из строя завесы и занять позицию по страховке самолетов рядом с авианосцем «Эссекс». На этой позиции, которая была развлечением для свободного от вахты личного состава, наблюдавшего полеты с близкого расстояния, паре вахтенных офицеров на мостике приходилось быстро и четко работать. В ходе обычной четырехчасовой вахты на позиции по страховке самолетов, когда авианосец попеременно то уходил против ветра, выпуская и принимая самолеты, то неожиданно становился по ветру, эсминцам приходилось обычно наверстывать излишек дистанции, чтобы занять свое место на позиции, и гораздо реже следовать за авианосцем, находясь точно на позиции. Корабли сопровождения и авианосец соблюдали светомаскировку, так что на авианосце были различимы только красные огоньки на летной палубе.

Ночные полеты самолетов с авианосца походили на шедший по готовому сценарию балет, с крохотными фигурками, то появляющимися, то исчезающими среди самолетов «Трэкер» «S2F» фирмы «Грумман» и штурмовиков «Скайрейдер», которые в темноте взлетали и садились на палубу под аккомпанемент воющего ветра и треска поршневых двигателей самолетов. Наблюдаемые с близкого расстояния полеты были захватывающим зрелищем для экипажа эсминца, особенно в те моменты, когда на мостике неслышно возникал Келли, одним быстрым взглядом оценивал обстановку и, если то, что он обнаружил, чем-то его не устраивало, обрушивал на вахтенных офицеров такой поток ругательств, от которого краснел даже видавший виды боцман.

Экипаж жил по распорядку дня. Офицеры несли вахтенную службу и вскоре стали искусными вахтенными, особенно при трехсменном вахтенном расписании (четыре часа на вахте, восемь часов отдыха) без перерыва в течение нескольких недель. В то время мы знали только то, что являемся частью кордона, поспешно воздвигнутого вокруг Кубы, и мы с опаской поглядывали на разведывательный планшет, на котором красными значками было обозначено множество советских торговых судов, приближающихся к кордону, образованному надводными кораблями ВМС США. Странно было видеть, что мало-мальское сопровождение торговых судов боевыми кораблями советского ВМФ отсутствует.

Наша ПУГ поначалу и не предполагала, сколько советских подводных лодок могут сопровождать свои торговые суда, и у себя на эсминце мы не имели общей картины тактической противолодочной обстановки, потому что в те дни обеспечение

разведывательной информацией по тактической обстановке кораблей ВМС США, находящихся в море, практически отсутствовало.

И уж конечно, мы тогда не догадывались, что группировка капитана 1 ранга Агафонова в составе четырех ПЛ класса «Фокстрот» из Полярного уже находится внутри американского военно-морского кордона. Внутри и вокруг «Линии „Грецкий орех“» действовали все четыре лодки 69-й бригады, а подводная лодка «Б-130» капитана 2 ранга Шумкова была не более чем в пятидесяти милях от ПУГ «Эссекса».

24 октября 1962 г.

Планшет НШ ВМС США, КП ВМС
Пентагон
Арлингтон, Вирджиния

Ни на «Блэнди», ни на других кораблях карантина не подозревали, что в это время в Пентагоне, в помещении, в котором располагался планшет начальника штаба ВМС США, несколько взвинченных офицеров разведки вместе с писарями наносили на планшет курсы примерно с полдюжины советских торговых судов, приближающихся к внешней границе «Линии „Грецкий орех“». На планшете уже имелось не менее десятка красных значков, показывающих контакты с подводными лодками; многие контакты были ложными, однако все они были пронумерованы индексами от «С 1» до «С 29», и настенная карта выглядела так, словно на ней высыпала корь.

Заместитель начальника штаба ВМС вице-адмирал Гриффин стоял и рассматривал карту, рядом с адмиралом находился министр обороны Роберт Макнамара, внимание которого также было занято планшетом. Оба видели, что назревает столкновение.

Линия советских торговых судов приближалась к линии карантина ВМС, предполагалось, что первый корабль подойдет к линии карантина на следующий день примерно к десяти утра по вашингтонскому времени. За последние два месяца поток советских торговых судов, направлявшихся в порты Кубы, был значителен, однако с момента объявления карантина президентом Кеннеди ситуация приобрела новый, более обдуманный облик. Словно электрический импульс пробежал по торговым судам, которые по какой-то причине изменили скорость хода и теперь сходились у линии карантина, образуя эшелонированный строй судов, а не разбросанные там и сям

одиночные значки. В то время не было известно, почему так произошло — то ли по команде, переданной всем участникам операции «Анадырь», то ли просто случайно. Суда, приближавшиеся к линии карантина, действительно станут испытанием американской решимости, и первым из этих судов будет советский танкер «Бухарест».

Словно следы от картечи, отмеченные красным цветом отметки контактов с ПЛ расползлись по всему планшету. Наверное, каждый корабль на флоте доложил о подозрительном объекте, гидролокационном контакте или засветке РЛС как о предполагаемой советской подводной лодке, однако если бы каждый контакт, о котором сообщалось в штаб, оказался настоящей советской подводной лодкой, то на планшете был бы представлен чуть ли не весь советский подводный флот. Изучая карту вместе с министром обороны, адмирал Гриффин чувствовал, что ему вот-вот зададут вопрос.

— Как наши надводные корабли могут передать сигнал на всплытие находящейся под водой советской подводной лодке? — Макнамара задал вопрос в свойственной ему интеллигентной манере.

Адмирал Гриффин немного подумал, а потом пустился в длинное объяснение того, что такое международные условные сигналы и как их можно передать, чтобы напомнить кораблям и самолетам о принятых международных нормах поведения в деликатных ситуациях. Как результат этого разговора, 24 октября Океанографическая служба ВМС США опубликовала «Извещение мореплавателям 45–62, особое предупреждение № 32», которое называлось «Порядок всплытия и идентификации подводных лодок, обнаруженных кораблями карантина вблизи Кубы». В нем говорилось следующее:

> «Американские корабли, войдя в контакт с неопознанными ПЛ, дадут указанные ниже сигналы, информируя подводную лодку о том, что она может всплыть для своей идентификации. Сигналы следующие — корабли карантина сбрасывают 4–5 безвредных взрывчатых сигнальных средств (ручные гранаты), что может сопровождаться международным условным сигналом „IDKCA“, означающим „Подняться на поверхность“. Этот гидролокационный сигнал обычно передается на подводном оборудовании связи в диапазоне 8 килогерц.
>
> Процедура приема сигнала: услышав сигнал, находящаяся под водой ПЛ должна всплыть с восточным

курсом. Сигнал и используемый порядок действий являются неопасными». Океанографическая служба ВМС, извещение 45–62, параграф 5982.

С командного пункта ВМС США это извещение было срочно передано на все корабли и базы американского флота, а также размещено в международных списках уведомлений для того, чтобы им могли воспользоваться все государства.

24 октября 1962 г.

Посольство СССР,
флигель военного атташе
Белмонт-Серкл, Вашингтон,
ф. о. Колумбия

В этот день после полудня вице-адмирал Бекренев, советский военно-морской атташе, что-то произнес, принимая телеграмму от связиста. Адмирал медленно прочитал сообщение, потом прочел его повторно. Это было американское уведомление мореплавателям, в котором сообщалось, что американские военные корабли будут сбрасывать взрывчатые вещества, давая сигнал неопознанным подводным лодкам всплыть и обозначить себя. Адмирал повернулся к связисту и вернул телеграмму.

— Быстро передайте ее в Москву, в ГШ ВМФ с припиской, чтобы телеграмму немедленно включили в циркулярные передачи по флоту и для подводных лодок. — Бекренев отвернулся и, улыбнувшись, бросил взгляд на висевшую на стене карту Восточного побережья США с прикрепленным сбоку листом бумаги. В это же время капитан 3 ранга Лев Вторыгин и его помощник мчались на юг по проходящей между штатами дороге № 95 и находились как раз к востоку от Мурхед Сити, штат Северная Каролина. «Что интересного могут они увидеть на погрузочно-разгрузочных пирсах 2-й дивизии морской пехоты?» — подумал адмирал.

24 октября 1962 г.

ЭМ ВМС США «Блэнди»
Атлантика

Боб Бринер передал уведомление мореплавателям

коммандеру Келли, сидевшему в своем кресле на выступе мостика. Келли прочел предупреждение.

— Бог мой, в следующий раз они захотят, чтобы мы дали русским мороженого и печенья и поцеловали их в жопу. Сукиных детей надо вышибать из воды, если они не всплывают, хотя и знают, что мы их поймали. Отнесите это коммодору, и пусть Брэд Шерман повесит копию сообщения на гидролокатор. Здесь, на мостике, тоже надо повесить экземпляр на указатель выбора оружия, чтобы все вахтенные офицеры знали его наизусть. Скажите Брэду, чтобы он обмотал гранаты рулонами туалетной бумаги, так они взорвутся на большей глубине. — Келли уже использовал этот прием в ходе совместных маневров с американскими подводными лодками, которые обычно оказывались на большей глубине, чем та, на которой взрывались гранаты практических глубинных зарядов. Обычно они взрывались на глубине около 50 футов (около 15 метров — *Прим. перев.*). Хотя гранаты и считались неопасными, подводники их ненавидели, потому что близкий взрыв, даже и не сильный, мог повредить кое-какое чувствительное оборудование на лодке. Замотав гранату целым рулоном туалетной бумаги, вы задерживали срабатывание взрывателя до размокания бумаги, позволяя гранате падать на большую глубину, где она и взрывалась — на 100 или даже 150 футах от поверхности (30 и 45 метров соответственно — *Прим. перев.*), если была обмотана достаточным количеством бумаги. Фленеген окрестил эти «фирменные» заряды «Блэнди» «глубинными бомбами из сральной бумаги».

По сей день у меня в глазах стоит пожелтевший от солнца лист бумаги, прикрепленный к указателю выбора оружия липкой лентой и болтающийся на ветру. Неся вахты, я многими долгими часами вглядывался в уведомление и задавался вопросом — воспользуемся ли мы им когда-нибудь после того незабываемого дня, когда мы его получили.

24 октября 1962 г.

Планшет НШ ВМС США, КП ВМС, Пентагон

В десять часов утра 24 октября началась американская военно-морская блокада Кубы. Напряженный день еле-еле тянулся, а министр обороны Роберт Макнамара все больше и больше склонялся к тому, что флот не информирует его обо всем

происходящем. Похоже, НШ ВМС адмирал Джордж В. Андерсон давал понять министру обороны, что флот сам позаботится о деталях блокады и гражданским руководителям не о чем волноваться. Макнамара, недовольный такой позицией флота, направился на планшет НШ ВМС в командном пункте ВМС в Пентагоне, где в большом помещении молча работали около тридцати служащих ВМС, мужчин и женщин, нанося на большую настенную карту местоположение американских и советских кораблей и судов. В тот момент, когда Макнамара начал донимать вопросами дежурного офицера, в комнату примчался адмирал Андерсон.

Макнамара указал на американский корабль, обозначенный на карте вдали от линии карантина.

— Что он там делает? — спросил он. Как признавался позднее адмирал Андерсон, он не стал отвечать на вопрос министра, поскольку данный корабль следил за одной из предполагаемых советских подводных лодок в этом районе, а в комнате было чересчур много народа, могущего услышать эту очень важную информацию[7].

Макнамара стал быстро обстреливать вопросами адмирала Андерсона. Какой у ВМС имеется план для начального перехвата советского судна? Андерсон ответил, что нет надобности обсуждать этот момент, поскольку за практические действия отвечают ВМС. Министр обороны начал объяснять Андерсону назначение карантина, которое, по его словам, заключалось в том, чтобы довести до Хрущева щекотливое дипломатическое послание, а не стрелять в кого попало. Какие планы у ВМС на тот случай, если советское судно откажется подчиниться приказу остановиться? Есть ли на всех кораблях, осуществляющих блокаду, люди, способные говорить по-русски? Какие приказы Андерсон отдал кораблям, осуществляющим блокаду?

Разговор перешел на советское судно, пересекающее линию блокады в первый день, этим судном был танкер «Бухарест». Как флот собирается его окликать?[8]

— На каком языке — английском или русском? — спросил Макнамара.

— Откуда я знаю, черт меня побери? Думаю, что мы воспользуемся флажным семафором, — ответил Андерсон.

— Ну, а если они не остановятся? — спросил Макнамара.

— Мы произведем выстрел поверх носовой части судна.

— А если и это не сработает? — спросил Макнамара.

— Тогда мы будем стрелять по его рулю, — ответил раздраженный Андерсон.

— Какого типа это судно?

— Танкер, господин министр, — ответил адмирал.

— Вы не сделаете ни единого выстрела по танкеру без моего четкого разрешения. Это вам ясно? — спросил Макнамара.

Адмирал Андерсон еще никогда не подвергался перекрестному допросу в такой форме со стороны министра обороны, который был гражданским лицом, и он рассердился. Адмирал схватил толстенную книгу «Уставы ВМС США» и, потрясая ей перед министром, стал говорить, что ВМС практиковали блокады со времен Джона Пола Джонса и что все подробности изложены в этой книге.

Макнамара ответил раздраженно:

— Плевать я хотел на то, что сделал бы Джон Пол Джонс в подобной ситуации. Я хочу знать, что *вы* намереваетесь сейчас делать?[9]

Адмирал Андерсон нашелся:

— Сейчас, господин министр, если вы и ваш заместитель вернетесь в свои кабинеты, то флот займется блокадой.

Напряженность ситуации уже стала взимать свою дань с руководителей в Вашингтоне и Москве, а также с тех, кто был в море.

24 октября 1962 г.

ГШ ВМФ
Москва, улица Грибоедова

Адмирал Леонид Рыбалко сидел неподвижно на переднем сиденье «Волги», которую вел одетый в морскую форму водитель из Главного штаба ВМФ СССР. В лучах утреннего солнца они кружили по Садовому кольцу Москвы, направляясь в Главный штаб ВМФ, который располагался в желтом здании на улице Грибоедова. Рыбалко только что прибыл утренним поездом из Мурманска. Хоть он и был единственным пассажиром купе, поспал он немного. Кажется, всякий раз, когда он совершал тридцатишестичасовую поездку на поезде из Мурманска в Москву, в спальном вагоне находилось одно квадратное колесо, которое делало сон невозможным. Проводница, как обычно, принесла ему стакан горячего чая в металлическом подстаканнике, который он выпил, разглядывая покрытые лесом северные пригороды Москвы. Был конец октября, и грязный мокрый снег лежал в серых лужах на пути поезда, который подтягивался к Ярославскому вокзалу. Рыбалко был встревожен. Его четыре подводные лодки шли прямо в центр кипящего котла,

в который теперь превратилось Карибское море с его повышенной активностью военно-морских сил. Заход лодок в Мариэль был отложен, однако он не мог выяснить, какую разведывательную информацию Главный штаб передал на лодки во время циркулярных передач по флоту. Капитан 1 ранга Агафонов и его четверо командиров подводных лодок действовали в полной темноте. Сам Рыбалко, являвшийся командующим эскадры, последние четыре дня фактически дневал и ночевал на командном пункте штаба Северного флота в Североморске, тенью следуя за вице-адмиралом Россохо, заместителем командующего СФ, однако Россохо или не хотел, или не мог сообщить ему ничего нового относительно того, какие данные по обстановке передали находящимся на переходе участникам операции «Кама».

— Товарищ Рыбалко, говорю вам то, что знаю точно — ваши ракетные лодки «Проекта 629» задержаны на неопределенное время и остаются в готовности к выходу в море по команде.

Семь подводных лодок «Проекта 629» с БР, составлявшие второй эшелон подводных лодок его 20-й особой эскадры, сформированной специально для операции «Кама», должны были выйти в море 23 октября и совершить скрытный переход в Мариэль, однако их задержали, как только президент США объявил о блокаде Кубы. Стоявшая у причалов в Североморске группа надводных кораблей также была готова выйти в море в любой момент и ожидала только приказа на выход. Растущая напряженность в Карибском море вынуждала отложить выход.

Рыбалко не получал никакой информации из Москвы, поэтому Россохо смилостивился — скорее всего, чтобы убрать его подальше от себя и от штаба СФ — и послал в Москву за получением информации напрямую от адмирала Фокина, руководившего операцией «Кама» в ГШ ВМФ. Командующий СФ не дал свой «Ту-104», и Рыбалко пришлось долго ехать поездом, а после каждой такой поездки он чувствовал себя раздраженным, усталым и неуверенным в себе. Его главной заботой были корабли и лодки, которыми он командовал: именно тревога за бригаду Агафонова, которая направлялась теперь в неизвестность, заставила его принять решение направиться в Москву и искать ответы на вопросы.

Забрызганная грязью «Волга» притормозила перед входом в штаб, у дверей которого стояли двое вооруженных часовых, морских пехотинцев. Рыбалко выпрыгнул из машины.

— Поставьте машину вон там и не отходите от нее слишком далеко, возможно, мы вскоре опять поедем на вокзал.

— Есть, товарищ адмирал. — Молодой водитель включил передачу и отогнал черную «Волгу» под дерево — ждать.

Рыбалко откозырял часовым и, преодолевая две ступеньки за один шаг, направился на командный пункт, находившийся на цокольном этаже. Он не был новичком в этом здании, поскольку ранее он прослужил здесь некоторое время в Управлении подводных лодок. Покружив узкими коридорами и миновав знамена и бюст адмирала Макарова, героя Русско-японской войны, Рыбалко неожиданно остановился перед столиком, за которым сидел лейтенант с пистолетом на кожаном ремне, опоясывающем его черную гимнастерку с красными кантами офицера морской пехоты. Форма попахивала влажной шерстью.

— Здравия желаю, товарищ адмирал. — Офицер быстро встал.

— Доброе утро, лейтенант. Моя фамилия Рыбалко Леонид Филиппович, 20-я особая эскадра подводных лодок, Полярный, — и он показал небольшой пропуск.

— Понял вас, товарищ адмирал, — и лейтенант принялся открывать толстые стальные двери. В этот момент к столику подошли еще двое офицеров, у одного из них на погонах виднелись звезды полного адмирала, а второй был капитаном первого ранга со значком командира подводной лодки.

— Приветствую вас, Леонид Филиппович. Каким ветром занесло вас сюда? Мы думали, вы будете находиться на своей плавбазе в готовности к выходу в море, — невесело произнес адмирал Фокин, первый заместитель начальника ГШ ВМФ и руководитель операции «Кама».

— Хочу выяснить, что происходит, товарищ адмирал. — Рыбалко попробовал улыбнуться, хотя оснований для улыбок не было. Третьим в этой группе был капитан 1 ранга Владимир Попов, месяц назад летавший с Рыбалко в Североморск после его встречи с министром обороны. На последней лодке, которой командовал Рыбалко, Попов служил у него старпомом. Они пожали друг другу руки с теплотой. — Рад видеть тебя, Володя, — и Рыбалко впервые за этот день улыбнулся. Попов показал себя превосходным офицером и был назначен командиром ПЛ; теперь он принимал командование новой атомной подводной лодкой, которая строилась в Северодвинске. — Как у тебя дела с приемом лодки? — спросил Рыбалко.

— Никак не могу удрать из штаба, здесь сейчас такое творится, но у меня хороший старпом, который на месте занимается всеми делами. Через два месяца мы должны принять лодку, это «Кит», одна из новых ударных лодок «Проекта 627». Из штаба быстро никак не выберешься, но надеюсь, что к этому времени я буду на севере.

Рыбалко опять улыбнулся, вспомнив неуемный энтузиазм молодых офицеров на своей последней лодке. Новый флот подводных атомоходов забирал самых лучших и блестящих, но и в целом подводники состояли из полных энтузиазма и оптимизма молодых офицеров.

Трое офицеров вошли на командный пункт — большую круглую комнату, наполненную табачным дымом. В центре комнаты стоял стол, имевший форму полумесяца; по внешнему периметру стола были расставлены пятнадцать стульев, за каждым из которых стоял стеллаж. Перед каждым стулом на столе, загроможденном проводами и пепельницами, стояло множество телефонов разного цвета. Стулья были заняты офицерами в разных званиях, каждый из офицеров представлял одно из управлений Главного штаба; самый большой стул, предназначенный для начальника Главного штаба, занимал свое место в центре полумесяца. На столе в беспорядке стояли тарелки с остатками печенья, пустые чайные стаканы и вазочки для фруктов. Большая карта-склейка Атлантического океана свисала со стены, двое молодых матросов корректировали на ней местоположение красных и черных значков. Масса черных значков была разбросана вокруг Карибского моря и к югу от Бермудских островов, а также вдоль Восточного побережья Соединенных Штатов. Красных отметин на планшете было немного. Глаза Рыбалко немедленно запечатлели вид стола и карту, на которой он различил четыре красных силуэта подводных лодок, видневшихся возле Багамских островов восточнее Флориды.

— Чаю, товарищ адмирал? — Молодой дневальный остановился перед ним, держа поднос с тремя стаканами чая и небольшой тарелкой с бутербродами с сыром и огурцом. Рыбалко взял стакан и уставился на карту.

— Товарищ адмирал, — и он взглянул на Фокина, — какая информация по текущей обстановке передана на лодки Агафонова? Они в курсе, что мы находимся в повышенной степени боевой готовности? Знают ли они, что в море вышли американские противолодочные поисково-ударные группы?

Фокин прервал его:

— Леонид Филиппович, Главнокомандующий адмирал Горшков лично запретил нам передавать все, что выходит за рамки обычной информации в плановых передачах для подводных лодок. Наше управление безопасности полагает, что увеличение объема передач может дать основания тем, кто анализирует наш радиообмен, считать, что мы действительно проводим какую-то важную военно-морскую операцию. —

Адмирал сделал паузу и взял с подноса стакан с чаем. — Последнее боевое распоряжение, переданное на лодки Агафонова, датировано пятнадцатым октября; согласно этому распоряжению, лодки прекращают переход в Мариэль и выходят на боевое патрулирование, не доходя до Багамских островов, как раз с внешней стороны объявленной американцами блокадной линии под названием «Линия „Грецкий орех“». Вы должны быть знакомы с этим распоряжением, поскольку его копия ушла к вам в Полярный.

Рыбалко кивал и внимательно слушал, становясь все более и более скептическим. Четыре лодки Агафонова находились сейчас в самой гуще американских кораблей, количество которых постоянно увеличивалось, и патрулировали в небольших районах, назначенных им вместо задач, указанных ранее в боевых приказах. Командиры этих лодок не знали элементарных данных о тактической обстановке и о положении дел в общем.

Из отделенной перегородкой комнаты, в которой стучали телетайпы, в помещение командного пункта вошел штабной офицер. Над дверью, из-за которой он появился, висела предупреждающая табличка «Вход воспрещен — совершенно секретный объект». Офицер подошел к адмиралам.

— Товарищ адмирал, это вам.

Адмирал Фокин взял желтый лист телетайпной бумаги, прочел его и передал Рыбалко:

— Прочти, это уведомление мореплавателям. Американцы заявляют, что они собираются сбрасывать в воду сигнальные заряды, чтобы заставить наших подводников всплыть и идентифицировать себя, причем всплывать надо курсом на восток, подтверждая тем самым понимание сигнала.

Рыбалко прочел предупреждение.

— У Агафонова приказ — обеспечить скрытность, они ни за то не всплывут, пока не понадобится заряжать батареи. Нужно, чтобы они знали об этом предупреждении американцев. Вы будете включать это предупреждение в радиограмму для них?

Фокин посмотрел на висевшую на стене карту, потом перевел взгляд на Рыбалко. Рыбалко снова прочитал телеграмму и сказал:

— Мы должны послать эту информацию, чтобы они были в курсе происходящего. — Он вернул телеграмму с уведомлением Фокину, который отдал ее офицеру-связисту.

— Есть прямое указание адмирала Горшкова посылать телеграммы только обычного содержания. Это нельзя посылать, — ответил Фокин и подошел к планшету. — Леонид, Главком Горшков категорически против включения в плановые передачи дополнительного материала, потому что уверен в том,

что их аналитики, занимающиеся обработкой перехвата наших передач, вскроют всю операцию. — Адмирал посмотрел на часы. — Я знаю, Леонид, что ты беспокоишься, — продолжал адмирал Фокин. — Возьми кресло и чувствуй себя как дома. Побудь несколько дней в Москве, посмотри, что происходит. До твоего возвращения в Североморск твои корабли и лодки второго эшелона приказа на выход в море не получат. Дело в том, что вся операция, похоже, становится упругой и даже дающей ответную реакцию. Наша основная забота сейчас — продолжение перевозок вооружения и людей на Кубу судами «Морфлота». На данный момент американцы не предприняли никаких действий, разве что усилили воздушную разведку и вывели в море большое количество кораблей, поэтому нам остается наблюдать и ждать. В случае необходимости мы можем отправить тебя в Североморск в течение нескольких часов штабным самолетом из Внуково. Так что расслабься и съешь что-нибудь на завтрак, если хочешь, то можешь занять комнату в дежурном гостевом номере на втором этаже. — Фокин заторопился к выходу из командного пункта.

Вокруг него кипела работа, а Рыбалко стоял и спокойно наблюдал за обстановкой; Попов молча стоял рядом с ним. Неприятное ощущение того, что командование новой эскадрой, должность, которую он получил всего месяц назад, превращается в бойню, овладело Рыбалко. Он не мог допустить, чтобы его подчиненные на четырех лодках продолжали действовать в полном информационном вакууме за тысячи миль вдали, у вражеского порога. Слишком много было поставлено на карту; опасность грозила их жизням и поставленной им боевой задаче. Не вмешаться, оставить все как есть — нет, это противоречило всему, во что он верил все свои двадцать с лишним лет военной службы.

Внезапно Рыбалко сел за стол и стал что-то писать. Закончив писать, Рыбалко протянул записку Попову, стоявшему позади него.

Попов прочитал текст, написанный Рыбалко, и был потрясен.

— Товарищ адмирал, если вы это пошлете, то нарушите приказ Горшкова относительно содержания телеграмм, передаваемых на лодки.

— Знаю, Володя, знаю. — Рыбалко медленно поднялся из-за стола. — Но скажу тебе одну вещь, которую я усвоил на войне, — в бою ты должен быть абсолютно предан тем людям, которыми ты командуешь, предан так, как они преданы тебе, вслепую выполняя твои приказы. — Рыбалко прошел к связистам и вызвал дежурного офицера, того самого, который приносил адмиралам американское уведомление мореплавателям.

— Слушаю, товарищ адмирал. Что вы хотите? — Дежурный офицер-связист озадаченно смотрел на адмирала, не входившего в состав дежурной смены ГШ ВМФ по кризису.

Рыбалко передал ему сообщение, которое он набросал.

— Включите это в следующую циркулярную передачу для лодок. — Он взглянул на настенные часы. — Передайте это в полдень, а потом повторите в полночь для всех лодок в Атлантическом океане.

Лейтенант взял сообщение и взглянул на Рыбалко.

— Вы уверены, что это надо передавать, товарищ адмирал, нам вроде бы запрещено…

— Я приказываю вам его отправить, молодой человек. Выполняйте, а всю ответственность за этот поступок я беру на себя. Вот так, — Рыбалко забрал сообщение у связиста и на свободном месте поставил свою подпись, время и дату, а потом вернул его. — Отправьте вовремя.

— Есть, товарищ адмирал. — И лейтенант исчез за занавесью комнаты связистов.

Попов посмотрел на Рыбалко.

— Согласен с вами, что это надо передать, Агафонов и командиры лодок должны ознакомиться с уведомлением. Боюсь, товарищ адмирал, что потом все узнают, что именно вы отдали распоряжение на передачу уведомления, а это может плохо сказаться на вашем здоровье.

Рыбалко посмотрел на молодого капитана 1 ранга, который был моложе его, и улыбнулся.

— Я знаю, что делаю. Чего мне, старому моряку, бояться? Я абсолютно уверен, что поступил правильно. А разве ты бы не послал? — Рослый адмирал посмотрел на молодого подводника, который был ему очень симпатичен. — Если бы ты этого не сделал, то был бы недостоин командовать собственными подчиненными на этой твоей новомодной лодке.

И Рыбалко покинул командный пункт.

26 октября 1962 г.

Белый дом,
Вашингтон, ф.о. Колумбия

26 октября президент Д.Ф. Кеннеди получил послание от премьера Н.С. Хрущева, в котором советский лидер сообщил, что его правительство уберет свои наступательные ракеты и уничтожит их пусковые установки на Кубе, если США снимут

блокаду и дадут обязательство не вторгаться на Кубу. Это послание было передано по частям в американское посольство в Москве незадолго до десяти часов утра по вашингтонскому времени, из Москвы оно было отправлено телеграфом в Государственный департамент и начало поступать туда в шесть часов вечера. Было девять часов вечера, когда Государственный департамент получил ту часть письма, в которой Хрущев призвал американского президента «проявить государственную мудрость» и дать гарантию не вторгаться на Кубу в обмен на вывод советских ракет[10]. Какое-то время письмо Хрущева не предавалось огласке.

26 октября 1962 г.

Москва

Адмирал Рыбалко стоял на балконе своей служебной московской квартиры и смотрел на небо. Он видел золото куполов кремлевских соборов, поблескивающее в вечернем свете. Из квартиры на Кутузовском проспекте открывался прекрасный вид самого сердца лежащей перед ним столицы, и Кремль казался мирным, солидным и могучим, и величественно сверкала красная звезда на крыше государственного Кремлевского дворца. Вместе с адмиралом на балконе была его жена Лида.

— Леня, тебе на самом деле надо сегодня вечером возвращаться на север? — спросила Лида.

Он помолчал, а потом ответил:

— Да, и надо быть готовым ко всему, что бы ни произошло. Боюсь, что ситуация ухудшается, а я уже поставил себя в довольно уязвимое положение. Сейчас мне надо дожидаться моих командиров лодок; чувствую, что у них на самом деле неприятности в Карибском море.

Лида подумала, что она его поняла.

Исходный ориентир — в Атлантике

26 октября 1962 г.

Пятница, утро,
ЭМ ВМС США «Блэнди»
200 миль северо-восточнее пролива Кайкос

На четвертый день после выхода из Ньюпорта, проведя несколько изматывающих ночей на позиции страховки самолетов, «Блэнди» получил приказ покинуть авианосец «Эссекс» и другие корабли ПУГ и на полной скорости проследовать в указанный район для проверки контакта с подводной лодкой.

В то время мы, находившиеся на борту эсминцев поисково-ударной группы, считали, что с контактом повезло противолодочным самолетам дальнего действия, «Ориону» «P-3» или более старому «Нептуну» «P2V», поскольку обнаруженный контакт был слишком далеко для тактических самолетов «Эссекса». На самом деле контакт был отмечен американской системой «СОСУС», которая в те дни была совершенно секретной. На перехват лодки был направлен самолет «Нептун», он подтвердил контакт, но вскоре утратил его и вынужден был вернуться на базу из-за нехватки топлива.

Поздним утром 26 октября другой самолет «Орион» «P-3», пилотируемый лейтенантом Б.В. Бартлеттом (радиопозывной «Полоска-21»), взлетел с авиабазы ВМС Патоксент Ривер; его задача заключалась в восстановлении утерянного ранее контакта с подводной лодкой. Бартлетг взял на себя штурвал четырехмоторного турбовинтового самолета, построенного фирмой «Локхид», и заложил вираж на восток.

— «Роджер», я «Полоска-21». Буду у ангелов двадцать семь (высота двадцать семь тысяч футов) (около 8235 м. — *Прим. перев.*) через пять минут. Курс один пять ноль на «Аделфи» (радиопозывной командующего ПУГ на борту авианосца «Эссекс»). Время до исходного ориентира (последнее известное местоположение ПЛ) два, запятая, пять (два с половиной часа).

На исходный ориентир Бартлетта будут наводить авианаводчики с борта авианосца «Эссекс». Как только его «P-3» окажется в зоне досягаемости УКВ-радиостанции авианосца, операторы РЛС, находящиеся в центре боевой информации «Эссекса», выйдут в эфир с позывным «Аделфи», принадлежащим командующему ПУГ, возьмут на себя управление «Орионом» и

запустят его на сложный маршрут поиска подводной лодки. По определенной схеме Бартлетт сбросит серию гидролокационных буев и будет затем следить за их сигналами, пытаясь засечь лодку. Применяя пассивные гидроакустические буи «Джезебел», сброшенные в определенном порядке, самолет «Орион» «Р-3» мог с большой точностью находить лодку и следить за ней, к тому же он обладал невероятной способностью оставаться в районе поиска более двенадцати часов, выполняя полет с двумя зафлюгированными двигателями из четырех.

Пилотируемый лейтенантом Бартлеттом «Орион» вышел в назначенный район вскоре после полудня пятницы, 26 октября. Самолет снизился до двенадцати тысяч футов (около 3660 м. — *Прим. перев.*) и сбросил скорость до крейсерской. Бартлетт поглядывал на расстилавшийся внизу океан; день был прекрасным, видимость хорошая. Поверхность океана была ярко-голубого цвета, и лишь кое-где проглядывали небольшие волны. За первые сорок пять минут полета в указанном районе у экипажа самолета контактов не было — ни визуальных, ни радиолокационных или гидролокационных. Бартлетт связался с «Аделфи» и попросил, чтобы ему подтвердили последние координаты исходного ориентира. Получив свежие координаты, Бартлетт по самолетному переговорному устройству (СПУ) вызвал своего тактического координатора (ТК) младшего лейтенанта Джорджа Аберкромби.

— Джордж, давай сбросим на точку исходный буй, а потом выложим фигуру.

— Понял, сэр.

ТК дал команду оператору, который начал выставлять номиналы частот буев на записывающем устройстве «AN/ASA-2Q», которое будет принимать сигналы от буев; после этого Аберкромби и оператор погрузили пассивные гидроакустические буи «SSQ-23» в сбрасываемые парашютные устройства.

Бартлетт вывел самолет на курс, указанный ему ТК, снизился до тысячи футов (около 305 м. — *Прим. перев.*) и вышел на точку. Над самой точкой техник по вооружению нажал кнопку, сбрасывая первый буй, после этого летчик отвернул на другой курс, которым следовал до точки сброса следующего буя. Операцию повторили еще и еще, буйки один за другим с брызгами шлепались в воду и выпускали передающие антенны; в конце концов на поверхности океана была выложена фигура из шестнадцати буев. ТК указал Бартлетту новый курс, а сам тем временем стал прослушивать на записывающем устройстве сигналы от буев. В последующие два часа они еще четыре раза повторяли всю операцию с начала и до конца, все увеличивая и

увеличивая размеры кольца, начало которого было обозначено в исходной точке.

Прошло два с половиной часа наблюдения, и вдруг в СПУ ворвался голос Аберкромби:

— Сэр, мы принимаем сигнал из последней фигуры, предположительно, лодка, пеленг ноль четыре ноль! — Это сообщение отогнало скуку, и возбуждение стало нарастать.

Бартлетт доложил о контакте командующему ПУГ (позывной «Аделфи»), который находился на борту «Эссекса», а тот немедленно выслал в помощь «Р-3» вертолет для удержания контакта. Одновременно «Аделфи» вызвал на связь начальника противолодочной завесы из состава 24-й эскадры эсминцев (позывной «Абигейл Зулу»), который был на борту «Блэнди», и на центр боевой информации «Блэнди» обрушился поток коротких команд. Еще через пять минут командующий противолодочными силами Атлантического флота присвоил контакту обозначение «С-18» — предположительно, советская ПЛ класса «Фокстрот».

«Блэнди» приказали немедленно следовать в определенную точку, которая, по расчетам, должна была оказаться на курсе подводной лодки, и, работая там совместно с самолетами с «Эссекса» и «Р-3», определить координаты подводного контакта, его тип и глубину погружения.

Коммандер Келли рвался в бой.

— На этот раз мы будем вести этого ублюдка до тех пор, пока он не выскочит из воды.

В то же утро американские разведывательные самолеты вели наблюдение за двумя советскими торговыми судами, сухогрузами «Юрий Гагарин» и «Комилес». Эти суда приближались к внешней границе линии карантина и уже находились приблизительно в двадцати милях от предполагаемой лодки, за которой следил лейтенант Бартлетт на своем «Р-3» «Полоска-21» — одно судно к востоку от лодки, а другое — к западу от него. Едва «Блэнди» вышел в точку, находившуюся в десяти милях от отмеченного местоположения лодки, и стал готовиться к противолодочным действиям, как ему неожиданно приказали прекратить поиск, оставив контакт на попечении «Р-3» и вертолета с «Эссекса»; «Блэнди» же было дано новое задание — следить за двумя торговыми судами.

Келли горел нетерпением и рвался в бой, намереваясь отыскать лодку нашим гидролокатором «SQS-23».

— Этот летающий курятник никогда не заставит того парня встать на цыпочки. Надо, чтобы мы вцепились в него, как бульдог, — жаловался Келли коммодору.

— Эд, успокойтесь, ваше время еще придет, — Моррисон уже

привык умиротворять беспокойного Келли.

Когда я прибыл на мостик, чтобы сменить Дэна Давидсона, несшего вахту в качестве помощника вахтенного офицера, коммандер Келли и старпом Лестер находились в штурманской рубке. Корабль шел на скорости двадцать пять узлов, мы торопились. Атмосфера на мостике была накалена, а командир был возбужден сильнее обычного. Я сменил Дэна и стал нести вахту с Брэдом Шерманом, который был вахтенным офицером; потом на мостике появился скрюченный Келли.

— Брэд, выходим на новый курс три четыре три, скорость прежняя — двадцать пять узлов. Нас отправляют проверить два русских торговых корабля, направляющихся к линии карантина. По мне, так лучше искать подводную лодку, контакт с которой все еще пытаются установить вертолеты с «Эссекса». Без нас они наверняка упустят этого сукиного сына!

— Есть, сэр, — Шерман произвел корректировку курса. Сейчас мы шли на северо-запад, удаляясь от «Эссекса», который был от нас уже в десяти милях на юг, все еще вблизи контакта «С 18».

— Мы готовимся к встрече с советским торговым судном «Юрий Гагарин»; вы поймаете его примерно через полчаса. Я буду у себя в походной каюте.

Теперь командир был абсолютно серьезным; веселость на корабле уступила место чувству серьезности и ожидания. Я всегда задавался вопросом, придется ли мне когда в моей жизни побывать в бою, и вот теперь мы должны были столкнуться с двумя советскими торговыми судами, которые приближались к линии карантина. Слова боевого приказа, на расшифровку которого я потратил минувшую ночь, засели в моей голове. Они звучали так: «В том случае, когда советское торговое судно отказывается выполнить требования по изменению курса и скорости, вы производите выстрел поверх его носовой части, если судно продолжает не выполнять ваши требования, вы производите выстрел из орудия главного калибра по рулю с целью его уничтожения».

Накануне вечером Фленеген настроился на коротковолновую передачу «Голоса Америки», и мы прослушали сводку вечерних новостей. Диктор сообщил о прошедшей два дня назад, 24 октября, личной встрече премьера Хрущева и Уильяма Э. Нокса, американского промышленника и президента компании «Вестингауз Интернешнл». Советский премьер использовал Нокса как посредника для информирования президента США о серьезности его намерений. Хрущев заявил Ноксу, что если американцы остановят и подвергнут досмотру хоть одно

советское судно, он сочтет это актом пиратства. Хрущев предупредил, что если США будут действовать таким образом, то он даст приказ своим подводным лодкам топить американские суда[11].

Фрэнк повторил новость за ужином в кают-компании:

— Мне всегда хотелось быть пиратом — представляете, что скажут наши внуки!

— Заткнитесь, Фленеген, не надо сейчас об этом, — побледневший старпом посмотрел на коммандера Келли. Командир, не улыбнувшись, продолжал есть; он выглядел мрачным и усталым, и вдруг Келли хлопнул по столу кулаком.

— Если так, то мы ставим на направляющие боевые «Хеджехоги». Брэд, займитесь этим сразу же после ужина.

Концовка ужина прошла почти при полном молчании.

26 октября 1962 г.

Пятница, после полудня,
ЭМ ВМС США «Блэнди»
Вблизи пролива Кайкос

В пятницу днем мы продолжали на полной скорости идти к советским торговым судам «Юрий Гагарин» и «Комилес», которые через полчаса мы должны были увидеть входящими в запретную зону карантина.

На мостике появился старпом.

— Брэд, пусть вахтенный боцман подаст эту команду. — Брэд Шерман прочел листок, который ему передал Лестер, и отдал его вахтенному боцману, петти-офицеру Петиту. Петит взял микрофон громкоговорящей связи «1МС», сыграл на трубе короткое «Внимание!» и объявил:

— Досмотровой группе приготовиться к перекличке на нижней палубе!

Так началась тренировка по подготовке к высадке на советское судно и его досмотру. Поскольку я был начальником одной из двух досмотровых групп, то оставил вахту на мостике и направился вниз получать оружие и боеприпасы. Я так разволновался, что столкнулся в рулевой рубке со старшим офицером штаба Кэмпбеллом.

— Извините, сэр, — пробормотал я, выбегая с мостика и спускаясь вниз по сигнальному трапу на нижнюю палубу, а потом и еще ниже — в корабельный оружейный склад. У склада толпилась группа матросов, в основном это были младшие

боцманы из вахтенной команды, и несколько членов орудийных расчетов, а также старшина — рулевой Эмери, со своими татуировками, которые выглядывали из-под его рубахи. Он усмехнулся мне.

— Похоже, нам настала пора действовать, сэр. — Буйный Эмери любил развлечения подобного рода, и я уже видел, как он сидит на стуле в баре Ньпорта и повествует обалдевшим посетителям о сегодняшнем дне, а его татуировка — здоровенный глаз на загривке коротко стриженной головы — таращится на слушателей.

Заведующий оружейным складом Колдуэлл выдал мне штатный пистолет «кольт» калибра 0.45 (11,43 мм. — *Прим. перев.*), две обоймы патронов и матерчатый ремень. Я ринулся в свою каюту, схватил там свой шлем и снова бросился в коридор, где врезался в «непробиваемого» Джексона, «пропавшего» офицера, который только что вернулся на эсминец во время нашей последней заправки от авианосца сутки назад. Он пропустил наше убытие из Ньюпорта, потому что отмечал медовый месяц. Джексон только что вышел из гальюна и теперь стоял передо мной в нижнем белье и с книгой; он был без очков, и ему понадобилось время, чтобы узнать меня.

— Что за чертовщина происходит? — встревоженно произнес он. Как офицер-тыловик, «непробиваемый» не нес вахтенной службы, но у него всегда было полно хлопот со столовыми для экипажа на палубах и офицерской кают-компанией. На борту корабля нашлось бы мало того, что было бы так важно для экипажа, как пища, которую он ел, а стоял за всем этим именно Джексон. Он мог допоздна работать или читать и спать потом большую часть дня, поэтому не было ничего необычного в том, что поздним утром он только еще выныривал из своей кровати, находившейся за спальными местами офицеров. Я улыбался ему, чувствуя себя неловко при пистолете и шлеме.

— Гляди, Дак, чтобы они тебя там не одурачили, и, когда будешь у них, посмотри, можно ли прихватить с собой пару бутылок водки — что-то мне сегодня вечером коктейля захотелось.

— О'кей, «непробиваемый», я постараюсь.

На самом деле особого веселья я не испытывал и чувствовал себя подавленно, и не столько из-за того, что русские могли меня ранить или даже убить, а потому что не имел ни малейшего представления о том, что мне нужно будет делать. Как выглядит контрабанда? Что я должен говорить? Как мне надо расставить людей из досмотровой группы? Мне казалось, что я затеряюсь на борту чужого судна.

Я вернулся на нижнюю палубу, где собрались остальные члены обеих досмотровых групп. Лес Вестерман командовал второй досмотровой группой и уже находился на нижней палубе, с болтающимся у колена пистолетом и в каске, свисающей ему на нос. До прихода старпома Джим Бассет руководил обеими группами. Я улыбнулся, увидев бледного Вестермана, который пожимал плечами, как будто он тоже не имел никакого представления о происходящем.

Едва старпом успел соскользнуть вниз по поручням трапа сигнального мостика, как воздух разорвала громкая автоматная очередь, выпущенная из центра группы собравшихся членов досмотровых групп. Все уставились на мощную фигуру матроса Клоостермана, который только что вставил магазин с патронами калибра 0,45 в свой автомат Томпсона и умудрился сделать с полдюжины выстрелов в воздух. Из-под шлема выглядывали его широко открытые голубые глаза. Клоостерман залился краской и открыл рот.

— Ну вот, сэр, забыл поставить на предохранитель.

— Черт подери, Вестерман, — разозлился старпом, — возьмите своих людей под контроль. Эту банду головорезов нельзя выпускать ни на один корабль, не говоря уж о русском торговом судне, на виду у всего мира!

Потом старпом повернулся в мою сторону.

— Хухтхаузен, идите вниз и побрейтесь. В таком виде вам нельзя подниматься на борт советского торгового судна.

— Только что прибыл с вахты с четырех до восьми на мостике, сэр, не…

— Вниз и привести себя в порядок!

Внешний вид не должен играть никакого значения в моменты, подобные этому. Мне было не совсем понятно: если мне суждено быть убитым при переходе на вражеское судно, то почему я обязательно должен хорошо выглядеть? Но чистота была всем для Лу Лестера, и я полагаю, что, коль мне будет суждено умереть на грязном русском торговом судне, то, падая смертельно раненным, в опрятном виде я буду лучше смотреться. В общем, с пистолетом, бьющим по ляжке, я пошел вниз и побрился, и все же в тот момент меня больше беспокоил завтрак, оставленный в кают-компании для опоздавших вахтенных и который я пропускал. Я направился к своей досмотровой группе, чтобы подготовиться к высадке. Подходя к своим подчиненным, все еще стоявшим спокойной кучкой, я немного важничал, скромно демонстрируя им, что я не так испуган, как было на самом деле.

Мы приближались к «Юрию Гагарину», а у меня душа была в

пятках. Вспоминаю, что я смотрел и видел с расстояния примерно три мили большое торговое судно водоизмещением восемь тысяч тонн, идущее курсом на юг и быстро приближающееся к нам. В южном направлении от «Блэнди» мы могли разглядеть только вертолет с «Эссекса» и самолет «Трэкер» «S2F», которые совместно работали в районе контакта с подводной лодкой. Все это начинало походить на специальное представление. Два советских торговых судна намеревались вот-вот войти в зону карантина, а подводная лодка собиралась занять положение между «Юрием Гагариным» и вторым торговым судном под названием «Коми л ее».

Ожили динамики системы «1MC»:

— Сбор досмотровых групп! Первой и второй группам находиться на корме. Это не тренировка!

«Вот оно, начинается!» — подумал я.

«Нас собираются катапультировать на мировую арену, и теперь только бы не допустить чего-нибудь ужасно глупого, например, не свалиться со шторм-трапа, по которому нам, возможно, придется подниматься. Будут ли русские сопротивляться? Что делать, если они будут стрелять в нас с палубы, когда мы будем карабкаться по трапу?» — Эти и другие мысли теснились у меня в голове, и, как я думаю, в голове Леса Вестермана, завернутого в капковый спасательный жилет; пистолет и каска делали его похожим на персонаж фильма о Второй мировой войне.

* * *

Но… на море события редко происходят так, как ты планируешь. Мы сблизились с торговым судном и уже предвкушали приключение, однако неожиданно нам дали новый приказ — немедленно развернуться и на полной скорости следовать на юг для перехвата советского танкера «Бухарест». Неизвестно как, но танкер уже пересек внешнюю границу «линии „Грецкий орех“» и внутреннюю границу «линии „Каштан“» и находился теперь менее чем в ста милях от Кубы. Ранее, в проливе Дарданеллы, на выходе из Черного моря, танкер декларировал, что следует в Гавану. «Блэнди» было приказано идти на перехват этого судна, флажным семафором передать на него приказ остановиться и приготовиться к высадке и досмотру.

Эти приказы внесли новый элемент в задачу высадки и поиска. Как мы можем определить, что танкер перевозит контрабанду? Какой вид жидкого груза представляет собой

военную контрабанду? Как нам обследовать грузовые трюмы танкера?

Позднее мы узнали, что после пересечения внешней границы «линии „Грецкий орех“», находившейся от Кубы в 500 милях, «Бухарест» уже перехватывался другим американским эсминцем, которого навел на русское судно самолет-разведчик «Нептун» «P2V». На запрос эсминца о характере груза танкер ответил тогда, что везет в Гавану мазут для котельных; мы все сочли ответ шуткой, поскольку текущая температура на Кубе была выше 90 градусов по Фаренгейту (более 30 градусов по Цельсию. — *Прим. перев.*).

После этого последовала длительная задержка, что не являлось чем-то необычным. Командование Атлантического флота по какой-то причине отозвало эсминец, и «Бухарест» продолжил движение на Кубу на скорости семнадцать узлов. Потом Вашингтон передумал, и находящийся в относительной близости к танкеру «Аделфи» (командующий ударной группы «Эссекса») получил приказ выделить эсминец для перехвата «Бухареста» и сопровождения его до самой Гаваны. «Блэнди», готовящийся остановить «Юрия Гагарина» и выслать на него досмотровую группу, оказался ближайшим к «Бухаресту» эсминцем. Коммандер, старпом и коммодор Моррисон опять собрались в штурманской рубке позади мостика и стали готовить курс перехвата; чуть позже с новыми курсом и скоростью для перехвата «Бухареста» на мостик примчался Келли. Мы все тогда задавались вопросом: является ли американский карантин реальностью? Мы, конечно, не знали о тогдашнем жестком противостоянии в Вашингтоне между министром обороны и высшим командованием флота. Об этих стычках из-за целей и назначения карантина очень подробно было рассказано в последующие годы.

* * *

В те два напряженных дня, 26 и 27 октября, тем из нас, кто был в строю вблизи Багамских островов, было трудно понять путаницу приказов и изменение задач. И все же, в лучших традициях хороших моряков, мы с воодушевлением продолжали, согласно новым приказам, двигаться вперед и жить от одного дня до другого, или, применительно к нашей ситуации, от одного приема пищи до другого, от вахты до вахты и от кризиса до кризиса.

После полудня в пятницу, 26 октября, мы нашли советский

танкер «Бухарест» и несколько часов догоняли его, потом нагнали медленно шедший танкер и заняли место справа и позади его кормы. «Алелфи» приказал нам оставаться с танкером и ждать дальнейших указаний.

Вечером того же дня в волшебных сумерках заходящего осеннего солнца старпом Лу Лестер выстроил на нижней палубе для проверки обе досмотровые группы, и мы снова стояли там двумя пестрыми группами, одну из которых возглавлял Вестерман, а вторую — я. Во время проверки показался главный инженер Билл Бангерт в своем заляпанном маслом рабочем костюме; он привел с собой двух котельных машинистов.

— Старпом, вот парочка квалифицированных нефтяных королей. У них есть хорошее оборудование для взятия пробы горючего из любого топливного бака на этом большом танкере.

— Если нам придется подниматься к ним на борт, то кто там окажется таким добреньким, чтобы показывать нам, где надо брать пробы горючего? — Лестер задал абсолютно логичный вопрос.

Бангерт, матерый инженер-ветеран, пробрался через строй матросов досмотровых групп и теперь оглядывался по сторонам. Не найдя подходящего решения вопроса, он ответил:

— Тогда, черт побери, сэр, если нас пошлют, то я тоже пойду. Без сомнения, мы найдем на борту какого-нибудь русского машиниста, который нас проведет и все покажет. Я хочу взять с собой Дубицкого, он говорит по-русски. А то как еще мне отыскать трубы, из которых они берут пробы горючего? — Инженер ремонтного дивизиона Дубицкий родился в Чехии и немного говорил по-русски; его звезда взойдет в последующие дни, когда «Блэнди» начнет останавливать суда для проверки и учета перевозимых на них ракет.

По сложности задача казалась почти невыполнимой. Две досмотровые группы американских матросов, которыми командовали двое энсинов, теперь увеличились на двух котельных машинистов и старшего инженера. Мы переминались в наступающей темноте, смущенные, но готовые сделать все, что нужно; до Гаваны оставалось около шестидесяти миль. Личный состав досмотровых групп сменялся каждые два часа, свободная смена отправлялась вниз подкрепиться пайком и кофе. Мы никогда не узнали, как бы все вышло, окажись досмотровая группа на борту танкера. После четырех часов ожидания нам неожиданно приказали прекратить выполнение этой задачи и вернуться в состав ПУГ «Эссекса», которая продолжала работать на севере с контактом «С 18» — предположительно, подводной лодкой. В тот вечер, прежде чем солнце успело скатиться за

горизонт, я сделал фотографию танкера «Бухарест» и был рад этому, потому что встреча с танкером, хоть и обошедшаяся без применения оружия, была зафиксирована во всех подробных отчетах о кубинском ракетном кризисе.

Идя вместе с танкером, мы миновали Нассау, а теперь, прервав выполнение предыдущей задачи и взяв курс на север, мы опять проходили мимо острова в некотором замешательстве, но и с чувством облегчения оттого, что досмотровую группу посылать на танкер не придется. Мы стали сомневаться, действительно ли мы препятствуем советской активности, и удивлялись реальной эффективности нашего карантина.

Для экипажей эсминцев, которые принимали реальное участие в блокаде, вскоре стало ясно, что вся наша деятельность на самом деле в большей мере направлена на то, чтобы дать сигнал советским руководителям, а не останавливать суда. Первым иностранным судном, шедшим на Кубу и подлежащим перехвату, был шведское судно, которое проигнорировало требование американского эсминца остановиться и сообщить о характере груза. Когда командир эсминца доложил о своей готовности к открытию огня, отдел Национального командования в Вашингтоне приказал ему оставить это торговое судно в покое.

26 октября моряки многих эсминцев стали свидетелями театрального искусства вашингтонской администрации — в этот день, как демонстрация намерений, было остановлено и обыскано первое и единственное торговое судно. В качестве пробного камня Белый дом выбрал судно американской постройки типа «Либерти» под названием «Марукла»; оно принадлежало Панаме, было зарегистрировано в Ливане и шло на Кубу с советским грузом из советского же порта Рига на Балтийском море. Несколько базировавшихся в Ньюпорте эсминцев из соседней с «Блэнди» 10-й эскадры эсминцев перехватили «Маруклу» и получили приказ сопровождать судно до тех пор, пока эсминец ВМС США «Джозеф П. Кеннеди» (назван так в честь покойного брата президента), находившийся от них за 150 миль, не подойдет и не высадит досмотровую группу для проведения обыска. Досмотровой группе с эсминца «Кеннеди» было приказано оставить все оружие в корабельном вельботе, а потом подняться на судно и предложить членам экипажа карамельки. Когда командир «Блэнди» коммандер Келли прочел сообщение о действиях досмотровой группы «Кеннеди», он взорвался:

— Да любому уважающему себя русскому надо было взять эти карамельки и засунуть матросам «Кеннеди» в жопу, а не подвергаться такому унижению! — Этот факт, считал Келли, был позорным пятном на усилиях ВМС США по созданию действенной

блокады.

* * *

Рано утром на следующий день, когда мы все размышляли о том, что ждет нас теперь, нас напугал сигнал с мостика, переданный через динамики системы «1MC»:

— Внимание, занять места по боевому расписанию, повторяю, по боевому расписанию! Вводится готовность номер один, противолодочная. — На мгновение я застыл, меня пронзила мысль: должно быть, ПУГ, в конце концов, вцепилась в настоящую лодку!

Это означало передышку. Или у нас был контакт с подводной лодкой, или нас бросили на помощь самолетам с «Эссекса», которые то устанавливали, то теряли контакт, которому был присвоен номер «С 18» — предположительно, подводная лодка класса «Фокстрот». Досмотровая группа рассыпалась, и я направился наверх, чтобы занять место за своим постом оператора системы «1JS» на мостике. Не помню, что я испытывал тогда — облегчение или даже счастье оттого, что если мне придется умереть, то это случится на борту своего корабля, а не на богом забытом и ржавом советском торговом судне. В любом случае я был выбрит и на мне был чистый комплект формы в тропическом исполнении. Старпом мог порадоваться — каким бы манером мне ни пришлось умирать, теперь я хорошо смотрелся и был чистым.

Я бросился на мостик, где вахтенным офицером был Джим Бассет. На мостике все были возбуждены, однако в конце концов облачко сомнений в связи с подготовкой к выполнению чего-то такого, что мы никогда не делали — к примеру, такую увлекательную вещь, какой могла оказаться высадка на русское торговое судно, — ушло, и мы занялись тем, что были способны производить автоматически даже во сне. Со многих точек зрения, это была долгожданная передышка, потому что эсминец перебрасывали поближе к авианосцу, хотя до этого момента «Блэнди» и не смог установить контакта с лодкой. Теперь нас отправили на курс, на котором мы должны были определить местоположение контакта, который самолет «Р-3» установил и, как нам позднее сказали, потерял.

После многих часов рыскания по фигурам поиска в районе, указанном «Эссексом», мы были озлоблены и — не имея гидролокационного контакта — подавлены. Примерно в полночь мы наконец узнали, что один из «Трэккеров» с «Эссекса»

установил неустойчивый и неопознанный радиолокационный контакт менее чем в пяти в милях к северу от нас. Командующий АПУГ приказал нам следовать прямо в эту точку.

В задаче поиска подводной лодки есть много переменных величин, и важнейшая из них — глубина слоя температурного скачка. Один из гидролокационных буев, поставленных ранее самолетом «Р-3», сбросил температурный датчик на длинном фале, который по мере погружения передавал на самолет значения температур на разных глубинах.

Пока самолет искал слой температурного скачка, находившаяся впереди нас советская подводная лодка, слегка покачиваясь с борта на борт на небольшой волне, тоже высчитывала глубины и температуры, чтобы, выполнив зарядку батарей, произвести погружение и спрятаться за слоем температурного скачка от обшаривающих пространство американских датчиков. Единственное различие между планшетом американского самолета и планшетом советской подводной лодки заключалось в том, что на последнем величины были даны в метрах и градусах Цельсия.

Вахтенный офицер на мостике «Блэнди» лейтенант Джим Бассет принял, наконец, решение нанести на планшет слой температурного скачка; и это случилось именно тогда, когда с лодки с той же целью уже спустили за борт датчик температуры, а термометр буя, сброшенного с «Р-3» лейтенанта Бартлетта, только что коснулся воды.

— Двигатели вперед на треть, обороты на восемь узлов. — Бассет нажал кнопку передачи системы «21 МС». — Гидролокатор, на мостике Бассет. Ждите сброса БТ, нам нужны данные.

— Гидролокатор, понял, — последовал ответ Вестермана.

Бассет был предусмотрительней многих других вахтенных офицеров:

— Дежурный боцман, передайте по трансляции «1МС» — сброс мусора за борт запрещен до особого указания.

Через несколько секунд после того, как боцман Петит передал эту команду, на мостик последовал разгневанный звонок — дзинь-дзинь-дзинь!

Бассет взял трубку:

— Вахтенный офицер слушает, сэр.

— Какого черта ты передал это распоряжение? — звонил Билл Бангерт из машинного отделения.

— Потому что мы *не* мусор сбрасываем, Билл, а охотимся за русской лодкой, только поэтому.

— С каких это пор мои люди не могут содержать в чистоте трюмы и сливать трюмную воду только из-за того, что мы

проводим противолодочную операцию?

— С тех пор, как я являюсь вахтенным офицером! Если тебе это не нравится, Бангерт, звони старпому. И кстати, если я поймаю наверху хоть одного из твоих вонючих машинистов с масляным ведром, то у тебя станет одним инженером меньше. Просек? — длинную цепочку ругательств сменила тишина.

Бассет швырнул трубку в гнездо и заметил, что боцман Петит слышал разговор.

— Ё…е машинисты, сэр, самые грязные люди в мире, — Петит пробормотал это достаточно громко, чтобы слышали Бассет и вся вахта на мостике.

— Следите за своей речью на мостике, — улыбнулся Бассет. — Помните, что сказал Келли — никакой вульгарности на мостике, это приказ коммодора.

Петит негромко проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Ой-ой-ой, у штаба уши вянут…

Тем временем Лес Вестерман и двое операторов РЛС с помощью небольшой ручной лебедки, установленной на опоре в корме судна, опускали в воду батитермограф, сокращенно БТ. Вестерман крутил рукоятку лебедки, и БТ, похожий на большую металлическую стрелу с оперением и тяжелым тупым носом, сносило к корме корабля, который снизил скорость до восьми узлов. Рукоятка вращалась и разматывала кабель, на котором тяжелый прибор опускался в темные воды.

— А помните случай, когда вахтенный офицер забыл, что БТ у нас за бортом, а нам приказали занять позицию по страховке самолетов?

— Всю жизнь буду помнить, — оператор РЛС засмеялся. — Он приказал дать обороты на двадцать пять узлов, и БТ вертелся сзади как блесна до тех пор, пока не лопнул кабель.

— Да, а коммандер Келли сказал, что вахтенному офицеру придется за него платить из собственного кармана. Но он не заплатил.

— Настоящий прикол был тогда, когда Хухтхаузен во время тренировки по вводной «человек за бортом» забыл, что БТ у нас за бортом, и приказал дать задний ход. Мы подали назад, и прямо на кабель. Пришлось посылать водолаза, чтобы он очистил винты от кабеля.

— Что командир ему сделал?

— Заставил натянуть легководолазный костюм и самому нырять.

— Хорошо, что он хоть плавать умел.

В этот момент появился старпом.

— Джентльмены наслаждаются вечером?

Лес и операторы действительно радовались холодному ветерку и проморгали приход старпома.

— Так точно, сэр. Я хотел сказать, никак нет, сэр.

— Вы что, не знаете, что мы выходим на исходный ориентир контакта с лодкой? Коммандер там носится, как сумасшедший, а вы тут на солнышке предаетесь воспоминаниям. Келли сказал, что если через три минуты БТ не вытащат из воды, то он сам придет сюда и наведет порядок. Живо снимайте показания с этого чертова БТ! — Старпом крутанулся на месте и исчез так же быстро, как и возник. Вестерман и оператор РЛС поспешно завертели рукоятку лебедки, через шестьдесят секунд вытащили БТ и поспешили к гидролокатору. Проходя по левому борту, они заметили, что по трапу, расположенному за пожарным постом, спускается трюмный машинист котлов с пустым ведром, с которого все еще стекало грязное масло.

— Черт, хорошо, что его старпом не видел, а то потащил бы Бангерта к капитану.

Некоторые вещи на корабле никогда не меняются.

27 октября 1962 г.

Воскресенье, утро,
Вашингтон, ф.о. Колумбия,
и Баньес, Куба

Утром в субботу, 27 октября, директор ФБР Д. Эдгар Гувер доложил президенту Кеннеди, что советские дипломаты в Нью-Йорке готовятся к уничтожению секретных документов.

В 10.25 утра того же дня Белый дом получил доклад о том, что около двадцати советских судов остановились в море или развернулись и уходят от линии карантина.

Вскоре после девяти вечера того же дня на советской позиции зенитных ракет «SA-2», расположенной в трех километрах к югу от города Баньес, Куба, командир зенитного дивизиона майор И.Греченов подтвердил прием доклада о том, что в 21.10 майор ВВС США Андерсон на самолете-разведчике «U-2» проник в кубинское воздушное пространство. Планшетисты дивизиона обозначили «U-2» как «цель 33», и Греченов получил приказ уничтожить ее. Начальник станции разведки и целеуказания в Баньес сержант Варанкин доложил о захвате цели, ее азимуте, дальности, скорости и высоте полета. Майор Греченов отдал приказ «Огонь!». Через несколько секунд последовал доклад сержанта Варанкина о том, что цель уничтожена, а еще через

несколько секунд майор Рудольф Андерсон был мертв, став первой жертвой кубинского ракетного кризиса.

27 октября 1962 г.

Белый дом

Президент Джон Ф. Кеннеди сказал: — Неужели мы никак не можем избегнуть стычки с русскими подводными лодками — все, что угодно, только не это?[12]

В тот же самый день, 27 октября, Джон Стейнбек был провозглашен лауреатом Нобелевской премии в области литературы, а вечером в театре Джона Гольдена в Нью-Йорке состоялась премьера пьесы «По ту сторону кромки», где в главных ролях были заняты английские актеры Алан Беннет, Питер Кук, Дудли Мур и Джонатан Миллер.

Авианосец «Рэндольф» находит «Б-59» Савицкого

27 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Виталий Савицкий
ПЛ «Б-59». Атлантический океан,
380 миль юго-восточнее Бермудских островов

Находившаяся за сто семьдесят миль к северо-востоку от группы «Эссекса» другая АПУГ, «Альфа» (авианосец ВМС США «Рэндольф» («CVS-15») и эсминцы сопровождения «Бейч», «Бил», «Кони», «Итон» и «Мюррей»), установила и удерживала прочный гидролокационный контакт с «С 18», который находился в глубине линии карантина. Как позднее выяснилось, контактом «С 18» была ПЛ «Б-59» капитана 2 ранга Савицкого.

После получения приказа от ГШ ВМФ прекратить переход в Мариэль, Куба, «Б-59» Савицкого назначили район патрулирования в Саргассовом море, который находился восточнее района патрулирования ПЛ «Б-36» Дубивко и примерно на 170 миль севернее района патрулирования ПЛ «Б-130» Шумкова. В период с 25 по 27 октября на лодку Савицкого в районе к югу от Бермудских островов обрушился сильный шторм. Натянутые отношения, сложившиеся между двумя офицерами — командиром лодки капитаном второго ранга Виталием Савицким и начальником штаба бригады капитаном первого ранга Василием Архиповым, не влияли на качество вахт, которые они поочередно несли в центральном командном.

Первая встреча «Б-59» с американскими противолодочными силами произошла после выхода лодки в район южнее Бермудских островов, и эти противолодочные силы были представлены авианосцем «Рэндольф» и его эсминцами. АПУГ вцепилась в «Б-59» железной хваткой и, используя комбинированную тактику — эсминцы, самолеты «Трэкер» «S2F» и вертолеты «Си Кинг» с буксируемыми гидролокаторами, — надежно удерживала лодку. Эсминцы ходили группой по три-четыре корабля, включив гидролокаторы на излучение. Убежать Савицкий не мог.

Американцы знали, что контакт является реальной подводной лодкой, и, несмотря на применение ловушек и имитаторов цели, советские подводники не смогли оторваться от

эсминцев. ЭМ ВМС США «Кони» стал сбрасывать практические заряды, как было оговорено в американском уведомлении мореплавателям, которое Савицкий получил двумя днями ранее во время передачи радиограмм «по флоту». Для русских, находившихся на глубине более ста метров, взрывавшиеся гранаты звучали как боевые глубинные бомбы. Савицкий маневрировал на глубинах от шестидесяти до ста метров, но у него не было изотермического слоя, за которым можно было спрятаться. Эсминец сбрасывал гранаты серией по пять штук за раз; относительно той глубины, на которой находилась лодка, гранаты взрывались более чем в шестидесяти метрах над ней. Это пугало подводников, главным образом из-за того, что первое впечатление — нас атакуют! — не исчезало, несмотря на имеющееся уведомление.

Первый контакт с АПУГ случился примерно в десять утра, а к четырем утра следующих суток русские практически выдохлись и выбросили белое полотенце. После почти суток имитационных атак Савицкий в конце концов был вынужден всплыть среди его преследователей для подзарядки батарей. Всплытие было медленным и осторожным, с предписанным восточным курсом. Русские чувствовали себя побежденными, и начальник штаба Архипов был не очень-то доволен Савицким, но они вряд ли могли рассчитывать на что-то большее — их переборoли значительно превосходящим количеством кораблей и самолетов.

27 октября 1962 г.

ЭМ ВМС США «Кони» (DDE-508)
Атлантический океан
300 миль южнее Бермудских островов

ЭМ ВМС США «Кони» установил устойчивый контакт с лодкой приблизительно в 10.00 27 октября и стал готовиться к сбросу практических глубинных зарядов. На эсминце «Кони» проходил в то время службу энсин Гэри Слотер, который, по иронии судьбы, выполнял обязанности оператора системы «1JS» на мостике, т. е. занимался тем же, что и автор этой книги на борту «Блэнди».

«Кони» почти двенадцать часов преследовал лодку, которая шла курсом на северо-восток в экономном режиме и с малой скоростью. Когда в конце концов лодка всплыла — это произошло поздним вечером 27-го, «Кони» связался с ней при помощи светового семафора. Энсин Слотер выучил несколько русских слов, написанных английскими буквами, — это было все, что

имелось у них на борту и касалось русского языка, — и они световым семафором передали на советскую лодку сообщение. На борту «Кони» с только что всплывшей лодкой непосредственно общался связист первого класса Джесси.

Вопрос «Кони»: — Какой это корабль?

Ответ Савицкого: — Корабль Икс.

«Кони»: — В каком состоянии вы находитесь?

Савицкий: — На поверхности, все нормально.

«Кони»: — Нужна ли вам помощь?

Савицкий: — Нет, спасибо.

На следующее утро Савицкий дал разрешение своим сигнальщикам запросить у «Кони» хлеба и сигарет. Эсминец подошел к борту лодки футов на восемьдесят (около 25 м. — *Прим. перев.*) и стал налаживать легкую канатную переправу, для чего на палубу лодки забросили линь (линь выстреливается на значительную дальность из агрегата, который напоминает обрезанный дробовик, линь тащит за собой утяжеленную «кошку», которая тянет еще один канат). Когда боцман выстрелил из линемета, стоявшие в рубке лодки русские пригнулись и помчались вниз, решив, что американцы начали их обстреливать. Поняв, что «Кони» собирается делать, русские успокоились; наверное, русские никогда раньше не видели линемета и вместо него бросали линь умелой и крепкой рукой. Несколько часов «Кони» шел параллельным с лодкой курсом в пятистах ярдах (около 460 м. — *Прим. перев.*) от ее правого борта. На лодке не строили иллюзий относительно того, кто контролирует ситуацию. Ранее, когда оба корабля вместе двигались на северо-восток, из темноты неожиданно вынырнул самолет ВМС США «Нептун» «P2V» и сбросил несколько небольших зажигательных устройств — наверное, чтобы заставить сработать его фотоэлектрическую камеру. Разрывы оглушили вахтенных на мостиках эсминца и лодки.

После того как глаза офицеров «Кони» восстановили способность видеть в темноте, они, к своему ужасу, обнаружили, что лодка развернулась в сторону эсминца, демонстрируя им свои носовые торпедные аппараты и, наверное, готовясь стрелять торпедами. Командир «Кони» немедленно вызвал по радио командующего АПУГ, который находился неподалеку на авианосце «Рэндольф», и насыпал тому, кто находился на другом конце радиолинии, полные уши старомодных флотских ругательств — для последующей передачи летчику провинившегося «P2V» и командиру его эскадрильи — за их поведение. После этого командир «Кони» световым семафором отправил на лодку сообщение, в котором извинился за поведение

летчика. Как вспоминал находившийся тогда на мостике «Кони» энсин Гэри Слотер, это был действительно захватывающий момент.

27–28 октября I 962 г.

Капитан 2 ранга Виталий Савицкий
ПЛ «Б-59»
300 миль южнее Бермудских островов

Лодка всплыла, не зная, что ее ждет, и первое, что увидели русские, был авианосец, которые они ошибочно приняли за авианосец ВМС США «Лейк Чемплейн», фактически же это был «Рэндольф». Как говорил позднее Орлов, их справочники по боевому составу ВМС США были достаточно точны, однако ошибки в них имелись, так, «Лейк Чемплейн» был указан как противолодочный авианосец с бортовым номером 15, однако на самом деле именно «Рэндольф» нес номер «CVS-15». Орлов вычислил его название по радиопозывным авианосца и болтовне летчиков в эфире во время полетов самолетов с авианосца, а на следующее утро никакой ошибки уже не могло быть — название авианосца можно было легко прочитать на его высокой корме.

По словам Орлова, бывшего офицером радиоперехвата на борту «Б-59», при виде авианосца, который они подслушивали больше двух дней, его охватило нервное возбуждение. «Б-59» всплывала, когда на авианосце производились полеты. После всплытия Савицкому стало понятно, что состояния войны нет. Как вспоминал позже Орлов, с первыми рассветными лучами американские эсминцы подошли к ним на очень близкое расстояние, и командир лодки Савицкий приказал поднять государственный флаг СССР, и теперь вместо обычного советского военно-морского вымпела над ними развевался советский государственный флаг огромных размеров. Орлов вспоминал, что они себя чувствовали несколько глупо с этим флагом, поскольку американцы уже знали, кто они такие.

С близкого расстояния эсминцы стали фотографировать лодку; по словам Орлова, на борту американских кораблей царило общее веселье. Члены экипажей размахивали руками и стояли, глазея на русских, как будто никогда до этого подводных лодок не видели. В конце концов при виде такого неформального отношения американских моряков экипажу «Б-59» стало немного полегче и показалось, вспоминал Орлов, что американцы — добродушный народ. Он вспомнил, что на одном из эсминцев был

джаз-оркестр, игравший на палубе рядом с кормовыми торпедными аппаратами. Русским подводникам это сборище музыкантов показалось странным, потому что некоторые из них были в синих рабочих брюках из хлопчатобумажной саржи и белых майках-теннисках, на других были белые брюки и белые матросские рубахи; среди них был высокий негр в белом поварском костюме и с белым колпаком кока. Негр играл на тромбоне и, казалось, занимался этим всю жизнь; он пританцовывал и вел себя как счастливый человек. Американцы, наверное, пьяны, подумали русские, но потом им сказали, что на кораблях ВМС США спиртного нет. Орлову это показалось странным.

Русские с удовольствием наблюдали за оркестром, который, когда эсминец приблизился к лодке метров на тридцать и затем ушел, играл «Янки дудль». Подводники заметили, что многие на эсминце были в коротких брюках и пили прохладительные напитки.

— Какая у них жизнь по сравнению с нашей душной подлодкой! — вспоминал позднее Орлов. Один из эсминцев приблизился к лодке, и из его громкоговорителя кто-то заорал по-английски:

— Русские, убирайтесь домой!

Сцена смотрелась комично, вспоминал Орлов, но их начальнику штаба было не до смеха.

«Б-59» шла на одном дизеле и примерно за десять часов хода полностью зарядила батареи. В середине следующей ночи они произвели погружение, перешли на экономный электроход, опустились на большую глубину и медленно оторвались от преследователей. Поиски американцев были напрасными. Как вспоминал Орлов, он опять сидел в отделении радиоперехвата, слушая американцев, и забавлялся, слыша возбужденные голоса американцев, начавших движение по различным фигурам в поисках лодки. Как правило, американцы присваивали своим фигурам поиска названия овощей — фигуры поиска носили имя «помидор», «морковка» и «сельдерей», но больше всего веселил русских кодированный приказ на переориентацию противолодочной завесы авианосца, который звучал так: «ром и кока-кола». Для Орлова все это напоминало карнавал.

Савицкий ускользнул от АПУГ, доложив предварительно в Москву о неприятном событии, и по ее ледяному молчанию он понял, что там недовольны тем, что он нарушил приказ о скрытности. Однако Савицкого переиграли числом. Несмотря на то что они были на глубине и воздух на лодке опять стал горячим и спертым, в тот вечер на лодке хорошо отдохнули. Орлов

вспоминал, что им стало легче, потому что американцы, как они посчитали, не находились в состоянии боевой готовности, с другой стороны, однако, подводники по-прежнему не знали, как обстоят дела у их товарищей на других лодках бригады, потому что связи с ними все еще не было.

«У нашего командира, капитана 2 ранга Савицкого, на лодке была тень, которой являлся начальник штаба бригады капитан 1 ранга Архипов. Экипаж словно имел двух командиров. Но мы оказались молодцами и ускользнули от американцев, от которых прятались целый месяц и которые только один раз вынудили нас всплыть».

Старший лейтенант В. П. Орлов

Офицер радиоперехвата

ПЛ «Б-59»

«Для меня время замерло… не могу сказать, сколько времени прошло от первого контакта гидролокатора до момента, когда она всплыла. Русские моряки сразу же заполнили мостик — вот они, враги, которых меня учили бояться, ненавидеть, уважать и убивать. Они видели меня!»

Энсин Гэри Слотер

ЭМ ВМС США «Кони»(DDE-508)

ЭМ ВМС США «Сесил» против «Б-36» Дубивко

В то время как капитан 2 ранга Савицкий на своей «Б-59» уходил курсом на северо-восток, в трехстах милях юго-восточнее Бермудских островов другой эсминец (не входивший в состав противолодочных поисково-ударных сил) из абсолютно другой эскадры гонялся за его приятелем — капитаном 2 ранга Алексеем Дубивко на «Б-36».

28 октября 1962 г.

Коммандер Чарльз Розиер
ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил»
400 миль севернее Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил» шел курсом на юг, чтобы занять свою позицию у берегов Кубы в качестве корабля радиолокационного дозора планируемой ударной группировки для возможного вторжения. Был прекрасный октябрьский вечер, назначенная эсминцу позиция вблизи ПУГ авианосца «Энтерпрайз» была еще далеко, а вахтенный офицер лейтенант Джон Хантер и помощник вахтенного офицера энсин Джим Джордан только что заступили на вторую «собачью вахту» («собачьи вахты» — это две часовые вахты между 18.00 и 20.00, специально спланированные короткими, чтобы вахтенные могли принять вечернюю пищу). Ранее днем «Сесил» заправился от танкера ВМС США «Канкаки» и теперь шел по спокойной воде и при великолепных условиях для гидролокатора. Командир корабля коммандер Чарльз Розиер сидел в кают-компании и смотрел фильм-вестерн.

Вскоре после семи вечера Джимом Хантер привычно взглянул на экран РЛС обзора морской поверхности и на дальности примерно пятнадцать тысяч ярдов (около 13 700 м. — *Прим. перев.*) увидел зеленую отметку радиолокационного контакта, который ему что-то напомнил. И действительно, это был небольшой и характерный ответный сигнал от того, что они в период службы Хантера на его предыдущем корабле, входившего в состав АПУГ «Альфа», называли «шнорк». Вахта на мостике быстро сравнила свои данные с данными центра боевой информации, который также заметил контакт. В ЦБИ отличился

остроглазый оператор РЛС 3 класса Русс Намир, который первым заметил радиолокационный контакт.

Хантер живо доложил о контакте коммандеру, и Розиер, в своей спокойной манере, приказал Хантеру продолжить движение с теми же курсом и скоростью и своевременно информировать его обо всех изменениях. Когда эсминец оказался примерно в семи тысячах ярдов от места радиолокационного контакта, Хантер опять позвонил командиру и спросил его, может ли он преследовать контакт. Коммандер Розиер разрешение дал.

В тот момент оба офицера на мостике «Сесила» были убеждены, что имеют дело с реальной советской подводной лодкой, и они рвались вперед, как двое мальчишек, преследующих зайца. Потом Хантер сделал неверный шаг — он приказал перевести гидролокатор в режим шумопеленгования, и тот прекратил работу на излучение. Хантер посчитал, что так они могут перехитрить лодку, приближаясь к ней с неработающим гидролокатором на скорости двадцать пять узлов; чуть позже на эсминце объявили «готовность № 1, противолодочную».

Мчавшийся на двадцати пяти узлах «Сесил» оставлял за собой хвост белой пены, но их радиолокационная отметка полностью пропала. Как только Хантер включил гидролокатор и сделал несколько посылок, контакт был немедленно восстановлен, а потом — бац! — и гидролокатор вышел из строя. У Хантера было такое чувство, что он упустил свой верный шанс в большой гонке. Но операторы гидролокатора на «Сесиле» оказались на высоте, и техник с помощью отвертки быстро заменил предохранитель.

29 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Алексей Дубивко
ПЛ «Б-36»
400 миль к северу от Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Капитан 2 ранга Дубивко наблюдал за действиями штурмана, капитан-лейтенанта Сергея Наумова, наносившего на планшет гидроакустическую обстановку, которая была великолепной, но только для преследователей. До глубины сто метров температура воды была почти постоянной, и поэтому лодке было чрезвычайно трудно спрятаться под изотермическим слоем. Все преимущества были на стороне охотников, и только быстрая реакция Дубивко и бдительность его офицеров не позволяли обнаружить лодку до конца дня 29 октября.

Экипаж Дубивко, как и подводники на других советских лодках, страшно страдал от жары. Температура на борту была около 65 градусов по Цельсию, а в машинном отделении временами бывало и жарче. Все члены экипажа потеряли до 30 процентов веса тела, и выглядели так, словно их только что освободили из Аушвица (Освенцим. — *Прим. перев.*) или Бухенвалвда. Когда они всплывали ночами для подзарядки батарей, Дубивко постоянно менял людей на мостике, давая им возможность глотнуть свежего воздуха, что, по его мысли, укрепляло людей морально и физически.

Рано утром 29 октября из сводки новостей американского радио Дубивко узнал, что всем советским торговым судам приказано лечь на обратный курс от внешних границ блокады и следовать домой. «Б-36» шла под РДП и заряжала батареи. Дубивко очень аккуратно держал глубину, и рубка лодки, на мостике которой столпилось подышать свежим воздухом столько народу, сколько он мог вместить, возвышалась над спокойной водой всего на два метра. Находясь на поверхности на подзарядке батарей, лодка шла на малых оборотах дизеля, так что они едва двигались. Обычно на полную зарядку батарей при одном работающем дизеле уходило от восьми до десяти часов, и Дубивко держал скорость всего в половину узла, чтобы рули во время подзарядки были в воде. Ночь была приятной, спокойной и для разнообразия немного прохладной. Дубивко дал многим членам экипажа возможность постоять на мостике и подышать свежим воздухом. Освещенные лунным светом люди на мостике выглядели ужасно бледными и изнуренными, но никто не жаловался, Дубивко всматривался в морскую даль и думал о том, что сейчас чувствуют находящиеся в море американские моряки. В курсе ли они происходящих событий? Лучше ли их информируют, чем его экипаж? Ситуация сложилась невероятная, размышлял он, а они о ней ничего не знают. Что могло вызвать такую реакцию США, гадал он.

С самого начала перехода на юг через северную Атлантику, вспоминал он, американские противолодочные силы вели себя так, словно они не только ожидали их, но и знали их маршрут. Конечно, продолжал размышлять он, вариантов маршрута перехода из Баренцева моря в Карибское не так уж и много, поэтому, если американцы предполагали переход советских лодок, то могли прикинуть и примерный маршрут. И все-таки слаженность в действиях американцев была невероятной.

Дубивко мало что знал о цепочке американских подводных пассивных гидрофонов, которая называлась «Система „Цезарь“», и о том, что с их помощью местоположение объекта в океане

определяется очень точно. Много раз противолодочные патрульные самолеты дальнего действия появлялись прямо над их маршрутом следования и выкладывали фигуры из гидролокационных буев почти у них над головой. Дубивко считал, что американцы имели особый источник информации о маршруте его лодки, поскольку он сам старался не демаскировать лодку и был очень аккуратен при работе РЛС лодки на излучение, включая ее только на пониженной мощности и только для разовых посылок, когда условия видимости требовали этого и безопасность плавания являлась важнейшим фактором. За весь переход Дубивко включал на излучение обзорную РЛС менее полдесятка раз, и то лишь для коротких посылок, которые было почти невозможно засечь патрульному самолету.

Размышления Дубивко, стоявшего на мостике рубки, о подобных вещах были прерваны коротким докладом лейтенанта Жукова о контакте, и весь мир для Дубивко мгновенно сузился до тактической обстановки, и это напряжение ни на минуту не оставляло его в последующие три дня.

Дубивко слышал громкий возглас Жукова:

— Шумы по правому борту, пеленг ноль четыре пять, предположительно надводный корабль, приближается на высокой скорости!

Дубивко приказал очистить мостик и объявил срочное погружение. Перед уходом с мостика он глянул на темный горизонт и заметил нечто надвигающееся на него. Никаких огней на этом «нечто» не было, и оно находилось совсем близко. Дубивко нырнул в люк, и матрос захлопнул за ним крышку люка.

Едва Дубивко вернулся на центральный командный, опять послышался голос Жукова:

— Контакт разделился, сейчас на одном пеленге два контакта. Доплеровская станция включена! Расчетная дальность — две тысячи метров.

«Это торпеда!» — сразу же решил Дубивко.

Так вот как приходит конец, подумал он, но почему же нам не сообщили, что идет война?

В его голове был круговорот. Он думал о своих подчиненных, беднягах, дошедших до состояния скелета, но беспрекословно исполняющих свой долг и попавших в засаду. Скоро все закончится. Машинально, зная, что теперь все, чересчур поздно, он продолжал отдавать приказы на изменение угла рулей глубины и уравновешивание лодки.

Дубивко дал полный ход вперед на всех двигателях, развернул лодку на пеленг двойного контакта и наблюдал за стрелкой глубиномера, ползущей вниз. Чересчур медленно!

Контакт возник ниоткуда, просто неожиданно материализовался. Подчиненные Жукову операторы перехвата не дали заблаговременного предупреждения. Это был торг: нет излучения своей РЛС, жди сюрприза, с другой стороны, работающая РЛС — прямая подсказка противнику о твоем присутствии в этом районе.

Стрелка глубиномера еще только проходила отметку 8 метров, когда Дубивко услыхал звук винтов надводного корабля; он знал, что это эсминец. А чем является второй контакт? Если бы это была торпеда, то она бы уже ударила по его лодке, понял Дубивко, а он продолжал слышать шумы приближающихся винтов. Неожиданно он решил, что контактом может быть и «Б-130» Шумкова, которая патрулирует к западу от его района действий. Конечно, именно Шумков был вторым контактом, и это он выводил свою лодку на курс атаки, готовясь выпустить торпеду по эсминцу до того, как американец применит свое оружие по ним!

28 октября 1962 г.

Коммандер Чарльз Розиер
ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил»
400 миль севернее Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Коммандер Чарльз Розиер прибыл на мостик и взял управление кораблем на себя, сменив Джона Хантера; он приказал приступить к выполнению старой схемы поиска «помидор», используемой после потери гидролокационного контакта. Несмотря на то что лодка прибегла к обычной тактике ухода, заключавшейся в погружении на большую глубину или следовании в кильватере за эсминцем, «Сесил» восстановил гидролокационный контакт и удерживал его. Гидролокационные условия были необычно хороши и близки к идеальным, изотермический слой находился на глубине около трехсот футов (около 91 м. — *Прим. перев.*) — слишком глубоко, чтобы подводная лодка могла под ним спрятаться. При таких превосходных условиях и умелом командовании коммандера Розиера «Сесил» удерживал контакт.

Русские прибегли к новому приему, попробовав затеряться в кильватерной струе «Сесила», и грамотно выполнили его.

— Сэр, контакт неподвижен в воде, — доложили с поста гидроакустика после включения активного гидролокатора «Сесила» на излучение. Лодка несколько раз прибегала к этому

приему, оставаясь неподвижной продолжительное время. По расчетам Розиера, примерно 30 минут лодка была абсолютно неподвижна на глубине около 250 фугов (около 76 м. — *Прим. перев.*), а эсминец тем временем кружил по кромке дуги на дальности примерно 2000 ярдов (около 1830 м. — *Прим. перев.*). Потом лодка внезапно ожила.

— Сэр, контакт резко увеличил скорость до трех узлов, сейчас уже до пяти, и идет прямо на нас. — Эсминец продолжал описывать циркуляции и, когда расстояние между эсминцем и лодкой сократилось примерно до 500 ярдов (около 460 м, — *Прим. перев.*), он рванулся вперед на пятнадцати узлах, а потом развернулся в сторону контакта, не давая лодке возможности использовать мертвую зону гидролокатора, которой являлся кильватерный след эсминца, имеющий форму конуса, острый угол которого составлял примерно 15 градусов относительно кормы эсминца. Лодка ранее уже пыталась воспользоваться мертвой зоной гидролокатора, однако Розиер успел убрать корму подальше. Лодка выпустила несколько ложных имитаторов цели и одну громкую и долго шумевшую звуковую ловушку, однако операторы гидролокатора «Сесила» классифицировали их правильно и продолжали удерживать контакт с лодкой.

Адмирал, командовавший противолодочным охранением авианосца, в состав которой было приказано войти «Сесилу», не понимая, что заставило Розиера «прилипнуть» к гидролокационному контакту и почему он не следует на указанную ему позицию, начал нервничать. У Розиера же, кроме данных своего устаревшего гидролокатора, не было подтверждения того, что их контакт — реальная подводная лодка, а не ошибка гидролокатора. Примерно через час после установления контакта Джон Хантер, услышав в противолодочной сети ВМС переговоры летчиков, самостоятельно вошел с ними в радиосвязь. К его удаче, этими летчиками оказались пилоты противолодочных патрульных самолетов дальнего действия «Нептун» «P2V» 56-й патрульной эскадрильи, действовавшие с авиабазы ВМС Джексонвилл, штат Флорида. Один из «Нептунов» с позывным «Попка-5» менял другого в районе поиска, он ответил на вызов Хантера, вышел на курс, соответствовавший пеленгу «Сесила» на контакт, и вскоре появился у них над головой.

Поскольку Джон Хантер был подготовленным авианаводчиком для противолодочных операций, то Розиер поставил перед ним микрофон и надел ему на одно ухо головные телефоны для переговоров с летчиком, а на другое ухо нацепил комплект телефонов для связи с центром боевой информации эсминца. После нескольких «безрадостных» проходов, во время

которых самолет пролетал над лодкой, однако контакт не установил, наводчики в конце концов нашли правильные углы наведения. Скорректировав углы для точного разворота самолета, они выдали ему курс пролета над контактом в направлении к эсминцу, а не от эсминца, что обычно практиковалось во время совместной работы «Сесила» с базировавшимися на авианосец самолетами «Трэкер» «S2F». Приборы самолета показали изменение магнитного поля Земли, вызванное двадцатью пятью сотнями тонн стального корпуса лодки, и как же чудесно было услышать неожиданный выкрик летчика «Madman!» «Madman!» («Сумасшедший! Сумасшедший!» — *Прим. перев.*). Эсминец получил требуемое подтверждение — его контакт был действительно лодкой.

«Сесил» продолжал работать по такой схеме в течение ночи, теперь уже с другим «Нептуном» из той же эскадрильи, который прибыл в район поиска сменить прежний самолет. Утром для усиления прилетел еще один «Нептун», и, работая в паре, они сбрасывали заряды и пассивные гидролокационные буи, выкладывая фигуры и получая превосходные данные по уровню звука. Контакт «Сесила» был классифицирован как советская ударная дизельная подводная лодка дальнего действия класса «Фокстрот», которому был присвоен индекс «С 20».

Тем же утром, но позднее, вахта на мостике «Сесила» заметила эсминец УРО класса «Адаме» новой конструкции (DDG-11), направлявшийся в свой район действий, и коммандер Розиер предложил командиру эсминца опробовать в работе с реальной целью современный гидролокатор эсминца. На «Сесиле» в это время на вахту заступил Джим Донихт, офицер-связист, который быстро освоил управление полетами «Нептунов» по векторам «Эм-Эй-Ди» — термин, обозначающий управление самолетом над лодкой с использованием корабельного планшета обстановки. Офицеры могли теперь менять друг друга и оставаться свежими более продолжительное время.

Коммандер Розиер передал управление кораблем вахтенным офицерам, но постоянно находился на мостике и тщательно следил за поддержанием непрерывного гидролокационного контакта с лодкой. Он продолжал оставаться спокойным и вежливым в обращении — таким, каким он был в любой ситуации.

30 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Дубивко

ПЛ «Б-36» 400 миль севернее Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

В течение следующего часа Дубивко медленно поднимался на перископную глубину. Гидролокатор эсминца работал на пониженной мощности, держа «Б-36» железной хваткой, а действовавший в паре с эсминцем самолет периодически совершал проходы прямо над головами подводников. Эсминец продолжал ходить по кругу примерно в двух тысячах метров от лодки.

Какое-то время Дубивко старался держать лодку как можно ближе к слою температурного скачка, потом последовал доклад оператора гидролокатора о новом контакте:

— Товарищ командир, новые шумы на пеленге, — он помолчал, — перпендикулярно нашему левому борту. Сигнал слабый.

Дубивко это заинтересовало. У них были надежные контакты на каждый американский эсминец, а теперь, помимо эсминцев, появилось еще что-то.

— Товарищ командир, новый контакт находится на глубине около двадцати метров, его скорость и курс совпадают с нашими.

Что же это такое, гадал Дубивко, может быть, какая-то американская подводная лодка? Штурман Наумов подошел к Дубивко с картой, на котором были нанесены районы патрулирования лодок их бригады.

— Командир, я считаю, что новым контактом является «Б-130» Шумкова. Их район патрулирования находится строго на запад от нашего, и если они сейчас действуют в восточном секторе своего района, а мы патрулируем в крайнем западном секторе своего, то это вполне может быть «Б-130».

Некоторое время Дубивко размышлял. Он ничего не знал о стычке Шумкова с американскими противолодочными силами, поскольку ГШ ВМФ продолжал включать четыре лодки во все передачи как коллективные адреса в назначенных районах патрулирования. Новый контакт вполне мог оказаться «Б-130» из их же бригады, с другой стороны, это вполне могла быть американская лодка — охотник за подводными лодками. В обшей картине тактической обстановки появился новый элемент, очень неудобный для Дубивко. Обнадеживало то, что пока дело не дошло до стрельбы, но как бы поточней узнать, чем является новый контакт: советской лодкой или же американской, готовой в любой момент всадить торпеду в «Б-36»?[13]

— Товарищ командир, новый контакт остается на прежнем месте.

Чем дольше сохранялась подобная ситуация, тем более стесненно чувствовал себя Дубивко. Он действовал, не имея всей полноты информации, и это ему не нравилось; вдобавок ко всему, было невыносимо жарко. Штурман Наумов посматривал на своего командира как на человека, теряющего контроль за своим рассудком.

Дубивко знал, что на поверхности начало темнеть, но до наступления ночи оставалось еще около часа. Он не представлял до конца общую стратегическую ситуацию, но, поскольку до сих пор атаки со стороны эсминцев не последовало, он предположил, что война еще не началась. От этой мысли у Дубивко немного отлегло от сердца, но он продолжал теряться в догадках.

«Б-36» вышла на перископную глубину, и Дубивко быстро поднялся по трапу на штурманскую площадку боевой рубки, где было сыро, но немного прохладнее, чем внизу, в центре боевого управления; он схватил командирский перископ и быстро осмотрелся вокруг. На поверхности было три эсминца, они шли без огней, приглядевшись, Дубивко обнаружил мерцающие огоньки еще одного контакта, который смотрелся высоковато для надводного корабля. Это был вертолет, летевший предельно низко над водой, но Дубивко вряд ли мог разглядеть, что вертолет буксировал на тросе гидролокатор погружного типа и находился теперь между лодкой и ближайшим к ней эсминцем. Стояла ясная погода: не было шквалов дождя, за которыми можно было бы спрятаться. Море было спокойным.

Он подивился мирному виду неспешно катящихся волн и красно-золотых лучей, отбрасываемых уходящим на запад солнцем. Эсминцы ходили кругами вокруг вертолета, бывшего на расстоянии примерно одной мили от кораблей, и продолжали удерживать контакт с «Б-36».

Дубивко вызвал на штурманскую площадку механика, который только обошел лодку, все еще находившуюся в погруженном состоянии.

— На сколько еще хватит заряда батарей? — спросил Дубивко.

Механик выглядел подавленным.

— Командир, там вряд ли что осталось; электролит сейчас — практически чистая вода. Через четверть часа придется заряжать и вентилироваться.

— Вокруг нас много кораблей вертится, может, пойдем под РДП? Они могут ошибиться и прохлопать нас, такое раньше случалось. — Однако и сам Дубивко понимал, что подобный риск чреват катастрофическим столкновением, поэтому он спросил: — Акустик, вы все еще удерживаете контакт у нас за кормой?

— Так точно, товарищ командир, теперь он позади нас по правому борту, глубина и дистанция — прежние.

Это было привидение, и Дубивко на самом деле не знал, что это такое. Потом, усложняя ситуацию, вновь подошел штурман.

— Командир, один из эсминцев тащит за собой гидролокатор с переменными глубинами погружения.

Как оказалось, этим эсминцем был «Зеллерс», штурман Наумов подглядел его радиопозывной у операторов радиоперехвата в четвертом отсеке. Операторы знали, что «Зеллерс» ходит где-то поблизости, а теперь у них был первый признак того, что он совсем рядом. На корме «Зеллерса» стоял большой барабан с черным кабелем, который крепился к датчику гидролокатора, формой своей напоминающего гигантскую слезинку. Этот датчик мог буксироваться на различных глубинах, что позволяло эсминцу акустически просмотреть пространство под слоем температурного скачка. Для охотников такой датчик означал значительное увеличение возможностей по поиску, а вот для «Б-36» он представлял серьезную угрозу столкновения. Если лодка не будет соблюдать осторожность и станет совершать чересчур резкие маневры, то может кончить тем, что столкнется с тяжелым буксируемым датчиком и намотает на винты больше сотни метров кабеля. Дополнительный риск вовсе не был нужен Дубивко, но все было против него, и он уж было посчитал, что карты легли не в его пользу.

— Что там со слоем температурного скачка? — спросил он Наумова.

— Все те же восемьдесят метров, командир.

Дубивко прикинул, что такой малой глубины «Зеллерсу» вполне хватит для того, чтобы опустить гидролокатор пониже и увидеть четкую картинку. Опять он подумал о гидролокаторе и контактах, которые словно преследуют его с кормы. Могут ли они быть гидролокаторами с переменными глубинами погружения, вроде того, что болтается на кабеле за кормой «Зеллерса»?

— Право руля пять градусов, — приказал Дубивко. Сейчас выяснится, станет ли поворачивать тот контакт вместе с эсминцем, для которого поворот явится непростым делом при относительном движении в трех плоскостях. — Какой надводный контакт является «Зеллерсом?» — спросил он.

— Не могу уверенно сказать, командир. Они так тесно сгрудились, что нельзя привязать к радиоперехвату.

Дубивко понимал, что у него мало шансов уйти от трех американских эсминцев, которым помогали несколько самолетов и вертолет с погружным гидролокатором. Но он попробует.

Дубивко приказал занять безопасный курс, т. е. строго на

восток, как предписывало американское уведомление. Это сообщение с американским уведомлением передавалось несколько раз подряд во время плановых сеансов связи, и Дубивко, и его подчиненные теперь знали содержание уведомления практически наизусть. Подводники напряженно ожидали подобного послания, которое, как они позже узнали, было передано по требованию их командующего эскадры контр-адмирала Рыбалко.

«Б-36» легла на курс ноль девять ноль градусов, потом Дубивко приказал медленно всплывать и подготовить к запуску для зарядки батарей дизель левого борта. Зарядка должна была начаться сразу же после открытия главного впускного. Дубивко одолевало двоякое чувство: он винил себя за то, что сдается, понимая, с другой стороны, что другого выбора нет.

Дубивко стоял на штурманской площадке и ждал, когда рубка вспорет воду и выйдет на поверхность, немного погодя, когда уже было можно подниматься в верхнюю часть мостика, он отошел, давая вахтенному матросу возможность открыть крышку люка. Полилась вода, и боевую рубку наполнил сладкий воздух позднего вечера. Дубивко поднялся по трапу и быстро огляделся. Он заметил три надводных контакта, из которых только один был неподалеку, а два других уходили, и, как ему показалось, уходили с большой скоростью.

Открывшееся перед ним зрелище было замечательным, и вместо чувства опаски к Дубивко стали возвращаться его всегдашняя смелость и уверенность в том, что опасности нападения на них больше нет. Он разглядывал эсминец и задавался вопросами: о чем может думать его командир в этот момент и волнуется ли он? Они уже зацепили лодку своим радиолокатором? Они знают, что мы всплыли с безопасным курсом? Он продолжал всматриваться в эсминец.

Всходила изящная луна, в вышине перемигивались звезды; на родине это было его любимое время суток. Дубивко отметил, что вертолет уже засек их, потому что стал поднимать из воды свой погружной гидролокатор, напоминая рыбака, тянущего удочку с болтающимся на конце лески круглым мячом. После этого вертолет направился в сторону лодки, эсминец также развернулся и начал осторожно кружить вокруг лодки, держась от нее примерно в полумиле. Вертолет приближался к ним на очень малой высоте, и вдруг ослепляющий свет вспыхнул над Дубивко. Он ругнулся и закрыл глаза.

Мощный свет лишил его способности видеть в темноте. Когда наконец он опять обрел способность видеть, то почувствовал, что на мостике что-то не так, чего-то не хватает. Если вы проводите

много времени в одном и том же месте корабля, то, если там что-то изменилось, вы это почувствуете, даже не зная точно, что произошло. Он огляделся. Точно! Их рамочная антенна была срезана и теперь болталась снаружи на проводах. Дубивко осмотрел основание антенны и увидел, что оно срезано начисто. Когда тридцать два часа назад они выполняли срочное погружение, то услыхали какой-то громкий посторонний звук. Теперь он не мог поверить своим глазам. Что, эсминец пытался таранить их или же просто неверно просчитал дальность по гидролокатору и подошел чересчур близко за чересчур короткое время? Дубивко этого не знал.

31 октября 1962 г.

5 часов 53 минуты утра,
Коммандер Чарльз Розиер
ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил»
400 миль севернее Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Лейтенант Джон Хантер вслушивался в слова, рвавшиеся из динамиков громкоговорящей связи:

— Русская подлодка на поверхности! Русская подлодка на поверхности!

Как вспоминал потом Хантер, это было чудесное чувство. На рубке подводной лодки были нанесены ее тактические номера — 911 по правому борту и 911 — по левому.

31 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Дубивко
ПЛ «Б-36»
400 миль севернее Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Наблюдая с мостика за эсминцем, Дубивко вспомнил, что им было предписано вместо морского флага поднимать государственный флаг СССР.

Он понимал, что единственным основанием для подъема государственного флага является их участие в крупномасштабной операции и необходимость правильного и быстрого опознания при встрече с иностранным кораблем; потом ему в голову пришла мысль о бестолковости приказа — в конце концов американцы безошибочно знали рисунок советского военно-морского флага,

да и он сам предпочел бы плыть именно под военно-морским флагом.

— Дуй вниз и найди государственный флаг, — приказал он помощнику штурмана. Тот бросился вниз и вскоре вернулся с полотнищем флага. — Найдите флагшток, — опять приказал Дубивко. Молодой офицер опять исчез и, после долгой задержки, вернулся на мостик, но снова без флагштока.

— Не можем найти, товарищ командир.

Дубивко пришлось заставить офицера прикрепить полотнище к одной из уцелевших антенн мостика.

Дубивко изучающее глядел на эсминец «Сесил», на котором развевался флажный сигнал, понимание которого вызвало у русских некоторую трудность. Сначала они не могли найти справочник по международным флажным сигналам, наконец лейтенант Жуков робко появился на мостике с нужной книгой. Эсминец тем временем неожиданно включил ходовые огни и начал что-то передавать им большим сигнальным прожектором. Американцы передали длинный сигнал, и Жуков громко читал летящий над спокойными волнами свет. Жуков был превосходным связистом и знал английский довольно прилично.

— Командир, они запрашивают: «Нужна… ли… вам… помощь?»

Дубивко остолбенел — с чего это они задают такой вопрос? Если они собираются напасть на нас, то сперва спросят, а потом вышвырнут нас из воды?

Его подмывало развернуться в их сторону и открыть крышки на носовых ТА — он может выстрелить торпедой раньше, чем это сделает эсминец. Потом Дубивко сообразил, что артиллерийские расчеты на эсминце занимают свои места у орудий и могут спокойно разнести вдребезги рубку лодки еще до того, как торпеда выйдет из торпедного аппарата «Б-36».

Эсминец предусмотрительно обозначил себя световым семафором.

— … Военный корабль Соединенных Штатов Америки «Сесил».

Как мило, что представились, подумал Дубивко. Жуков, основываясь на данных гидролокатора, уже доложил ему, что «Сесил» является старым эсминцем класса «Гиринг» времен Второй мировой войны, на его вооружении стоит гидролокатор «SQS-4». Теперь вот они могли обращаться к нему по имени. «Какая тактичность!» — подумал Дубивко.

Русские подводники наблюдали, как «Сесил» вышел на параллельный с ними курс и занял место слева и позади лодки. На этой позиции он был неуязвим, поскольку, если бы Дубивко

решился на стрельбу торпедами, то ему пришлось бы разворачиваться — как при стрельбе из кормовых торпедных аппаратов, так и из носовых. Кто бы ни командовал эсминцем, человек этот был умен и очень вежлив.

Дубивко приказал Жукову ответить эсминцу, что помощь не требуется. Потом они запустили один дизель и начали зарядку батарей. Во время зарядки они легли на иной, более подходящий для них курс, слегка не совпадающий с направлением волн, которые, как вспоминал Дубивко, шли на юго-восток. Направляя лодку этим курсом, он озабоченно ожидал реакции американцев, поскольку несколько уклонялся от предписанного ими безопасного курса.

«Сесил» шел рядом с ними на расстоянии двадцати-пятидесяти метров от кормы лодки. Он был совсем рядом, поэтому прекратил непрерывно обстреливать лодку посылками гидролокатора, ограничившись одним импульсом на пониженной мощности раз в десять-пятнадцать минут, словно говоря: «Я приглядываю за вами, не делайте никаких глупостей!» Дубивко отметил, что эсминец ведет себя дисциплинированно, идет с постоянными курсом и скоростью, не пересекает курс лодки и не вмешивается в ее действия.

31 октября 1962 г.

Коммандер Чарльз Розиер
ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил»
400 миль севернее Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Увидев всплывшую подлодку, коммандер Розиер действовал быстро и решительно. Он оставил эсминец в виду подлодки, на дальности полторы тысячи ярдов (около 1400 м. — *Прим. перев.*) от нее, и поднял международный вымпел «Нуждаетесь ли в моей помощи?». Потом он приказал сигнальщикам передать тот же сигнал световым семафором; тем временем члены экипажа «Сесила» второпях перелистывали туристский англо-русский разговорник, который кто-то прихватил с собой на корабль; некоторые фразы из разговорника развеселили их и они хотели передавать их на лодку, однако потом отказались от этой затеи. Вот пример фразы, вызвавшей у них улыбку, — «Я буду вашим экскурсоводом в этом путешествии».

После всплытия лодка оставалась на поверхности два дня и шла курсом на восток; ночью русские наблюдали заправку «Сесила» топливом от подошедшего корабля снабжения, потом,

когда гидроакустические условия сложились выгодно для них, русские спокойно нырнули в волны с полностью заряженными батареями, чего у них безусловно не было в тот момент, когда «Сесил» заставил их всплыть. Было все так же темно; лодка пробыла на поверхности более сорока восьми часов.

После того как лодка ушла под воду, «Сесил» покинул этот район и отправился к месту встречи с авианосной группой. Он взял на борт русскоговорящего офицера и потом в течение нескольких недель, вместе с другими эсминцами, участвовал в проверке и подсчете советских ракет, находившихся на торговых судах, уходивших от Кубы.

> «Однажды, когда мы преследовали лодку, нам приказали отдать контакт с лодкой другому эсминцу, более опытному в противолодочных операциях; однако коммандер Розиер не подчинился приказу, заявив, что лодку отыскали мы и мы собираемся довести дело до конца, Коммандер был настоящим мужчиной, и экипаж за него был готов на все».
>
> *Клэренс Элфорд,*
>
> *оператор РЛС, ЭМ ВМС США*
>
> *«Чарльз П. Сесил» (DDR-835)*

> «Когда мы столкнулись с лодкой, я не знал, что на международном вбрасывании шайбы „тот парень уже прохлопал“ несколькими днями раньше. Моя задача была двоякой — как можно дольше оставаться с лодкой и не сделать ничего такого, что могло начать Третью мировую войну».
>
> *Чарльз Розиер,*
>
> *командир ЭМ ВМС США*
>
> *«Чарльз П. Сесил» (DDR-835)*

31 октября 1962 г.

Капитан 2 ранга Дубивко
ПЛ «Б-36»
400 миль севернее Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Удрав от «Сесила» после ночного погружения, Дубивко снова привел «Б-36» в назначенный ему район патрулирования. После того как штурман произвел счисление пути и доложил, что они находятся в центре района, они поднялись под перископ, чтобы осмотреться, и обнаружили, что прямо в центре их района находятся авианосец «Рэндольф» и эсминцы ПУГ. Просто поразительно, что лодку еще не засекли, подумал Дубивко. Они быстро спустились под слой температурного скачка и стали понемногу дрейфовать; их так и не обнаружили. Потом «Б-36» направилась к самому дальнему северо-восточному участку назначенного им района патрулирования, который по форме напоминал круг, и удалилась от «Рэндольфа» на 120 миль.

После почти недели патрулирования наступило 7 ноября — советский государственный праздник в честь годовщины октябрьской революции. Дубивко всплыл в сумерках позднего вечера; никаких контактов не было, и море было абсолютно спокойным. Операторы электронного противодействия лодки не обнаружили ни одного самолета, и Дубивко решился, наконец, подняться наверх, чтобы помыться в душе рубки. За минувшую неделю он заставил принять душ всех членов экипажа, но у него не нашлось времени, чтобы выбраться из центрального командного и самому вымыться. В конце концов Дубивко посчитал, что в замкнутом пространстве центрального командного от него уже стало попахивать, поэтому он оставил командование на старпома, а сам помчался наверх, чтобы принять внеплановый душ.

Пока Дубивко наслаждался роскошью душа с морской водой, старпом как-то запамятовал, что дизели левого и правого борта находятся в работе, и не прочистил их воздухозаборники. Естественно, в дизели засосало морскую воду и произошел мгновенный гидравлический удар, оставивший «Б-36» всего с одним работоспособным дизелем.

Не успел вернувшийся после освежающего душа Дубивко узнать о свалившемся на них горе, как связист лейтенант Жуков вручил ему телеграмму, только что полученную во время вечернего сеанса связи. Лодке приказывали возвращаться домой. Инженеры немедленно принялись разбирать оба двигателя и ставить узлы на дизель левого борта, который меньше пострадал. Им пришлось вкалывать две недели, восстанавливая один дизель годными узлами от другого; в конце концов двигатель левого борта был полностью отремонтирован, когда лодка находилась строго западнее Соединенного королевства и держала курс в Норвежское море, но ей пришлось еще более двадцати дней добираться до своих вод и столкнуться в пути со многими

проблемами.

«Когда мы всплыли, то по-настоящему боялись, что американский эсминец может нас таранить. Мы не были уверены, что не идет война».

Лейтенант Юрий Жуков,

офицер-связист, «Б-36»

«Когда мы всплыли, там был американский эсминец „Сесил“. Он передал нам сигнал „нужна ли вам помощь?“. Я понял тогда, что он, вероятно, не будет нас атаковать».

Капитан 1 ранга Алексей Дубивко,

командир «Б-36»

ЭМ ВМС США «Блэнди» против «Б-130» Шумкова

29 октября 1962 г.

Поздняя ночь, понедельник,
Капитан 2 ранга Н. Шумков
«Б-130» на поверхности
Зарядка батарей
Триста миль северо-восточнее пролива Кайкос,
пятнадцать миль северо-западнее ЭМ «Блэнди»

Расставив ноги и держась за ограждение мостика в самой верхней точке лодки, Шумков зафиксировал себя от легкой качки. Накрапывал мелкий дождь. Он потянулся к переговорной трубе и крикнул вниз, на ЦКП:

— Механика на мостик!

— Есть, товарищ командир, — тут же отозвались с командного.

Шумкова радовало, что у подчиненных сохранилась быстрота реакции, хотя условия на лодке ухудшились до предела. Температура в машинном отделении приближалась к шестидесяти пяти градусам по Цельсию, и жизнь на борту становилась невыносимой. На семьдесят восемь человек экипажа было три туалета и два душа с морской водой. Ухудшение личной гигиены становилось угнетающим, дым от дизелей заставлял страдать каждого несшего вахту в машинном отделении, в других отсеках было чуть-чуть полегче. У многих подводников большая часть тела покрылась болезненной сыпью, а у самого Шумкова стали очень сильно болеть ноги, особенно после долгих часов стояния на мостике. Сейчас же он всматривался в навигационные огни американского самолета-разведчика «Р-3», кружившего на высоте примерно две тысячи метров на небольшом удалении от лодки, и задавался вопросом, почему самолет еще не сделал проход прямо над ними — так, как они обычно делают. Возможно, у самолета отказала РЛС; может быть, самолет их вообще не видит.

На поверхности была темень, хоть глаз выколи, последние несколько часов лодку трепали порывы дождя, а они, в муках, пытались произвести зарядку батарей. Процесс был болезненно медленным и выматывающим нервы, но им пришлось рискнуть

быть обнаруженными, потому что на борту не было резервного питания, а единственный дизель давал менее половины мощности.

— Прибыл по вашему приказанию, товарищ командир, — главный механик Паршин возник в темноте позади Шумкова. Он тяжело дышал, и от него пахло дизтопливом, смазкой и потом.

— Боже мой, как от тебя несет!

— Командир, неужели я прибыл сюда для того, чтобы узнать, как от меня пахнет? — Механик устал, он не спал последние двое суток. Два главных дизеля вышли из строя из-за трещин в коробках агрегатов, приводящих в работу вспомогательные насосы — топливный и охлаждающей воды; на третьем дизеле сейчас заряжали батареи, но всего на 30 процентах мощности. На дизеле № 3 был какой-то дефект, выявить его не удалось, и Паршин расстраивался все сильнее, стараясь разобраться с дизелем, не глуша его полностью.

— Как сейчас с батареями?

— Все еще менее 30 процентов от полного заряда, командир. Виноват, что так медленно, но я не могу выжать большего из третьего дизеля, а два других, как вы знаете, неработоспособны. Электролит настолько горячий, что требуется вдвое больше времени по сравнению с обычной зарядкой.

— Понимаю. — На самом деле Шумков не совсем понимал, но был внимателен и благожелателен с механиком. — Мы продолжим зарядку; этот самолет все еще не знает, что мы здесь, поэтому попробуем продолжить, но если нам придется срочно погружаться, будь готов немедленно прекратить зарядку.

— Если нам придется погружаться в таком состоянии, то мы будем ограничены в скорости — меньше двух узлов, и через несколько часов нам опять придется всплывать. Запас мощности у нас сейчас минимальный, и вы знаете, что батареи не заряжены, а при последней проверке у электролита была опасная температура — 120 градусов. На самом деле ужасно.

— Понятно. Давай-ка вниз и постарайся изо всех сил. Может быть, через несколько часов это все закончится, — обеспокоенный психическим состоянием механика, Шумков попробовал его немного приободрить.

Лодка продолжала движение, медленно покачиваясь на зыби; скорость хода не превышала двух узлов, и единственный работоспособный дизель пыхтел, обеспечивая скудный заряд массивным 448 банкам двухвольтовых батарей общим весом 1430 фунтов (около 640 кг. — *Прим. перев.*); батареи выдавали напряжение 224 вольта. Все время, пока он стоял на открытом мостике, Шумков ощущал легкий запах хлора и думал о том, как

плохо внизу. Объем балласта был отрегулирован таким образом, что над водой выступал только верх надстройки, да и то не полностью над водой, но все-таки больше, чем в режиме РДП, когда в воздухе оказывался только воздухозаборник. Во время зарядки батарей они могли проветривать лодку и даже кратковременно включать обзорную РЛС, надеясь на то, что при таком волнении моря американцы не засекут работающий радар.

Юго-восточный ветер набирал силу, посылая на них шквал за шквалом, но было по-прежнему тепло и влажно, даже на открытом мостике. Внизу, внутри лодки, был загрязненный воздух, и Шумков подумал о матросах, несущих вахту в отделении электромоторов. Почему бы не воспользоваться преимуществом, которое давала низкая облачность, и не вывести на мостик больше людей? Они всегда смогут его быстро очистить. Это сотворит чудеса с моральным духом и будет полезно для здоровья в целом. Для учета личного состава, находящегося на открытых навигационных мостиках, имелась тщательно продуманная система. Позади трапа, ведущего из ЦКП через основной люк наверх, висели металлические жетоны. Любой член экипажа, на вахте или вне ее, при подъеме по трапу и при пересечении среза внешней водонепроницаемой крышки обязан был иметь этот жетон при себе. При спуске вниз он вешал жетон обратно на крючок. Такой способ учета позволял постоянно знать количество людей наверху, так что вахтенный офицер в случае срочного погружения точно знал, сколько людей должно покинуть мостик перед тем, как закроют основной люк. Некоторым такая процедура казалась излишней, но в темное время суток зачастую многого не увидишь и не услышишь под грохот набегающих волн, бьющихся о корпус, и можно легко ошибиться. Бывали случаи, когда поднявшийся на палубу курнуть член экипажа, не взявший с собой жетон, оставался наверху во время срочного погружения — неприятная ситуация, и не только для человека наверху, вне прочного корпуса, но и для командира лодки, поставленного перед дилеммой — всплывать, чтобы найти и спасти человека, или, в смертельно опасной ситуации, оставить его на затопленной палубе или на поверхности моря на корм акулам.

Пока Шумков раздумывал над тем, стоит ли поднимать на мостик больше людей, чтобы они хлебнули свежего воздуха и напомнили своей пылающей коже освежающий вкус дождевой воды, самолет на горизонте неожиданно снизился и стал выполнять заход на лодку. Через несколько секунд на воде мелькнула вспышка света — самолет прошел над ними.

— Он засек нас! — Шумков вцепился в руку наблюдателя. —

Дуй вниз, мы погружаемся! — Он наклонился к рупору. — Срочное погружение! Срочное погружение! Очистить мостик!

30 октября 1962 г.

1 час 30 минут, ночь, вторник
ЭМ ВМС США «Блэнди»
300 миль северо-восточнее пролива Кайкос

«Блэнди» вернулся в состав группы «Эссекса» в воскресенье, 28 октября, и в течение двух дней вместе с другими кораблями АПУГ пытался восстановить контакт с «С 18». Удачливей других оказался самолет «Р-3» лейтенанта Бартлетта, который ранним утром во вторник визуально и с помощью радиолокатора обнаружил контакт приблизительно в 15 милях к северо-востоку от «Блэнди». На скорости 25 узлов мы двинулись в сторону контакта, радуясь возвращению в противолодочную игру, которая была нам так хорошо знакома.

В центре боевой информации операторы РЛС Брюс Когсуэлл и Руди Бамп продолжали заниматься трассировкой счисленного пути на покрытом стеклом планшете, поверх которого лежала калька, на которую они наносили отметки координат, полученные во время визуального контакта «Р-3» лейтенанта Бартлетта. Местоположение собственного корабля отмечалось белой точкой, которая автоматически перемещалась по мере изменения курса и скорости корабля. Когсуэлл наносил обстановку в северной части планшета, Бамп — в южной. Стоявший рядом с Когсуэллом Фрэнк Фленеген держал сигару в углу рта.

— Когсуэлл, надевайте головные телефоны и приступайте к дежурству на станции воздушного поиска. Келли пытается уговорить «Аделфи» передать нам управление «Р-3», а вы у нас лучший авианаводчик.

— Сэр, Сарелла лучше меня.

— Отправляйтесь туда, черт побери, я знаю, что делаю. — Фленеген повернулся к расписанию и уточнил позывной самолета. — Его позывной «Полоска-21». Живо надевайте телефоны.

После этого разговора к Фленегену подошел капитан-лейтенант Кэмпбелл, старший офицер штаба.

— Фрэнк, коммодор хочет, чтобы «Р-3» управлял наш штабной наводчик.

— Черт побери, вы же знаете, что Когсуэлл гораздо лучше

вашего парня. Он лучший на флоте.

— Фрэнк, я здесь не для того, чтобы дискутировать. Отдайте нам его наушники и место.

Словно призрак, неожиданно возник командир эсминца.

— О чем вы тут вдвоем спорите, черт побери? Где «Р-3»?

— Сэр, им все еще управляют с авианосца…

Келли прервал старшего офицера штаба:

— Мы забираем самолет у «Аделфи», ваш начальник только что сказал мне об этом.

— Сэр, под словом «мы» он подразумевал штаб.

— Херня. Он сказал «мы», подразумевая нас, эсминец. Фрэнк, кто будет им управлять?

Фленеген указал на Когсуэлла, сидевшего в готовности у экрана станции с наушниками на голове:

— Оператор РЛС Когсуэлл, сэр, он у нас…

— К черту, Фрэнк, я знаю, что он лучший, лучший на флоте, мы сами его учили. Теперь свяжитесь с «Р-3», пусть он начинает поиск по увеличивающейся спирали. Мы будем искать по квадратам, начиная отсюда, — и Келли указал точку на планшете.

Вот таким образом, в типичном для «Блэнди» стиле, Эд Келли и Фрэнк Фленеген забрали управление операцией от нерешительного и подавленного штаба. Коммандер Кэмпбелл, имевший прозвище Жирная бляха, спокойно удалился в кают-компанию для старших офицеров.

После примерно двух часов управления «Р-3» с позывным «Полоска-21», действовавшим в районе поиска, напряжение все еще витало в воздухе, хотя мы чувствовали себя опять в своей тарелке. Мы действительно не ожидали ничего большего, кроме обычных и скучных часов нахождения в боевой готовности. Время текло. Юго-восточный ветер крепчал, на море появилась зыбь, а я предавался созерцанию мерцающих впереди самолетных огоньков, но был неожиданно оторван от своих мыслей.

— Всем постам от центра боевой информации. У нас неустойчивый радиолокационный контакт, пеленг 350 градусов, дальность около 7 миль. — Контакт был совсем крохотным и появлялся на индикаторе развертки только после второго или третьего прохода луча, однако этого было достаточно, чтобы подвигнуть Келли к действиям.

— Говорит командир. Беру управление на себя. Право руля на курс три пять ноль, обороты машин на 15 узлов.

Я поправил наушники и поглядел на Келли, выглядевшего серьезным, но спокойным. По-прежнему была сплошная темень и низкая облачность, из-за порывов ветра с дождем видимость была

никудышной. Мы напрягали глаза, всматриваясь в направлении по пеленгу нашего радиолокационного контакта.

Мы различали огни «Р-3», кружившего впереди нас на дальности 4 мили, но надводного объекта не видели. Он оказался маленьким. У нас было искушение увеличить скорость, чтобы выйти на место до того, как контакт уйдет под воду — если этим контактом действительно была подводная лодка. Но Келли поступил умнее: он знал, что увеличение скорости может привести к утере обнаруженного нами контакта, к тому же на повышенной скорости наши гидролокаторы будут менее точны из-за возросшей турбулентности. Поэтому Келли снизил скорость хода с 22 узлов до 15, когда на его месте большинство других командиров эсминцев увеличили бы скорость хода просто в предвкушении успеха.

30 октября 1962 г.

Три часа утра, вторник
Капитан 2 ранга Н. Шумков
«Б-130»
Триста миль северо-восточнее пролива Кайкос

— Срочное погружение! Срочное погружение! — прокричал Шумков. Расчет ЦКП быстро отреагировал на команду.

— Есть, командир, срочное погружение, надводный борт чист. Подготовиться к закрытию основного люка и главного впускного, заполнить носовую группу танков, рули глубины — 10 градусов на погружение, полный вперед! Погружение, погружение! — Старпом Фролов напряженным голосом решительно отдавал команды с ЦКП.

А потом последовал шокирующий доклад от оператора гидролокатора:

— Центральный, гидрофон ведет крупный объект по правому борту, контакт надводный, предположительно — эскадренный миноносец.

Шумков скатился вниз по трапу прямо на пятки сигнальщика, который примостился на краю трапа в готовности задраить крышку основного люка после того, как командир спустится вниз в ЦКП.

— Гидролокатор, классификацию, быстро.

Запах внутри лодки был ужасающим.

— Есть, командир. У него два винта, идет на средней скорости, определенно — эсминец.

— Вот сука, — Шумков выплюнул слова сквозь зубы, отчетливо понимая, что ситуация отнюдь не улучшается, как он обещал механику. Внутри лодки стояла невыносимая вонь. Шумков четыре с лишним часа пробыл на свежем, сладком воздухе, и возвращение в зловонное чрево лодки походило на заход в пахнущую дерьмом сауну.

— Командир, дизель остановлен, главный впускной закрыт.

— Понял. Уходим вниз на 150 метров, обороты два узла вперед. Запустить экономный электромотор. Тихий ход! Новый курс два семь ноль. — Шумков вдруг подумал, что они вполне могут направиться к побережью США, поскольку американцы наверняка полагают, что лодка будет уходить на северо-восток, домой.

Машинное отделение повторило команду, и Фролов стал нараспев считывать глубину:

— Пять метров, семь метров…

— Слишком медленно, живее вниз! — Шумков вцепился в находившуюся позади рулевого потолочную рукоятку. — Вниз, вниз!

Рулевой чувствовал сзади буравящий взгляд командира и задал рулям угол больше, чем приказал Шумков. Слишком крутой угол мог излишне задрать корму вверх и усложнить ситуацию. Но им требовалось глубина, и требовалась быстро!

На центральном командном теперь уже все могли слышать над головой винты, молотящие по воде. Эсминец возник ниоткуда, быстро приближался и, казалось, намеревался ударить посередине лодки. Мозг Шумкова лихорадочно работал. Неужели американцы не видят лодку на экране РЛС? Может быть, слишком плохие погодные условия? Да, правильно, — самолет тоже не видел их больше двух часов. Должно быть, «атмосферная поляризация». Шумков вспомнил, что в те годы, когда он был связистом, то всякий раз, когда по тем или иным причинам радиоволны передатчика или радиолокационной станции не проходили, его наставник советовал ему пользоваться этим термином для объяснения всех случаев неудачного подбора радиочастот.

Духота обволакивала Шумкова, пот стекал по спине, разъедая промежность, капельки пота падали и с носа. В какой-то момент ему показалось, что его тошнит, но тошнить было нечем — в последний раз он ел еще до всплытия. Капитан потерял счет времени. Он хотел бы лучше владеть ситуацией и знать, воюют ли они сейчас? Это было нечестно; им необходимо было знать, можно ли применять оружие для самообороны или нужно считать, что они до сих пор в состоянии «холодной войны»?

Почему не было ни одного сообщения с новостями в циркулярной передаче по флоту на частотах длинных волн?

— Командир, он собирается таранить, а нам не хватает глубины. Сыграть аварийную тревогу? — Старпом, как всегда, оказался на один шаг впереди всех.

— Нет! Просто держитесь за что-нибудь. Рули глубины двадцать градусов на погружение. — Шумкову опять пришлось заставлять себя действовать спокойно. Лодка чуть наклонилась вниз, но все еще двигалась вперед. Звуки молотящих по воде двигателей становились громче. Он замер.

— Проходим восемь метров, командир.

Теперь винты были у них почти над головой. Эсминец либо их не видел, либо действительно собирался таранить лодку. Шумков решил покориться судьбе. Он отдавал правильные приказы, приказы безукоризненно исполнялись, и если их таранят — что ж, это будет провал при действиях в информационном вакууме. Это был стиль системы — придерживать информацию, доводить ее только тогда, когда им действительно будет нужно услышать. Для боевых лодок действовать в условиях полного незнания обстановки являлось ошибкой, ужасной ошибкой.

Лодку слегка качнуло, когда кильватерная струя от вспенивших воду винтов прошла прямо над головами. Шумков быстро оглядел ЦКП: все замерли, невольно уставившись вверх. Самому Шумкову в этот момент почему-то вспомнились спокойные ранние утренние часы на восходе солнца, когда ему доводилось рыбачить на Волге, и полюбившийся ему свежий запах травы в тихих заводях возле семейной дачи в Ярославле. Он мечтал оказаться там именно сейчас.

Хлеставшие воду винты стали затихать.

— Командир, контакт прошел над нами.

— Я и сам вижу! — Он тут же пожалел, что утратил свою невозмутимость, подумав, что он раньше никогда не показывал паники.

— Командир, обтекатель их гидролокатора был от нас в считаных метрах, — прошептал старпом, продолжая следить за показаниями глубиномера. — Проходим двенадцать метров, пятнадцать…

Шумков понял, что осадка эсминца по обтекателю гидролокатора составляет приблизительно десять метров. Им чертовски повезло. Его взгляд быстро пробежался по ЦКП и задержался на маленькой карточке, прикрепленной над местом оператора горизонтального руля. Что-то он не видел ее раньше, этой почтовой карточки русской православной церкви с

изображением Святого Николая, покровителя моряков. Под изображением была аккуратная надпись, сделанная от руки печатными буквами: «Жизнь на подводной лодке является не службой, а религией».

Он удивился, как это замполит до сих пор не конфисковал открытку. Открытое проявление религиозных чувств было строго запрещено в советских вооруженных силах. Шумков разглядывал ее, втайне надеясь, что она останется на своем месте, и сделал вид, что не замечает ее. Карточка оставалась на своем месте весь поход, и Шумкова удивило, как много членов экипажа находят приятным ее присутствие, даже делая вид, что не видят ее.

Акустики прослушивали удаляющийся по прямолинейному пеленгу контакт еще не менее получаса.

— Командир, они не сворачивали, потому что не видели нас или же у них был только пеленг, но не было точной дальности. А может, они хотели протаранить нас?!

— Они не будут таранить нас, пока мы не в состоянии войны, пока… — Шумков остановился на полуслове. Может быть, они находились в состоянии войны и не знали об этом! Отсутствие любых сообщений или специальных передач отнюдь не значило, что в общей обстановке нет изменений. Было над чем задуматься. Он был дисциплинированным офицером и старался действовать в духе уставов. Однако сейчас они оказались в ситуации, к которой он чувствовал себя полностью не подготовленным. У них не было информации; у них отсутствовало элементарное представление о стратегической ситуации или, конкретно для их случая, полной картины тактической обстановки. Лодка была в полном мраке, поскольку не имела разъясняющих указаний ни из Москвы, ни от командующего флотом, ни от командира бригады. Шумков должен был проявить инициативу. Несмотря на то что в советской военной подготовке упор делался на выполнение требований уставов до последней буквы, в арсенале командирских средств решения тех или иных задач инициатива стояла на последнем месте. Согласно учебникам марксизма-ленинизма, в перечне вариантов, которыми могли воспользоваться командиры, инициатива не стояла достаточно высоко, поскольку — теоретически — и партийная организация, и централизованное планирование, и командование не могли ошибаться. В его конкретном случае, из-за полного отсутствия информации, иного выбора не было.

— Фролов, — прошептал он, — идите вниз, в отсек радиоперехвата, и возьмите у связиста записи перехвата радиообмена. Вместе с Чепраковым перечитайте записи и расскажите мне, о чем болтали американцы в своих тактических

радиосетях в течение последних сорока восьми часов. Появились ли какие-нибудь изменения в правилах ведения радиообмена? Не находятся ли они в повышенной степени готовности? Все прочитаете, все проанализируете и доложите мне.

— Есть, товарищ командир! — Фролов быстро покинул ЦКП, направляясь на корму; он пригнулся, пробираясь через люк, а потом аккуратно прикрыл его. На лодке опять воцарилась тишина. Слышалось только жужжание электрооборудования и возня операторов горизонтальных и вертикальных рулей, работавших с органами управления. Тянулись долгие минуты, и Шумкову опять стало не по себе. Неожиданно тишину разорвал высокий звук от свистящего гидролокатора.

— Командный, докладывает акустик. Эсминец активизировался и возвращается на удвоенной скорости. Они до сих пор нас не видят.

— Держать глубину 120 метров. Прекратить всякую деятельность! Полная тишина! — Шумков тяжело дышал, прислушиваясь. Слушали и его подчиненные.

Несколько часов они дрейфовали, потом медленно ползли по курсу в общем направлении на запад, к американскому побережью. Эсминец ходил кругами в двух милях от них, но, очевидно, не имел уверенного гидролокационного контакта, Режущие слух звуки от посылок его активного гидролокатора повторялись каждые двадцать секунд.

— Воронов, где сейчас находится слой? — Он припомнил, что когда он последний раз смотрел на штурманский планшет, то слой температурного скачка был где-то на 75 метрах. Это значило, что на 150 метрах они будут гораздо ниже линии, проходя которую звуковые волны преломлялись, но неодинаково, делая лодку только частично видимой или, если повезет, полностью невидимой для установленного на эсминце гидролокатора «SQS-23», который сейчас активно прощупывал глубины, пытаясь их обнаружить.

— Все еще возле стометровой отметки, командир.

— Очень хорошо, держимся на этой глубине.

И они несколько часов ждали, наблюдали и исходили потом.

30 октября 1962 г.

Три часа утра, вторник
ЭМ ВМС США «Блэнди»
Триста миль северо-восточнее пролива Кайкос

Гидролокатор «SQS-23», установленный на «Блэнди», хорошо показал себя в этих водах, и даже система распознавания «АСПЕКТ», сроду не работавшая, была в строю и прекрасно функционировала. После нескольких минут сопровождения Брэд Шерман сравнил акустическую сигнатуру лодки с образцом, имевшимся в базе данных гидролокатора, и классифицировал контакт как предположительно советская дизельная ПЛ дальнего действия класса «Фокстрот».

Напряженность возросла еще больше, когда командующий АПУГ сообщил нам, что советский транспорт «Юрий Гагарин» находится в пяти милях к востоку от обнаруженной лодки, а судно «Комилес» — в пяти милях к западу.

Мостик превратился в бедлам. Начали вызывать коммодора, чей позывной был «Абигейл Зулу». Потом пошли звонки непосредственно для «Блэнди» (позывной «Эксклэмейшн») — сначала от командующего АПУГ на авианосце «Эссекс» (позывной «Аделфи»), а потом от ГК ВМС США на Атлантике, чей священный позывной был величественная «Топ Хэнд» («Верховная власть.» — *Прим. перев.*).

— «Эксклэмейшн», говорит *сам* «Топ Хэнд». — Я услыхал, как в громкоговорителе открытого мостика рокочет внушающий благоговейный ужас позывной ГК ВМС США на Атлантике, и мои колени подкосились. Оглядевшись, я увидел, что коммандер Келли, коммодор и старший офицер штаба собрались на выступе мостика и о чем-то горячо спорят. Я взял микрофон, потому что никто из них вызова не слышал. Это была командная радиосеть высшего звена управления, радиообмен в которой осуществлялся голосом; в этой радиосети должны были работать только штабы. А теперь позывным «Эксклэмейшн» они вызывают наш «Блэнди»! Я взглянул на стайку старших офицеров, те по-прежнему не реагировали на происходящее. Надо принимать меры, решил я.

Я робко взял микрофон. Ну почему все оказались на выступе мостика?

— «Эксклэмейшн» понял, прием. — Я отвечал самому господу Богу.

Пауза, потом на другом конце кто-то произнес:

— Подождите одну минуту, — и я представил себе набитый людьми командный центр в штабе ВМС США на Атлантике.

Когда я занимался на курсах по ядерному оружию в Норфолке, мне довелось один раз с ознакомительной целью побывать на этом командном центре. Я мысленно представлял себе толпу старших офицеров в темно-синей форме с блестящими золотыми шнурками. ВМС США в таком объеме прививали своим младшим офицерам благоговейный страх по отношению к

начальству, что у тех возникало как бы врожденное уважение к высшему рангу. Я припомнил свою встречу с ГК ВМС США на Атлантике во время приема по случаю нашего окончания курса. Адмирал Роберт Денисон говорил нашему классу о важности только что законченного нами курса, а позже, во время приема, мы подходили к нему и представлялись. Когда я приблизился к адмиралу, то едва передвигал ноги от страха. Он возвышался над нами в своей темно-синей форме, украшенной колодками и таким количеством золотых полосок, что я даже не смог их сосчитать. Адмирал глядел прямо на меня и ждал, когда я представлюсь. Я замер, не в состоянии вымолвить ни единого слова. Такова была моя первая встреча со старшим адмиралом, и память высветила в моей голове эту картинку теперь, когда я стоял на мостике «Блэнди» и держал микрофон так, словно это был заряженный пистолет. Обстановка взывает к немедленным действиям, подбадривал я себя, и мне, конечно, следует вмешаться.

Новый голос прогрохотал в радиосети:

— Говорит сам «Топ Хэнд». С кем я разговариваю? Прием.

Голос был низким и властным. Я открыл было рот для ответа, но тут неожиданно рядом со мной оказался коммандер Келли, только что ворвавшийся в рубку. Он посмотрел на меня и, почувствовав, очевидно, мою нерешительность, по-особенному улыбнулся.

— Я займусь этим, — мягко произнес он и, к моему облегчению, взял микрофон и продолжил разговор: — Говорит сам «Эксклэмейшн». Продолжайте, «Топ Хэнд».

Я едва дышал. На моих глазах происходящее в рубке превращалось в почти хаос. Старший офицер штаба что-то обсуждал с коммодором; на высоких тонах вел разговор Келли, давая Главкому Атлантического флота свою оценку обстановки. И вдруг в моих головных телефонах раздался вызов:

— Мостик, докладывает гидролокатор. У нас гидролокационный контакт, пеленг три четыре пять. Как поняли, мостик? — Для меня все остановилось, но в крови пульсировало возбуждение. Мы постарались, выполняя то, что мы могли сделать лучше любого другого эсминца на флоте, и прихватили этого парня! Неожиданно я осознал, что от меня ждут ответа.

— Понял вас, гидролокатор. — И я завопил во всю силу легких: — Гидролокационный контакт, пеленг три четыре пять, классифицируется предположительно как подводная лодка! — Все глаза на мостике повернулись в мою сторону, после чего у меня возникло такое ощущение, что я голый стою в одиночестве на мостике.

Коммандер вдруг опять оказался рядом со мной, он сгреб

рукой мое плечо и уставился на приковывающий внимание указатель выбора противолодочного оружия. Мне стало полегче.

— Скажите гидролокатору, что мне нужна оценка, немедленно! — гаркнул Келли.

Весь мир неожиданно сфокусировался на авианосце «Эссекс» и нашей ПУГ. Согласно боевому приказу, мы должны были дать подлодке сигнал всплыть и идентифицировать себя.

Атмосфера на мостике стала еще напряженнее. Коммодор Моррисон разговаривал в однополосной радиосети высшего командования со штабом Атлантического флота, имевшего позывной «Топ Хэнд». Я слышал, как Моррисон нервно выговаривал с мостика:

— «Топ Хэнд», «Топ Хэнд», я «Абигейл Зулу»… «Эксклэмейшн» поддерживает гидролокационный контакт с предположительно советской подводной лодкой, предположительно класса «Фокстрот».

Наш доклад уже был направлен ранее «Аделфи», т. е. командующему ПУГ, но в связи с важностью события и в силу других причин командный центр Атлантического флота напрямик связался с «Блэнди», и теперь коммодор Моррисон разговаривал напрямую, не кодируя переговоры, с корреспондентом, чей голос, полагали мы, принадлежал самому адмиралу Денисону, Главкому Атлантического флота. Пройдя до этого не один инструктаж по безопасности связи, я был поражен тем, что в сети высшего командования используется открытый радиообмен и любой, у кого имеется настроенный на эту частоту радиоприемник, может прослушивать переговоры.

— Вахтенный офицер, — произнес Келли необыкновенно приглушенным голосом, — вызовите сюда Гэри Ладжера, пусть он подменит вас. Вы установили контакт с лодкой и поработали с ней, Бассет, теперь ступайте вниз и выпейте чашку кофе — вы его заслужили, быстро сделайте «пи-пи» и возвращайтесь на мостик. Жду вас через десять минут. — Он говорил абсолютно серьезно, полностью контролируя ситуацию.

Я никогда не забуду звон колокола и шум боевых расчетов, занимающих посты — «передние и верхние по правому борту, задние и нижние по левому борту» — на тренировках мы отработали эту операцию наизусть. Когда шум бегущих ног разорвал тишину ранней утренней вахты, я все еще стоял на мостике с головными телефонами. Мои обязанности заключались в обеспечении непрерывной связи между гидролокатором и мостиком, центром боевой информации и главной батарейной площадкой, где распоряжался офицер по оружию, могущий управлять оттуда огнем всех видов оружия — как

противолодочного («Хеджехог», торпеды, глубинные бомбы), так и артиллерийского (главный калибр — пятидюймовые орудия, и вспомогательный калибр — трехдюймовые).

Стоявшие на пусковых установках противолодочные реактивные снаряды «Хеджехог» были снаряжены боевыми частями с взведенным взрывателем; боевые торпеды заменили учебные торпеды «Марк 32» на торпедных аппаратах в средней части эсминца. Мы все на постах надели снаряжение по боевому расписанию. Посмотрев вниз с открытого мостика, я увидел пусковые установки «Хеджехог» на торпедной палубе ниже мостика и смог разглядеть реактивные снаряды защитного цвета с желтой надписью «боевой заряд» и тупоносые, с насечкой, взрыватели, поблескивающие в смазке. Именно тогда большинство из нас впервые краем глаза увидели снаряд «Хеджехог», настоящий, а не нарисованный на учебном плакате тренажера противолодочной войны в Ньюпорте.

Гэри Ладжер, запыхавшись, прибыл на мастик и подменил Джима Бассета по исполнению обязанностей вахтенного офицера и по управлению кораблем. Джим пошел вниз, на главную батарейную площадку. Как офицер по оружию он должен был убедиться, что боевые снаряды доставлены подъемниками боеприпасов к готовым рабочим поддонам на установках номер пятьдесят один и пятьдесят два. Потом он направился в кают-компанию, выпил чашку кофе и отправился на мостик. Достигнув самой верхней ступеньки трапа, он вдруг остановился, развернулся и опять спустился вниз, потому что забыл сделать остановку в гальюне. Позднее он порадовался, что в гальюн он все-таки успел сходить.

30 октября 1962 г.

Четыре часа утра, вторник
Капитан 2 ранга Н. Шумков
«Б-130»
На глубине 350 футов
Триста миль северо-восточнее пролива Кайкос

Шумков стоял в центральном командном и наблюдал за глубиномером, механик Виктор Паршин находился рядом с командиром.

— На сколько еще хватит батарей?

— Не более чем еще на полчаса, товарищ командир. — Они оба ощущали тряский шум, доносившийся наверх из рубки

пассивного гидролокатора, соединенной слуховой трубой с командным постом.

— Наверху против нас действуют «Орион» «Р-3», плюс «Трэкер» и вертолет «Си Кинг» с погружным гидролокатором, они работают вместе с чертовыми эсминцами. — Шумков нажал кнопку громкоговорящей связи. — РТС, дайте мне идентификацию эсминцев, которые работают с самолетами, по-моему, они тоже из группы «Эссекса».

— Так точно, товарищ командир, это эсминцы «Блэнди» и «Сперри» из состава 24-й эскадры, часть ПУГ «Браво» авианосца «Эссекс». На борту «Блэнди» находится командующий эскадры. Там есть еще эсминец «Бори», но он с линии блокады и не входит в состав поисково-ударной группы.

— Хорошо, — ответил Шумков. Странным образом ему захотелось представить, как выглядят эти корабли. Кто их командиры? Есть ли у них дети? Он начал думать о нелепых вещах.

— Продолжаем движение на экономном ходу. Полная тишина! Попробуем от них оторваться, хотя через полчаса нам придется всплывать для зарядки батарей. — Шумков был в поту, скапливавшемся в покрытых сыпью подмышках и паху, а теперь вот что-то жгучее кольнуло и в голову. От язвочек распухли ноги, поэтому он уселся на обитое кожей маленькое сиденье позади оператора рулей и положил ноги на штурманский планшет. Единственным способом снять боль в ноющих ногах было немного приподнять их. Температура воздуха в отсеках составляла 65 градусов по Цельсию.

30 октября 1962 г.

Ранние послеполуденные часы, вторник
ЭМ ВМС США «Блэнди»
Триста миль северо-восточнее пролива Кайкос

Американские эсминцы продолжали удерживать контакт. Словно прикованный, коммандер Эд Келли замер перед указателем выбора оружия, тем временем Джим Бассет отдавал короткие и спокойные команды рулевому, который вел эсминец водоизмещением 3800 тонн по кругу на расстоянии 4000 ярдов (немного менее 4 км. — *Прим. перев.*) от лодки. Самолет «Трэкер» «S2F» с авианосца «Эссекс» каждые 15 минут совершал на малой высоте жужжащий проход над контактом, подтверждая всякий раз возбужденным криком в эфире «Мэдмэн!», «Мэдмэн!» факт

обнаружения самолетным детектором магнитной аномалии отклонения в магнитном поле земли, вызванного двумя с половиною, тысячами тонн стали советской подводной лодки.

30 октября 1962 г.

Ранние послеполуденные часы, вторник
Капитан 2 ранга Н. Шумков
«Б-130»

Шумков стоял в ЦКП; пот стекал по спине, затемняя его синюю рабочую форму. Он старался не падать духом, но ему пришлось прочувствовать, каковы ставки в этой игре. В ста метрах над ними были два винта американского эсминца; только что он вместе со штурманом листал справочник и вычитал, что их преследователь принадлежит к классу эсминцев типа «Форрест Шерман», называется «Блэнди» и имеет номер 943 на носу — по иронии, подумал он, всего два знака разницы с его собственным тактическим номером 945, нанесенным по обеим сторонам боевой рубки белыми цифрами. Было смешно думать, что меньший номер должен был бы принадлежать ему, а не американцу, поскольку они были под ним. Его мозг напряженно работал, а он опять чувствовал недомогание от долгих часов бдения, в течение которых он всего несколько раз прикорнул. Сколько же это будет продолжаться?

В какой-то момент Шумков почувствовал, будто вся вахта ЦКП одновременно глядит на него, рассматривает, пронизывает взглядом, стараясь выжать из него решение. Как им выполнить приказ избегнуть обнаружения и быть в готовности нанести удар по авианосцу? Что за чушь! Он понятия не имел, в какой преисподней находится сейчас авианосец «Эссекс», потому что «Блэнди» и этот настырный самолет, «Трэкер», заставляли его все время убегать.

Шумков посмотрел на глубиномер и заметил нерешительность рулевого.

— Черт побери, Панин, следите за глубиной! Держите 150 метров и прекратите дергаться! — Он тут же пожалел, что накричал, крик означает слабое руководство. Как все это закончится? Мозг его продолжал метаться, стараясь найти выход.

— Право руля пять градусов, снизить скорость до одного узла, поднять нос. Панин, дать пузырь в носовую! Гидролокатор, мне нужен пеленг на контакт.

— Командир, он слева по борту на дальности четыре тысячи

метров, ходит по кругу на рубеже радиолокационного обнаружения.

Рулевой напряженно смотрел на командира в ожидании новой команды на изменение курса, но команды не было. Он повторил:

— Товарищ командир, руль пять градусов вправо. Машинное дает обороты один узел.

Отзвук неожиданного клацанья прозвучал в центре. От него у Шумкова на затылке волосы встали дыбом, он машинально крутанулся на месте, оглядывая приборы, и обратился к офицеру живучести:

— Что за чертовщина?

— Командир, это опять главный вал подшипника второго номера, на этот раз что-то… — Офицер остановился на середине предложения, вслушиваясь в сообщение в его головных телефонах. — Машинное отделение докладывает о затоплении под главным валом подшипника второго номера, откуда-то поступает морская вода.

Шумков обернулся, держась за ручку над его обычным местом.

— Дайте мне механика на связь, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Командир, носовой торпедный отсек запрашивает разрешения на установку взрывателей на первую и вторую торпеды для проведения предпусковой проверки.

— Разрешения не даю, мы ведь не на войне, а все еще на маршруте. Дайте офицера-минера. Пусть он наденет наушники.

— Командир, механик на линии, третий канал.

Шумков взял микрофон на висевшем над головой шнуре.

Он поморгал, пытаясь прочистить глаза. Где-то в уголке памяти он видел «специальные торпеды», перегруженные маленьким краном на борт лодки теперь уже почти три недели назад в заливе Сайда; торпеды мягко соскользнули в открытый грузовой люк переднего торпедного отсека. Какое-то время сцена казалась ему слегка непристойной, ведь в лодку «вставляли…» — как частенько подшучивал экипаж во время погрузки. Определенно, это была картинка из Фрейда — их лодка принимает стальные стержни диаметром 533 миллиметра со специальной окраской в носовой части, означающей, что это специальное оружие. Предполагалось, что только командир и офицер по оружию будут в курсе того, что означает цвет краски; также предполагалось, что все остальные будут считать их обычными боевыми головками из другой партии боеприпасов.

На каждой торпеде была боевая головка мощностью около 15

килотонн — достаточная мощность для подводного ядерного взрыва, чтобы уничтожить все в радиусе 10 миль, если у нее на самом деле та мощность, на которую рассчитывали ученые. Интересно знать, подумал Шумков, насколько точны физики в своих расчетах, откуда они знают, что в боеголовке пятнадцать килотонн, а не все пятьдесят, и есть ли у него и его экипажа шанс уберечься от взрыва, доведись им воткнуть одну торпеду под брюхо американскому эсминцу.

Шумков гнал эти мысли из головы; он определенно не ожидал, что когда-нибудь придется применить специальную «рыбку», хотя указания адмирала Россохо относительно применения этих торпед, записанные Шумковым в ночь их выхода в море, были недвусмысленны: «Во-первых, если вы атакованы глубинными бомбами и прочный корпус разрушен; во-вторых, если вы в надводном положении попали под обстрел и получили повреждения; и, в-третьих, по приказу из Москвы». Более ясными они быть не могли!

Шумков был уверен, что он слышит характерный звук глубинных зарядов, рвущих воду, но потом он вспомнил, что «Блэнди» вооружен противолодочными снарядами «Хеджехог» и торпедами «Марк-32», эти боеприпасы выстреливались вперед по ходу корабля. Зачем тогда американец продолжает кружить и делать проходы над ними, как будто он собирается бросать глубинные бомбы? Такие приемы были популярны на минувшей войне, а сейчас американец либо старается запугать его, прибегая к старомодным трюкам и давая понять Шумкову, что этот маневр является предупреждением перед реальной атакой, либо просто играется с ним.

— Переложить руль, — произнес он голосом, вновь обретающим уверенность. Пот стекал у него из-под носа и падал на маршрутную карту. Было жарко. Температура забортной воды в этой части Карибского моря составляла почти 30 градусов по Цельсию. Зудели язвочки под мышками, кожа под ремнем горела болью — последние три недели они не мылись.

— Товарищ командир, механик на третьем канале.

Шумков переключил телефон на третий канал и заговорил в микрофон, изо всех сил стараясь разговаривать спокойно.

Голос механика неожиданно громко зазвучал из громкоговорителей:

— Товарищ командир, мы разобрали главный дизель номер два и обнаружили там сквозную трещину в коробке привода, который не обеспечивает насосы охлаждения, поэтому охлаждения у нас недостаточно и в надводном положении будет перегрев. Прошу разрешения на вывод дизеля из эксплуатации. Я

вынужден это сделать, командир, потому что при очередном всплытии мы спалим подшипники и заклиним двигатель.

— Хорошо, мы продолжим дрейф. — Все один к одному и как нельзя лучше подходит к этой ситуации, подумал Шумков.

— Остановить двигатель, — прошептал он сквозь зубы. — Полная тишина. Механик, выключить главный электропривод, включить экономный приводной мотор, полная тишина. Акустик, пеленг!

— Пеленг сто двадцать, дальность четыре тысячи метров. Командир, американец опять разворачивается и увеличивает скорость, он собирается пройти над нами. — Они знали, что на «Блэнди», помимо другого вооружения, имелись и глубинные бомбы, но, если американец собирается их атаковать, почему бы ему не использовать дальнобойное оружие? Почему старомодные глубинные бомбы? Неожиданно три громких взрыва потрясли лодку. Щелк-бум, щелк-бум, щелк-бум. С потолка полетела пыль, в воздухе образовалась легкая пелена.

Глаза окружавших Шумкова людей расширились от испуга, и он осознал, что они ждут от командира выдержки и спокойствия. От этой мысли голова его неожиданно прояснилась.

— Приготовиться к атаке глубинным бомбами!

И все-таки Шумков никак не мог поверить, что в данной ситуации на них действительно сбросили взрывчатку. Их на самом деле атакуют!

— Спокойно, ждем. Акустик, где самолет «Трэкер»?

Старпом, побывавший ранее под атакой учебными глубинными бомбами, вдруг закричал:

— Командир, это не глубинные бомбы, для бомб это чересчур маленькая мощность, это ручные гранаты! Это сигнал, командир, это не атака!

— Херня, Фролов, это глубинные бомбы! Для такой глубины гранаты взрываются слишком громко.

— Нет, командир, это не бомбы! Если бы это были бомбы, мы бы пошли ко дну; вот, одна только что грохнула впереди у носовых рулей. Они взрываются громко и страшно, но для нас они не смертельны.

— Какой-нибудь признак самолета? — Шумков обратился к акустику.

— Нет, товарищ командир… да, так точно, я все еще принимаю посылки от последнего гидролокационного буйка, но работы на частоте длинных волн нет. Товарищ командир! — Оператор вдруг замер. — Товарищ командир, контакт увеличивает скорость, и… он разворачивается прямо на нас, точно. Он идет в лоб.

— Понял. Держать руль в этом положении по мере его прохода. Он опять проскочит над нами, а мы просто пересидим. — Шумков прошептал последние слова, ни к кому не обращаясь. Теперь все в лодке слышали звук винтов эсминца. — Дальность?

— Две тысячи метров.

Шумков вцепился в планшет, уверенный, что американец не будет атаковать, по крайней мере, до тех пор, пока у него не появится веская причина считать, что русские первыми чем-то ударили по нему. Он что, решил, что мы отрабатываем решение на открытие огня?

Винты эсминца просвистели над головой. Шумков моргнул несколько раз и почувствовал, что шум винтов стал затихать. И в этот раз американец бросил несколько подобных гранат, которые взорвались одна за другой. При каждом разрыве Шумков закрывал глаза, стараясь не моргать, но не мог сдержать себя.

— Контакт опять удаляется, товарищ командир, он уходит к рубежу радиолокационного обнаружения. А теперь я не уверен… — и последовала долгая пауза.

— Товарищ командир, он уходит. Сейчас он на дальности три тысячи метров и выполняет разворот. В общем, кружит по часовой стрелке на дальности четыре тысячи метров.

Шумков расслабился, пот струился по его спине. Было ужасно жарко. Лучший оператор гидролокатора выказывал признаки утомления. Шумков кивнул старпому Фролову, тот подошел к командиру, и Шумков отчетливо увидел, что тело старпома покрыто язвочками и ужасающей красной сыпью.

— Какого черта вы так плохо выглядите?

— Командир, это от смеси выхлопных газов дизеля и кислотных испарений от батарей. От этой заразы не избавишься, пока не искупаешься в море. Прикажите организовать купание, мы все тут же попрыгаем в море и искупаемся. А то я все не могу помыться в нашем засранном душе, который инженеры никак не отремонтируют.

Старпом выглядел грустным и озабоченным, Шумков взял его за руку и повел в занавешенный закуток штурмана.

— Акустик Кутов начинает выдыхаться, поэтому поставьте вместо него оператора с левого борта, — он почему-то не мог вспомнить имя оператора, которого он хорошо знал.

Фролов немедленно нашелся, почувствовав, что командир устал.

— Главстаршину Пронина.

— Да, конечно, немедленно поставьте его, пусть сменит Кутова. Тот хорошо работает, но начинает сдавать. Нужен свежий

человек, мы в очень тяжелой ситуации.

Старпом кивнул:

— Да, командир, я немедленно поставлю Пронина, — и он быстро отошел, пригнулся, преодолевая комингс, ведущий из командного центра на корму, мягко прикрыл дверь и задраил ее.

Шумков опять глянул в угол раскаленного командного центра.

— Офицер по живучести, возьмите данные по уровню кислорода во всех отсеках и нанесите на планшет. Доложите мне, когда закончите.

— Есть, товарищ командир. — Молодой офицер начал быстро, но спокойно говорить в микрофон, созваниваясь с отсеками и беря показания. Несколько секунд он быстро писал, потом озабоченно взглянул на капитана. — Товарищ командир, вот уже почти семнадцать часов…

Шумков перебил его:

— Я в курсе. — Потом, сразу же пожалев о жесткости, сказал: — Продолжайте, что там у вас?

— Товарищ командир, дела плохи, — офицер посмотрел на Шумкова красными от усталости глазами, округлившимися от волнения. — Хуже всего в машинных отсеках, там ниже минимума для работы в подводном положении. В замашинном отсеке уровень почти такой же низкий. В центральном командном ниже нормы, но выше минимума, В переднем торпедном отсеке ниже нормы.

Щумков знал, что они частенько действовали ниже стандартного безопасного уровня кислорода; это было жизненной реальностью на старых дизельных лодках. Но ему пока еще не доводилось находиться под водой с таким низким уровнем кислорода и таким большим содержанием углекислого газа, ведь они провели под водой почти семнадцать часов да к тому же меняли скорость.

— Ладно, обновляйте данные на планшете через каждые полчаса.

Шумков знал, что если они не освежат воздух, вскрыв емкости «НЗ», предназначенные исключительно для аварийных ситуаций, то вряд ли выдержат еще полчаса в подводном положении.

Больше всего его беспокоил углекислый газ. Очистители углекислого газа не выдерживали нагрузки, к тому же они уже перегрелись, превратившись в еще один пожароопасный объект. Генераторы кислорода забирали углекислый газ из воздуха и очищали его, вырабатывая кислород, но сейчас они были в плохом состоянии и малоэффективны. Плюс ко всему, окажись на

них или рядом с ними хоть капля масла, то может произойти взрыв и пожар. Ладно, сейчас не аварийная ситуация, и мы не на войне, подумал он. Но если они не будут всплывать, то позже все равно придется воспользоваться емкостями «НЗ», а пока надо держаться.

— Командир, — штурман появился перед ним неожиданно, — мы приняли внеплановую передачу на длинноволновой частоте. До плановой передачи у нас более двух часов. Командир, это боевая телеграмма, она требует, чтобы мы избегали контакта.

Большое спасибо, товарищ командующий флотом, подумал Шумков. Как, черт побери, мы можем избегнуть контакта с американцем, который почти семнадцать часов держит нас под водой, а у нас вышел из строя упорный подшипник и не хватает воздуха? Нам надо всплывать для подзарядки и вентиляции, но как это сделать, если над нами все время висит «Орион», а эсминец преследует нас, как гончая зайца?

— Командир, — штурман продолжал читать телеграмму, — они послали нам американское уведомление для мореплавателей по использованию неопасных гранат для обозначения приказа подводным лодкам на всплытие. Предполагается, что подводная лодка обозначает понимание приказа, всплывая курсом в восточном направлении…

Шумков оборвал его:

— Мы не всплываем, пока со всплытием у нас не получается. Ну-ка, дайте мне прочитать.

Шумков взял телеграмму — обрывок телетайпной бумаги, размякшей от влажности, и медленно прочитал ее. Да, из Москвы сообщали именно об этом, но там была еще и загадочная приписка от адмирала Рыбалко выполнять требования американского уведомления тогда, когда подводники посчитают нужным это сделать. Совсем немного руководящих указаний. Больше недели у Шумкова не было никаких известий от командира бригады Агафонова. Ранее предполагалось, что периодически они будут поддерживать связь — когда московская радиостанция, работающая в диапазоне сверхдлинных волн, будет ретранслировать приказы бригады. На частотах коротких волн разрешалось выходить только при чрезвычайных обстоятельствах. Следует ли считать чрезвычайными обстоятельствами пребывание под атакой?

— Фролов, — он передал сообщение старпому, — подготовьте ответную телеграмму. Доложите наши координаты и обстановку, а также состояние дизелей; мы передадим ее позднее, когда снова выйдем на перископную глубину.

— Есть, товарищ командир, — Фролов взял американское уведомление для моряков, прочел его и ушел в отсек связистов. Позднее они несколько раз пытались передать доклад об обстановке — в общей сложности сделав сорок две попытки, — пока пятью днями позже не получили подтверждение из Москвы в приеме доклада.

— Игорь, — Шумков повернулся к офицеру живучести, — сделай расчет. Как долго я могу оставаться на этой глубине с минимальной скоростью хода, ну, скажем, полтора узла, без всплытия под РДП?

Молодой офицер помедлил, делая расчеты, потом стал докладывать:

— Товарищ командир, при нынешнем режиме работы вентиляции у нас есть полчаса, а потом придется подключаться к воздушным емкостям «НЗ» во всех отсеках, кроме носового торпедного. После этого у нас будет еще девяносто минут.

Шумков уставился на молодого офицера, удивленный быстротой, которую тот проявил при расчетах.

— Здорово, ничего не скажешь.

— Товарищ командир, — закричал акустик, — американец возвращается с рубежа радиолокационного обнаружения, строго с севера, скорость высокая.

— Приготовиться, тишина. — Под словом «приготовиться» он подразумевал глубинные бомбы.

— Дальность две тысячи метров, командир… — Вдруг весь ЦКП замер, и вся вахта уставилась на акустика, который сорвал с головы наушники и вскочил с места. Вид у него был ужасающий. — Товарищ командир, что-то сброшено в воду, по звуку напоминает глубинную бомбу.

Шумков сгреб микрофон и закричал:

— Держитесь крепче, ждите применения глубинных бомб. Подготовить к затоплению торпедные аппараты первый, второй, третий и четвертый!

Штурман посмотрел на командира.

— Командир, у нас ведь на втором аппарате специальная боеголовка!

Шумков был ошарашен — откуда штурман знает? Может быть, знает весь экипаж; наверное, знает, потому что такие вещи никогда не скроешь от экипажа.

— Вы что, думаете, что я не в курсе? — И потом добавил, уже мягче: — Я знаю, я ведь видел, как их грузили. — Перед его глазами опять появилась зловещая стальная торпеда, исчезающая в люке лодки, стоявшей у причала в бухте Сайда. Его вдруг передернуло, как будто кто-то топтался поверх его могилы.

Оказаться бы снова в Ярославле, где тихо, много зелени и так прекрасно!

— Командир, на четвертом канале офицер по безопасности спецоружия из переднего торпедного отсека, он хочет поговорить с вами. — Фролов держал в руке трубку.

— Какого черта ему надо? Я почти не видел этого парня с того момента, как мы поднялись на борт, наверное, мы его разбудили! — Шумков взял трубку. — Это командир. Что вы хотите? — С другого конца линии послышался голос, слабый и дрожащий. — Ну, говори же, парень, мы туг очень заняты. Что случилось?

— Товарищ капитан второго ранга, мы не можем снаряжать эту торпеду без особых указаний Управления специального оружия главного штаба ВМФ…

Шумков оборвал его грязным ругательством.

— Тогда какого черта вы не позвоните в штаб по своему телефончику и не спросите у них? Или он у вас на глубине сто метров не работает? — Шумков начинал верить, что вся эта возня со спецоружием была просто блефом для острастки американцев, которые к этому времени, наверное, тоже об этом знали. Однако суровые слова адмирала Россохо все еще звенели у него в ушах.

Шумков сказал:

— Бога ради, торпеда уже в аппарате, так? Будь реалистом, сынок, — он помолчал, размышляя об этом парне, который наверняка испугался. — Да ты хоть был когда-нибудь раньше на подводной лодке, молодой человек? — Потом он пожалел, что прокричал эти слова в телефон. — Ладно, просто делай, что тебе говорят, а с разрешением я разберусь. — Он освободил линию для старпома, который сказал в трубку еще несколько слов и положил трубку на базу.

— Что вы думаете? — спросил старпома Шумков.

— Офицер по безопасности отошел от телефона после разговора с вами. На линии был Воронов, он сказал, что парень только что ударился лицом. Он прибаливает последние несколько дней, и я отправил врача посмотреть, что с ним.

Шумков улыбнулся:

— Да он просто испугался. — Он протер лицо тряпкой и по привычке пробежался взглядом по приборам на пульте, потом потянул Фролова за руку, отводя подальше от посторонних ушей, и прошептал: — Я не собираюсь снаряжать или применять это оружие. Мы погибнем, если применим его. Этот разговор был для его ушей, — он кивнул в сторону замполита, который разглядывал глубиномер, — ведь, что бы ни произошло, он будет докладывать, был я готов к применению или нет.

Секунду Фролов смотрел на командира, потом медленно покачал головой в знак полного понимания. Шумков прикрывал свой зад, демонстрируя решимость выстрелить спецторпедой, на самом деле он вообще не собирался стрелять. Если им удастся выжить, замполит доложит обо всем.

На ЦКП стояла мертвая тишина. Неожиданно послышался звук винтов эсминца, который приближался.

— «Допплер» поднят, шумопеленгаторы дают приближение, командир. Через тридцать секунд он будет над нами.

— Очень хорошо, — Шумков размышлял недолго и вскоре принял решение. — Приготовиться, скорость два узла, руль право на борт, подготовить к пуску кормовую шумовую ловушку.

Аппараты для отстрела ловушек размещались в начале кормового торпедного отсека по его обеим сторонам. По виду они напоминали миниатюрные торпедные аппараты, они заполнялись водой, и из них производился отстрел специальных банок-ловушек, которые в результате химической реакции в банке испускали вихрь пузырей, отвлекая тем самым гидролокатор противника и маскируя неожиданный поворот, изменение глубины погружении лодки или ее курса. Для нетренированного и непривыкшего уха все это напоминало шум маленькой торпеды.

— Надеюсь, этот парень знает, на что он идет, — мягко произнес Шумков, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Командир, — возбужденно воскликнул офицер-минер, — они решат, что это торпеда, и могут открыть огонь.

Шумков обернулся и холодно взглянул на него.

— Такую возможность я допускаю. А сейчас — приготовиться, всем держаться в отсеках, рули десять градусов на погружение, увеличить скорость до трех узлов, уходим на глубину 350 метров. — На электрическом ходу они еле-еле могли держать скорость три узла в течение нескольких минут.

— Командир, — старпом Фролов находился чересчур близко, стесняя Шумкова неприятным запахом изо рта и потом. — Командир, — прошептал Фролов, — у нас максимальная безопасная глубина триста двадцать пять метров.

Лодка начала подрагивать, когда, выбиваясь из сил, заскулил единственный электромотор, давая нужную скорость, и нос лодки стал заметно проседать.

— Отстрел ловушки по левому борту, немедленно!

— Командир, американец идет прямо на нас!

— Прекрасно, может быть, он поймается на ловушку и потеряет нас в этом «кастете». — Шумков слегка улыбнулся. — Рули глубины держать горизонтально, остаемся на двухстах пятидесяти метрах, постоянный курс ноль девять ноль. Через

двадцать секунд остановить двигатель, сверхтишина.

Они ждали. Шумовая ловушка выскочила из пусковой трубы кормового торпедного отсека и начала движение наверх, испуская шипение и пузыри воздуха.

Шумков склонился над экраном гидролокатора и внимательно наблюдал. Американский эсминец продолжал двигаться к центру круга, по окружности которого он ходил. Но в центре круга лодки уже не было, она была на добрые полмили севернее, а вот шумовая ловушка шла прямо в центр. Турбулентная вода, называемая «кастет», взболтанная их последним маневром, может удачно замаскировать их от американского гидролокатора. Секунды тикали, так прошло несколько минут. Шумков опять почувствовал, как струйки пота со спины стекают ему в туфли. Боль в ногах была изнуряющей, ему нестерпимо хотелось присесть и приподнять ноги, но он знал, что ему надо держаться.

Командный центр неожиданно был пронзен писком — американский эсминец на всю мощь врубил гидролокатор. Звук работающего на полную мощность активного гидролокатора «SQS-23» на близком расстоянии действовал невыносимо на слух, и некоторые из русских моряков закрывали уши ладонями, пытаясь защититься от пронзительного визга. Шумков посмотрел на глубиномер, обернулся к старпому, намереваясь что-то сказать, но потом остановился. Он поднял руку, словно готовился дать сигнал, но продолжал размышлять. Собирается ли американский эсминец стрелять в центр предыдущего круга, или же его командир разгадал их маневр?

Вся вахта следила за секундной стрелкой, двигавшейся по циферблату хронометра: сорок, тридцать, двадцать секунд, потом ноль.

— Двигатель остановлен, товарищ командир.

— Понял. Попробуем начать всплытие. Рули десять градусов на всплытие! Приготовиться, — прошептал Шумков Фролову — Пусть Воронов будет готовым к открытию огня по моей команде.

— Есть рули десять градусов на всплытие, — и через несколько секунд: — Командир, работает только один руль. Правый руль заклинило последним взрывом.

— Очень хорошо, продолжим попытку. Механик, приготовиться врубить второй и третий дизели после открытия главного впускного. — Не подумав, он отдал команду автоматически, хотя и знал, что оба дизеля не работают.

Последовала пауза, потом в динамике громкоговорящей связи раздался голос механика:

— Командир, не работают все три дизеля, и нам придется

идти на экономном электроприводе.

— Знаю, — ответил Шумков, — я считал, что хоть один-то дизель вы сделали. У нас немного не хватает мощи. — Шумков посмотрел на глубиномер — они все еще погружались. Он отдал приказ просто по привычке.

Боже мой, подумал Шумков. Они продолжали идти вниз; им не хватало мощности для подъема на поверхность, оставшегося заряда батареи было достаточно только для хода на экономном моторе. Этого было недостаточно.

— Продуть носовую балластную группу, быстро. Машинное, выжимайте из мини-передачи все, что можете, это последнее, что у нас осталось. — Все уставились на глубиномер. Как же это так получается, подумал Шумков, что они будут всплывать, даже не зная, идет ли наверху война. Когда они всплывут, не разнесут ли их вдребезги американские эсминцы «Блэнди», «Бори» и «Сперри» из своих орудий главного калибра? Откроют ли огонь самолеты? Ночь назад они подпольно прослушивали американские радиопередачи; он, замполит и офицер связи узнали все про американскую блокаду Кубы. Может быть, сейчас идет самая настоящая война. Тогда какая разница, что он не может поднять «Б-130» на поверхность? Они просто исчезнут в глубине… Больше двух миль вниз?

Шумков неожиданно стал приходить в себя. Ну что ж, так приходит конец. Он взглянул на глубиномер — он-то думал, что они сбросили скорость, но они все еще продолжали опускаться — 265 метров, 270. Шумков вдруг расслабился и спросил самого себя, так ли все происходит, когда ты знаешь, что скоро умирать. Если они продолжат спуск, то это будет верная смерть. А что получится, если удастся всплыть?

30 октября 1962 г.

Шесть часов вечера, вторник
ЭМ ВМС США «Блэнди»
300 миль северо-восточнее пролива Кайкос

Весь мостик, центр боевой информации и пост гидролокатора приняли непосредственное личное участие в охоте. Я опять сменил Дэна Давидсона у коммутатора внутри корабельной связи «1JS», расположенного на открытом мостике со стороны командира, который посредством громкоговорящей связи сообщался с постом гидролокатора, ЦБИ и офицером по применению оружия. В мои обязанности входило доведение

информации до этих трех постов.

После нескольких начальных часов преследования прокладка курса стала почти автоматической работой, хотя короткие маневры русской лодки нарушали спокойствие и требовали возобновления поиска до восстановления контакта — действия, от которых волосы вставали дыбом и в крови бил адреналин. Экипаж ел сухие пайки на постах и покидал посты — и то после подмены — только в гальюн.

В середине семнадцатого часа преследования контакт снизил скорость, замер в глубине минут на десять и начал быструю серию резких маневров.

Отслеживая третий маневр лодки, Вестерман неожиданно произнес напряженным голосом по громкоговорящей связи:

— Мостик, это гидролокатор. Шумы на пеленге ноль пять ноль, по звуку напоминают торпеду.

Я продублировал доклад от гидролокатора и почувствовал, что у меня затряслись колени.

Коммандер Келли, находившийся поблизости, схватил меня за грудки и, скрутив мою защитную рубаху, поднял меня и брякнул мной о переднюю переборку рубки. Моя каска клацнула и сползла на глаза.

— Черт, скажи ему, пусть повторит.

Весь дрожа, я передал слова коммандера:

— Гидролокатор, повторите.

— Подождите одну минуту, — ответил Вестерман.

— Подождите, вот сука! — заорал коммандер, выпуская меня, и побежал на правый выступ мостика. — Руль право на борт, полный вперед, установки «Хеджехог» правого и левого борта — к бою! Боевой, доложите дальность и пеленг на контакт! Гидролокатор, доложите решение на стрельбу «Хеджехогами»! Торпедные аппараты правого борта — к бою!

Я следовал за командиром, когда корабль резко лег на правый борт и рванулся вперед, прибавив обороты вращения вала. Мы повернули в сторону контакта.

Чувствуя себя полностью потерянным, я быстро выбрал кабель микрофона на всю его длину и неожиданно остановился, чуть не свернув шею, потому что ударился подбородком о динамик громкоговорящей связи, от чего моя стальная каска слетела с головы и со звоном упала на палубу.

Келли, сжимавший в одной руке микрофон радиосети высшего командования, свободной рукой схватил меня за рубаху.

— Гидролокатор, скажите, ради Христа, что происходит?

Я ждал, что мир вот-вот закончит свое существование в увеличивающемся в объеме огненном шаре и время застынет в

чудесном закате вечернего солнца. А потом в наушниках послышался возбужденный голос Руга:

— Слава Иисусу, это не торпеда, а жестянка ложной цели; они опять пытались оторваться от нас.

Волна громадного облегчения нахлынула на мостик, когда я повторил слова Руга коммандеру и центру боевой информации. Ситуация продолжала оставаться опасной, мы все еще на полной скорости шли прямо на лодку, более-менее представляя, что же произошло.

«Блэнди» на полном ходу продолжал двигаться по предыдущему пеленгу на контакт, давая понять лодке, что мы отворачиваем. Командир лодки тем не менее мог все-таки неверно понять наш маневр как отворот после применения оружия. Знал ли он, что мы по-прежнему были достаточно далеко, чтобы пускать «Хеджехог»? Знал ли он, что мы не стреляли торпедой? Разве он не слышал, что торпеда не шлепнулась в воду? Цепочка вопросов требовала ответов, а пока мы оторвались от контакта на полторы мили и встали на курс, параллельный курсу и скорости лодки. К счастью, командир лодки либо знал, что он проверил нашу реакцию на шумовую ловушку, или же он был очень уверен в том, что командир американского эсминца достаточно умен, чтобы понять разницу между ловушкой и настоящей торпедой.

Вскоре после этого я спустился вниз, потому что мне давно хотелось в гальюн; мои наушники на время надел Дэн Давидсон. «Блэнди» спокойно шел на скорости примерно восемь узлов, слегка переваливаясь с борта на борт на вечерней волне, а солнечные лучи подсвечивали сумеречное море.

Когда я, чувствуя двойное облегчение, стал подниматься по трапу с главной палубы на торпедную площадку, то мельком взглянул на море. Там, словно дракон, появляющийся из глубин, рвала волны и медленно выходила из воды черная рубка подводной лодки.

Какое-то мгновение все на борту с трепетом взирали на лодку. Неожиданно, безо всякого приказа, носовая пятидюймовая пушечная установка «Блэнди» крутанулась вправо, нацелившись прямо на черную рубку лодки, которая продолжала всплывать, медленно разрезая волны.

Стоявший на правом выступе мостика коммандер взорвался:

— Верните эту проклятую установку на центральную линию! Бассет, командуйте своими пушками! Какой черт приказал повернуть орудие? Если русские это увидят, то у них будет полное право пустить в нас торпеду!

Пушечная установка тут же вернулась на центральную

линию. Джим Бассет, офицер по применению оружия, находился на выступе мостика вместе с командиром на тот случай, что последует приказ на открытие огня. Когда я вернулся на мостик, чтобы сменить Дэна Давидсона, Джим что-то торопливо говорил в телефон. Чувствуя сумятицу на мостике, я отошел, выжидая, перед тем, как сменить Дэна.

Вероятно, случилось вот что: когда лодка стала всплывать, штабной вахтенный офицер в центре боевой информации произнес нечто вроде «Похоже, корабль следует подготовить к надводному бою по правому борту». Кусочек фразы — «надводному бою по правому борту» — услыхал кто-то по трансляции, выведенной к артиллеристам, и нервный капитан-артиллерист на установке пятьдесят один перевел свое орудие на ручное управление, виртуально забрав управление пятидюймовым орудием у офицера по применению оружия, стоявшего на мостике, и моментально нацелил его на лодку. Мостик в конце концов исправил его промах, однако этот короткий инцидент показывает, насколько близко мы стояли от человеческой ошибки, которая могла инициировать развитие ситуации в неуправляемую катастрофу.

30 октября 1962 г.

Шесть часов тридцать минут, вечер, вторник
Капитан 2 ранга Н. Шумков
«Б-130»
300 миль северо-восточнее пролива Кайкос

Шумков находился в центральном командном и ждал, когда глубиномер покажет прохождение пятнадцати метров. Миновав отметку двадцать метров, лодка стала двигаться энергичнее, постепенно выходя на поверхность. Шумков приладил трап и с помощью мичмана начал вертеть колесо крышки нижнего рубочного люка. Они отвернулись, когда вода стала сочиться через прокладку, потом крышку люка откинули, и Шумков с двумя офицерами выбрались из люка, а старпом Фролов остался в ЦКП. Теперь вода едва сочилась, капля за каплей; Шумков взялся за перископ и подал на него питание. Лодка проходила отметку в десять метров, когда он начал вращать перископ, фокусируя оптику поворотом рукоятки с насечкой на поверхности. Воздух на штурманской площадке был влажным и насыщен испарениями, однако здесь он не пах канализационной трубой. Шумков сделал несколько глотков чистого воздуха и увидел в окуляре

появившийся глянцево-серый профиль эсминца. Лодка продолжала всплывать, а он, очарованный, наблюдал. Мичман, поднявшийся вместе с командиром, открыл крышку над трапом, который вел на открытую рубку мостика. Вниз полилась вода, потом сквозь отверстие люка показалось ясное небо. Шумков оставил перископ и выбрался в рубку, где ему пришлось несколько раз моргнуть, встретившись глазами с блестящими цветами и красками пылающего заката.

Картина была сюрреалистичной. Какое-то мгновение он наблюдал, как вахта в рубке разбирается со своими обязанностями, а потом заметил, как носовая пушечная установка эсминца поворачивается в его сторону; теперь Шумков глядел прямо в дульный срез пятидюймового орудия, которое было от него менее чем за тысячу метров. Лодка шла курсом строго на восток с курсом ноль девять ноль. Из-за малой скорости ее слегка покачивало на средней волне, однако его «Б-130», без сомнения, находилась на безопасном курсе, предписанном в американском уведомлении для мореплавателей, которое они получили в телеграмме менее двух часов назад.

Шумков закричал:

— Лево руля! Открыть внешние крышки на торпедных аппаратах номер один и номер два! Фролов, пусть Воронов готовит решение на стрельбу! Эти уроды направили на нас пушку и собираются открыть огонь.

Находившийся в ЦКП Фролов не имел возможности увидеть грозный ствол орудия.

— Командир, мы ведь на безопасном курсе, они не станут стрелять.

— К черту, доложить о готовности к пуску!

Шумков наблюдал за эсминцем в бинокль, оптика которого запотела, но все-таки приближала картинку. Он увидел фигурки в защитной форме на крыле мостика эсминца, они все были в стальных шлемах. Шумков почувствовал, что его кишечник непроизвольно расслабился, к счастью, он не ел уже несколько дней и поэтому избежал тяжкого испытания.

Внезапно, когда нос лодки уже стал разворачиваться, чтобы занять направление пеленга на эсминец, Шумков увидел, как крупнокалиберная пушечная установка шарахнулась в сторону от лодки и замерла, направив ствол орудия вперед по ходу эсминца и в сторону от них.

— Переложить руль, — скомандовал Шумков вниз.

— Есть переложить руль. Руль право на борт, сейчас на курсе ноль четыре ноль, — доложил оператор на руле.

— Лечь на курс ноль девять ноль, — приказал Шумков, к

которому возвращалось хладнокровие.

Не прошло и десяти секунд, как последовал новый доклад оператора:

— Легли на курс ноль девять ноль.

— Очень хорошо, — произнес Шумков, наблюдая за эсминцем, который уравнивал свой ход с малой скоростью лодки и оказался на траверзе лодки, на параллельном курсе и приблизительно в тысяче метров от нее. Неожиданно с сигнального мостика эсминца заморгал семафор. — Связиста сюда, быстро, они передают нам сообщение семафором, — приказал Шумков, который впервые почувствовал облегчение. От свежего воздуха у него даже закружилась голова.

Немедленно появился Чепраков и стал читать сигналы, поглядывая тем не менее в международный справочник.

— Командир, они спрашивают «Нужна ли вам помощь?».

— Нужна ли нам помощь? — Шумков расхохотался почти истерически. — Конечно, нужна. Как насчет парочки дизельных двигателей, тонны свежей воды и свежих овощей? — проворчал он. — Этого не передавать, и вообще, не отвечайте пока на семафор, дайте мне немного подумать. Принести сюда государственный флаг.

Матрос принес флаг и стал закреплять его в маленьком складывающемся флагштоке.

— Нет, я же сказал государственный флаг, а не военно-морской вымпел. Приказы почему-то требуют государственного флага, хотя я сам предпочел бы военно-морской флаг. Давайте пошевеливайтесь с флагом, и быстро сюда механика. — Шумков был в приподнятом настроении, он расслабился. Впервые он понял, что они не на войне — сейчас, по меньшей мере. Кажется, американцы ведут себя корректно; тем не менее надо быть настороже.

Шумков, стоявший впереди механика, разглядывал свой эскорт. У эсминца были впечатляющие контуры корпуса, и все же он смотрелся устремленным вперед, наперерез легкой волне. Корабельная обшивка серого цвета поблескивала в лучах раннего закатного солнца. Лоснящийся эсминец, находившийся на дальности тысяча метров слева от кормы лодки, словно выказывал гордость недавней схваткой. Американцы действительно показали себя профессионалами и людьми дела — не было мелочных сообщений, не было беспокоящих маневров — за исключением короткого инцидента с пушечной установкой, который Шумков включил в свой доклад в Москву.

«Блэнди» подошел на дистанцию примерно в тридцать метров для фотографирования. Эсминец действовал корректно, сделал

дело и вернулся на свое место за кормой лодки. Шумкову стало интересно, что за человек командует эсминцем. Как его зовут? Каковы условия для экипажа на борту эсминца?

Более недели, т. е. с двадцатого числа, когда они получили — на пять дней позднее остальных трех лодок — новые приказы на патрулирование и отмену перехода в Мариэль, в адрес Шумкова не поступало ни единого сообщения от командира бригады Агафонова. Правда, теперь у Шумкова, после изучения радиообмена в американских сетях и доклада офицера-связиста, проанализировавшего новости, передававшиеся американскими коммерческими радиостанциями, было ясное понимание того, что происходило. «Б-130» шла прямиком в осиное гнездо, в котором в настоящее время должны были находиться более двухсот американских кораблей, сновавших в разных направлениях. Шумков со связистом несколько раз пытались послать телеграмму с докладом в штаб Северного флота и в Москву с подробностями инцидента, сделали более двадцати попыток, но подтверждения в приеме телеграммы так и не получили.

Шумкова беспокоила судьба его хорошего приятеля Алексея Дубивко, командира однотипной лодки «Б-36». Что с ними произошло, он узнал только после своего возвращения в Полярный.

30 октября 1962 г.

Шесть часов вечера, вторник
ЭМ ВМС США «Блэнди»
300 миль северо-восточнее пролива Кайкос

Мы смотрели на лодку, на рубке которой, по иронии, белыми цифрами был нанесен бортовой номер 945, на пару знаков выше, чем номер 943, украшавший корпус «Блэнди». Эсминец взорвался аплодисментами и одобрительным ревом.

Экипаж американского эсминца не знал тогда, что всплывшая лодка имела поломки во всех трех дизельных двигателях и не могла опять погрузиться. И все-таки, насколько это касалось нас, то именно мы заставили ее всплыть, продержав под водой почти семнадцать часов, и никто не мог убедить нас в обратном.

Часть IV
Игра в прятки

Советские: каждый сам за себя

31 октября 1962 г.

Утро, среда
Капитан 2 ранга Н. Шумков
«Б-130»
480 миль юго-восточнее Бермудских островов

Проделав часть пути в компании с «Блэнди», капитан 2 ранга Шумков почувствовал себя уверенно, поскольку знал теперь, что кто бы ни был командиром эсминца, но во всех ситуациях он действовал корректно, был внимателен в соблюдении мер безопасности и настырен в преследовании. Лодка находилась на поверхности и из-за поломок обладала ограниченными возможностями только одного дизеля, дававшего пониженный уровень мощности на выходе; она шла на скорости всего полтора узла, что было явно недостаточно для того, чтобы оторваться от американских сил.

«Блэнди» имел возможность быстро получить авиационную поддержку. Несколько раз, когда была большая волна, эсминец увеличивал дистанцию до двух тысяч метров, оставаясь слева и сзади от кормы «Б-130». Шумков был уверен, что это делалось для того, чтобы эсминец мог держать их в зоне хорошей радиовидимости своего радиолокатора, потому что шквалистый ветер ухудшал визуальную видимость. Американцы теперь наверняка были в курсе того, что на лодке имеется какая-то механическая проблема, но Шумков был уверен, что всей серьезности их положения они не представляли. Шумков постарался не передавать сообщений, которые могли бы быть использованы для выяснения подробностей поломки дизелей. Связист Шумкова уже сорок два раза передавал на коротких волнах кодированный доклад об обстановке и только потом получил подтверждение в приеме телеграммы из Москвы.

Сначала это было всего лишь квитанция в приеме телеграммы без каких либо указаний. Потом, через сорок восемь часов, в течение которых лодка шла курсом на северо-восток со скоростью полтора узла, «Б-130» получила приказание осуществить рандеву со спасательным буксиром СС-20 «Памир». Они позже узнали, что ГШ ВМФ продолжал включать приказания для «Б-130» во все боевые телеграммы для остальных лодок бригады, тем самым держа его коллег в неведении относительно

истинного местоположения и действительного состояния лодки Шумкова. Дубивко, командир «Б-36» и приятель Шумкова, и в самом деле считал тогда, что «Б-130» действует совсем рядом с назначенным его лодке районом патрулирования. Это могло кончиться совсем плохо для Дубивко, потому что, когда лодка Дубивко имела пассивный гидролокационный контакт, то они сочли этот контакт лодкой Шумкова. Гораздо позднее Шумков узнал, что еще немного — и это бы дорого обошлось Дубивко, когда его лодку под РДП первый раз обнаружил ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил».

Шумков никогда не понимал до конца, по каким причинам (помимо, наверное, соображений безопасности) Москва держит в неведении остальные лодки. Естественно, в бригаде знали, где они находились, и единственным объяснением включения их в приказы бригады было стремление заставить американцев считать, что в районе действует больше подводных лодок, чем их было на самом деле. В течение суток, последовавших за всплытием «Б-130», «Блэнди» был ее единственным спутником, не считая эпизодических прилетов базовых патрульных самолетов дальнего действия. Этими самолетами были, как правило, «P2V» с базы авиации ВМС в Джексонвилле, штат Флорида.

Утром следующего дня состав компании, сопровождающей советскую подводную лодку, увеличился.

— Командир, шумопеленгаторы дают контакт на пеленге один восемь ноль, — доложил акустик. Шумков в это время находился на штурманском мостике; он разрешил экипажу отправлять наверх, в рубку, одновременно трех человек, чтобы те глотнули свежего воздуха и, если повезет и налетит шквалистый ветер с дождем, постояли под теплыми струйками.

— Понял. Доложите данные по доплеровской станции.

Через несколько секунд последовал ответ:

— Доплеровская станция включена. Контакт имеет два винта и приближается на скорости двадцать узлов.

Шумков терпеливо ждал; наконец через несколько минут пришел доклад и от вахты радиоперехвата:

— Командир, контакт вызывает «Блэнди» в тактической противолодочной радиосети. Контакт идентифицируется как эсминец «Кепплер», он также из состава 24-й эскадры эсминцев ВМС США.

1 ноября 1962 г.

Утро, четверг

ЭМ ВМС США «Блэнди»
480 миль юго-западнее Бермудских островов

— Бассет, у нас уже есть связь с «Кепплером»? — Келли задал вопрос из своего командирского кресла на правом выступе ходовой рубки.

— Пока нет, сэр. Центр боевой информации ждет, когда он доложит о себе в общей сети противолодочных сил.

Вахтенным офицером центра боевой информации был Билл Морган. Он сидел у планшета вместе с оператором РЛС Когсуэллом.

— Когсуэлл, быстро свяжитесь с радиорубкой и скажите им, чтобы они поставили дополнительно «Джи-Ар-Си-27» на прослушивание общей сети противолодочных сил. — «Джи-Ар-Си», в просторечии именуемый «Грек», был надежным приемопередатчиком, и Морган, офицер-связист, предпочитал держать его в резерве в качестве запасного. Связь была неустойчивой, и Морган решил подстраховать важную частоту второй радиостанцией. Он едва успел включить новую радиостанцию, как в динамиках центра боевой информации прогрохотало:

— «Эксклэмейшн», это «Риэр Гард» (ЭМ ВМС США «Кепплер»), докладываю о прибытии.

Келли вовремя выбросило из кресла, чтобы он мог увидеть офицера штаба, коммандера Кэмпбелла, вышедшего из центра боевой информации и переступающего через комингс.

— «Кепплер» должен докладывать непосредственно нам, а не передавать через «Эксклэмейшн», — как обычно, он был придирчив.

— Может быть, он уже вызывал вас, а вы не отвечали, — ответил Келли, на лице которого медленно зарождалась ухмылка. Было заметно, что коммандера Кэмпбелла переполняют эмоции, и он начал пунцоветь.

Келли быстро прошел в центр боевой информации и схватил Моргана за руку.

— «Кепплер» что-нибудь докладывал штабу?

Глаза у Моргана заблестели.

— Сэр, мы с Когсуэллом сидим на прослушивании общей сети противолодочных сил и не слышали ни одного сообщения в адрес «Абигейл Зулу», то есть командующего эскадры. Однако только что «Кепплер» доложил в наш адрес — у нас позывной «Эксклэмейшн» — о своем прибытии.

— Как такое может быть? — Келли отозвался немедленно. — Боб Саммерс (командир «Кепплера») инструкцию знает, он что,

боится коммодора и вместо штаба адресует доклад «Блэнди»?

Только после этого в центр боевой информации вошел коммодор Моррисон.

— Доброе утро, Эд. Я так понимаю, что «Кепплер» прибывает сменить вас.

Кэмпбелл тем временем присоединился к группе офицеров у планшета, успев сообщить коммодору, что «Кепплер» доложил о прибытии по радио корреспонденту с позывным «Эксклэмейшн», который принадлежал «Блэнди», а не корреспонденту «Абигейл Зулу», т. е. командующему эскадры. Это было серьезным нарушением воинского этикета.

— Неужели Саммерс не знает, кто является командующим эскадры? Он должен докладывать мне, а не вам, Эд. — Моррисон выглядел по-настоящему сконфуженным.

Келли посмотрел на Моргана, который, в свою очередь, быстро взглянул на оператора РЛС Когсуэлла.

— Сэр, мы с Когсуэллом стоим на этой частоте все утро и слышали только наш позывной, «Эксклэмейшн». Опять же, связь очень плохая, и «Кепплер» все еще достаточно далеко; должно быть, атмосферная поляризация.

— Верно, — подхватил Келли. — Да, действительно, у нас были эти проблемы, конечно же, атмосферная поляризация.

В конце концов все услышали новый выход «Кепплера» на связь:

— «Эксклэмейшн», это «Риэр Гард». Готов сменить вас согласно приказу.

В этой радиосети радиообмен производился в микрофонном режиме, и Морган быстро ответил:

— «Риэр Гард», это «Эксклэмейшн». Я доложу «Абигейл Зулу», что вы прибыли согласно приказу. Конец связи.

Келли ухмыльнулся и покинул центр боевой информации. Подходя к выходу, он рукой потянул за собой Моргана.

— Морган, — спокойно сказал он, — спектакль хорош, однако постарайтесь не сбивать с толку штаб, это нехорошо. — Широко улыбнувшись, он вернулся в свое кресло на мостике. Морган тоже улыбнулся, а раскалившийся офицер штаба Кэмпбелл начал готовить боевой приказ для «Кепплера», который должен был сменить «Блэнди» и продолжить сопровождение лодки.

Через несколько минут на мостике появился Фрэнк Фленеген с телеграммами.

— Командир, здесь последняя информация по советскому буксиру СС-20 «Памир». Он примерно в сорока милях севернее Бермудских островов и направляется сюда. Мы считаем, что он

должен встретиться с этой лодкой, у которой на рубке номер 945, чтобы оказать ей помощь и, возможно, взять на буксир. Буксир был замечен «Р-3», вылетевшим из Норфолка в южном направлении.

— Спасибо, Фрэнк, — Келли продолжал улыбаться. — Но, боюсь, нам придется пропустить эту потеху, потому что нас перенацеливают считать ракеты, которые убывают с Кубы. Вот там будет гораздо горячей.

Появившийся на мостике Боб Бринер встал позади Фленегена.

— Боб, предупреди Джима Бассета, чтобы он опять подготовил свои досмотровые группы; на этот раз, кажется, нам придется их задействовать, хотя нам и не следовало бы этого делать. В конце концов русские согласились на проверку и фотографирование ракет, которые они выводят с Кубы. В любом случае мы должны быть готовы.

Бегом поднявшись по трапу и тяжело дыша, на мостик буквально влетел старпом, только что побывавший внизу, где он проверял досмотровую группу Вестермана. На этот раз группа оказалась готовой.

На мостике появился коммодор.

— Коммодор на мостике, сэр, — гаркнул вахтенный.

— Вот говнюк, — Келли почти не скрывал своего раздражения, потому что он предпочитал заниматься планированием самостоятельно, без какой-либо помощи со стороны штаба.

— Эд, когда мы окажемся в пределах досягаемости вертолета, вы должны забрать флотского фотографа с «Эссекса». Это произойдет завтра утром.

— На кой черт нам нужен флотский фотограф, сэр? У нас есть свои собственные фотоаппараты.

— Эд, его посылает командующий ударной группой; это будет большая помощь для нас, потому что у него будет хороший аппарат, к тому же этот парень прошел подготовку по фоторазведке. Вы можете посадить его на сигнальный мостик, чтобы у него был хороший обзор.

Несколько мгновений Келли раздумывал, потом вышел на выступ мостика и глянул вверх.

— Чем выше, тем лучше. — Он потянул за собой старпома и указал на мачту. — Видите площадку РЛС поиска воздушных целей?

Старпом вытянул шею и стал смотреть вверх, где на высоте восемьдесят футов (около 25 м. — *Прим. перев.*) на мачте поверх мостика находилась площадка РЛС «SPS-6» поиска воздушных

целей. Стальные ступеньки были приварены по всей длине мачты, начиная с четвертой палубы, прямо над указателем «Марк-56», и кончая самой площадкой, где имелась выдвижная стальная панель, на которой обслуживающий персонал мог заниматься ремонтом.

— Пошлем фотографа наверх, пусть снимает с площадки. Отправим вместе с ним Хухтхаузена, ему это упражнение знакомо, ведь он часто поднимается туда со своими людьми, чтобы поработать на «SPS-6». Пусть наденут страховочные пояса и возьмут телефон, будут оттуда для лучшего обзора корректировать курс эсминца, — Келли замолчал. — И еще, Лестер, проследите, чтобы перед тем, как лезть наверх, Хухтхаузен вырубил РЛС, не то на обед мы получим поджаренного офицера-радиоэлектронщика. — Довольный тем, что ему в голову пришла очередная неординарная мысль, Келли усмехнулся.

Старпом засуетился и вскоре родил новое корабельное расписание, нареченное «Расписание по фотографированию с мачты»; оно было изложено на бумаге и практически отработано — не хватало лишь еще не прибывшего фотографа.

Я поджидал профессионала с кучей оборудования, и, поскольку мне предстояло сопровождать этого человека наверх, стал заранее готовиться к восхождению. На флоте, однако, как бы тщательно ты ни составлял планы, что-нибудь да вмешается и поставит эти планы под угрозу.

Занятые сопровождением «Б-130» Шумкова всю ночь и еще несколько дневных часов, мы, наконец, передали контакт ЭМ ВМС США «Кепплер» и на скорости двадцать пять узлов убыли для проверки одного из первых торговых судов, уходящих с Кубы согласно условиям нового соглашения с Советским Союзом. Нам было приказано войти в состав сил, выделенных для перехвата и сопровождения советских торговых судов, покидающих Кубу в рамках согласованного компромисса. Утром минувшего воскресенья, 28 октября, советское правительство публично заявило, что оно уберет свои ракеты с Кубы.

«Блэнди» стал одним из нескольких десятков американских эсминцев, высланных на перехват уже известных советских торговых судов, занятых вывозом с Кубы вооружения и личного состава. Эсминцам была поставлена задача — для обеспечения хорошей дальности для фотосъемки подойти достаточно близко к торговому судну и сфотографировать груз на палубе; наиболее важным считались баллистические ракеты средней и промежуточной дальности. Принимая во внимание неожиданный отход Советов от коварства, заключавшегося в скрытной доставке

на Кубу вооружения и войск, Запад с естественным опасением воспринял публично объявленное согласие убрать их. Атмосфера пребывания советских войск и вооружений на Кубе была пронизана секретностью, советских военнослужащих заставляли носить гражданскую одежду, что они и делали, нелепо надевая тропические рубашки поверх традиционных тельняшек с длинными рукавами. И конечно, нетрудно было отличить русских или украинцев, имевших широкие скулы и нос картошкой, от смуглых кубинцев.

Первым торговым судном, которое мы перехватили, был сухогруз «Дивногорск» под советским флагом; его водоизмещение составляло десять тысяч тонн, портом приписки была Одесса, а палубный груз состоял, очевидно, из ракет «SS-4». Вертолет с авианосца «Эссекс» доставил нам фотографа, прибывшего из отделения боевого фотографирования штаба Атлантического флота. Фотограф, молодой петти-офицер третьего класса не старше девятнадцати лет, выглядел на посадочной площадке вертолета бледным и испуганным; у него был новейший фотоаппарат и громадный телеобъектив — мы должны были получить фотографии только высшего качества.

Итак, у нас была новая задача, и наш старпом, лейтенант-коммандер Лу Лестер, начал энергично действовать и проворно сочинил расписание для действий в особых условиях, как и требовало новое задание. На флоте корабельное расписание используется как организационная основа самой жизни корабля, т. е. все виды работ на корабле оговорены в специальной таблице, называемой расписанием, которое определяет каждому члену экипажа место и обязанности в любой ситуации. Этот порядок пришел еще со старого парусного флота, когда простые матросы призывались на службу зачастую из низов общества и, хоть и были в большинстве своем храбрыми и здоровыми людьми, не отличались особой остротой ума. Однако вскоре стало понятно, что расписание на корабле является ключевым элементом, не позволяющим любому событию на корабле (а разного рода события могли случаться на кораблях с завидной регулярностью) перерасти в хаос.

На «Блэнди» имелись расписание вахт и постов, расписание на случай противолодочной операций, расписание на пополнение запасов, расписание на случай оставления корабля, расписание для действия досмотровых групп, расписание по уборке корабля, праздничное расписание, а теперь еще и расписание действий при подсчете ракет. Проект последнего расписания был подготовлен старпомом, а офицеры дивизионов откорректировали его применительно к обязанностям своих подчиненных. В результате

получилось удачное сочетание недавнего теоретического обучения в колледжах младших офицеров, приправленное мудростью начальников, практическим опытом петти-офицеров и правильными действиями и преданностью матросов и машинистов.

Все было возможным, и не было чересчур сложных задач для этой системы, которая эволюционировала много столетий, в течение которых жила эта морская традиция. Каким же образом, спросит любопытный, дела на флоте могут иногда быть донельзя запутанными?

В ходе подготовительных мероприятий к выполнению новой задачи, всего лишь в нескольких сотнях миль к северо-востоку от Гаваны, в океане, в самый разгар международного кризиса, благодаря неустанным трудам старпома на корабле откопали человека, который говорил по-русски. Этим лингвистом оказался натурализованный гражданин США по имени Вальтер Дубицкий; он был родом из Чехословакии и его родным языком был чешский, кроме того, он немного говорил по-украински и еще немного по-русски. Дубицкий представлял из себя образец классического моряка, имел звание петти-офицера второго класса и являлся машинистом из ремонтного дивизиона, который десятилетиями обслуживал эсминцы в Ньюпорте. Он был хорошо известен в эскадре и в Ньюпорте как легендарный американский матрос, хоть и бывший немного старше большинства своих сослуживцев, но всегда безукоризненно выглядевший в морской форме. Во время увольнений он слонялся по родному порту вместе со старшиной-рулевым Эмери, причем каждый цеплял на одно ухо золотую серьгу, а временами они носили на своих плечах и длиннохвостого попугая. Оба были отличными петти-офицерами, никогда не попадали в серьезные передряги, но все время ходили по узенькой дорожке, отделявшей порядок и дисциплину от «капитанской мачты». Дубицкому несколько раз присваивалось звание петти-офицера первого класса, но ему никак не удавалось удержаться в этом звании: однажды его арестовали вместе с Эмери за то, что в состоянии интоксикации они «катались» верхом на палке, изображавшей лошадь, по центру Теймз-стрит в Ньюпорте; в другой раз он «позаимствовал» такси для доставки на корабль заболевшего друга и был снова арестован. Дубицкий не был так густо покрыт татуировками, как Эмери, у которого они занимали большую часть не закрытого одеждой тела, включая сделанное на затылке изображение глаза. У сидящего на стуле у стойки бара (он там частенько пропадал) и коротко стриженного (он всегда носил короткую прическу) Эмери этот «глаз» смотрелся выглядывающим из затылка. В общем, эта

парочка была классическими морскими волками.

В качестве помощника офицера-связиста я работал, согласно инструкции, с Биллом Морганом и отвечал за подготовку сообщений, которые семафором посылались на русские суда и предписывали им нужные курс и скорость. Я готовил сообщения на простеньком английском языке, затем петти-офицер Дубицкий, который работал в паре со мной, переводил их на русский. Процесс, казалось, шел хорошо, только вот в концовке каждого сообщения Дубицкому всегда требовалось много дополнительных слов, чтобы, как он заявлял, сообщение звучало на хорошем и доступном русском языке. Объяснив, что эти слова-вставки нужны для «подчеркивания» смысла, Дубицкий, однако, не смог перевести мне ни одного из своих дополнительных слов, что породило у меня определенные подозрения относительно его переводческих способностей. Гораздо позднее, когда я изучал русский язык, то узнал, что обычно в русском языке требуется меньше слов для передачи полноты мысли, нежели в менее точном английском языке. Тем не менее я доверял Дубицкому, а старпом все подгонял и подгонял нас. Много лет спустя, просматривая сохранившиеся у меня записи текстов переданных нами сообщений, я обнаружил, что Дубицкий использовал самые грязные ругательства, которые только можно найти в русском языке (а русский язык очень богат на ругательства), давая советским судам указания во время нашей деятельности во время кубинского кризиса.

Мы двигались вперед на встречу с торговым судном, перевозящим ракеты, и отрабатывали свои действия по новому расписанию. Поскольку старпом вдруг назначил меня внештатным дежурным офицером разведки корабля, то я стал отвечать за доставку нового фотографа вверх, на мачту, на высоту восемьдесят футов, где он должен будет делать снимки, когда мы будем идти борт о борт с советским торговым судном. Мы планировали сфотографировать каждую из ракет — после того как ее раскроют — и потом как можно скорее передавать пленку и соответствующее разведывательное донесение вертолетом на авианосец для последующей отправки в штаб Атлантического флота.

После долгого шестичасового преследования «Блэнди» с кормы подошел к «Дивногорску» и передал ему семафором международной азбуки Морзе на английском и русском языках требуемые фразы из нового боевого приказа.

— Пожалуйста, примите истинный курс ноль шесть ноль градусов и скорость двенадцать узлов и начните расчехлять свои ракеты для проверки, согласно договоренности между нашими

двумя странами.

Свежеиспеченная группа фоторазведки, состоявшая из напуганного фотографа и меня, вскарабкалась наверх по прочным стальным ступенькам, приваренным к мачте; за моими плечами болтался самодельный рюкзак, в который поместились большая фотокамера, объективы, фотопленка и телефон. Волнение моря было небольшим и высота волн не превышала двух-трех футов, однако на высоте восьмидесяти футов все это многократно усиливалось, так что мне пришлось приложить максимум усилий и упорства для того, чтобы, держась за ступеньки мачты, тащить наверх фотооборудование и подбадривать нерешительного фотографа. Мы закрепили страховочные пояса за мачту, потом я натянул наушники телефона и стал осматриваться. Нам повезло с погодой, поскольку мы были всего в какой-то сотне миль от Гаваны, и ветер, хоть и сильный на такой высоте, оказался теплым.

«Дивногорск» выполнил наше распоряжение, переданное семафором, и медленно занял указанные курс и скорость. Потом случилась небольшая задержка, это произошло тогда, когда наши связисты несколько раз передавали указание расчехлить переднюю ракету по левому борту. (На главной палубе корабля находилось четыре ракеты, закрытые брезентом, а на верхних палубах толпилось около пятисот советских солдат, одетых в защитную форму; упершись в поручни, они наблюдали, как мы дюйм за дюймом подходим ближе.) Русские начали неторопливо выполнять наше указание, а я, спокойно сидевший на мачте, заметил, к своему ужасу, что фотограф явно ужасно страдает от головокружения и начинает зеленеть. Неожиданно он показал мне жестами, что его вот-вот стошнит. Неспособный чем-либо помочь ему из-за сильной продольной и поперечной качки, я беспомощно наблюдал, как он буквально выбросил свой завтрак на ветер. Поскольку бедолагу-моряка стошнило несколько раз подряд, я с тревогой подумал, что если события не пойдут быстрее, то он вскоре ослабнет настолько, что не сможет держать в руках фотокамеру.

Находившиеся на верхних палубах судна советские солдаты неторопливо спустились в трюмы, а рабочая команда в составе пяти матросов и здоровяка-боцмана стала расчехлять первую ракету. Я помогал держать корабль в нужном положении, прося по телефону вахту на мостике снизить или увеличить скорость, и поддерживал фотографа в рабочем состоянии. Съев несколько сухих крекеров и апельсин, принесенные мной из кают-компании, фотограф сумел остановить рвоту. Позднее, во время второго захода для фотографирования той же ракеты, я передал ему и

несколько таблеток от морской болезни, но они тоже вскоре выскочили из него. Тем не менее мы повторяли процедуру захода до тех пор, пока не получили подробные фотографии каждой расчехленной ракеты; потом, вместе с совсем обессилевшим фотографом, мы спустились с мачты во время большого перерыва, вызванного выяснением некоторых проблем, возникших у нас с русскими.

Весь тот продолжительный период нахождения рядом с «Дивногорском» коммодор Моррисон постоянно был на связи с командующим АПУГ, который находился на борту «Эссекса».

Находясь на мачте вместе с фотографом, я удивлялся долгим перерывам между моментом открытия русскими одной из ракет на палубе и получением нами приказа начать ее фотографирование. Проблема же заключалась в наличии резиновой упаковки, которой была плотно обернута каждая из ракет, резина, как предположили мы, защищала ракеты от воздействия погодных условий. После того как «Блэнди» семафором передавал сухогрузу грязные команды Дубицкого на русском языке на расчехление ракет, рабочая команда русского судна подходила к ракете и поднимала внешнее покрытие, сделанное из брезента, и отступала назад, позволяя нам рассмотреть ракету и сделать снимок. Однако коммандеру Келли этого было мало.

— Откуда, черт побери, мы можем знать, коммодор, что в этой упаковке ракеты, а не какие-нибудь гигантские сосиски?

— Эд, нам сказали, чтобы мы велели им только раскрыть ракеты. По-твоему, что там внутри?

— По-моему, нам следует отправить группу Вестермана полностью вскрыть упаковку, а фотографу потом снять все это с близкого расстояния. Как еще, черт побери, нам быть уверенными?

Настойчивость Келли вызвала большой фурор на борту авианосца, и адмирал то и дело повторял свой вопрос:

— Вы можете утверждать, что это ракеты?

— Конечно же, коммодор, я не могу утверждать, что это ракеты — до тех пор, пока Вестерман не поднимется на судно и не пощупает их. — Ответ Келли только обострял ситуацию.

В конце концов коммодор Моррисон дал командующему ударной группы на «Эссекс» точно такой же ответ, переданный в длинном семафорном сообщении. Потом последовала необычайно долгая заминка, и я продолжал оставаться на мачте вместе со страдающим морской болезнью фотографом. Коммодор собрал свой штаб для обсуждения этого вопроса, а вахтенный офицер увел эсминец на безопасную дистанцию — около ста

футов (около 30 м. — *Прим. перев.*) — от «Дивногорска»; тем временем старпом спорил с «непробиваемым» Джексоном по поводу того, как лучше накормить экипаж, несущий продолжительную службу по якобы «особой морской задаче по приемке топлива». На самом же деле никакой приемки топлива мы не производили, да и подобной задачи не могло быть ни в одном из флотских наставлений, поэтому Джексон непреклонно настаивал на том, что надо ждать, когда все это закончится, а уж потом он накормит всех и каждого. Однако старпом, оказавшийся в плену традиционной заботы о благополучии экипажа любой ценой, упорствовал, а мы к тому времени уже два часа были борт о борт с упрямыми русскими и, похоже, оставались бы в таком положении неопределенно долгое время.

В конце концов проблема прошла по всем инстанциям и дошла до ГК Атлантического флота в Норфолке, министра обороны и Белого дома. Под вопросом был факт выполнения русскими недавнего соглашения, разрешающего американским кораблям производить проверку, подтверждающую, что русские на самом деле вывозят с Кубы свои ракеты. Упорство коммандера Келли, требовавшего, чтобы русские сняли с ракет резиновую упаковку, оказалось для соглашения костью в горле. Борт о борт с советскими судами были и другие американские эсминцы, производившие проверку и фотографировавшие ракеты в такой же резиновой упаковке, но только коммандер Келли потребовал, чтобы русские показали оружие без упаковки.

В конце концов Келли подготовил телеграмму, в которой сжато изложил проблему. С тех пор ее много раз цитировали в публикациях по кубинскому ракетному кризису как пример вопросов, которые не были решены. Келли так описал ракеты, которые мы видели, находясь борт о борт с «Дивногорском»:

> «Около шестидесяти футов в длину и четыре фута в диаметром. Напоминает ракету без пристыкованного носового конуса. Имеется сходство с несекретными фотографиями БРСД (баллистических ракет средней дальности). Малый брезент снят. Обтягивающая корпус и подогнанная по нему ткань не снята. Заметны четыре коротких стабилизирующие руля, выполненных по аэродинамической схеме „утка“. Заметен выступ кабелепровода… несмотря на то что внешнее покрытие убрано и очертания объектов сходны с БРСД, тот факт, что объекты остаются прикрытыми обтягивающей тканью, делает положительную идентификацию объектов как ракета проблематичной».

Командующий противолодочной группой «Браво»

Сообщение передано в 0913 по Гринвичу 4 ноября 1962 г.

Это сообщение было передано в адрес командующего Атлантическим флотом с борта авианосца ВМС США «Эссекс», на котором располагался командующий АПУГ «Браво», хотя оригинал сообщения был написан коммандером Эдом Келли.

Проблема в конце концов была озвучена 11 ноября в Пентагоне перед журналистами, которым заместитель министра обороны Розуэлл Джилпатрик заявил:

— Советы объявили, что там сорок две (ракеты), и мы насчитали сорок две вывозимые ракеты… Но до тех пор, пока мы не проведем проверку непосредственно на острове Куба, мы не можем быть уверены в том, что сорок две ракеты являются максимальным количеством ракет, доставленных Советами на Кубу[14].

Тем временем я продолжал находиться на мачте, а Стиву Джексону было приказано организовать питание по боевому расписанию, т. е. кормить команду на постах. Мы все, т. е. те, кого не было на мачте, ели сэндвичи с копченой колбасой и пили кофе. В конце концов меня на время отозвали с мачты вниз, и «непробиваемый» дал мне пару сэндвичей, которые мне посчастливилось самому съесть на высоте восемьдесят футов на площадке обслуживания РЛС «SPS-6», поскольку не было сомнений в том, что страдающий морской болезнью фотограф может принять в себя что-то еще помимо тех нескольких крекеров и апельсина, которые он уже проглотил.

Это была первая из нескольких встреча «Блэнди» с советскими торговыми судами, и возможно, одна из самых впечатляющих. Потом нас послали проверять второе судно, которое называлось «Физик Курчатов». На этот раз нам показалось, что мы знаем, что и как делать, однако в жизни никогда не происходит так, как запланировано. Вместе с Гэри Ладжером я нес вахту на мостике с восьми до двенадцати часов. Предыдущий день был напряженным и полным приключений, а эта вахта поначалу была спокойной.

Мы заметили «Физика Курчатова», который шел на северо-восток со скоростью двадцать узлов. Мы долго догоняли его, и наконец на следующее утро, с первыми лучами солнца, приблизились к нему и во второй раз за последнее время передали сигнал:

— Ваше правительство согласилось открыть ракеты. Пожалуйста, сделайте это, начав с правого борта, с ракеты номер

один.

Мы опять выполняли процедуру подхода к торговому судну. На этот раз волна шла с севера, и был приличный ветер. После того как мы подошли к судну на дистанцию, на которой мы обычно производим дозаправку, я встал на указатель «Марк 56», балансируя на четвертой палубе над ходовой рубкой, и ожидал команды подниматься на мачту.

Стоя там и наблюдая за советским судном, к которому наш эсминец подошел примерно на пятьдесят футов, я заметил, что главная палуба советского торгового судна полна солдат, на которых были брюки защитного цвета и тельняшки. Солдаты стояли, глядя на нас, точь-в-точь, как и наш экипаж глазел на них — по крайней мере, те из нас, кто не был занят на постах. Мы бросили линь, чтобы измерить дистанцию, и русские поняли этот маневр, действуя так, словно раньше они этим уже занимались. Пока мы изо всех сил старались занять надлежащую позицию относительно русского судна и передать указания расчехлить ракеты, дверь в надстройке «Курчатова» распахнулась, и из нее появилась женщина, сделавшая шаг через комингс двери. Явно застигнутая врасплох видом американского военного корабля на такой близкой дистанции, она замерла от неожиданности. Внезапно налетевший порыв ветра задрал ее желтую юбку вверх, обволакивая голову и обнажая миниатюрные лодыжки и пару красивых ног. Когда бедняга стала тянуть юбку вниз, чтобы прикрыться, «Блэнди» взорвался громким ревом и аплодисментами. Русские, увидев реакцию американцев, тоже стали громко аплодировать. Чем же мы здесь на самом деле занимаемся, подумал я в тот момент, и весь страх перед другой стороной, казалось, пропал. Во многом те люди были похожи на нас.

Кетов ускользает на «Б-4»

2 ноября 1962 г.
Капитан 2 ранга Рюрик Кетов
ПЛ «Б-4»
100 миль к югу от Кингстона, Ямайка

Когда «Б-4» Рюрика Кетова пересекала параллель 20 градусов северной широты и проходила Наветренным проходом, погода начала улучшаться. Волны затихли, и поверхность моря стала похожей на стекло; в ночные часы, когда лодка всплывала для зарядки батарей, подводники видели чудное море. Механики Кетова сумели улучшить герметизацию протекавшего люка, что дало лодке возможность погружаться на глубину 80–90 метров — серьезное достижение в схватке с рыскавшими повсюду американскими противолодочными самолетами.

«Б-4» прошла Наветренный проход 20 октября, и, к большому облегчению Кетова, ей оставалось менее суток хода до Мариэля. Затем последовал приказ прекратить переход, он здорово расстроил Кетова, да и весь экипаж чувствовал досаду, Позже выяснилось, что из четырех лодок бригады на переходе они оказались самыми быстрыми. В тот день они шли под РДП, выдвинув антенну для приема плановой послеобеденной передачи. Закончив прием, удрученный Пронин с телетайпной лентой подошел к Кетову, который находился в центральном командном.

— Товарищ командир, вы не поверите, — и передал телеграмму Кетову, который быстро ее прочел.

Текст телеграммы гласил: «Прекратить переход в пункт назначения, повторяю, прекратить переход и выйти в район (координаты указывались). Приступить к боевому патрулированию. Обеспечить скрытность присутствия».

— Товарищ командир, что творится, о чем мы не знаем?

Кетов взглянул на Пронина и искренне пожалел, что не может ответить на вопрос. Они находятся здесь, прямо на заднем дворе противника, и не знают, что вокруг происходит.

— Я знаю не больше вашего и полагаю, что какие-то обстоятельства вызвали приостановку действия операции «Кама».

Пронин посмотрел на командира, и вдруг ему захотелось признаться, что он прослушивал запрещенные радиостанции. Серьезное противостояние в этом районе набирало силу, а они знали только то, что им удавалось выудить из эфира. Хотя «Б-4» не пропустила ни одной циркулярной передачи по флоту, о

тактической обстановке в Карибском море они знали прискорбно мало. Это преступление, думал Кетов, продолжать движение на юг, туда, где, как они позднее узнали, был водоворот деятельности кораблей противника. Передачи из Москвы обычно производились дважды в сутки, но в них давались только новости по стране — как здорово идет уборка урожая в СССР, как умело партия решает все международные проблемы. Кетов, как и другие командиры лодок бригады, разрешил радиооператорам прослушивать американские программы, из которых они и узнали об американской блокаде 22 октября.

Выяснив, что море у них над головой буквально кишит американскими военными кораблями, Кетов изменил маршрут перехода, приняв совместное с командиром бригады Агафоновым решение идти на юг и обогнуть юго-восточную оконечность Кубы, избегнув тем самым контакта с ордами надводных кораблей. Когда потребовала обстановка, они взяли курс на север, в район патрулирования, назначенный «Б-4». Поскольку от них по-прежнему требовали оставаться незамеченными, они проследовали в район патрулирования, спокойно пройдя проход острова Теркс, который, в силу своей узкости, по-видимому, не принимался американцами в расчет в их планах борьбы с подводными лодками. «Б-4» кралась вдоль побережья Кубы, и ночью, двигаясь под РДП, они ясно видели огни на кубинском побережье. Так они и шли, на малой скорости, с выглядывающей из воды рубкой, вентилируя внутренние помещения лодки и заряжая батареи. Кетов наблюдал береговые огоньки, вдыхал запах древесного угля и сладкий аромат горящих полей сахарного тростника. Им было невыносимо тяжело находиться так близко у цели и в последний момент быть повернутыми назад, ведь они так надеялись, что им придется базироваться в этой прекрасной тропической стране. У Кетова было такое ощущение, словно он выиграл роскошный приз только для того, чтобы его отобрали в самый последний момент.

— Самолет, три румба по правому борту, приближается быстро! — хрипло прошептал сигнальщик.

— Срочное погружение! Очистить мостик! — Кетов бросил последний беглый взгляд на берег и поспешил вниз, громыхнув крышкой люка. Так началась растянувшаяся надолго игра в прятки, от которой, как признавался позже Кетов, его нервная система так и не пришла в порядок.

2 ноября самолет «Трэкер» «S2F», взлетевший с авианосца ВМС США «Индепенденс», имел короткий радиолокационный контакт с устройством РДП лодки «Б-4» Кетова. Авианосец входил в состав 135-й ударной группы (авианосная ударная группа

вторжения), которая находилась южнее Кубы и строго восточнее Ямайки. Американцы присвоили этому радиолокационному контакту номер «С 21», потом они получили надежный радиолокационный контакт с лодкой с помощью вертолета, и самолет «Трэкер» также подтвердил контакт своим детектором магнитной аномалии. Командующий ударной группы благоразумно отвел свои корабли в район с меньшими глубинами моря, где лодке было труднее скрыться.

Был разгар дня, но то, что услышали операторы Кетова в американских новостях, было настолько плохим, что они, невзирая на то, день сейчас или ночь, решили, что им необходимо принять передачу из Москвы, и поэтому они поднялись ближе к поверхности; именно тогда у Кетова и произошла серьезная стычка с командиром бригады Агафоновым, находившимся у них на борту. Агафонов начинал все больше нервничать в ожидании новых приказов из Москвы.

Из радиообмена американцев Кетов знал, что над ними в воздухе висит противолодочный самолет, сама лодка была на глубине двадцать метров; время приема очередной передачи из Москвы приближалось. На данном этапе получение новых приказов было жизненно важным делом, а их предыдущие попытки принять приказы оказались неудачными, потому что антенну СДВ где-то замыкало на корпус, и они не могли ничего принять. Агафонов хотел немедленно всплыть, так, чтобы рубка выглядывала из воды, и полностью выдвинуть коротковолновую антенну, чтобы одновременно с приемом передачи на сверхдлинных волнах, которые в этих широтах не всегда проходили, вести прием и на коротких волнах. Кетов предлагал воздержаться от всплытия. Не хватало еще, думал он, чтобы нас визуально засек «Нептун» «P2V» — он был уверен, что самолет болтается где-то рядом. На лодке слышали, как с самолета сбросили гидролокационные буйки, потом раздались взрывы зарядов «Джули», которые запускали буйки в работу по определению направления на лодку. Кетов был уверен, что надежного контакта с лодкой у американцев нет и они вот-вот подгонят в этот район надводный корабль — какой-нибудь из многочисленных эсминцев, действовавших вместе с авианосцем «Индепенденс». Кетов, однако, видел и другое — Агафонов нервничал все сильнее и сильнее, предполагая, что им должны передать какие-то новые и чрезвычайно важные приказы. Кетов по этому поводу был менее оптимистичен, потому что они находились в море вот уже больше четырех недель, совершая этот поход, и за это время получили минимум указаний, не считая короткого распоряжения, которым отменялся переход в Мариэль

и назначался новый район патрулирования — небольшой круг радиусом двадцать пять миль. В границах нового района патрулирования действовать будет непросто, и они недоумевали, почему им назначили такой тесный район.

Поскольку командир бригады Агафонов был начальником, то, естественно, Кетов был обязан подчиняться его приказам — до тех пор, пока, по его мнению, то есть мнению командира лодки, они не идут во вред управлению лодкой. На «Б-4» Агафонов был относительно новым человеком в сравнении с Кетовым и большинством его офицеров, которые вводили лодку в боевой состав флота и досконально знали ее особенности. Когда Агафонов решил всплывать для приема радиопередачи, Кетов решительно запротестовал.

— Всплываем, — приказал Агафонов.

— Товарищ командир бригады, я уверен, что поблизости от нас самолет, и он нас наверняка заметит, если мы всплывем, — Кетов не собирался оставаться в стороне и наблюдать, как они лезут в ловушку.

— Проверю лично, — ответил Агафонов и полез на штурманскую площадку рубки, на которой находились боевой и командирский перископы. Кетов наблюдал за тем, как комбриг спешит вверх по трапу к основному люку, на котором старшина уже открывал внутреннюю крышку. Потоки воды ринулись вниз, в командный центр — так происходило всегда при открытии этой крышки. Кетову стало не по себе. Несколько недель они тесно взаимодействовали, попеременно выполняя одну и ту же работу, и, конечно, оба испытывали определенную стесненность от сложившейся ситуации. И все же, считал Кетов, Агафонов не так хорошо владеет ситуацией, как он.

Кетов подошел к навигационному перископу, находившемуся возле заднего шпангоута командного центра; он знал, что у того большие возможности по обзору воздушного пространства, и для поиска самолетов он часто использовал именно этот перископ. Кетов всматривался в окуляр перископа, ничего там не обнаружил и теперь поджидал, что же скажет Агафонов.

— Контактов не вижу, горизонт и воздушное пространство над нами чисты, — сообщил Агафонов вниз по телефону внутрикорабельной связи.

— Товарищ комбриг, я уверен, что самолет там — я видел его несколько минут назад. Сейчас, правда, я его тоже не заметил, но он, скорее всего, где-то рядом.

— Если бы там был самолет, я бы его увидел, — сказал Агафонов. — Всплываем — это приказ!

Кетову этого было достаточно.

— Товарищ Агафонов, прошу освободить меня от командования подводной лодкой, запись об этом происшествии я сделаю в корабельном журнале. Штурман, принесите журнал. — Кетов взял у штурмана журнал и записал: — Командир бригады капитан 1 ранга Агафонов В.Н. освободил капитана 2 ранга Кетова Р.А. от командования подводной лодкой «Б-4».

По корабельной трансляции Кетов объявил о том, что командир бригады Агафонов освободил его от командования, а затем направился в свою каюту. Агафонов не сообразил, что находившийся на навигационном мостике командирский перископ был ограничен в обзоре узким конусом, составлявшим примерно плюс-минус семь градусов. Кетов же придерживался того мнения, что «Нептун» начнет сбрасывать глубинные бомбы или ручные гранаты — все, что у него есть на вооружении, — в зависимости от того, находятся они в состоянии войны или нет. Последнего они действительно не знали.

Едва «Б-4» оказалась на поверхности, как ее наблюдатели засекли «Нептун», бывший от них в трех милях по курсу, но было уже поздно, самолет приблизился и стал сбрасывать гранаты, из которых первая разорвалась очень близко к лодке. Освещение на борту погасло, и механик задействовал аварийное электропитание. Лодка совершила срочное погружение на глубину сто метров; нормальное освещение было восстановлено. Лодкой продолжал командовать Агафонов, одну за другой он делал попытки оторваться от самолета; у находившегося в своей каюте Кетова болела душа за дело, но он принципиально не выходил.

Агафонову не повезло, американский самолет словно прилип к лодке. Они слышали шлепки от сброшенных в воду гидролокационных буев и следовавший за этим разрыв гранаты — таким способом пассивные гидролокационные буи определяли их местоположение.

Кетов оставался в своей каюте около часа, потом он решил выйти из бездействия. Он вернулся в центральный командный, понаблюдал за действиями Агафонова и признался себе, что тот действует наилучшим образом. Командир бригады жестом прогнал его, и он снова вернулся в свою каюту, уверенный в том, что рано или поздно их вынудят всплыть, возможно, прямо в центре стаи американских эсминцев.

В течение трех часов Агафонов безуспешно убегал от самолета. Всякий раз, когда Агафонов считал, что ему удалось на несколько миль оторваться от самолета, тот снижался и опять определял их новое местоположение. После трех часов тщетных маневров Агафонов вызвал Кетова в центральный командный.

— Товарищ Кетов, принимайте командование лодкой.

Окрыленный тем, что он выиграл спор, Кетов вновь приступил к обязанностям командира. Позднее он вспоминал, что стычка не была такой уж серьезной, как она показалась вначале; такие споры случаются, когда в походе на борту находятся старшие начальники. Обычно такие споры решаемы, однако они оказывают сильнейшее воздействие на психику. По мнению Кетова, размолвка закончилась, и теперь надо было думать о том, как оторваться от американцев. Он стал размышлять.

Если американцам приказано отогнать их от американского побережья, то он им поможет, и на скорости четыре узла лодка легла на курс ноль девять ноль. Они спокойно двигались в восточном направлении, но шли с небольшим зигзагом. Кетов знал, что самолет вскоре должен был быть сменен, поскольку он находился в районе патрулирования уже более четырех часов. Той возможности продолжительного нахождения в районе патрулирования, какой обладали более новые «Орионы» «P-3», у самолетов «Нептун» «P2V» не было.

Прошел еще час, а они не услышали ничего нового. Кетов знал, что прежний самолет ушел, но в район патрулирования мог уже прибыть или вскоре прибудет другой самолет. Пассивный гидролокатор лодки неожиданно засек новый самолет, который снизился, сбросил буи, выложив из них фигуру, и потом через каждые пять минут стал сбрасывать гранаты, пытаясь определить курс «Б-4».

Теперь лодка была на глубине шестьдесят метров, и когда Кетов сверился с гидроакустическим планшетом штурмана, то увидел, что они находятся как раз под слоем температурного скачка. Им невероятно повезло в том, что слой температурного скачка оказался так неглубоко; теперь он давал им хоть какую-то акустическую защиту. В местных водах было несколько течений, прозванные русскими «мягкими акустическими точками», и Кетов решил ими воспользоваться. Интервалы между взрывами увеличились с пяти до пятнадцати минут, и Кетову доложили, что несколько надводных кораблей приближаются к району их нахождения и пытаются отыскать лодку. Потом интервалы между взрывами увеличились до двадцати минут. Довольный Кетов решил, что всего этого с них достаточно и настало время убегать по-настоящему.

— Механик, сколько еще протянем на батареях?

— При средней скорости хода заряда хватит на девяносто минут, товарищ командир.

— Штурман, сколько осталось до захода солнца? — спросил Кетов.

— Командир, — ответил штурман, — до захода остался один час сорок минут.

Кетов дождался, когда самолет сбросил очередную партию буев, за которой последовала серия разрывов. Он опять повернул на восток и увеличил скорость до десяти узлов. К тому времени, когда самолет сбросил новую партию буев, лодка уже была им потеряна. Стало темнеть, а с наступлением темноты самолет не мог летать на малых высотах, чтобы воспользоваться установленным на нем детектором магнитной аномалии. Кетов слышал, как самолет сбросил очередную партию буев к югу от лодки, опять пытаясь определить их местоположение, но они уже была вне его зоны досягаемости. В темноте они медленно всплыли, выставив на поверхность только РДП, и начали зарядку батарей. Самолет опять их не поймал — ни своей РЛС, ни буями «Джезебел». Операторы Кетова доложили о том, что южнее их надводные корабли работают активными гидролокаторами, пытаясь, как и самолет, поймать лодку, но «Б-4» постепенно увеличила отрыв от кораблей и самолета противника и скрылась в тропической ночи.

На следующий день Кетов получил радиограмму из Москвы, которой подтверждался приказ прервать переход на Мариэль и начать патрулирование в небольшом районе радиусом двадцать пять миль. Выполняя этот приказ, Кетов впервые воспользовался пассивным гидролокатором «РГ-10». Этот гидролокатор был установлен на «Б-4» буквально перед выходом лодки в море из бухты Сайда, однако он до сих пор не работал. Техник по радиоэлектронному оборудованию, мастер своего дела, три с лишним недели возился с гидролокатором и в конце концов ввел его в строй. Для них навсегда осталось загадкой, почему гидролокатор до этого толком не работал, сам Кетов видел причину в том, что гидролокатор был чересчур восприимчив к холоду. Как бы там ни было, теперь он работал, давая им возможность обнаруживать американцев на больших дальностях по сравнению с их штатными гидроакустическими средствами. «Б-4» была единственной лодкой в составе квартета «Фокстротов», на которой было установлено это новое оборудование, позволившее ей в дальнейшем загодя обнаружить американцев и уходить от них до того, как американцы их засекут.

Через месяц Кетов покинул район патрулирования и стал понемногу пробираться на север. У них все еще не было приказа о возвращении на базу, но поступали приказы о выходе в новые районы патрулирования, каждый из которых располагался в 100–120 милях севернее предыдущего. Наконец 20 ноября «Б-4» получила приказ вернуться в порт приписки Полярный. Забавно,

что вскоре после получения приказа о возвращении операторы радиоперехвата «Б-4» перехватили переданную открытым текстом телеграмму командующего ВМС США в Атлантике, в которой выражалась благодарность находившимся в этом районе советским подводным лодкам за предоставленную возможность поучаствовать в совместных операциях. Это был настоящий сюрприз, подтвердивший мнение Кетова о том, что все это время американцы точно знали о их походе и полученных приказах. Просто в тактическом плане американцы не смогли принудить к всплытию все советские подводные лодки. Что же касается Кетова и экипажа «Б-4», то им удалось ускользнуть и избегнуть неприятностей, связанных с всплытием в самой гуще численно превосходящего американского флота.

Часть V
Эндшпиль

Возвращение домой, на Кольский полуостров

8 ноября 1962 г.

Капитан 2 ранга Н. Шумков
ПЛ «Б-130»
Атлантика

«Б-130», сопровождаемая в неспокойном море эсминцем «Кепплер», продолжала в надводном положении движение на северо-восток; два из трех ее дизелей были выведены из эксплуатации, а третий работал не в полную мощность, что вынуждало идти на электрическом ходу со скоростью всего полтора узла. Это было монотонным занятием, а волнение на море усиливалось. Дизель № 1, единственный, который механику Паршину удалось заставить работать, давал мощность, достаточную только для зарядки батарей.

В любой момент они ожидали встречи со спасательным буксиром «Памир», который в полученной ими радиограмме сообщил, что на скорости десять узлов идет в юго-западном направлении.

Вахтенным офицером в этот отрезок времени был Воронов; сам Шумков продолжал переживать и размышлять по поводу своего отступления с поля боя. К этому времени он уже получил ответ и на свои доклады относительно неисправностей дизелей лодки. Командование подводных сил СФ проинформировало его, что на борт «Памира» погружены коробки приводов для последующей установки на их неисправных дизелях. Шумков вызвал на мостик механика.

— Прибыл по вашему приказанию, товарищ командир, — быстро и невнятно пробормотал Паршин под шум дождя, вновь заливавшего мостик. Чудесное ощущение — стоять под чистой водой, пусть даже если это и немного мешает разговору с командиром. После недель зловонной жары и грязного воздуха было наслаждением просто находиться на свежем воздухе и прочищать легкие.

— Шеф, нам только что сообщили, что на «Памире» идут агрегаты для двух наших дизелей, у которых треснули коробки. Что ты думаешь по этому поводу?

Паршин посмотрел через ограждение мостика на «Кепплер»,

который был для них загонщиком с дробовиком. Он шел на дальности примерно две тысячи метров справа и позади лодки. Паршин тряхнул головой.

— Командир, мы же докладывали, что ремонт можно сделать только на верфи; мы сами скорее всего не сможем поменять эти коробки. Нам нужен сухой док.

— Почему же не сможем, шеф? — Шумков обычно вникал в инженерные проблемы, но тут вспомнил, что они не обговаривали деталей операции по замене коробок. Все давно знали, что трещины существовали со дня ввода лодки в боевой состав, но тот факт, что они полностью разорвали корпус, казался ему проблемой, которую можно было решить простой заменой.

— Не могу поверить, чтобы инженеры флотилии и Северного флота не врубились в то, что эту операцию нельзя выполнить в море. — Паршин недоверчиво покачал головой.

— Но почему нельзя, шеф? — опять спросил Шумков, чувствуя себя немного глуповато из-за того, что не обсудил этот вопрос раньше.

— Все просто, командир. Снять неисправные коробки мы сможем, потому что они развалились надвое, а чтобы установить новые, нам потребуется вырезать отверстие в прочном корпусе размером минимум два на полтора метра. Сварочное оборудование для выполнения этой работы у меня есть, но в такую погоду на море мы не сможем этого сделать — мы камнем пойдем ко дну. Даже в порту не стоит этого делать, только на киль-блоках в сухом доке!

Шумков онемел. Он не подумал заранее о размерах коробок или о том, что они могут быть слишком большими для спуска вниз через главный люк или люки загрузки торпед. Он старательно разглядывал серые волны и такое же серое небо, едва различая горизонт, где встречались две стихии. Двое мужчин стояли рядом и смотрели вперед, ожидая появления буксира.

Когда они, наконец, увидели буксир, Шумкову стало легче, но ненадолго. Сеанс радиосвязи с «Памиром» вселял надежду на то, что они смогут произвести временный ремонт и вернуться к лодкам бригады, чтобы поддержать их в кажущейся нескончаемой битве с противолодочными силами США, теперь же надежда исчезла.

— Нет другого выхода, шеф, придется «Памиру» брать нас на буксир. — Такое решение было не совсем тем, что они предполагали, и все-таки прийти домой на буксире было для них гораздо лучшим вариантом, чем возвращаться своим ходом на скорости полтора узла и болтаться в море еще полтора месяца. Ранее им приказали встретиться с «Памиром», произвести

требуемый ремонт и вернуться на юг для поддержки оставшихся там трех лодок бригады, но теперь об этом не могло быть речи. Сейчас Шумков знал истинную причину, не позволявшую им поменять коробки на неисправных дизелях, и сложившаяся ситуация показалась ему настолько забавной, что он едва не расхохотался, вовремя сдержав себя из-за стоявшего рядом механика.

— Надводный контакт прямо по курсу, — доложил снизу оператор РЛС. Это наверняка был «Памир».

— Понял, контакт. Гидролокатор, шумы отмечаете?

— Пока нет, товарищ командир, прием пассивным гидролокатором затруднен из-за сильной волны, но скоро мы их услышим.

Шумков ждал, вглядываясь усталыми глазами в брызги волн и дождь. Он чувствовал себя подавленным после всего, что произошло за последнее время — постоянная бдительность, близость противника, а теперь для них это кончилось, все! Теперь им предстоял только долгий путь домой. Через десять минут наблюдатель доложил о визуальном контакте прямо по курсу. Начинало темнеть, хотя до вечера было далеко.

— Товарищ командир, воздушный контакт с запада, приближается. Американский «Нептун» идет курсом на нас.

— Понял, — ответил Шумков. Какое это теперь имело значение? Они вышли из игры, никакой пользы от них не было, и они ни для кого не представляли угрозы.

— Товарищ командир, американский эсминец болтает с самолетом в общей противолодочной радиосети, они ждут нашей встречи с буксиром.

— Очень хорошо. — Ну, сейчас мы им покажем кино на открытом воздухе, если они смогут что-нибудь разглядеть в такую погоду, подумал Шумков. Нет смысла оставаться в режиме радиомолчания. — Пусть Чепраков даст мне радио с «Памиром», мне надо переговорить с его капитаном.

— Есть, товарищ командир, — ответил Воронов. Через несколько минут он доложил: — Капитан «Памира» на линии, шестой канал.

— Очень хорошо. — Шумков взял микрофон и установил переключатель, покрытый налетом соли, на шестой канал. Видимость немного улучшилась, и теперь он видел «Памир», который выполнял разворот, намереваясь занять место слева и сзади от них. Ну вот, подумал Шумков, у нас сейчас двое сопровождающих — по одному от нас и от них, плюс еще самолет. Ничего не скажешь — за нами действительно хорошо присматривают.

Шумков стал кричать в микрофон; радиосвязь была плохой, и голос с другого конца был едва различим. Шумков попробовал объяснить капитану буксира суть дела, а потом передал микрофон механику, вернувшемуся в рубку; механик стал обговаривать длину и толщину троса, нужного для буксировки лодки. Шумков всерьез сомневался, сможет ли буксир при такой погоде успешно тянуть лодку на тросе с малым провисом; чтобы волны трос не разорвали, его придется делать очень длинным. Это сулило долгий и утомительный путь домой.

После множества препирательств, ругательств и проклятий механик и капитан буксира договорились ждать улучшения погоды. Маленькая флотилия из трех судов продолжила движение с одинаковыми для всех курсом и скоростью вплоть до следующего дня, когда, после двух неудачных попыток, во время которых трос рвался, они все-таки успешно закрепили трехсотметровый трос, который, похоже, выдерживал нагрузку.

На восхитительной скорости в пять узлов они рванули домой. Когда буксир начинал их тянуть, лодка была в трехстах милях от Восточного побережья США; «Б-130» понадобилось три недели, чтобы добраться до Полярного. Они впервые увидели землю — это был Нордкап — третьего декабря.

Обойдя Нордкап, они воспрянули духом. Наступила полярная ночь, и они опять редко видели солнце, но их высокий настрой поддерживало сознание того, что они прибывают в родной порт. Еще два дня ушло у них на то, чтобы дойти до точки поворота и взять курс на юг, на Кольский полуостров. Капитан «Памира» договорился, что два портовых буксира встретят их в море у бакена, но Шумков воспротивился этому. Им удалось полностью зарядить свои батареи благодаря хитрому временному приспособлению, которое придумал механик, используя работавший не на полную мощность оставшийся дизель и некоторую помощь с «Памира». Шумков хотел освободиться от буксировки после прохождения морского бакена и двигаться дальше на собственном электрическом ходу. Поначалу у Шумкова были споры со штабом флотилии в Полярном, который решил было, что у него вообще не осталось ни одного исправного двигателя, чтобы дать ход, и настаивал на буксировке лодки двумя портовыми буксирами; штаб хотел также, чтобы караван замыкал «Памир», на борту которого были два больших агрегата для последующего ремонта лодки. Когда штаб флотилии опять начал отстаивать свою точку зрения, Шумков просто выключил на радиоприемнике громкость и сказал, что он не принял их последнего сообщении из-за атмосферных помех; он добавил, что они собираются зайти в порт на собственном ходу. Последнее

слово оказалось за ним.

Шумков бросил буксировочный трос у бакена и своим ходом вошел в пролив. Была темная ночь, но видимость была значительно лучше, чем два месяца назад, в ночь их убытия. Шумкову было приказано первым делом зайти в бухту Сайда и выгрузить с лодки спецоружие. «Б-130» послушно повиновалась командам Шумкова, который привел ее к тому же пирсу, от которого они ушли 1 октября.

Когда они закончили швартовку, Шумков оглядел пирс и увидел одинокую штабную «Волгу» черного цвета; внутри машины было несколько человек, которых он не разглядел. Он знал, что церемонии встречи не будет, поскольку они, выполняя приказания, полученные через «Памир», запоздали с прибытием. Пелена секретности по-прежнему висела над ними, и Шумков не мог понять, в чем тут дело. Обычно при возвращении советской подводной лодки с патрулирования ее командир докладывал своему непосредственному начальнику; в их случае этим начальником должен был быть командир бригады Агафонов, однако он находился на борту «Б-4» вместе с Кетовым, все еще бог знает где в обширной Атлантике. При обычном возвращении лодки в дневное время ее командир должен сойти на берег и официально доложить «о завершении похода» своему начальнику и получить от него в подарок жареного поросенка — как знак успешного выполнения задачи. Все это обставлялось с большой помпой — с небольшим оркестром, собранным из музыкантов местной базы, — с медными трубами, украшенными вмятинами, и большим барабаном, и выстроенным на борту лодки ее экипажем, от старшего по званию до последнего матроса. Шумков всегда наслаждался своим возвращениям после долгого патрулирования; на этот раз, однако, было совсем не то, что раньше, поскольку их все считали и, видимо, продолжали считать выполняющими тайную операцию. Все, кроме американцев, которые уж точно знали, где они побывали, и, наверное, знают, где они находятся сейчас. Некоторые вещи просто не имеют никакого смысла, подумал Шумков.

Несмотря на позднее время, Шумков старался разглядеть сидящих в автомобиле — вдруг выскочит какой-нибудь старший офицер, и придется ему докладывать. Шумкова немного смутило, что на пирсе больше никого не было, не считая троих матросов, пришедших от начальника порта, домик которого находился рядом с пирсом. Матросы стояли кучкой под легким снегопадом, и, когда брошенные с лодки концы змейками пролетели над стенкой, матросы закрепили их на больших стальных кнехтах плавучего пирса. Шумков приказал вырубить работавший

двигатель. После короткой заминки они получили электропитание с берега и выключили вспомогательные генераторы.

Шумков уставился в ночь, размышляя о том, какая у них теперь разрядка — после недель напряженной работы, бессонных дней и ночей — в конце концов, всего лишь вернуться на Родину, где их встречают только полярная ночь и снегопад. Повезло, боевых действий не было и никто не погиб. Единственная их потеря — сломанные в шторм ребра штурмана. Они все сбросили вес — несомненно, их жены будут довольны. Его радовало, что он возвращается с тем же количеством членов экипажа, с которым он вышел в море. Все на борту постарели из-за стычек с противником; они побывали рядышком с настоящей войной и выжили, чтобы уйти от нее. Так или иначе, он чувствовал себя опустошенным и обессиленным.

Шумков увидел, как с переднего пассажирского сиденья «Волги» поднялась темная громадина в морской шинели с золотыми полосками погон, на которых поблескивали по одной звезде контр-адмирала, и в каракулевой шапке-ушанке старших офицеров. Шумков соскользнул по трапу из рубки на палубу и подошел к сходням, устанавливаемым береговой командой со стенки на лодку. Легкий снежок и палуба лодки облегчали работу команды. Когда Шумков приблизился к сходням, подошедший адмирал махнул поднятой рукой, давая ему знак оставаться на борту.

— Я поднимусь к вам, — крикнул адмирал.

Шумкову это показалось очень странным, поскольку адмиралы обычно не поднимаются на борт кораблей или лодок, особенно до того, как командир отрапортует о выполнении задачи. Шумков остановился у сходен и отдал честь контр-адмиралу Леониду Рыбалко, быстро поднявшемуся на лодку.

— Здравия желаю, товарищ адмирал! Командир подводной лодки «Б-130» капитан второго ранга Шумков, докладываю о завершении похода.

Рыбалко также отдал честь, потом сделал шаг вперед и сжал руку Шумкова. Он несколько раз с теплотой пожал руку Шумкова и, казалось, подыскивал слова. Наконец, они нашлись.

— Николай, я рад, что ты благополучно вернулся. Как твои люди?

Впервые за долгую службу Шумкова случилось так, что старший офицер интересовался благополучием его подчиненных; это его сильно взволновало.

— Товарищ адмирал, с ними все в порядке, только немного похудели и устали; чуточку приболели — сыпь и язвы на коже, но

ничего такого, что не лечат отдых и свежий воздух.

Рыбалко стиснул его руку и снова тряхнул ее. Кажется, возвращение экипажа действительно его обрадовало.

— Мы, по крайней мере, я, ужасно разочарованы, что все так произошло; этого не должно было случиться, — продолжал адмирал. Он казался страшно усталым и напрягался, подбирая слова.

Шумков подумал, что Рыбалко подразумевает неполадки на его лодке и вынужденное всплытие прямо в пасти у американских поисково-ударных сил, он намеревался продолжить устный доклад, но адмирал задумчиво перебил его:

— Было непростительно посылать вас в эту драку, не информируя постоянно о том, что происходит. Я знаю, что вы, возможно, считаете иначе, но посылать вас действовать вслепую было преступлением. Я докладывал о своем несогласии командующему флотом, который и сам был обеспокоен. От Главного штаба у нас до сих пор у нас нет ни помощи, ни взаимодействия, он молчит с середины октября. — Речь адмирала была чем-то из ряда вон выходящим и напоминала исповедь тяжело раненного человека.

Рыбалко продолжал:

— Я должен довести до вас распоряжение о том, что, в связи с тем, что вы «засветились» перед американцами при выполнении боевой задачи, нарушив тем самым требования по сохранению скрытности действий, вы и ваш экипаж до окончания полного расследования должны оставаться на лодке на казарменном положении.

Шумков уставился на адмирала, который был заметно взволнован, и Шумков заметил, как что-то мешало адмиралу произнести последние слова. Сам Шумков тоже был потрясен услышанным от адмирала, он хоть и ожидал какие-то упреки в свой адрес, но не такие скорые и не такие болезненные, как приказ всему экипажу, включая офицеров, находиться на лодке на казарменном положении.

— Все объясняется тем, — продолжал Рыбалко, — что операция до сих пор держится в секрете, не говоря уже о том, что еще в большем секрете держатся ее результаты. До этого секретность требовалась для защиты операция «Кама», теперь она нужна для защиты флота и правительства от конфуза. Москва до сих пор старается закрыть покровом секретности все, что связано с операцией «Анадырь», и это наблюдается во всех видах вооруженных сил. Повсюду витают слухи. По правде говоря, Николай, я понимаю, что вы должны чувствовать.

— Товарищ адмирал, — сказал Шумков, — пойдемте вниз и

выпьем чаю. — Он решил, что им лучше спуститься и не стоять на палубе под мокрым снегом.

— Спасибо, Николай, спасибо за гостеприимство, но мне надо возвращаться в Полярный. Я не должен был находиться здесь, но у меня не укладывалось в голове, что никто не встретит тебя и твоих людей, когда вы вернетесь. Кстати, твоя семья в полном порядке, сегодня утром я позвонил Ирине и сказал, что вы должны прибыть вечером. Она пообещала сдержать свое слово. Она, конечно, переживала, как и мы все. Вы вернулись, несмотря на механические неполадки, и в этом, безусловно, большая заслуга экипажа и тебя лично.

Пока они беседовали, большой дребезжащий грузовик с шумом съехал на пирс и остановился прямо у сходен. Рыбалко направился к сходням и махнул рукой в сторону пирса:

— Мы привезли немного свежих продуктов, чтобы вам было легче отметить благополучное возвращение. Наверное, на борту мало чего осталось из свежих продуктов.

— Ничего не осталось, товарищ адмирал, то, что не было съедено, испортилось от жары. — Шумков пожалел, что признался в нехватке продуктов, он не хотел, чтобы его приняли за жалобщика. — Наша самая большая проблема — свежая вода, товарищ адмирал, но я думаю, что мы получим воду с баржи, которая, наверное, вскоре подойдет.

По сходням прошли двое дневальных, неся в руках по большой коробке, вскоре они вернулись на пирс и взяли два больших закрытых контейнера из кузова грузовика, не имевшего бортов.

— Вот вам пока свежие припасы, — сказал Рыбалко, — остальное подвезут, когда вернутся другие лодки. Пожалуйста, будьте экономны с этими продуктами, мне пришлось самому их доставать. Командиру базы приказано пока вас не снабжать, но я решил, что вам надо немного отвлечься от трудов тяжких.

Рыбалко опять пожал руку капитану и пристально взглянул на него.

— Расследование начнется сразу же, как только командир бригады Агафонов прибудет вместе с Кетовым на «Б-4». У нас есть их доклад о прохождении Нордкапа; если у них все будет в порядке, они рассчитывают быть здесь в течение сорока восьми часов.

— А как остальные? — Шумков особенно беспокоился за своего друга Алексея Дубивко. Он читал несколько телеграмм о его противостоянии с американцами; в другой телеграмме сообщалось, что американский эсминец «Сесил» пытался установить связь с «Б-36», и Дубивко запрашивал, как ему

поступить.

— Последнее сообщение от Дубивко мы получили два дня назад, когда он находился к западу от Лофотенских островов, — сказал Рыбалко, — у него вроде бы все в порядке, но точную дату его прибытия мы не знаем. — Он быстро улыбнулся и добавил: — Извини меня за все это, извини.

Рыбалко повернулся, отдал честь вахтенному офицеру, только что организовавшему дежурство на палубе, прошел по сходням и направился к автомобилю. Шумков наблюдал за адмиралом, одиноко шагавшим в темноте — поверить в случившееся и в странные обстоятельства, которые, похоже, возобладали и здесь, и в Москве, было почти на грани возможностей Шумкова. Страдая от нехватки информации, он мог только догадываться, что вся операция оказалась скомпрометированной, став тяжелым и унизительным поражением для страны. Он еще не пришел в себя от встречи с адмиралом, своим командующим эскадры — на улице, среди ночи, присутствовавшим при разговоре с ним в единственном числе, без штаба, — лично прибывшим поприветствовать их и сказать, что они, по сути, будут находиться под домашним арестом на борту собственной лодки.

Поверить в такое было невозможно, тем более после того, как они избежали гибели и увернулись от настоящей войны. Шумков почувствовал себя усталым, очень усталым.

Он повернулся, чтобы пройти вниз, но заметил старпома, Фролова, который стоял у трапа.

— Товарищ командир, пойдемте в офицерскую кают-компанию, мы хотим вам кое-что показать.

Шумков удивился, увидев Фролова, некоторое время пробывшего наверху. Командир лодки и следовавший за ним Фролов спустились вниз, в центральный командный.

— Я слышал, что сказал адмирал, — начал Фролов, — и я, товарищ командир, тоже не могу понять… но мы должны пережить этот день. — Фролов был сдержанным офицером, и Шумков понял, что прошедшие два месяца сделали его еще более сдержанным. В молчании они шли по лодке в офицерскую кают-компанию, которая размещалась на корме.

Фролов ввел командира в небольшое узкое помещение, в котором, окружив маленький стол, собрались все офицеры и мичманы «Б-130». За последние два месяца, при невыносимой жаре и влажности, они едва прикасались к пище, подумал Шумков. Офицерская кают-компания всегда была тесной и полной людей, но сейчас, на холоде севера, она показалась гораздо просторнее, хотя и была забита до отказа. Праздничный

стол был заставлен тарелками с закуской — салатами из свежей зелени, сардинами, соленой селедкой и нарезанными дольками говяжьего языка, несколько бутылок холодной водки и шампанское стояли чуть в стороне. Шумков взглянул на Фролова.

— Товарищ командир, я догадываюсь, что вы хотите сказать — экипаж, да? Но они собрались точно за таким же столом. Надо сказать спасибо адмиралу Рыбалко и его жене, — Фролов опередил командира.

Шумков оглядел офицеров, собравшихся в кают-компании. При взгляде на них у смотрящего возникала жалость — с красными глазами, некоторые совсем небриты, у других топорщатся аккуратные бородки, у многих язвы на лине и руках. Большинство переоделись в голубые комбинезоны, под которыми виднелись полосатые морские тельняшки. Температура воздуха снаружи была около нуля, но внутри лодки, в спертом воздухе, было тепло по-прежнему.

— Подождите немного, — сказал Шумков, — через несколько минут я вернусь. — Вместе со старпомом они пошли дальше к корме, в столовую экипажа. Пройдя трапом в шестой отсек и войдя в отсек кормовых ТА, служивший столовой экипажа при стоянках в порту, они услыхали шарканье ног и шум, издаваемый большим скоплением народа в тесном пространстве. Почти весь экипаж сгрудился внутри отсека. В центре помещения на двух импровизированных столах была разложена закуска — точно такая же, которую он только что видел в офицерской кают-компании.

— Командир! — воскликнул кто-то, и все поднялись.

Это было волнующее зрелище. Собравшиеся походили на оборванцев, большинство выглядели усталыми, с покрасневшими глазами, непричесанными, у них были грязные руки. Они исхудали; некоторые смотрелись так, словно они не ели несколько недель. Шумков рассматривал их, стараясь увидеть каждого. Почувствовал, что они ждут, что он им что-то скажет. Шумков еще раз оглядел собравшихся и заметил среди собравшихся офицера по безопасности спецоружия; как обычно, офицер выглядел робким и потерянным.

Шумков прокашлялся и сказал:

— Продолжайте, присаживайтесь.

Все сели или опустились на корточки, поскольку сидячих мест не хватало. Люди возвращались к нормальной жизни, и у всех поблескивали глаза. Важный момент для подчиненных, напряженно размышлял Шумков. Как передать им слова, только что услышанные от адмирала, слова о том, что они фактически находятся под домашним арестом? И сделать это так, чтобы не

погасло воодушевление, читаемое на лицах, — всем не терпится узнать, что сказал адмирал и что с ними будет после мучительных месяцев неясности.

— Товарищи, — начал Шумков, — во-первых, разрешите мне сказать, что я горжусь каждым из вас. Как вы уже, наверное, слышали, мы будем жить на лодке на казарменном положении до тех пор, пока не вернутся остальные лодки бригады и мы полностью не отчитаемся за поход. — Он не стал употреблять слово «расследование». — Адмирал просил меня поблагодарить всех и каждого из вас за работу, выполненную в очень тяжелых и опасных условиях. Со своей стороны я сделаю все, что в моих силах, чтобы как можно скорее получить для всех разрешение на отпуск и отдых. Пока есть время, воспользуйтесь моментом и отдыхайте, всем вам нужен отдых. Вахты выставляться не будут, за исключением дежурной инженерной группы и часового внутри лодки; наружные вахты будет нести личный состав базы. На все сто используйте время для отдыха, кстати, вскоре должна подойти баржа со свежей водой, так что воды в душе хватит на всех.

Он повернулся к выходу, но его позвал главстаршина:

— Командир, вот, — и протянул ему маленький стакан водки. Обычно командиры не пьют с экипажем, но для данной операции протокольные условности давно исчезли, поэтому Шумков взял стакан дрожащей рукой. — Товарищ командир, — главстаршина выпрямился, — мы хотим выпить с вами за нашу лодку, за наши семьи и… это, ну… — Главстаршина стеснялся и поэтому нервничал, потому что для подчиненных в подобной ситуации было необычным выступать с такими словами перед командиром. — Мы высоко ценим ваше… это, ну… строгое… руководство. — Потом он оглядел собравшихся, и вся группа разразилась аплодисментами.

— Ура Шумкову! — и все выпили; Шумков осушил свой стакан и поднял руку.

Он посмотрел на своих подчиненных — на всех лицах было воодушевление.

— Лучше, чем было, у нас бы не получилось. Помните — без вас я ничто.

Шумков быстро повернулся и направился в офицерскую кают-компанию. Шел он медленно, потому что при ходьбе сильно болели ноги, и, конечно, ему не хотелось, чтобы офицеры заметили слезы у него на глазах. Шумков устал и мог бы спать всю ночь, не просыпаясь. Он так и сделал потом — спал целых двенадцать часов.

«Б-130» вернулась в бухту Сайда седьмого декабря, а

шестнадцатого декабря на «Б-4» прибыли Кетов и командир бригады. Поджидая Савицкого и Дубивко, они находились на лодках на казарменном положении. На следующий день после возвращения Кетова опять подошла баржа со свежей водой и запасом свежих продуктов. Экипажи безуспешно рвались на берег, но теперь хоть еда у них стала нормальной. Следующей закавыкой была организация непрерывной подачи свежей воды с берега, поскольку они уже опорожнили первые две баржи. Целых два дня механики бились над этой проблемой, а кончилось это тем, что подошла третья баржа с водой, и они заполнили все емкости для питьевой воды и впервые за несколько недель помылись в душе, не жалея воды. Оба командира предпочли бы разместить свои экипажи на берегу в казармах или в более удобных каютах, которые, как они знали, были на борту плавбазы ПЛ «Дмитрий Галкин», находившейся в Полярном, всего в пятнадцати километрах от них, однако по какой-то причине им приказали оставаться в изоляции и почти инкогнито до возвращения остальных лодок. За исключением того, что сказал им Рыбалко, Шумков и Кетов и понятия тогда не имели, почему так происходит. С течением времени они узнали, что все делалось в интересах безопасности, так как власти не хотели, чтобы где-нибудь просочилось неофициальное словцо о промашке советского флота в тесных объятиях американских противолодочных сил в Карибском море. Как это часто случалось в те годы в СССР, безопасность стала их главным врагом: они поджаривались и ждали на своих все еще зловонных лодках. Хорошо хоть, что стало гораздо прохладнее, однако въевшийся запах паров дизеля и хлора пропитал их одежду и все на лодке.

На второй день совместного пребывания в бухте для осмотра обоих экипажей прибыла команда офицеров-медиков. Санитарное состояние личного состава привело их в ужас, они выписали какие-то лекарства и дали мазь от язв и сыпи. Обе лодки до сих пор не получили достаточного объема воды, потому что на третьей барже запас воды кончился на второй день; некоторым так и не удалось отскрести грязь в теплой пресной воде. Через два дня они безмерно обрадовались, увидев прибывающую «Б-59» Савицкого. Были ранние утренние часы и темень, хоть глаза выколи, когда они услыхали гудок с буксира, поданный по команде Савицкого, швартовавшегося рядом с «Б-130» в родном гнездышке. Несмотря на такую рань, оба экипажа высыпали на палубы своих лодок, приветствуя возвращение третьей лодки. На следующее утро, когда экипажи собрались и стали делиться своими приключениями, начальник штаба бригады Архипов отправился на берег пробивать разрешение личному составу трех

лодок — и четвертой, когда та вернется — на проживание на берегу. Архипов нарвался на тот же приказ из флотилии — все экипажи остаются на лодках до возвращения остатков бригады. У многих матросов из одежды остались только дурацкие шорты защитного цвета и тропические рубашки, выданные им перед выходом в море. Другие предметы одежды отсырели и ужасно пахли, заплесневев на теплом и влажном юге. В конце концов, после нескольких дней уговоров, на пирс с берега пришел грузовик с теплыми куртками и зимними шапками. Теперь, по крайней мере, они были тепло одеты, хотя и продолжали дурно пахнуть.

Вскоре после прибытия Савицкого они узнали, что Дубивко на «Б-36» доложил, что находится у Нордкапа с остатком топлива всего в несколько литров. Они терпеливо поджидали последнюю лодку. Соли на рану добавил запрет экипажам трех лодок общаться друг с другом, поскольку вскоре ожидался разбор похода, и они якобы не должны были затемнять свою память историями, принадлежавшим другим экипажам. Это был самый нелепый приказ из всех, которые они когда-либо получали, однако большинство повиновалось. Что по-настоящему их оскорбило, так это решение штаба флотилии выделить подразделение морской пехоты для их охраны; морпехи оцепили пирс и держали их на лодках буквально как заключенных.

Поначалу Шумков и другие командиры лодок пришли в ярость, но потом, когда начались сильные метели, они остыли, поскольку теперь в буран не требовалось выставлять часовых на палубу и нести вахту на пирсе, потому что эти обязанности исполнялись морскими пехотинцами. В общем, подводники наслаждались передышкой, не выставляя вахту, за исключением дежурной инженерной группы, приглядывающей за тем, чтобы лодка случайно не затонула рядом с пирсом. Все они много спали.

Через пару дней прибыл Дубивко на «Б-36». Какую же историю ему пришлось поведать!

15 декабря 1962 г.

Капитан 2 ранга Алексей Дубивко
ПЛ «Б-36»
Северная часть Норвежского моря

На протяжении всего перехода из района боевого патрулирования на север погода была ужасной — волны высотой

с гору и сильный северо-восточный ветер. Когда они находились на поверхности или близ нее, идя под РДП, то несение вахты на штурманской площадке рубки становилось сущим адом, но для командира лодки Дубивко самой серьезной проблемой стало количество оставшегося на лодке топлива.

Он вызвал механика в центральный командный.

— Старшой, как у нас сейчас с топливом? Большой остаток?

— Товарищ командир, мы где-то в пути промашку сделали, — удрученно ответил механик.

— Что вы имеете в виду под словом «промашка»? — Озабоченность Дубивко переросла в тревогу.

— Ну, товарищ командир, мы каким-то образом потеряли две тонны топлива.

— Как это могло случиться? — поразился Дубивко. — Вы неправильно рассчитали или же мы потеряли его во время сильной бортовой качки? — Возможность утери топлива из балластных емкостей существовала при сильной качке и нахождении лодки на поверхности. Дизельное топливо в этих емкостях сдерживалось от вытекания не стенками цистерн, а за счет более тяжелой морской воды, на поверхности которой оно и плавало, защищенное слоем воды от вытекания через открытое дно емкости. Топливо могло уйти при качке, такое, правда, было возможно только при очень сильной качке. Хотя они несколько раз попадали в очень сильную, до пятидесяти градусов качку, это не считалось основательной причиной для потери топлива.

— Командир, мы все еще проводим замеры и пытаемся выяснить, что случилось. Я сам уже трижды проверял, и все-таки двух тонн не хватает.

— И далеко мы уйдем на имеющемся остатке?

— Ну, это зависит от того, сколько времени будет занимать ежедневная зарядка батарей, но не очень далеко от Нордкапа.

Дубивко был ошеломлен последними словами инженера. На протяжении всего маршрута плавание и так было тяжелым, но они старались изо всех сил и не падали духом даже после протечки откидной крышки люка и нескольких случаев потери электропитания, когда вода потоком лилась через дырявый люк и замыкала кормовой распределительный щит. Теперь вот — нехватка топлива, именно то, чего Дубивко больше всего не хотел, потому что это не только бы было действительно опасным для лодки, но и фактически означало бы его профессиональный конец как командира-подводника.

Дубивко поглядел на механика, выглядевшего так плохо, что командир не мог на него разозлиться; вместо этого он почувствовал к нему сострадание. Кажется, тот никогда не

отдыхал, но точно в таком же положении были и большинство других членов экипажа.

— Командир, мы еще раз проверим емкости, все пересчитаем, а потом доложим. Есть варианты.

Озадаченный Дубивко недоверчиво взглянул на него:

— О чем ты говоришь? Если у нас нет топлива, то его у нас нет! Вот так! Мы можем сделать аварийный вызов буксира с топливом, но пока он придет, мы погибнем. Можно аварийно связаться с торговым судном «Морфлота», но это будет нарушением инструкции… Что ты еще можешь посоветовать, старшой?

На грязном лице инженера выделялись покрасневшие глаза, пытливо смотревшие на Дубивко. Инженер улыбнулся:

— В кормовой емкости левого борта поверх отсека четыре у нас имеется двадцать тонн масла для смазки, ни грамма этого масла мы не потеряли, это я точно знаю, потому что мы его постоянно проверяем, и каждый раз у нас один и тот же уровень. Это масло нам ни на что не сгодится.

Дубивко все еще выглядел озадаченным:

— Масло для смазки… Мы не можем его использовать в качестве топлива для дизелей, дающих тягу… Или можем?

— Можем, но не для создания тяги; мы смешаем его с остатком дизтоплива и водой и зальем все это в дизель, который будет заряжать батареи, обеспечивающие ход на электроприводе. Масло для смазки может сгорать в цилиндрах, но даст нам только часть нормальной мощности, достаточной только для заряда батарей, на которых мы пойдем домой. Все зависит от погоды, поскольку нам придется идти либо в надводном положении, либо на глубине работы под РДП. Если штормить будет так же сильно, как сейчас, мы не сможем этого сделать.

Однако они это сделали, и «Б-36» пошла домой на двадцати тоннах масла для смазки, смешанного с морской водой и остатком дизтоплива в соотношении три к одному. Создатели дизельных двигателей были действительно мастерами своего дела, они знали, что проектировали. Дубивко рассматривал все происходящее чистейшей авантюрой, но тогда, после всего, что им довелось пережить, он не считал свое положение чересчур плохим. Он доверял своим инженерам. Те закачали смесь, поменяли входной топливопровод, и, к изумлению Дубивко, последний их дизель, почихав, продолжал работать, выдавая, правда, гораздо меньшую мощность.

«Б-36» шла по Баренцеву морю; ее рубка возвышалась над водой, что обеспечивало вентиляцию дизелей без выдвижения устройства РДП. Таким манером они получили хороший воздух

внутри прочного корпуса, хотя проблема с температурой уже не стояла так остро. В декабре на участках моря с большими глубинами все еще было мало льда. Только однажды они засомневались и запаниковали, но штурман лодки Жуков сделал замечательное дело и вывел их к намеченному пункту побережья.

Они прошли большую часть первого дня на чудной, но дававшей дизелю жизнь топливной смеси, а потом дизель неожиданно стал снижать обороты и тревожно заглох. Дубивко немедленно отключил электропривод. Поначалу ничего не случилось, потом пропало электропитание и погасли лампы освещения. В инженерных отсеках началась беготня, а Дубивко, послушав разговоры по ГГС, решил дать инженерам свободу рук. Примерно десять минут, десять пугающих минут, лодка покачивалась на легкой волне, а затем с грохотом ожил дизель и опять зажглись лампы освещения. Позже Дубивко спросил механика, как тому удалось запустить дизель на немыслимой смеси масла для смазки и морской воды. Механик стоял перед командиром и протирал руки промасленной ветошью. Был вечер, и в отблеске заката снежинки падали на козырек открытого мостика.

— Товарищ командир, несколько дней назад по совету одного из моих мотористов мы сделали «заначку» и поставили в укромное место десять литров чистого дизтоплива. На той ужасной смеси запустить заглохший дизель было бы невозможно, поэтому мы вручную закачали хорошего топлива, и он сразу запустился. Потом, когда дизель заурчал от удовольствия, мы опять перешли на смесь. Конечно, мы дурачили двигатель, но он принял это нормально. Не хотелось бы опять сталкиваться с этой проблемой. Кстати, дизель заглох из-за того, что при работе на смеси нам приходится четыре раза в час менять топливные фильтры и чистить их от осадка и смолы, забивающих фильтры.

Ты гений, механик, подумал Дубивко.

Если говорить обо всей операции, то эта часть похода была спокойным плаванием, спокойным всю дорогу до бухты Сайда. «Б-36», с исправным оборудованием, за исключением двух отказавших дизелей, закончила последний маневр в канале и красиво подошла к берегу. С огромной радостью они увидели три другие лодки бригады, пришвартованные к родному причалу. Когда они швартовались, их товарищи, толпившиеся на палубах и штурманских площадках лодок, восторженными криками приветствовали их возвращение.

15 декабря 1962 г.

Бухта Сайда

В день прибытия «Б-36» Дубивко командующий эскадры адмирал Рыбалко опять приехал на пирс, на котором под легким снежком выстроились экипажи всех четырех лодок. Немного поодаль от экипажей, у самой кромки пирса, стояли группой командиры лодок капитаны 2 ранга Дубивко, Савицкий, Кетов и Шумков. Они уже успели немного отдохнуть и привести себя в порядок и теперь рвались домой.

— Вот и он, — сказал Шумков, и командиры заняли свои места во главе экипажей. О разговоре, который произошел у него с адмиралом в день прибытия «Б-130», Шумков никому из своих коллег не обмолвился и словом.

Адмирал Рыбалко медленно вышел к строю, остановился и стал всматриваться в шеренги подводников. Он, похоже, разволновался, оглядывая шутовски выглядевший строй. Часть моряков была в соответствующей сезону зимней форме и в ушанках; на других были только синие комбинезоны и пилотки. Несмотря на холод и неприглядный внешний вид, их глаза блестели, и стояли они с высоко поднятой головой. Рыбалко начал речь, и говорил поначалу медленно и выглядел несколько удрученно. Вскоре Шумков заметил, что подавленность адмирала прошла, и искорка оживления вновь заблестела в его глазах; теперь он так же высоко держал голову. Рыбалко обрисовал общую картину произошедших событий, и подводники впервые, если не считать тех обрывков и кусочков новостей, которые они узнавали при прослушивании американских радиостанций, услышали, как развивались события, одно хуже другого, в полном провале с Кубой. С некоторой гордостью Рыбалко сказал, что бригада ненароком запуталась в величайшей противолодочной армаде, когда-либо собиравшейся в Атлантике, и что бы там ни говорили о том, что они оплошали со скрытностью перехода, они тем не менее действовали хорошо и, что самое важное, все возвратились домой, не вызвав еще более серьезной конфронтации с Америкой. Не знаю, чем это все обернется, сказал адмирал, но он гордится ими и будет рекомендовать всех и каждого для скорейшей поездки во флотские дома отдыха на Черном море, где они отдохнут и восстановят силы.

После беседы с экипажами личный состав отправили на лодки, а четверо командиров лодок, командующий эскадры и начальник штаба бригады направились в сторону того самого домика, в котором в полночь, 30 сентября, перед самым выходом в море, состоялись их проводы.

Командиры лодок и еще несколько офицеров миновали

заснеженный пирс и вошли в домик, где невысокий дежурный поддерживал огонь в печке, которая топилась углем. В комнате было дымно, но тепло, и все офицеры обрадовались возможности отдохнуть от своих лодок и посидеть в комнате, где можно рассказать друг другу о своих приключениях. Дубивко достал пару бутылок водки; потом все закурили. Через какое-то время хлопнула покрытая снежинками дверь, и с большой коробкой в руках появился офицер-снабженец Кетова.

— Что там, опять ваши паршивые пайки? — Кетов был критичен всегда.

— Никак нет, товарищ командир, мы только что получили посылку из штаба эскадры; это прислала нам в подарок жена адмирала Рыбалко. — Он развернул сверток с деликатесными закусками, и офицеры, не в силах оторваться, молча разглядывали продукты; они несколько месяцев не видели свежей еды — кроме Шумкова, которому уже довелось попробовать нечто подобное по его возвращении. Все знали, что Рыбалко очень старался помочь им и скоро, наверное, уйдет со сцены; несомненно, он будет отстранен от должности за несанкционированную передачу лодкам американского уведомления мореплавателям от 25 октября во время вспомогательного сеанса связи, что явилось нарушением особого распоряжения Главнокомандующего ВМФ адмирала флота Горшкова.

— Рыбалко сегодня не очень здорово выглядел, — мрачно сказал Кетов.

— Да, я тоже это заметил, — ответил Шумков. — Когда мы сюда вернулись, он приезжал к нам всего на несколько минут и сказал, что мы будем находиться на лодках на казарменном положении до особого указания. Флот обращается с нами, как с больными в карантине, а Рыбалко старается смягчить удар.

— Да и мы сами тоже смотрелись не очень после стольких месяцев жары. — Они все согласились, что трудно заново привыкать к холоду.

Неожиданно дверь домика открылась и вошел начальник штаба Архипов. Собравшиеся поднялись, приветствуя его, он поздоровался с каждым за руку, и они опять сели.

— Николай, — начал начальник штаба, — мы слышали про твои поломки, как же тебе удалось вернуться? Все твои люди в добром здравии? — Офицеры начали мужской разговор о пережитом, стало шумно, и они не заметили, как опять открылась дверь и тихо возникла облепленная снегом фигура в черной морской шинели. Вошедший стряхнул снег с шинели и обстучал ноги. Офицеры узнали командира бригады Виталия Агафонова,

они замолчали и медленно встали.

Агафонов махнул им рукой — продолжайте, мол. Командиру бригады вытащили лавку и освободили место за столом, а потом несколько часов подряд командиры лодок вместе с командиром бригады и начальником штаба беседовали о своих приключениях и своей судьбе. Агафонов обрисовал общую картину событий, и они впервые в деталях узнали о его попытках получить информацию для четырех лодок, т. е. о том, как он воевал с ГШ ВМФ и проиграл. Он сказал им, повторив слова Рыбалко, что они столкнулись с самой большой противолодочной армадой, когда-либо собиравшейся в Атлантике, кроме того, он получил телеграмму от ГК ВМС США на Атлантике, в которой тот саркастически благодарит советских подводников за услуги в противолодочной войне. Неизвестно, что их ждет в дальнейшем, добавил Агафонов, однако, несмотря ни на что, он будет всех их рекомендовать в отпуск для отдыха и восстановления сил во флотских центрах отдыха на Черном море. Предложив тост за флот, он тихо покинул домик.

Позже они узнали, что Агафонов не стал вмешиваться в ход событий предстоящих недель, когда требовалось обеспечить уважительное отношение к участникам этого похода. Он был хорошим командиром бригады, но его сдерживало отсутствие связи; позднее Агафонов получил звание контр-адмирала и командовал на СФ дивизией новых подводных лодок с ЯЭУ.

Командирам лодок довелось узнать и о напряженной ситуации в Министерстве обороны, об увольнении министра обороны Малиновского и назначении на его должность маршала Гречко. ГК ВМФ Горшков остался на своем посту.

Через несколько дней к подводникам приехал и разговаривал с ними адмирал Егоров, командир базы в бухте Сайда, которому подчинялись плавбаза подводных лодок и все береговые объекты.

Когда Шумков сказал, что после такого долгого и напряженного похода им требуется место для размещения экипажей в каютах, Егоров грустно посмотрел на него и ответил:

— К сожалению, Николай, ваше место рядом с плавбазой уже занято, и я ничего не могу для вас сделать.

Они были поражены. Адмирал Рыбалко всегда заботился о них и был так внимателен, что им и думать было не о чем. Теперь же словно темная туча нависла над ними, и, глядя на Егорова, командирам лодок стало ясно, что от него будет мало пользы. Они вернулись на свои лодки злыми и униженными, приказали своим старпомам ждать новых распоряжений начальства и продолжили подготовку по переезду на берег. Адмирал Рыбалко после встречи с экипажами на пирсе уехал в Североморск и

больше не приезжал.

Начальник штаба Архипов начал злиться и, будучи искренним человеком, шутливо предложил:

— Давайте напишем письмо в ГШ ВМФ со словами: «Если нас не обеспечат жильем для наших экипажей на берегу, то мы разворачиваемся на 180 градусов и уходим на Кубу, на ту базу, которая была назначена нам для дислокации». — Командиры лодок не догадывались, что Архипов уже успел отправить едкое послание непосредственно командующему СФ; они никогда не узнали, что в этом письме было написано, но оно принесло результаты.

На следующий день пришел катер командующего СФ «Альбатрос», на котором были сам командующий и несколько офицеров штаба флота. Командующий приказал разместить на берегу экипажи всех четырех лодок и оформить документы на весь личный состав для убытия в отпуск. По его приказу лодки должны были пройти регламентное обслуживание у стоявшей рядом плавбазы подводных лодок.

Через час после своего прибытия командующий флотом, хоть и не желавший никаких торжественных встреч, под грохот фанфар поднялся на борт лодки Кетова. Он встретился с Кетовым, которого он ошибочно принял за Савицкого, и стал задавать ему разные вопросы личного характера. Кетов сказал, что его фамилия не Савицкий, а Кетов и что его лодка — единственная из четырех, которую американцы не смогли вынудить всплыть. На это адмирал сказал:

— Хорошо, тогда в какой следующей должности вы хотели бы служить?

Кетов ответил, что он уже подавал рапорт о своем переводе на атомные подводные лодки. Адмирал Касатонов поинтересовался, какой ответ он получил на свою просьбу. Кетов сказал, что ему предложили должность командира части подводных лодок. Адмирал спросил:

— Не хотите ли быть начальником штаба бригады?

— Нет, товарищ адмирал, — ответил Кетов, — я хочу командовать атомной подводной лодкой. — Через несколько дней после этого разговора ему было приказано прибыть в Полярный для последующего занятия должности командира атомной подводной лодки второго поколения. Из четверых командиров подводных лодок домой, в Полярный, Кетов вернулся первым.

Примерно в то же время всем четверым командирам выдали отпускные документы для совместного с экипажами отдыха на флотском курорте под Ялтой. Было 30-е декабря, они все уехали на юг и первые дни радовались отдыху безмерно.

Прошло несколько дней, затем к Шумкову подошел начальник дома отдыха и сказал, что его вызывают к телефону. Шумков взял трубку и стал разговаривать с офицером Главного штаба ВМФ, который передал ему и остальным трем командирам лодок приказание немедленно прибыть в Москву, в Главный штаб. Сразу же после окончания новогодних праздников Шумков был в Москве, остальные командиры прибыли немного позже. Последующие двадцать шесть дней они провели в ГШ ВМФ, где готовили доклад о своем походе на Кубу для ЦК партии и лично премьер-министра Н.С. Хрущева, Обходились с ними, как с пешками — один день они были героями, на другой день никто не хотел с ними разговаривать. В те дни все они здорово прибаливали.

Во время подготовки доклада на имя Главнокомандующего ВМФ командиров натаскивали на предмет того, *что надо говорить, когда надо говорить, когда не надо говорить.* Несколько дней они практиковались, а потом встречу с Хрущевым отменили, потому что он был занят, и вместо него они встречались с новым министром обороны маршалом Гречко. Они провели с ним целый день, докладывая ему и членам Военного Совета СССР о том, что произошло. Будучи в Москве, они узнали, что их командующего эскадры контр-адмирала Л.Ф. Рыбалко вынудили уйти в отставку. Он уехал из Полярного в Москву, и четверо командиров никогда больше его не видели.

Командующий американским флотом на Атлантике поблагодарил четверых командиров за услуги, оказанные противолодочным силам США, а дома к ним относились, как к париям. Ни Шумков, ни его подчиненные, ни кто-либо другой из участников похода не были отмечены наградой за свои труды — за исключением больного с приступом аппендицита с лодки Дубивко.

В конце января 1963 г. командиры всех четырех лодок, побывавших в Карибском море в октябре и ноябре минувшего года, получили через Агафонова приглашения на встречу и обед в честь находившейся в СССР с визитом кубинской делегации; их предупредили, что будет присутствовать сам кубинский лидер Фидель Кастро. Предстоящее событие взволновало подводников.

«Б-4» Кетова отправили в Североморск, где она пришвартовалась к плавучему парадному пирсу рядом со зданием штаба, бок о бок с лодкой «Проекта 629» с баллистическими ракетами, которая планировалась к переходу в Мариэль, но так его и не совершила. Две дизельные лодки вместе с лодкой, оснащенной ЯЭУ, стояли рядышком в ожидании того, что кубинский лидер захочет осмотреть одну из них.

И вот наступил большой день. Командиры с нетерпением поглядывали на группу кубинцев и сопровождавших их советских офицеров, вышедших из штаба Северного флота, который располагался на сопке. В составе группы были и адмирал Касатонов, и новый министр обороны Гречко, на доклад которому в Москве они потратили целый день. Командиры были уверены, что настоящую подводную лодку маршал посещает первый раз в жизни. Однако, к их огорчению, когда делегация спустилась на пирс, то прошла мимо двух дизельных лодок и направилась прямиком к только что введенной в боевой состав флота лодке «Проекта 658» с ЯЭУ и вооруженной баллистическими ракетами. Они подавленно наблюдали, как бородатый кубинский лидер, сопровождаемый маршалом Гречко, поднялся на палубу ядерной подлодки и скрылся внутри ее рубки. Шумков глянул на Дубивко и пожал плечами:

— Я полагаю, то, что мы сделали, наверное, не заслуживает большого внимания. — Дубивко промолчал, но он тоже расстроился. Сильно обиженные, они наблюдали со стороны за происходящим, и единственным облегчением для них в тот момент была мысль о том, что рядом с ними нет их экипажей и они не могут почувствовать всей глубины оскорбления. Потом они присутствовали на банкете, но им было мало что сказать, и они просто смотрели, как начальство поднимает тосты за международное социалистическое братство.

Прощание в Ньюпорте

Январь 1963 г.
ЭМ ВМС США «Блэнди»
Ньюпорт, Род-Айленд

После возвращения в Ньюпорт в декабре коммандеру Келли сообщили, что «Блэнди» награжден призом морской лиги Мэрджори Стеретт за превосходные результаты в противолодочных операциях. Келли был доволен, но не удивлен, потому что в 1960 г. корабль уже получал этот приз за великолепную работу по обнаружению и поддержанию контакта с американской атомной ПЛ.

Холодным и туманным январским днем, через неделю после получения в Провиденсе приза, на «Блэнди» началась подготовка к церемонии сдачи командования коммандером Келли, которого назначили на должность старпома на ракетном крейсере ВМС США «Олбани»; в день ухода с эсминца он должен был получить на погоны четвертую полоску кэптена. На борту «Блэнди» к нему давно уже обращались «кэптен», хотя у него было всего три полоски, соответствующие званию коммандера ВМС.

Событие требовало проведение церемонии в два этапа. Нашим новым командиром был назначен коммандер Джордж Гроув, служивший ранее на эсминце в Тихом океане, однако протокол щепетильно настаивал на том, чтобы он не вмешивался в корабельные дела до завершения церемонии сдачи-приема командования, поэтому мы не обращали особого внимания на нового командира вплоть до того дня, когда он сменил Келли.

Мы все вошли в колею портовой жизни. «Блэнди» был пришвартован носом к берегу на стоянке пирса № 1, перед плавбазой эсминцев «Йеллоустоун». Накануне старпом организовал прощальную вечеринку в центральном офицерском клубе Ньюпорта. Поначалу было скучно, потому что большинство офицеров терялось в присутствии нового командира, который был также приглашен, но, побыв с нами для приличия какое-то время, новый командир, коммандер Джордж Гроув, ушел вместе с женой, понимая, что мы просто ждем его ухода, чтобы показать наше истинное отношение к чете Келли. Обычная холостяцкая компания засиделась допоздна, а когда ушли и супруги Келли, мы отправились заливать свое горе в «Спортсмен бар» в Айленд-Парке.

— Мне думается, что Келли надо было назначить командовать эскадрой эсминцев, — простонал Фленеген, —

крейсеры для него чересчур официальны.

— Но ведь это ракетный корабль, — ответил Морган, — корабль сегодняшнего дня, а «Блэнди» всего на один шаг ушел от корыт времен Второй мировой войны; мы все однажды окажемся на новых типах.

— Нет, я не представляю Келли на крейсере, он принадлежит к старой школе и может наступить на хвост какому-нибудь штабному офицеру, тот поднимет шум, а Келли не знает, как надо быть дипломатичным, — тут и Вестерман помрачнел.

— Зато он прекрасно знает, как искать подводные лодки, и мы это доказали, Посмотрите послужной список корабля. — Морган, как всегда, занимался агитацией. Вестерман промолчал, а Брэд Шерман начал разговаривать сам с собой, как он частенько делал поздними вечерами.

— Не можете себе представить Келли на мостике крейсера «Олбани», раздающего пинки направо и налево и поучающего вахту на мостике, как надо охотиться за подводными лодками?

— Или стоящим на шканцах, когда играют «прибытие» старшим офицерам. Наверное, у них там даже старомодная «головная доска» сохранилась.

— Что за чертовщина эта «головная доска»? — поинтересовался Вестерман.

— Это хорошо отполированная декоративная доска из дуба, которая вешается над главной палубой у того или другого борта: такие доски имелись на старых линейных кораблях. По бытовавшему тогда обычаю, как только голова офицера, прибывающего на корабль, оказывалась на уровне верхней части доски, боцман начинал играть «прибытие» и заканчивал игру в тот момент, когда нога начальника ступала на главную палубу. — Морган знал все старые традиции. — В чем дело, Дак, разве вас не учили этому в школе противолодочников?

— Только не такой ерунде про старые линкоры. «Головная доска»… да нет, никогда не слыхал.

— Спроси у боцмана Петита, он-то знает, — за Фленегеном всегда оставалось последнее слово.

— Ладно, черт с ней, с доской. Лучше скажите, вы когда-нибудь видели, чтобы старпом так суетился, как перед завтрашним днем? Как будто завтра на борт поднимется британская королева, а не кучка старых толстожопых адмиралов и коммодоров. Кстати, Дак, ты завтра в почетном карауле?

— Да, и уже готов — палаш блестит, форма отглажена, мне осталось только найти человека, который бы за мной приглядел и на которого я смог бы опереться. Я буду скучать по старику.

Фрэнк поглядел на меня и тряхнул головой.

— Дак, не нагоняй сентиментальность.

Однако на следующий день все вышло совершенно по-другому, и я говорю так про твердый, как мы думали, характер Фрэнка Фленегена. Он прослужил на этом эсминце дольше любого из нас и, конечно, лучше всех знал Келли. Мы допили наше пиво и направились к выходу. На эсминец мы вернулись немного подавленными и стали ждать предстоящую церемонию смены командира.

Происходившее на следующее утро было нормальной корабельной церемонией смены командования, но поскольку этим кораблем был эсминец «Блэнди», то, как всегда на нем, случился небольшой перебор.

Экипаж в парадной форме выстроился в шеренгах на главной палубе, место перед каждым дивизионом заняли его офицеры и главные старшины, а впереди всех красовались на одной линии начальники служб. Весь штаб вместе с женами и гостями сидел на складных креслах. Связисты Билла Моргана развесили на леера флажки и парадные корабельные вымпелы, а старпом, чтобы не ударить в грязь лицом перед гостями, даже заказал оркестр Командования объединения крейсерских эсминцев, который теперь демонстрировал свое мастерство на корме, ни для кого не оставив там места. Командир дивизии эсминцев коммодор Эд Картер вместе со своим начальником штаба стоял рядом с коммодором Моррисоном, от объединения крейсерских эсминцев Атлантического флота ожидался приезд контр-адмирала Роберта Спека с его штабными офицерами. Эти офицеры плюс коммодоры с других эскадр эсминцев, 10-й и 12-й, тоже базировавшихся в Нюпорте, оживили корабль золотыми шнурами и парадной формой.

Старпом находился в повышенной степени нервного возбуждения, а мне довелось быть дежурным офицером — в парадной форме, при палаше — и командовать почетным караулом, веером стоявшим на палубе. За караулом стояла шеренга из шестерых матросов-сопровождающих. При прибытия на корабль любого старшего офицера — командира корабля, командира эскадры, или офицера штаба — боцман Петит, в зависимости от ранга прибывающего, выделял ему в сопровождение от двух до шести матросов и играл на дудке «Равнение по левому борту». По этому сигналу все на палубе принимали положение «смирно», а старший офицер с супругой должны были прошествовать от трапа до боцмана с дудкой и пройти затем на нижнюю палубу. В тот день мы узрели больше старших офицеров, чем я когда-либо видел в Ньюпорте.

Дивизион корабельного обслуживания «непробиваемого»

Джексона организовал стол — с рулетами, тортом, всегдашним подкрашенным напитком (прозванным «клоповным соком»), печеньем и кофе — под сияющим белизной тентом на полубаке; отведать угощения предполагалось после окончания церемонии. Под тихим нажимом Леса Вестермана палубная команда вымыла палубы и надраила их до блеска. Корабль смотрелся хорошо, даже отлично. Накануне вечером Билл Бангерт нехотя согласился не продувать дымовые трубы (чтобы удалить сажу и попутно сорвать парадные белые тенты, плотно натянутые над шканцами и полубаком) и дождаться середины вахты, которая начиналась после окончания церемонии.

Шла обычная суета, до прибытия начальства оставалось каких-то десять минут, и вдруг, по неизвестной причине, пропало береговое электропитание. Старпом запаниковал, но Билл Бангерт приказал своим инженерам перейти на запасную установку и восстановить питание. В тот момент, когда коммодор Моррисон и адмирал Спек ступили на пирс, лампочки опять зажглись.

— На первом пирсе никогда нельзя надеяться на это проклятое электропитание, поэтому я всегда держу на парах одну установку, чтобы в любой момент перейти на нее, — вставил свое словечко Бангерт. — Никогда нельзя рассчитывать, что эти уроды обеспечат подачу электроэнергии или пара, у них каждый раз что-то пропадает.

Старпом поднялся на шканцы проверить готовность матросов сопровождения. Церемония в тот день прошла в основном так, как и планировалось, правда, когда капеллан Аренбах начал молитву, то что-то случилось со звуком и из динамиков послышался громкий хрип. Старпом грозно глянул на меня; так происходило всякий раз, когда на эсминце барахлило что-нибудь из электронного оборудования, но тут бросился вперед главстаршина дивизиона электроники техник Тайлер и настроил усилитель. Тем временем один из матросов палубной команды вывалился из шеренги и упал за леер; кто-то из стоявших рядом поймал его, предотвратив гораздо большее несчастье, и свел вниз.

Неожиданно для всех командующий объединением крейсерских эсминцев Атлантического флота адмирал Спек наградил Келли медалью Почетного легиона за превосходное командование и выдающиеся результаты в борьбе с подводными лодками во время октябрьской блокады Кубы. В приказе о награждении слова аккуратно танцевали вокруг того факта, что советскую подводную лодку заставили всплыть на поверхность после семнадцати часов изнурительного преследования — официально все это было еще под секретом, хотя Советы об этом

знали, да и у нас у всех были личные фотографии лодки, поднявшейся на поверхность.

В общем, мы все поняли, а Келли густо покраснел. Он зачитал приказ о своем переводе на «Олбани» и отошел в сторону; после него новый командир, Джордж Гроув, зачитал приказ о своем назначении командиром «Блэнди». Он повернулся, отдал Келли честь и громко произнес:

— Я сменяю вас, сэр.

Мы все отправились на полубак выпить кофе и отведать приготовленные «непробиваемым» Джексоном торт и печенье. Было как-то странно сознавать, что кэптен Келли находится среди нас со своими четырьмя новенькими полосками, но он теперь нам больше не командир.

Младшие офицеры толком и не поговорили. Мне пришлось уйти раньше на ют, потому что начальники разных рангов стали убывать с корабля, и им подавался сигнал боцманской дудкой. Потом старпом посмотрел на свои часы, и это было сигналом для всех офицеров выстроиться на юте для прощания с убывающим Келли. Он и Грейс вместе с Гроувом поднялись в каюту по левому борту, и мы знали, что через пять-шесть минут они выйдут и медленно пойдут — на «Блэнди» Келли делал это в последний раз — по нижней палубе, к трапу левого борта и к юту.

Согласно обычаю, все офицеры корабля выстроились в две шеренги лицом друг к другу. Почетный караул я уже распустил, но весь экипаж облепил леера на других палубах, Мы разобрались в строю, и я, как дежурный офицер, занял место рядом со старпомом на самой высокой точке выступа.

Я оглядел сдвоенную шеренгу облаченных в синее офицеров, ближе всех ко мне находились начальники служб — Билл Бангерт, Боб Бринер, Джим Бассет, Джим Айлберг, потом стояли старшие лейтенанты из младшего командного состава, самым близким к Бринеру был Фрэнк Фленеген; я переводил глаза от одного к другому и дошел до последнего энсина, им был Дэн Давидсон. Мной овладело странное чувство, но я не мог его охарактеризовать; мне просто захотелось, чтобы время застыло. Мысли вернули меня на мостик, к тем дням и ночам, которые никто не считал, к длинным и нудным вахтам, прерываемым мгновениями сушей неразберихи и ужаса при выходе на позицию, к гидролокационному контакту, пугающему виду боевых «Хеджехогов» на пусковых установках, к штормам — и к коммандеру Эду Келли, бывшему всегда рядом, суровому, улыбающемуся или брюзжащему. Я радовался, что мне не надо было ничего говорить, я боялся, что мой голос не прозвучит так, как нужно.

Память вернула меня в прошлое, к первой неделе обучения в Аннаполисе, когда я с группой из одиннадцати таких же первокурсников сидел в двенадцатиместном вельботе на самой середине реки Северн, стискивая обеими руками большое деревянное весло. Место рулевого было занято отставным петти-офицером, старым, с грубыми чертами лица, прослужившим на флоте тридцать пять с лишним лет; он травил нам байки про старый флот. Петти-офииер сказал нам, что у всех кораблей, как и у людей, есть душа и что мы всегда с особыми чувствами должны вспоминать наш первый корабль, Его слова пришли мне на ум именно в тот момент на «Блэнди».

Старпом посуровел:

— Ну-ка, выше головы, вон они идут! Морган, хватит дергаться!

Мне было видно, как Келли, взявши под руку Грейс, медленно спустился по трапу и пошел к шеренге, стоявшей в отглаженной синей форме. Он остановился, слегка замешкавшись, потом прошел к концу шеренги и начал прощаться. Он не останавливался, чтобы обменяться рукопожатием с каждым офицером; так поступают некоторые командиры, покидая свои корабли, но Келли посчитал это банальным. Он действовал напрямую, старомодным способом, и, медленно проходя мимо каждого офицера, смотрел ему в глаза, в глаза каждому из стоявших в обеих шеренгах, одному зараз. Я был потрясен увиденным, и события прошлого года стали медленно проходить передо мной.

Неожиданно кто-то пнул меня по правой ноге. Это был старпом, стоявший рядом:

— Черт подери, пусть Петит играет. Опоздал! Пусть играет сейчас! — Старина боцман должен был начать играть на дудке, как только Келли стал обходить сдвоенную шеренгу офицеров, но тот миновал уже троих или четверых, а Петит все еще стоял неподвижно на верхушке выступа рядом со мной.

— Петит, играйте! — прошептал я ему, когда кэптен немного приблизился и взглянул боцману в глаза, недоумевая, в чем же дело. Покрасневший, с дудкой во рту, он держал левую руку в положении «приветствие рукой» — единственном положении, в котором на флоте разрешалось отдавать честь левой рукой. Но его дудка молчала, и я видел, что она дрожит.

Старпом стал терять терпение и опять ткнул меня ногой:

— Пусть немедленно начинает играть!

Опять глянув на Петита, я прошептал:

— В чем дело, Петит?

Моргнув и вытянув дудку изо рта на треть дюйма, он

пробормотал чуть громче обычного:

— Моя е…я глотка не работает, сэр. — У него дрожали губы, а глаза остекленели. Неожиданно его боцманская дудка разродилась громким свистом, он начал длинную руладу и не прерывал ее до тех пор, пока Келли и Грейс, молча следовавшая позади него, не подошли к верхушке выступа. Келли помедлил, глядя в упор на Фленегена, и нам показалось, что в воздухе повеяло теплым бризом. Келли посмотрел на флагшток, потом, ни к кому конкретно не обращаясь, громко произнес:

— Прошу разрешения покинуть ваш корабль.

— Разрешение выдано, сэр. Удачи вам, сэр, — ответил старпом за меня, поскольку, будучи дежурным офицером, эти слова должен был произнести я, но я не смог их отыскать.

Петит сыграл «Равнение на левый борт».

Кэптен и госпожа Келли пересекли выступ и начали спускаться на пирс. Мы все стояли неподвижно и наблюдали за ними, вместе с нами глаза более чем двухсот членов экипажа «Блэнди» следили за идущим по пирсу Келли. Я заметил, что он принял немного ближе к борту корабля и шел, легко переступая через береговые кабели электропитания и рукав подачи пара. Грейс шла ближе к центру пирса, а Келли был совсем рядом с бортом корабля; дойдя до промежутка в главной палубе, который был примерно посередине борта корабля, он помедлил и вдруг наклонился и рукой коснулся борта — коснулся так, как делает человек, нежно касающийся морды своей любимой лошади.

Эд Келли остановился, оглядел сигнальный мостик со стоящими повсюду по стойке «смирно» моряками, потом главную, нижнюю и верхнюю палубы и выступы мостика. Он повернулся в сторону шканцев и голосом, который не был криком, однако большинство из нас его услыхали, сказал:

— Там немного ржавчина расползается, это нижняя палуба, шпангоут 125, пусть первый лейтенант глянет, — он помолчал и добавил: — Завтра.

Мы наблюдали за ним до тех пор, пока он не взобрался на пассажирское сиденье бело-оранжевого «Эдсела». По какой-то причине на пирсе за рулем машины всегда была Грейс. Потом они уехали.

Я посмотрел на Петита, потом на Фленегена. В глазах Фрэнка стояли слезы, он заметил мой взгляд, и я отвернулся, чтобы встретиться глазами с Петитом.

— Сэр, што-та в глотку папала, мошить, сажа. Проклятые «окурки», так и знал, что они будут свои трубы продувать; не надо было этого делать.

Фрэнк его поддержал:

— Мне тоже сейчас что-то в глаз залетело, боцман.

Мы стояли и смотрели с корабля на пустой пирс; молчание прервал Билл Морган:

— Вы знаете, я вам клянусь, что Келли разговаривал с кораблем, когда шел по пирсу.

Билл Бангерт, бывший исключительно спокойным человеком, проговорил громко и отчетливо:

— Ты что, никогда не слышал, как Келли разговаривает с кораблем? Мне довелось видеть это много раз, когда он считал, что вокруг никого нет.

— Ни один человек не разговаривает с кораблем, — вмешался старпом. — Как бы там ни было, он был настоящим командиром, но он не был чокнутым.

— Сэр, разговаривать с кораблем не значит быть чокнутым, сэр. — Петит вытирал глаза. Мы глядели на него и все понимали.

Библиография

БАЗОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российские

Аджубей Алексей, зять и специальный помощник премьера Никиты Хрущева. Авторское интервью, Москва, 5 сентября 1991 г.

Аджубей Никита Алексеевич, внук премьера Никиты Хрущева. Авторские интервью, Москва, 1991–1992 гг.

Чернавин Лев Давидович, контр-адмирал, бывший командир ПЛ класса «Фокстрот», командир дивизиона в 1962 г. Президент Клуба морякови подводников Санкт-Петербурга. Близкий коллега контр-адмирала Рыбалко. Авторское интервью, 29 сентября 1996 г., Санкт-Петербург.

Чернавин Владимир Николаевич, адмирал флота, бывший ГК ВМФ СССР (1985–1991 г.г.). Офицер-подводник во время кубинского ракетного кризиса 1962 г. Авторские интервью, Москва, 14 июля 1992 г., и Санкт-Петербург, 29 июля1996 г.

Дубивко Алексей Федосеевич, командир ПЛ «Б-36». Интервью, Москва, 2 и 10 октября 2000 г.

Капитанец Иван Матвеевич, адмирал флота, бывший ГК СФ, первый заместитель ГК ВМФ СССР. Офицер-подводник во время кубинского ракетного кризиса 1962 г. Близкий коллега контр-адмирала Рыбалко. Авторское интервью, Москва, 8 июня 1992 г.

Кетов Рюрик Александрович, командир ПЛ «Б-4». Интервью, Москва, 30 октября 2000 г.

Лойканен Гарий Генрикович, контр-адмирал, бывшая флотилия ПЛАРБ СФ. Офицер-подводник во время кубинского ракетного кризиса 1962 г. Коллега контр-адмирала Рыбалко. Авторское интервью, Санкт-Петербург, 27 сентября 1995 г.

Макаров Константин Валентинович, адмирал, бывший НГШ ВМФ (1985–1990 гг.). Офицер-подводник на борту ПЛ класса «Фокстрот» в 1962 г. Коллега контр-адмирала Рыбалко. Авторское интервью, Москва, 8 июня 1992 г.

Орлов Вадим Павлович, начальник дивизиона радиоразведки на ПЛ «Б-59». Интервью, 5 октября 2000 г.

Шумков Николай Александрович, командир ПЛ «Б-130». Интервью, Москва, 2 октября 2000 г.

Вторыгин Лев Александрович, капитан 1 ранга ВМФ СССР в отставке. Бывший (1960–1965 гг.) помощник военно-морского атташе посольства СССР в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия. Авторские интервью, Хирам, Мейн, 12–17 сентября

2000 г., и остров Фрай, 27–30 сентября 1999 г.

Жуков Юрий Александрович, офицер-радиоэлектронщик на ПЛ «Б-36». Интервью, Москва, 1 октября 2000 г.

Американские

Эдкок, Джерри. Оператор гидролокатора 1 класса. Сообщение по E-mail, 06.08.2001 г.

Бангерт, Дороти. Жена главного инженера. Пенсакола, Флорида, 9-12.11.2000 г.

Бангерт, Уильям. Главный инженер. Пенсакола, Флорида, 9–12. 11.2000 г.

Бернард, Рей. Техник радиоэлектронной аппаратуры. Сообщение по E-mail, 27.11.2000 г.

Бассет, Джеймс. Офицер по применению оружия. Ньюпорт, Род-Айленд, 15–17.10.1998 г.

Бринер, Эстер. Жена офицера оперативного отделения. Пенсакола, 9-12.11.2000 г.

Бринер, Роберт Р. Офицер оперативного отделения. Пенсакола, 9–12.11.2000 г.

Браун, Чарльз. Техник радиоэлектронной аппаратуры. Пенсакола, 9-12.11.2000 г.

Бамп, Руди. Оператор РЛС.Пенсакола, 9–12.11.2000 г.

Когсуэлл, Брюс. Оператор РЛС. Ньюпорт, 15–17.10.1998 г.; Пенсакола, 9-12.112000 г.

Давидсон, Дэн. Офицер-помощник центра боевой информации. Пенсакола, 9–12.11.2000 г.; Хирам, Мейн, 20.09.1999 г.

Давидсон, Эди. Жена офицера-помощника центра боевой информации. Хирам, Мейн, 20.09.1999 г.

Фленеген, Фрэнк. Офицер центра боевой информации. Хирам, Мейн, 20.091999 г.

Келли, Грейс. Жена Эдварда Г.Келли, покойного командира. Пенсакола, 9-12.11.2000 г.

Морган, Уильям О. Офицер-связист. Ньюпорт, 15–17.10,1998 г.; Пенсакола, 9–12.11.2000 г.

Ратка, Гэри. Оператор РЛС.Сообщение по E-mail, 21.09.2000 г.

Вестерман, Лестер М. Офицер первого дивизиона. Пенсакола, 9–12.11.2000 г.

ЭМ ВМС США «Чарльз П.Сесил» (DDR-835). Интервью и воспоминания.

Элфорд, Клэренс. Оператор РЛС оперативного отделения. Сообщение по E-mail, 21.08.2000 г.

Хантер, Джон. Офицер центра боевой информации. Сообщение по E-mail, 18.102000 г.

Джордан Джим. Помощник вахтенного офицера. Сообщение

по E-mail, 23.08.2000 г.

Розиер, Чарльз П. Командир корабля. Письмо 17.03.1992 г; сообщения по E-mail, август 2000 г.

ЭМ ВМС США «Кони» (DDE-508).

Слотер, Гэри. Офицер-связист и оператор переговорного устройства на мостике. Интервью и сообщение по E-mail, 31.08.2000 г.

Мемуары и исследования

Агафонов Виталии Наумович. «Участие подводных лодок в операции „Анадырь“». «Родина», март 2000 г.

Allyn, Bruce., James G. Blight, and David A. Welsh. Back to the Brink: Proceedings of the Moscow Conference on the Cuban Missile Crisis, January 27–28, 1989. Lanham, Md. University Press of America. 1992.

Грибков Анатолий И. генерал. «У края ядерной бездны: из истории карибского кризиса 1962 г, факты, воспоминания, анализ». Москва, «Грегори-пейдж». 1998 г.

Jones, Forrest Ronald, «US Naval Quarantine of Cuba,1962».Master's thesis, University of California — San Diego.1984.

Utz, Curtis A. Cordon of Steel: The US Navy and Cuban Missile Crisis.The US Navy in the Modern World Series. Washington, D.C.: Naval Historical Center, 1993.

ВТОРИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ КНИГИ И СТАТЬИ

Abel, Elie. The Missile Crisis. Philadelphia: J.B.Lippincott, 1996.

Allbeury, Joseph. B-437 Foxtrot Class Submarine. Sydney: Jasper Communications, 1998.

Baer, George W. The US Navy,1890–1990:One Hundred Years of Seapower. Stanford, Calif.:Stanford University Press,1994.

Beschloss, Michael. The Crisis Years. New York: Harper Collins, 1992.

G. Blight and David A. Welsh, On the Brink: Americans and Soviets Reexamine the Cuban Missile Crisis (New York: Noonday Press,1990), pp.63–64.

Brugioni, Dino. Eyeball to Eyeball. New York: Random House, 1991.

Buckley, William F. See You Later, Alligator. New York: Arrow Books, 1994.

Chang, Laurensen. The Cuban Missile Crisis, 1962.New York: New Press,1992.

Черкашин Николай. «Герои Саргассова моря» — «Российская

газета», 19.03.1999 г.

«Карибская коррида» — «Родина», декабрь 2000 г.

«Великолепная четверка». «Холодная война» — «Родина», март 2000 г.

Aleksandr Fursenko and Timothy Naftali, One Hell of a Gamble: The Secret History of the Cuban Missile Crisis, Khrushchev, Castro, and Kennedy,1958–1964(New York: W.W.Norton. 1997).

Graham, Allison T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis Boston: Little, Brown, 1971.

Gribkov, General Anatoli, and General Y. Smith. Operation Anadyr: US and Soviet Generals Recount the Cuban Missile Crisis. Chicago: edition q, 1994.

Hill, J. R. Anti-Submarine Warfare. 2nd ed.Annapolis, Md.: Naval Institute Press,1989.

Kennedy, Robert F.,Thirteen days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis (NewY ork: W. W. Norton, 1969), p.167.

William E. Knox, «Close-up of Khrushchev during a Crisis», журнал «Нью-Йорк таймс», 18.11.1962, стр. 32

Костев Г. «Карибский кризис глазами очевидцев» — «Морской сборник» № 11, 1994.

May, Ernest and Philip Zelikov. Kennedy Tapes: inside the White House During the Cuban Missile Crisis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press,1997.

McAuliff, Mary S. CIA Documents on the Cuban Missile Crisis, 1962. New York: W.W. Norton, 1969.

Полмар, Норманн. «Осень 1962 г. „КУБОТ“ — американские противолодочные операции во время кубинского кризиса» — «Морской сборник», № 11,1994 г.

Scott, William F. «Attache Observations: The Face of Moscow in the Missile Crisis». Central Intelligence Agency, Studies in Intelligence 37, no 5 (1994).

Deborah Shapley, Promise and Power: The Life and Times of Robert McNamara (Boston: Little, Brown, 1993).

Шигин В.В. «Над бездной» — документальное вспоминание из серии «Секретные архивы прошлого». Санкт-Петербург, «Андреевский флаг», 1997 г.

Spagnolo, Ed. «Cat and Mouse». American Heritage (November 2000), p. 31.

Thompson, Robert S. The Missiles of October.New York: Simon&Schuster, 1992.

White, Mark J. 7 he Cuban Missile Crisis. New York: Mactillan,1996.

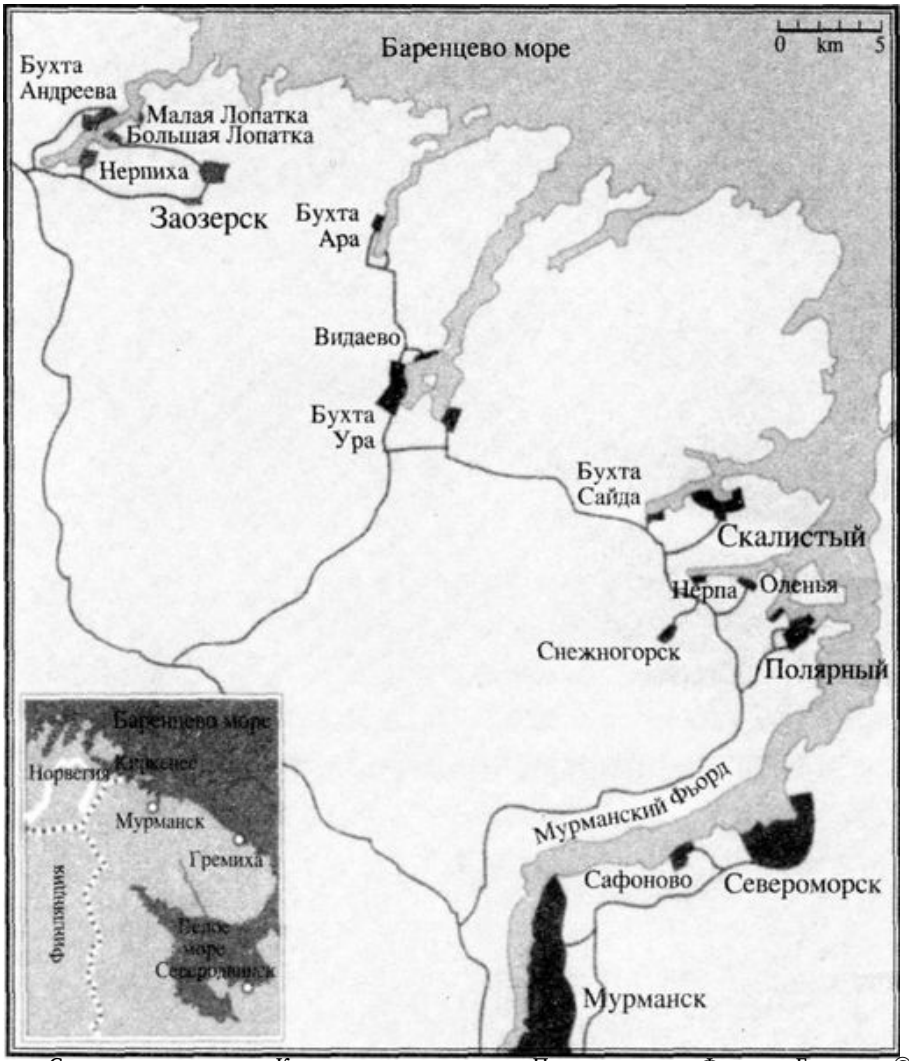
Иллюстрации

Контр-адмирал Рыбалко Леонид Филиппович, 1962 год. Представлено семьей Рыбалко.

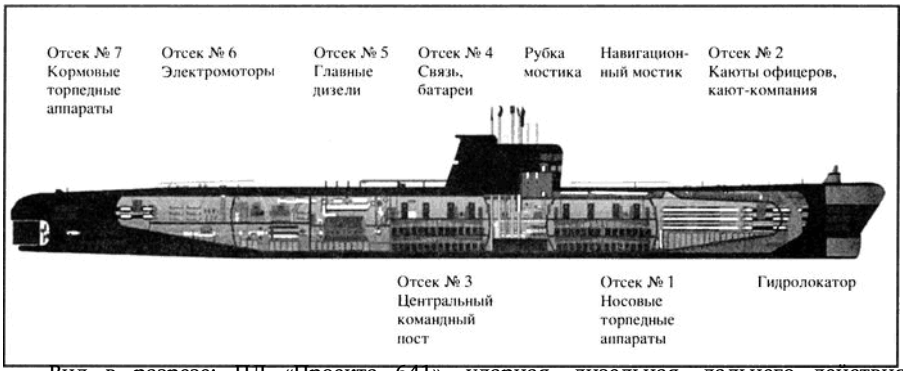
Эдвард Г. Келли, командир ЭМ ВМС США «Блэнди», вскоре после присвоения звания «кэптен» в 1963 г. Предоставлено миссис Г. Келли.

Советские порты на Кольском полуострове. Предоставлено Фондом Беллона © 1996 г.

Слева направо — командиры ПЛ: А.Ф. Дубивко («Б-36»), Н.А. Шумков, («Б-130»), НШ бригады В.А. Архипов, Р.А. Кетов («Б-4»). Предоставлено Р. Кетовым.

Вид в разрезе: ПЛ «Проекта 641», ударная, дизельная, дальнего действия. Предоставлено © 1988 «Джаспер комьюникейшн Пи ти уайт, Лтд», Сидней, Австралия.

Отделение радиоперехвата лейтенанта В. Орлова на «Б-59». Предоставлено В. Орловым.

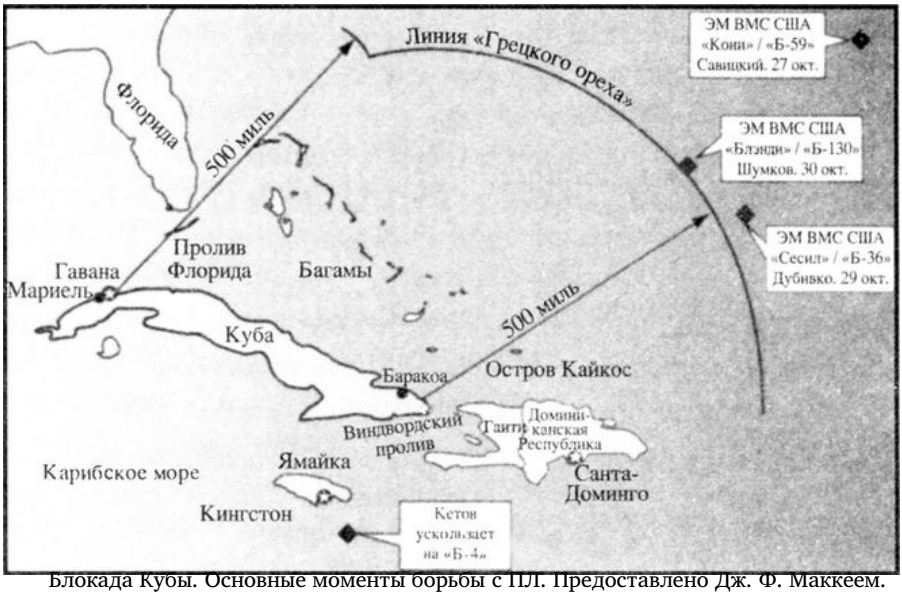
Капитан II ранга А. Дубивко и лейтенант Ю. Жуков в Полярном, сентябрь 1962 г. Предоставлено Ю. Жуковым.

Член экипажа ПЛ «Б-4» Р.А. Кетова готовится к купанию в море. Предоставлено © 1988 «Джаспер комьюникейшн Пи ти уайт, Лтд». Сидней, Австралия.

Капитан III ранга Л.А. Вторыгин, помощник ВМАТ СССР в Вашингтоне 1960–1965 гг. Предоставлено Л. Вторыгиным.

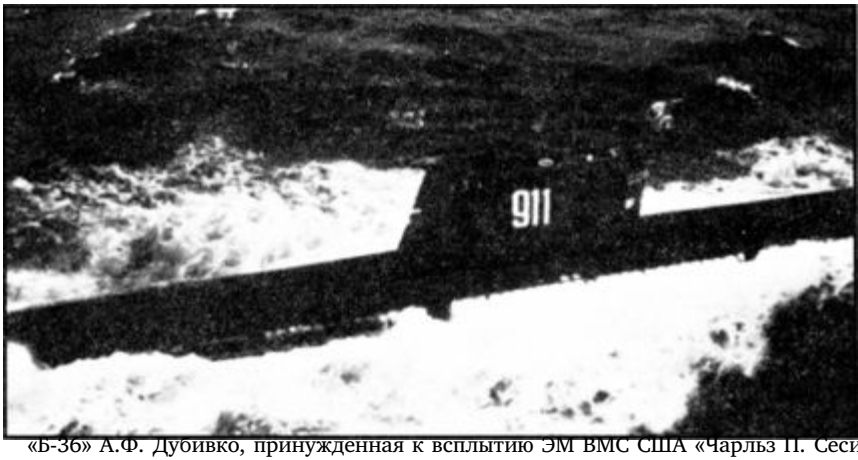

Блокада Кубы. Основные моменты борьбы с ПЛ. Предоставлено Дж. Ф. Маккеем.

На мостике «Б-59» после всплытия, 27 октября 1962 г. Предоставлено В. Орловым.

Кают-компания ПЛ «Б-59». Октябрь 1962 г. Предоставлено В. Орловым.

«Б-36» А.Ф. Дубивко, принужденная к всплытию ЭМ ВМС США «Чарльз П. Сесил». Предоставлено © 1988 «Джаспер комьюникейшн Пи ти уайт, Лтд». Сидней, Австралия.

Автор на мачте «Блэнди», ноябрь 1962 г. Принадлежит автору.

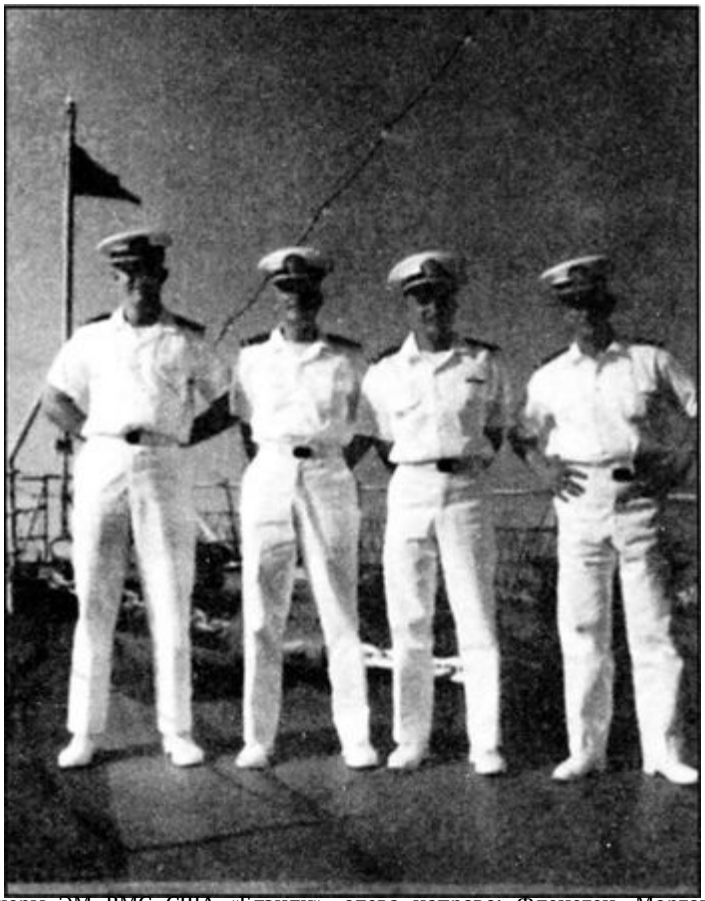
Переводчик петти-офицер Вальтер Дубицкий на мостике «Блэнди», находящегося борт о борт с советским торговым судном «Дивногорск», увозящим ракеты с Кубы Ноябрь 1962 г. Предоставлено С. Джексоном.

Ю. Жуков с сослуживцем по «Б-36» направляются домой в ноябре 1962 г. Предоставлено Ю Жуковым.

Ф. Кастро во время посещения советских ПЛ в Североморске. Январь 1963 г. Предоставлено В. Агафоновым.

Офицеры ЭМ ВМС США «Блэнди», слева направо: Фленеген, Морган, Бринер, автор, Предоставлено Р. Бринером.

Контр-адмирал Б.Д. Яшин, советский военно-морской атташе в США 1959 — август 1962 г.

Вице-адмирал Л.К. Бекренев. Военно-морской атташе СССР в США. Октябрь 1962

— март 1963 г.

Капитан III ранга Р.А. Кетов, командир подводной лодки «Б-4».

Капитан III ранга Н.А. Шумков, командир подводной лодки «Б-130».

Капитан III ранга А.Ф. Дубивко, командир подводной лодки «Б-36».

Командир группы ОСНАЗ «Б-59» В.П. Орлов.

Осназовцы 4-й эскадры подводных лодок СФ. В центре (сидит) командир группы ОСНАЗ «Б-59» В.П. Орлов.

notes

Примечания

1

«Анадырь», архивы советского Генерального штаба, папка 6, том 2, стр. 144.

2

Архивы Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

3

Совместная записка генерала Захарова и адмирала Фокина в Президиум Верховного Совета СССР от 25.09.1962 г., архив президента РФ.

4

Архивы Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

5

Архивы Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

6

Выдержка из обращения президента Кеннеди, цитируется по: Robert F. Kennedy, *Thirteen days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis* (New York: W.W.Norton, 1969), p. 167.

7

Из отчета об этом событии в: Deborah Shapley, Promise and Power: *The Life and Times of Robert McNamara* (Boston: Little, Brown, 1993), pp. 176–177.

8

Этот разговор описан в: James G. Blight and David A. Welsh, *On the Brink: Americans and Soviets Reexamine the Cuban Missile Crisis* (New York: Noonday Press, 1990), pp. 63–64.

Shapley, p. 177.

Aleksandr Fursenko and Timothy Naftali, *One Hell of a Gamble: The Secret History of the Cuban Missile Crisis, Khrushchev, Castro, and Kennedy,1958–1964* (New York: W.W.Norton, 1997).

11

Подробный отчет об этом интервью содержится в: Williams E. Knox, *«Close-up of Khrushchev during a Crisis»*, журнал «Нью-Йорк таймс», 18.11.1962, стр. 32.

12

Robert F. Kennedy, *Thirteen days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis* (New York: W.W.Norton, 1969), p. 70.

13

Информация о действиях американских подводных лодок во время кубинского ракетного кризиса до сих пор отсутствует, являясь секретной.

14

Газета «Вашингтон стар», 12.11.1962 г., стр. 1.